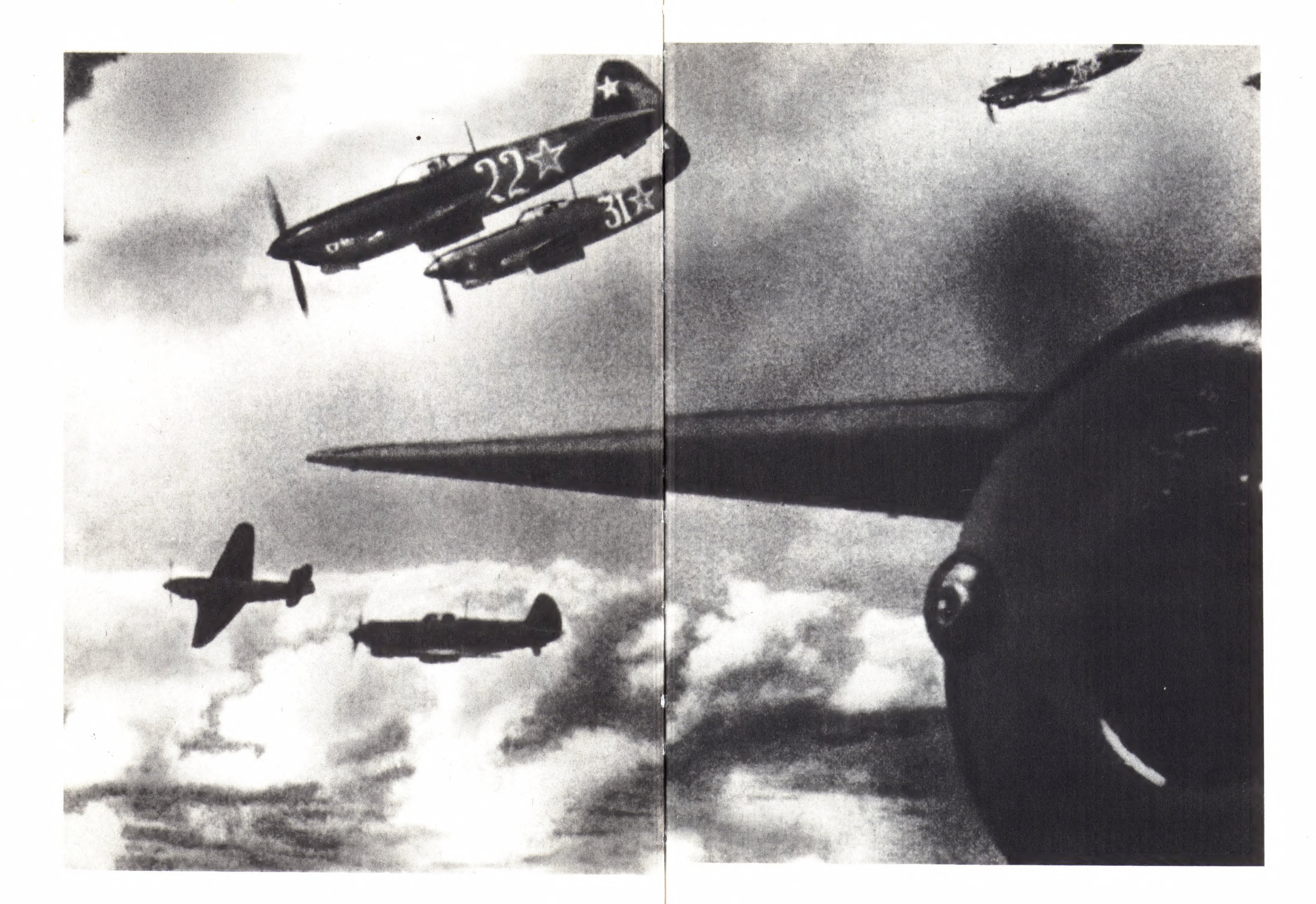

НА ЗЕМЛЕ И НАД ЗЕМЛЕЙ
МЫ ЗАЖМЕМ ВРАГА ПЕТЛЕЙ!
1941
1945
КОМИССАРЫ
НА ЛИНИИ
ОГНЯ

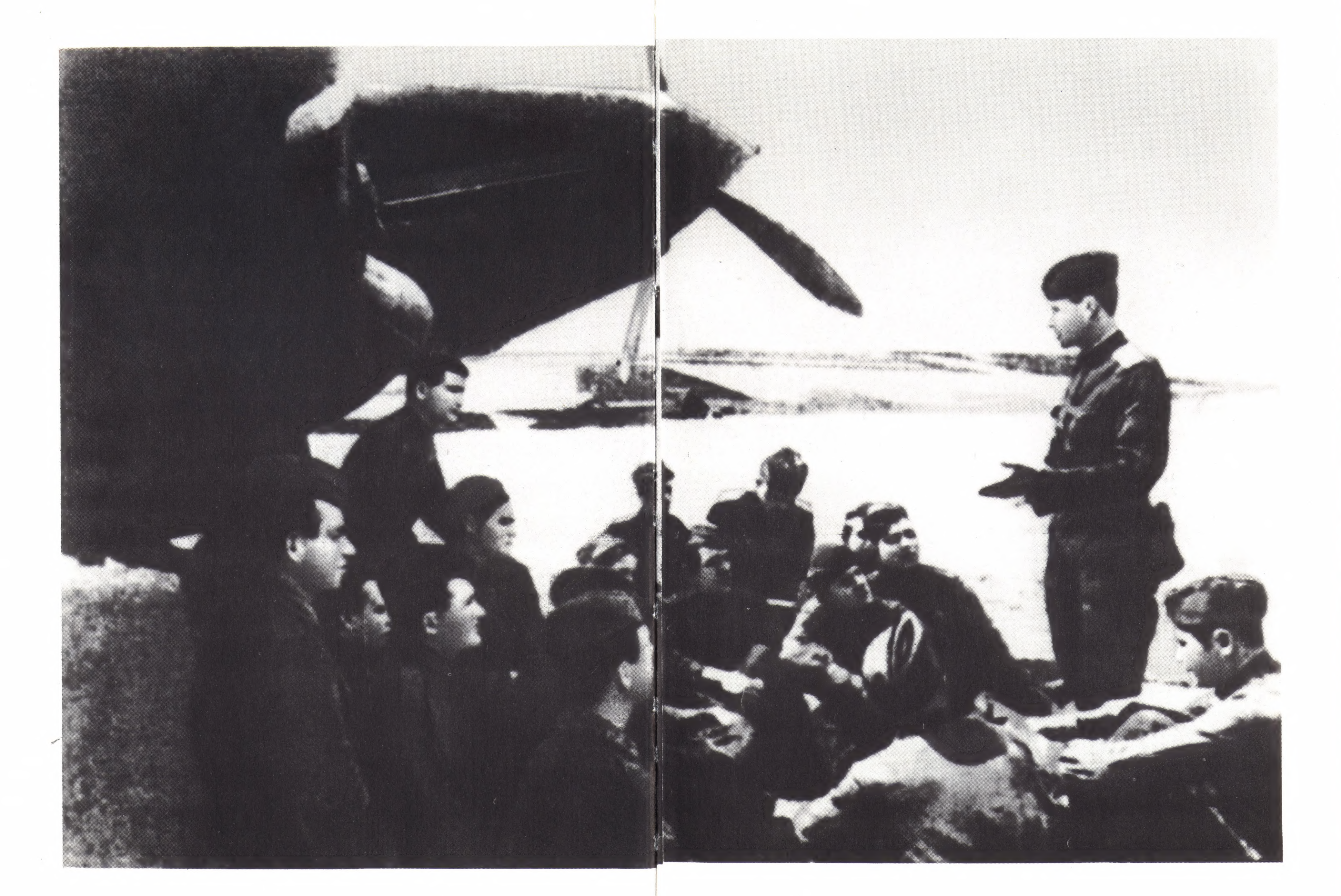

В небе

КОМИССАРЫ НА ЛИНИИ ОГНЯ

22
31

КОМИ

1941

ССАРЫ

НА ЛИНИИ ОГНЯ

В НЕБЕ

И ОГНЯ

Издательство
политической
литературы
Москва
1985

63.3(2)722
K63

Под общей редакцией *Б. А. Костюковского*

Составитель *В. А. Тархановский*

K63 **Комиссары** на линии огня, 1941—1945. В небе / Сост. В. А. Тархановский; Под общ. ред. Б. А. Костюковского.— М.: Политиздат, 1985.— 335 с., ил.

Книга посвящена 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Она повествует о бессмертных подвигах политработников авиационных эскадрилий и полков, вступивших в смертельную схватку с врагом в небе. О комиссарах, в решающую минуту боя своим героизмом и пламенным партийным словом увлекавших и вдохновлявших воздушных бойцов на разгром ненавистного врага, рассказывают писатели, журналисты, участники войны.

Одновременно выходят также книги, посвященные политработникам Сухопутных войск и Военно-Морского Флота.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

К $\frac{0505030202—011}{079(02)—85}$ 152—85

63.3(2)722
9(С)27

За годы войны,
с первого дня
и до победного салюта,
защищая небо Родины
и неся боевую вахту
над поверженным Берлином,
наши авиаторы — истребители,
бомбардировщики, штурмовики —
совершили более трех миллионов
боевых вылетов.
Вдумайтесь в эту цифру...

Три миллиона раз выходили они
на смертельный бой с врагом.
Бой один на один.
Бой не на жизнь, а на смерть,
когда третьего не дано:
либо погибнуть,
либо стать победителем.

В этой книге — накал той борьбы.
В ней предрассветные тревожные часы
фронтовых аэродромов,
заботы авиационных техников —
беззаветных тружеников
и верных друзей летчиков,
в ней — и мне это кажется самым
важным ее достоинством — передана
во всей своей сложности и
повседневности многотрудная
фронтовая работа советского летчика,
летчика-комиссара, несущего
не просто военную, боевую службу,
но службу партийную.
Что это значило —
проводить партийную работу
в те никогда не забываемые годы?
Какое оружие имели летчики-
комиссары, замполиты эскадрилий
и авиационных полков,
те, кто вел за собой
своих боевых друзей?
Личный пример — делай, как я!
Слово партии
и крылатое «коммунисты, вперед!» —
вот и весь их дополнительный
комиссарский боезапас,

2 Заказ 4702

который надо было расходовать без промаха.
Прекрасно сказал о комиссарах
поэт Михаил Матусовский:
«Побеждать или умирать — ваша главная партработа»!

От первого дня, нет — от первого часа
вероломного вторжения фашистских захватчиков
на нашу советскую землю
боевые дружины летчиков-истребителей прикрывали
родные, любимые города, которые
должны были «спать спокойно, и видеть сны,
и зеленеть среди весны...».
Они защищали наши войска над сушей и над морем
от налетов вражеских армад.
Бомбардировочная авиация несла свой смертоносный груз
на военные объекты в глубокий и ближний тыл врага,
чтоб не было ему покоя.
Летчики-штурмовики кромсали фашистские
танковые клинья и пехоту.
Военно-транспортная авиация решала свои задачи,
обеспечивала надежную связь с партизанами.

Неделя за неделей, месяц за месяцем
шли воздушные схватки.
Завоевав в ожесточенной борьбе стратегическое господство
в воздухе, мои друзья летчики создали
благоприятные условия для успешных
боевых действий сухопутных и морских сил.
В этой книге убедительно показано,
что главным и неиссякаемым источником стойкости
и мужества наших летчиков,
как и всего советского народа, были
глубокий патриотизм и священная ненависть к врагу,
воспитываемые Коммунистической партией.

Наши летающие комиссары
учили нас сражаться и громить врага. И я помню
подвиг комиссара Дудина,
мужество и стойкость комиссара Шипули,
комиссаров Шевчука, Дрягиной, Чулкова...
Вместе с нами политработники
каждодневно приближали победу, ставя
задачи для всех и каждого, закаляя нашу волю,
укрепляя веру в Победу.

Комиссарами назначали лучших —
тех, кто сумел показать себя в бою, в огне, доказать,
что может вести за собой.
Комиссарами становились летчики, штурманы, воздушные стрелки...

И партийно-политическая работа
была именно тем оружием, которого особенно страшился фашизм. За месяц до «великого похода» на Восток фашистские главари утвердили специальную директиву, где говорилось, что политические руководители в советских войсках не считаются военнопленными и должны уничтожаться на месте...
А на картах гитлеровских летчиков среди первоочередных целей черным крестом была обозначена Военно-политическая академия в Москве.
Ни до этой, ни до многих других целей вражеские асы не добрались.

Чем закончился «великий поход», мы знаем и помним. Так пусть же эта книга еще раз расскажет о том, как все это было.

Герой Советского Союза
А. Маресьев

ГОРЯЧЕЕ НЕБО ВОЙНЫ

Сводка Главного
командования Красной
Армии за 23 июня 1941 г.

„...Наша авиация вела успешные бои, прикрывая войска, аэродромы, населенные пункты и военные объекты от воздушных атак противника и содействуя контратакам наземных войск. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии в течение дня на нашей территории сбит 51 самолет противника; один самолет нашими истребителями посажен на аэродром в районе Минска".

Георгий
ДОЛГОВ

«ДРАТЬСЯ, КАК КОМИССАР!»

Николаю повезло в жизни. Он занимался делом, о котором мечтал, к которому готовился. Увлеченные подвигами Чкалова и его товарищей, все мальчишки бредили тогда небом, дальними перелетами. И Коля Дудин не был исключением. Только он не просто играл в летчика, а твердо намеревался им стать. Залезал на колокольню и часами сидел там, поглядывая вниз, на пыльную дорогу, на суетливых кур, копошащихся в мусоре. Ему казалось, что главное для летчика — не бояться высоты. Позднее уже осознанно и упорно готовил себя к выбранной профессии. Быть может, поэтому и получилось у него все так, как хотел. Училище, выпуск и назначение на восточную границу, в полк, о котором тоже можно было только мечтать: 29-й Краснознаменный истребительный, имевший славную историю.

Полк формировался на базе первого в стране боевого авиационного соединения, участвовавшего в гражданскую в освобождении Казани от белогвардейцев и громившего врагов республики на Западном фронте. В это соединение входил и отряд, которым еще в 1914 году командовал П. Н. Нестеров.

Историей полка летчики гордились и традиции хранили с честью, считали себя прямыми наследниками знаменитого русского пилота. Это обязывало ко многому. Перед войной за 29-м Краснознаменным прочно утвердилась слава одного из лучших не только на Дальнем Востоке, а и во всех Военно-Воздушных силах Красной Армии полков.

Летали они в начале лета сорок первого много. Но даже долгих июньских дней не всегда хватало на то, чтобы выполнить все учебные задания. На границе было неспокойно. Японские милитаристы проявляли чрезмерную активность. От летчиков требовалась повышенная боевая готовность.

Поднимаясь в зону пилотирования, видел лейтенант Дудин под крылом изумрудный океан зелени. Леса, тесно окружавшие летние площадки, переливались всеми оттенками зеленого, шумели и колыхались... Он чувствовал себя часовым в родном небе.

Когда ночью полк подняли по тревоге, никто особенно не удивился: дело привычное. Быстро и четко перелетели с летних

площадок на основной аэродром. Скоро, однако, выяснилось, что на этот раз дорога предстоит дальняя. Командир полка объявил приказ: разобрать самолеты и упаковать их. Как можно скорее! А личному составу надлежало за ночь подготовиться к перебазированию.

И помчались эшелоны с востока на запад. Проносились за окнами реки, горы и тайга, тайга, тайга... Ехали весело. Пронзительные звуки гармошек, песни вырывались из окон и открытых дверей теплушек, взрывая застойную лесную тишину. Николаю почему-то казалось, что едут они обязательно в Москву. И он все время высчитывал, сколько же дней пути осталось им до столицы.

Песни кончились неожиданно. Ночь на 23 июня застала их на маленькой станции. Горел на деревянном столбе тусклый фонарь. В желтом его свете роились ночные бабочки. Гулко простучали по перрону каблуки, хлопнула дверь, пропуская в здание вокзальчика командира полка и комиссара *. Когда они вышли, то почти бегом направились к своему вагону. Через несколько минут уже весь эшелон знал, что началась война.

Часа через два, на следующей остановке, в теплушку заглянул комиссар полка Зотов. Поднялся, молча присел на деревянный ящик. Летчики обступили его. Зотов коротко рассказал о последних известиях, о речи Молотова, передававшейся по радио.

— Фашисты напали на нас вероломно, по-воровски. Силы, видно, собрали немалые — танки, самолеты, артиллерия. Вдоль всей Западной границы идут тяжелые бои,— закончил комиссар.

— Как же так? — спросил кто-то из летчиков.— Ведь был же с Германией договор о ненападении...

— Сказано же, что вероломно! — откликнулся Дудин.— Значит, они подло ударили, в нарушение всех договоров.

— И отпор должен быть решительным и жестким,— отчеканил Зотов.— Они вторглись на чужую землю убивать, грабить и жечь.

---

* Авторы очерков о политработниках ВВС учитывали, что в ходе войны изменялись организационная структура и названия должностей ряда политических работников. С июля 1941 года были военные комиссары авиационных эскадрилий, полков, дивизий. С октября 1942 года институт военных комиссаров упразднен и политработники этой категории стали называться заместителями командиров эскадрилий, полков, дивизий, корпусов по политической части. Но летчики-однополчане часто называли особо уважаемых политработников по старинке — комиссарами. До октября 1942 года военные комиссары и политруки носили отличные от командиров воинские звания и знаки различия, а затем они были приравнены к остальному офицерскому составу. В мае 1943 года должности политработников эскадрилий, рот упразднены.

С начала войны во главе партийных и комсомольских бюро полков были избираемые ответственные секретари (отсекры). В мае 1943 года вместо них введены должности парторгов и комсоргов полков, назначаемых приказами начальников политотделов армий. С этого же момента в одном лице стала совмещаться должность начальника политического отдела и заместителя командира дивизии, корпуса по политической части.

Для нас эта земля — своя, родимая. Исполним же долг, товарищи, защитим Родину!

— Бить их будем! Бить! — кричал вместе со всеми Николай.— Вколотим в землю! Не видать Гитлеру победы!

Одна мысль не давала всем покоя — скорее на фронт, там решается судьба страны.

— Все правильно, товарищи,— сказал Зотов.— Но сила армии в дисциплине. Поэтому до предела повысить бдительность и организованность. Такое у нас сегодня боевое задание.

Он спрыгнул на землю и зашагал к следующему вагону. Разговор, начатый в теплушке комиссаром, постепенно затухал. Каждый как бы уходил в себя, осмысливая услышанное, думая о войне, о своем месте на ней, о близких.

Дудин позавидовал комиссару, его выдержке, спокойной и твердой уверенности, его ясному пониманию ситуации.

Николай пытался представить себе, что произошло, и не мог. Сознавал, что случилось то страшное, о чем думали в последнее время, но не знали, что все это так близко и реально. Дудин был военным человеком и умом понимал, что могут означать слова правительственного сообщения о варварских бомбардировках наших городов. Но представить себе горящий Киев, разрушенный Минск — не мог. Может быть, потому, что здесь, на крошечной сибирской станции, было тихо, умиротворяюще спокойно.

Та ночь отрезала и отбросила куда-то назад прежнюю жизнь. Теперь его дорога пойдет через горе, страдания, потери.

— Что, Коля? — спросил подошедший младший лейтенант Муравицкий. Имя у него было непривычное для молодых ребят, старинное русское имя — Лука.

— Тошно, брат.

— Да, как-то дальше все пойдет...

— Как драться будем, так и пойдет!

— Пока мы тут стоим,— вздохнул Лука.

— Почему не трогаемся?! — закричал вдруг от двери Саша Попов, считавшийся в полку самым спокойным и выдержанным человеком.

...Мчались эшелоны через тайгу. Летели из паровозных труб оранжевые искры. На предельных скоростях вели составы машинисты. 3 июля полк прибыл в Свердловск. Здесь было приказано машины собрать и дальше уже по воздуху идти на тыловые аэродромы Северо-Западного фронта.

Николай был уверен, что в первый же день их пошлют на боевое задание. Так он себя настраивал во время сборки машин в Свердловске, во время перелета. Никаких других вариантов не видел. И это казалось ему естественным. Раз идет война, значит, каждый должен драться с врагом, тем более летчик-истребитель.

Но все вышло по-иному... Первое задание, которое получил полк: прикрыть с воздуха сосредоточение наших войск,— Дудину показалось просто обидным. Вместо схваток с «мессерами» и «фоккерами» нужно было утюжить небо почти в безопасном месте. Они тогда еще не знали, что не бывает в небе войны второстепенных заданий и безопасных мест. Это показала первая же ночь.

Намаявшись за день, Дудин уснул прямо под крылом самолета. Так же спали и остальные летчики. Благо июльские ночи теплые. Ему снилось, что босоногим мальчишкой он снова сидит на своей колокольне, а внизу разгуливают куры и тяжелые шмели с тревожным гулом проносятся мимо него. Шмели густо гудели в жарком воздухе, и с каждой секундой их становилось все больше. Внезапно Дудин проснулся. Звук не исчез вместе со сном. И Николай понял, что это гудят фашистские бомбардировщики, идущие на большой высоте. По сигналу тревоги летчики бросились к самолетам. Через несколько минут на перехват поднялась группа во главе со старшим лейтенантом Толмачевым.

Настичь гитлеровцев не удалось. Но очень уж велико было у летчиков желание вступить в схватку с врагом. А боевого опыта не было. Потому и получилось, что два пилота, увлекшиеся погоней, не рассчитали запас горючего и пошли на вынужденную посадку.

Событие это широко обсуждалось в полку. Провели специальные занятия, на которых детально разобрали вылет группы Толмачева. Николай подумал тогда: настоящий воздушный бой — не просто поиск и уничтожение противника, не просто атака с боевого разворота. Это прежде всего холодный и точный расчет, предельное внимание к своей машине, к воздушному пространству, к товарищам по звену.

Однажды Дудина срочно вызвали в штаб. Он прибежал, доложил командиру полка Юдакову о своем прибытии. И тут вошел полковой комиссар, старший политрук Зотов.

— Вот что, лейтенант,— сказал он.— Командование думает назначить вас комиссаром эскадрильи. Могли бы мы, конечно, и просто приказ отдать, но должность эта особая, потому и пригласили. Что скажете?

— Неожиданно как-то,— смутился Николай.— Даже не знаю...

— На войне все неожиданно,— вмешался Юдаков.— А насчет того, справитесь ли... Думаю, да. Летчик вы грамотный, знающий, товарищи вас уважают. Этого для начала хватит. Ну а дальше... Авторитет придется завоевывать. Самый высокий авторитет добывается в бою. Бой — наше главное дело. И сами вы его должны делать отлично, и летчики вашей эскадрильи. Вот так-то.

— Больше среди людей бывай, лейтенант,— поддержал командира Зотов.— Заботами их интересуйся, не стесняйся расспраши-

вать. Кому словом поможешь, а кому и делом. Да я знаю, что ребята к тебе хорошо относятся. Если что, заходи, всегда помогу.

В смятении шел Николай к стоянке самолета. Звание комиссара с детства казалось ему необыкновенным. Он был убежден, что люди, носившие на рукаве форменной гимнастерки красные звезды, должны обладать какими-то особыми качествами. Быть обязательно умнее, даже мудрее всех остальных, знать ответы на все вопросы. А тут...

Дудин стал подыскивать какое-нибудь обидное слово и нашел — желторотый. «Эх, желторотый,— корил он себя как бы со стороны,— у тебя у самого в голове сотни вопросов без ответов, тебе самому бы еще подучиться. Уж не говоря про авторитет. Хорошо Юдакову советовать. Он на Халхин-Голе дрался, у него орден Красного Знамени. А я что? И в бою-то настоящем еще ни разу не был»... Он считал, что на этот раз командование совершило явную ошибку. Не по нему должность комиссара. Пока не по нему. Может быть, потом когда-нибудь... но не сейчас!

— Коля!

Дудин оглянулся. Ему махал рукой командир эскадрильи капитан Тормозов.

— Чего грустный?

— Вы разве ничего не знаете? — удивился Николай.

— О твоем назначении? Конечно, знаю. А что?

— Какой я комиссар...

— Нормальный. Таким он и должен быть, как я себе представляю. И не горюй, не до того! Ребят наших знаешь, они тебя тоже. Работать будем вместе, чего еще? Остальному научишься. Только смелее за дело берись — и все будет нормально, идет?

— Идет,— улыбнулся Николай, ободренный.

Конец июля выдался трудным. Враг рвался к сердцу России и по земле и по воздуху. Ожесточенные бои шли на Смоленском направлении. По четыре-пять вылетов в день делали истребители — в основном сопровождали свои бомбардировщики.

Ежедневно на аэродроме дежурили летчики, готовые по первому сигналу вылететь на перехват противника. В один из дней дежурил младший лейтенант Юхимович. По тревоге он поднялся в воздух и, настигнув шедший на небольшой высоте «Ю-88», сбил его. Боевой счет 29-го Краснознаменного был открыт.

Победа эта стала радостью для всего полка. В то же время первый серьезный бой наводил летчиков и на раздумья: как воевать, какая тактика оптимальная? В сорок первом на вооружении воздушных сил Красной Армии было еще много самолетов «И-153» конструкции Поликарпова или, как их тогда называли, «чаек».

Достаточно маневренные, они уступали фашистским истребителям в скорости и вооружении. Надо было на ходу искать новые тактические решения боя.

Прежде всего пришлось отказаться от шаблона, прямолинейных атак, а сражаться на виражах, в пикировании, на «горке», когда машина набирала дополнительную скорость.

Каждый вечер собирались летчики вместе. Анализировали вылеты, подробно обсуждали каждый эпизод, опять искали новые варианты, решения, спорили, думали. Все больше и больше убеждались, что для победы в бою с гитлеровскими пилотами помимо больших скоростей необходим маневр — импровизация. Но заранее подготовленная, отточенная.

До войны авиационное звено состояло из трех машин. И боевой порядок его назывался «клином». Но первые же бои показали, что третий самолет все время сдерживает маневр двух остальных. Решено было сформировать «двойки»: ведущий и ведомый.

Не все летчики сразу приняли новшество. Уж больно привычен за годы учений стал «клин». Командир полка приказал провести в каждой эскадрилье по нескольку экспериментальных вылетов «двойками», чтобы окончательно убедить сомневающихся.

Дудин с Тормозовым сидели вечером и прикидывали, кого из пилотов назначить в первую «двойку». Каждый казался вполне подходящим, вполне достойным. Наконец Тормозов сказал:

— Знаешь, Коля, так мы с тобой до утра не разберемся. Дело новое, серьезное. С командира и надо начинать. Пойду я в паре с Чмыхуном, договорились?

— Договорились,— без энтузиазма откликнулся Дудин. В глубине души он очень надеялся, что ведомым Тормозов выберет его.

Командир догадался об этом, но промолчал.

Первые же полеты «двоек» показали их явное преимущество. Попов в паре с Муравицким, возвращаясь после сопровождения бомбардировщиков, встретились с шестеркой «мессеров». «Чайки» первыми бросились в атаку и сбили ведущего группы. Ошеломленные внезапным ударом, фашисты поспешили убраться восвояси.

Удачно слетали и Тормозов с Чмыхуном. Они напали на группу «юнкерсов», и снова в первой же атаке был сбит ведущий. Потеряв лидера, остальные беспорядочно сбросили бомбы и, развернувшись, ушли на запад. Преследовать их Тормозов с Чмыхуном не стали: бензобаки были почти пусты.

Дудин поджидал Тормозова на стоянке. Тот вылез из машины, спрыгнул на землю.

— Все в порядке, Коля! Для истребителей — «двойка» и только «двойка»! Самое то, что надо. И маневр есть, и взаимное прикрытие.

Подтвердилась эффективность и еще одной новинки в тактике

воздушного боя. Встречая плотные порядки фашистских бомбардировщиков, наши истребители стремились уничтожить ведущего. Как правило, после этого строй самолетов врага нарушался, с ними легче было справиться.

Хотя комиссар Дудин сам делал по четыре-пять вылетов в день, он еще успевал вечером поговорить с летчиками, узнать, кто и как провел бой, как прошли полеты во всех звеньях. Эскадрилья набиралась опыта, боевого мастерства. С каждым днем летали увереннее. В схватки вступали грамотно, смело, неожиданно для противника.

Враг рвался к Москве, это всем было ясно. Положение на фронтах становилось все тяжелее.

Каждый вечер командир полка определял эскадрильям задачи на следующий день. Каждый вечер скрупулезно уточняли по карте линию фронта. Каждый вечер с тоской смотрели, как она медленно смещается в одном направлении — к востоку...

Дудин в Москве никогда не был. Только в кино видел столицу, но считал ее своим городом. У каждого были родина, дом, где родился и вырос, но у каждого была еще и Москва, с которой тоже связывались и понятие «дом», и понятие «Родина». Москва одна на всех, и все-таки она — у каждого. Откуда бы родом ты ни был — защищая Москву, ты защищал свой дом.

Так думал Николай. Об этом говорил на политзанятиях, в беседах с летчиками. И читал в глазах один вопрос: когда же будет остановлен враг? И не дожидаясь его, отвечал: останавливать будем мы с вами, а нас собьют — такие же, как мы. Никто другой!

Им всем предстояло освоить самую сложную военную дисциплину — науку побеждать.

Просматривая газеты, Дудин старался найти там сообщения о подвигах летчиков. Он читал их в коротких перерывах между полетами и видел, как загорались глаза у ребят. Но читал он и другие статьи. Тогда уже появились в печати первые материалы о зверствах фашистов на оккупированных территориях, о массовых расстрелах, издевательствах над мирными жителями, стариками, женщинами, детьми. И суровыми становились лица его товарищей, от жаркой ненависти белели скулы и сжимались кулаки у летчиков, которых еще вчера он знал добрыми и веселыми парнями. Часто беседы прерывал сигнал боевой тревоги — и пилоты бежали к своим машинам, еще находясь под впечатлением только что услышанного.

В эти трудные летние дни сорок первого года формировались нравственные качества, характеры отважных и умелых бойцов, будущих победителей в битве за небо. И в каждого из них вложил комиссар Дудин частичку себя, своей ненависти к врагу, своей

безграничной веры в справедливую нашу победу. Благодаря невидной и негромкой его работе в эскадрилье царило настроение боевого азарта, с которым летчики шли на каждое задание. Шли и побеждали. Если бы позволили, они, наверное, вообще бы не покидали машин. Но наступал вечер, и полеты прекращались. Нужно было отдохнуть хоть несколько часов перед новым днем.

...Дудин шел как-то после очередного совещания вдоль опушки леса, где стояли замаскированные ветками истребители. Увидел младшего лейтенанта Попова, одного из лучших летчиков в полку. Попов сидел под крылом своего самолета сгорбившись, отвернувшись к лесу. Дудин остановился.

— Как дела, Саша?

— Нормально.

— Могу военную тайну открыть. Завтра вылетаем на Великие Луки, твой родной город.

— Родной... У меня там родители остались, сестренка, дедушка.— Попов помолчал.— Вот уж никогда не думал, что над своим домом воевать придется.

— Война, Саша. Но недолго им тут быть. Вот увидишь!

— Недолго... А ведь от нашего города до Москвы — рукой подать!

— Ну, туда-то им вовсе не дотянуться. Я вот что думаю: может, мы и аэродром уже менять не будем. Куда же менять-то? Москва позади.

— Это точно. Там для нас посадки нет. Ладно, Николай, спать пора.

Попов начал укладываться под крылом своего самолета на ветки, прикрыв их плащ-палаткой. Дудин постоял еще немного задумавшись, потом быстро зашагал на КП. Юдаков и Зотов сидели еще там.

— Забыл чего? — удивился командир.

— Посмотрел сейчас, как летчики отдыхают. Не дело это, по-моему.

— Что отдыхают — не дело?

— Плохо они отдыхают. Спят не раздеваясь, в обуви, прямо на земле. А ведь завтра по нескольку боевых вылетов каждому придется делать. Силы нужны.

Зотов помолчал, повернулся к командиру.

— А что? Дело говорит комиссар. Пойдем-ка вместе посмотрим.

Уже втроем они прошли вдоль опушки, мимо замаскированных машин. Везде под крыльями — кто на ветках, кто на парашютах и плащ-палатках, а кто просто на земле — спали летчики. Молча вернулись на КП. Зотов был мрачен.

— Это, конечно, не отдых,— сказал он.— После такой ночи какой из него боец? Муха сонная, ни реакции, ни внимания.

— Что предлагаешь, Александр Иванович? — спросил Юдаков и почему-то посмотрел на Дудина.

— Очень просто,— ответил Зотов.— Отвозить после боевого дня летчиков в ближайшую деревню.

— А техники?

— С ними сложнее. У них по ночам самая работа идет. Тут еще помозговать нужно.

— Ну что же, согласен,— поднялся Юдаков.— Только чтобы порядок там был военный.

Взлетели рано утром. Густая роса лежала на траве аэродрома, и колеса самолета оставляли на ней длинные темные полосы. Ведущим звена шел Тормозов, прикрывал его комиссар эскадрильи Дудин. Просторно, чисто было в утреннем небе. Внизу, под крылом, тоненькой светлой ниткой тянулась к переправе дорога. На ней — вереницей танки, артиллерийские орудия, пехота. Здесь, у деревни Севастьяново, истребителям предстояло прикрывать с воздуха наши части.

Тормозов и Дудин барражировали * над дорогой, над селом, над переправой. Внимательно следили за воздухом. И все-таки «мессеры» свалились на них из пушистого облачка неожиданно. Немцы были настроены решительно и с ходу бросились в бой. Дудин увидел, что самолет Тормозова атакуют сразу два «мессера».

Кажется, он ни о чем не успел подумать тогда. Руки сделали за него все необходимое. Мгновенно развернулся, выжал до отказа сектор газа и, оказавшись на удобной позиции, нажал на гашетку. «Мессер» вздрогнул, на мгновение замер в воздухе и, тяжело задымив, стал падать.

Убедившись, что Дудин его надежно прикрывает, Тормозов сделал разворот и пошел в лобовую атаку на второй самолет. В это время Николай увидел, как из облака вывалился третий «мессер» и, чуть подвернув для атаки — умелый и опытный ас,— выпустил в самолет командира пулеметную очередь. Под плоскостью краснозвездной машины плеснуло пламя. Тормозов завалил ее на крыло, уходя в крутой вираж. Загорелся у него левый подвесной бак, это Николай видел ясно. Он понимал: сейчас командир постарается сбить пламя, а на это нужно время. Решив добить его ведущего, фашисты устремились вдогонку за раненой машиной.

Дудин снова развернулся и дал очередь, однако расстояние было слишком велико, пули прошли мимо. Теперь фашисты ринулись в атаку на него. Наверное, сочли, что подбитый самолет и так упадет.

---

* Барражировать — нести патрульную службу над каким-либо объектом.

Николай бросил машину вниз, набирая скорость, ушел вправо и атаковал сам. Снова неудачно... Но теперь уже все три оставшихся «мессершмитта» переключились на него. Огненная карусель закружилась в воздухе. Надрывный гул моторов, работавших на пределе сил, сухой стук очередей, отблески плоскостей в лучах утреннего солнца — все смешалось в какую-то фантасмагорию. Весь мир сошелся для Николая на этом крохотном участке неба, насквозь пронизанном смертью.

Краем глаза он успел увидеть, что Тормозову удалось-таки сбросить подвесной бак и резким скольжением сбить пламя. «Ну, все,— решил Николай,— теперь дотянет до аэродрома».

Оглянувшись, он увидел, что его берут в «клещи». Два «мессера» зашли в лоб, еще один пристраивается в хвост. «Вот сволочи! — выругался Николай.— Зря только радуетесь. Один я в землю не пойду. Подберу компанию». И снова выжал газ, рассчитывая опередить фашистского летчика в лобовой атаке.

Вдруг — неожиданные пулеметные очереди. Комиссар подумал, что это третий «мессершмитт» расстреливает его с длинной дистанции. Но этот третий уже несся к земле, разматывая черный клубок дыма. Дудин даже не успел удивиться тому, что командир спас его на подбитой машине. Тормозов действительно мог бы дотянуть до своих. Но рядом в жестком огненном кольце дрался его друг. Теряя скорость, Тормозов вернулся к месту боя. Увидел, как в хвост Николаю заходит фашист, и снайперской очередью сбил вражеский самолет.

Теперь дрались двое на двое. Но машина Тормозова была подбита. И фашисты видели это. Навалившись на Дудина, они решили разделаться со вторым самолетом потом, без помех. «Мессершмитты» начали атаку. Николай вывел свою машину наперерез.

Противники мчались навстречу друг другу...

Атака на встречных курсах требует от летчиков железной выдержки, точного расчета.

Противники мчались навстречу друг другу. Фашистский летчик не выдержал первым. Открыл огонь. Пулеметные трассы прошли мимо. Дистанция неумолимо сокращалась. «Пора»,— решил Николай и нажал на гашетку. Пулеметы молчали... Он нажал до боли в суставах, бессознательно надеясь хотя бы на одну очередь. Пулеметы молчали. Он подумал: «Отверну сейчас — «мессеры» без труда расстреляют обоих. Если не отверну, Тормозов сумеет дойти до аэродрома».

Они сошлись, и «мессер» попытался уйти в сторону и вверх. За какую-то долю секунды до этого маневра Николай разгадал его. Трудно сказать почему, но он точно знал, что фашист отвернет влево и вверх. Наверное, в такие мгновения у человека обостряются все чувства.

Дудин успел рвануть ручку управления на себя и в точке, которую наметил заранее, ударил винтом своего истребителя по плоскости «мессершмитта»...

Был всплеск огня — оранжево-яркий даже при солнечном свете — и удар, прямой и жесткий.

Николай очнулся и почувствовал, что падает. Просто падает на землю, сам по себе, без самолета, без парашюта. Посмотрел вверх и понял, в чем дело. Парашют раскрылся только наполовину. Часть строп захлестнула сапог, и вытяжка остановилась. Николай неуклюже пошевелил ногой, потом сжался, подтягивая ее к себе, и рывком освободил. Парашют раскрылся.

Видимо, ударом его выбросило из кабины, но в последнее мгновение перед тем, как потерять сознание, он инстинктивно дернул кольцо. Хорошо, что забытье было недолгим. Высота, на которой они дрались, не так уж велика. А земля приближалась стремительно...

Его встретили пехотинцы. Помогли освободиться от парашюта, проводили на командный пункт. Пока командир стрелкового батальона связывался с начальством, Николай сидел в землянке и пил чай. Заходили командиры — поздороваться, поговорить с летчиком, только что таранившим фашиста. Они наблюдали за боем и все видели. А он сидел, глотал крепкий чай и только улыбался в ответ на поздравления и расспросы. Он ничего еще не мог рассказать. И совсем не чувствовал себя героем.

Наконец примчался комиссар дивизии Бабак. Дудин отрапортовал. Бабак выслушал рапорт, потом обнял его, расцеловал.

Они сели в машину, уже тронулись, когда Бабак предложил:

— Давай дадим круг, посмотрим на твою работу.

Проводить вызвался лейтенант, который заметил, куда упали фашистские самолеты. Один нашли сразу. Собственно, это был уже не самолет — груда обгоревших обломков. Только более или менее сохранившаяся хвостовая часть фюзеляжа напоминала о том, как грозна и стремительна была эта машина в небе. Обломки еще дымились.

Бабак ударил ногой по обшивке.

— С этим все ясно. Поехали дальше...

В свой полк Дудин попал только на следующее утро. На КП висел огромный лозунг: «Драться, как комиссар Дудин!» Николая окружили друзья. Он едва успел доложить о прибытии командиру полка, как очутился в объятиях: Саша Попов, Лука Муравицкий, летчики из своей и чужих эскадрилий. И конечно, Тормозов. Комэск * обхватил его за плечи и оторвал от земли, Николай попробовал освободиться, но это было невозможно.

---

* Комэск — командир эскадрильи.

— Ну, комиссар! — кричал Тормозов.— Теперь тебе никакие фрицы не страшны! Раз такой бой выиграл, все небо твоим будет!

Потом Николай вместе с командиром пошел на стоянку эскадрильи.

— А политинформацию сегодня проводили? — спросил он по дороге.

— По-моему, еще нет,— слегка оторопев, ответил Тормозов.

...В конце октября 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР комиссару эскадрильи лейтенанту Дудину Николаю Максимовичу было присвоено звание Героя Советского Союза. А немного позже полк получил звание гвардейского. Приказ Народного Комиссариата Обороны гласил:

«В многочисленных воздушных боях за нашу Советскую Родину против фашистских захватчиков особенно отличился 29-й Краснознаменный и ордена Ленина авиационный полк.

29-й Краснознаменный и ордена Ленина истребительный авиационный полк за $2^1/_2$ месяца боевых действий сбил в воздушных боях 47 самолетов противника, рассеял и уничтожил 12 мотомехколонн, 4 колонны артиллерии, 2 колонны кавалерии и несколько складов и цистерн с горючим.

За проявленную отвагу в воздушных боях с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество и героизм личного состава Ставкой Верховного Главнокомандования 29-й Краснознаменный и ордена Ленина истребительный авиационный полк преобразован в 1-й Краснознаменный и ордена Ленина гвардейский истребительный авиационный полк (командир полка майор Юдаков А. П.).

Указанному полку вручается гвардейское знамя.

Гвардейскому авиационному полку дополнительно придается одна эскадрилья самолетов».

...Впереди было еще много дней большой войны. И грандиозные битвы, подобных которым не знала история.

Полк, в котором служил Дудин,— первый среди авиационных соединений получивший звание гвардейского,— пройдет славный боевой путь. И до последнего дня сражений будет жить в полку память о подвиге комиссара Дудина. На него будут равняться молодые летчики, им будут мерить уровень боевого мастерства, воинскую доблесть и отвагу пилоты, ковавшие в небе великую победу.

И страна будет салютовать комиссару Николаю Дудину, который своим подвигом в июле сорок первого сделал уверенный шаг к маю сорок пятого.

Андрей
ДАНИЛОВ

ОДИН БОЙ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Август уже разменял свой третий десяток жарких, тяжелых дней. Только вечерами приходила желанная прохлада. А по утренней тишине из деревенских садов катились волны яблочного духа вперемежку с пьянящим ароматом перезрелых трав. Невольно вспомнилось виденное днем сверху огромное поле — темно-янтарная перестоявшая пшеница, не дождавшаяся ни жатки, ни серпа...

Полк не успевал обживать аэродромы, отходил, оставляя врагу родную, до боли родную землю. Недавно были в Вертиевке, а теперь вот — в Андреевке, километров на сорок южнее.

...Вертиевский аэродром комиссар третьей эскадрильи Иван Мороз покидал последним. Незадолго перед тем ушел наземный эшелон, оставили только автопускач, чтобы в случае чего помочь «ястребкам». А запустили моторы — двинулся следом и он. Когда Мороз сделал круг над селом, увидел, как, поднимая шлейфы пыли, к Вертиевке приближалась колонна... Мотоциклы, грузовики с пехотой, артиллерия — моторизованная колонна гитлеровцев. Сомнений нет!

Вот оно — невозможное из невозможного! Над его родным селом — родился здесь, учился, работал, женился, а два часа назад простился с отцом и матерью,— над его единственной в мире Вертиевкой навис фашистский сапог!

Он развернулся навстречу колонне, спускаясь все ниже, ниже, летел и не знал, что сейчас сделает. Между тем первые смутные мгновения, похожие на те, когда опрокинут на тебя ведро холодной воды и поначалу — от неожиданности, от пронзительной зябкости — ни слова сказать не можешь, ни разогнуться, ни опомниться, те первые мгновения прошли, и мысль заработала четко и быстро. «Врежусь в машину с пехотой!.. Ну не будет ни машины, ни самолета, ни пехоты... ни меня. Что дальше? Нет-нет, мы еще подеремся».

Мороз увидел через прицел, как остановились машины, как бросились по кюветам солдаты, и нажал на гашетку. «На, получи!»

Он утюжил и утюжил дорогу, пока не израсходовал весь боекомплект, и с досадой отпустил гашетку, когда пулеметы замолчали. Пора было уходить на новый аэродром. На карту и не

взглянул — знал тут наизусть все дороги, «отдельно стоящие деревья» и прочие ориентиры.

Комиссар удалялся от Вертиевки, а сам еще был там, с отцом, с матерью...

Отец его, Михаил Денисович,— кузнец, мастер что надо, золотые руки. Может подковать лошадь, плуг починить, а то и новый сделать, колесо оковать, инструмент разный для дома, для кухни изготовить. И все уже знали: раз Михал Денисыч делал — значит, хорошо и надолго.

Батька!.. Скромняга, простак, труженик каких поискать. Все уроки его помнил Иван, принял безоговорочно, навсегда. Первый урок: трудись, пока жив. И точно: с шести лет начал мальчишка коров пасти. В одиннадцать помогал отцу в кузнице. До наковальни не доставал, подставили ему ящик, набили песком, да и молот полегче дали. Стал Иван вторым, после старшего брата, молотобойцем. Зимой, как из школы придет,— бегом в кузницу...

— Драпаете? — сурово спросил вчера отец.— Только пятки сверкают?

— Нет, батя,— ответил Иван (надо же было что-то ответить!).— Это временно, мы вернемся.

Язвительные отцовские слова «драпаете» и «пятки сверкают» сейчас еще раз обожгли.

До Андреевки Мороз долетел быстро и, едва приземлился, пошел в штаб, к командиру полка. Доложил: немцы в Вертиевке. Но уходить не спешил.

— Ну что еще, комиссар?

— Сами знаете, товарищ командир, родное ведь село...

— Да, знаю, Иван,— ответил тот тихо. И устало замолк. Потом заговорил снова.— О моих вот ни слуху ни духу. Я клятву дал: пока последнего гада с нашей земли не прогоним, никакой пощады себе.

— Разрешите, товарищ командир, боевой вылет на Вертиевку. Звено поведу.

Командир вскинул брови.

— Рискуешь, Иван. Они там, наверно, зениток наставили, да и «мессеры» не дремлют.

— Ну и что? Обычное дело.

Командир встал из-за стола, подошел, посмотрел прямо в глаза. Иван увидел, как устал этот человек, как долго не спал — красные веки, утомленное лицо.

— Давай, Иван, лети,— сказал командир.

— Слушаюсь! Потрясу немного фрицев и вернусь...

Его техник ползал под брюхом «ишачка» * и тихо ругался,

---

* Так летчики называли истребитель «И-16».

заделывая мелкие пробоины. Видно, пока Мороз атаковал немецкую колонну, и его успели зацепить из автомата.

— Э-э, чтоб это была твоя самая большая печаль,— сказал Иван, заглядывая вниз.— Готовь-ка машину, летим обратно, в Вертиевку.

Он окинул взглядом темно-зеленый тупоносый «ястребок», похлопал рукой по его теплому, нагретому солнцем боку. Вдруг сильно кольнуло в ноге. Иван поморщился — опять эта рана, никак не затянется. Чуть расслабился и — пожалуйста, ноет и ноет. «В санчасть бы надо, да как бы в госпиталь не упрятали...» Усмехнулся, вспомнив свой побег из Славянска. Сколько времени-то прошло? Неужели всего два месяца?

...Утро 22 июня застало Ивана Мороза, заместителя командира эскадрильи по политчасти, под Тернополем, где базировался их истребительный авиаполк. Летали тогда на этих вот самых «ишачках» почти круглые сутки. Днем отрабатывала приемы боя молодежь, а ночью «старички» повторяли пройденное в Испании, осваивали новое. Война-то, чувствовали, не за горами.

В три часа ночи прекратили полеты. Не успели еще все заснуть — тревога! После четырех часов утра высоко прошли первые колонны вражеских самолетов. Связи с дивизией не было. Видимо, линию перерезали заброшенные в тыл диверсанты. Командиры подняли летчиков в воздух, завязались первые воздушные схватки. После нескольких боевых вылетов эскадрилья собралась у самолета Мороза. Никто не решался первым задать вопросы, которые вертелись у каждого на языке: «Как быть? Что делать дальше? Война не объявлена, а уже несем потери...»

Связи со штабом по-прежнему не было.

— Летит! — послышался возглас.

Все обернулись на юго-запад — там в нескольких десятках километров базировался штаб 16-й смешанной авиадивизии. Именно оттуда шел самолет, судя по всему — «СБ».

— Наверно, комдив Шевченко,— предположил кто-то.— Сейчас узнаем что к чему, поставит боевую задачу...

Но это был... «юнкерс».

— Ложись! — закричал Мороз что есть мочи, сам же рванулся к самолету, на котором техник запускал двигатель. Мысль была одна: взлететь! сбить!

Тут загремели взрывы. Бомбы накрыли и стоянку Мороза. Возле его ног словно разорвалась хлопушка. Падая, увидел испуганное лицо техника. Встал — в сапоге горячо и мокро. Превозмогая боль, отдал команду: «К вылету!» Между тем в воздух взмыл самолет Василия Дмитриева. Лейтенант атаковал «юнкерс» и сбил его.

Рана замполита оказалась серьезной — была повреждена бедренная кость левой ноги. Мороз попал в руки медиков. Его переправили в Славянск, в тыловой госпиталь.

Молодое тело не желало страдать и болеть (сколько лет было Ивану тогда? Всего — 27). Рана стала быстро затягиваться. Да и сам настрой, нетерпение, воля активно помогли медицине. «Как-то там боевые друзья? Где дерутся? Ведь я должен быть с ними!» А тут как раз привезли в госпиталь знакомого комиссара из их дивизии. Он и сказал: твой-то полк, Иван, стоит возле Нежина, в Вертиевке. Так это же родные места!

Решение созрело мгновенно. Раз дело идет на поправку, чего тут валяться, прохлаждаться — еду! Пошептался с сестрой-хозяйкой, напомнил ей, что сдавал сапоги, гимнастерку, брюки, осколком продырявленные, попросил постирать все, заштопать. Переоделся где-то в закутке, больничное белье сестре сунул, чмокнул ее за доброту да отзывчивость в щеку и спокойно, словно посещать кого приходил, вышел по лабиринту коридоров во двор, потом — к никем не охраняемым воротам — и был таков. Не беда что с палкой, не беда что хромает...

А в Вертиевке уже базировался другой — 92-й полк. Ивану сказали: принимай у нас эскадрилью, комиссары и нам нужны. Принял. А о ране, так и не успевшей затянуться, промолчал. Работы было много: прикрывали от стервятников с черными крестами Чернигов, громили мотоколонны противника, прорвавшиеся за Десну, сопровождали на цели бомбардировщики и штурмовики.

...Иван объяснил задачу своим ведомым, потом обошел вокруг зеленый «ястребок». «Не подведи, родной!» — попросил про себя.

Мотор работал ровно, надежно. А его собственный «мотор»? Нет, с самого утра сердце не на месте, работает на «повышенных оборотах». Не будет теперь для него покоя, пока не узнает Иван, что родное село свободно от фашистской нечисти.

Что там творится сейчас? Перед глазами предстали до кустика, до камня знакомые улицы, по которым шли немецкие машины, и резкая чужая речь неслась над родными хатами. Гитлеровцы облюбовали себе, наверное, дома получше — для комендатуры, штаба, для постоя разного ранга «фюреров». Иван даже невольно передернул плечами — от чувства гадливости. И чтобы отвлечься, вынул из планшета карту, хотя лететь-то тут две минуты, с завязанными глазами не заблудишься, и нашел небольшой квадратик Вертиевки неподалеку от обозначенного крупным многоугольником Нежина. Их разделяло всего двенадцать километров.

Бывало, уедешь куда-нибудь — в отпуск, командировку,— и если спросит тебя кто: откуда, мол, родом, то не говоришь: из Вертиевки — кто ж ее знает, песчинку среди тысяч себе подобных,— а отвечаешь: из Нежина. И каждый уважительно кивнет головой, знаю, мол, как же! нежинские огурчики!

Об огурцах этих, действительно замечательных, почему-то все знали, а вот о том, что Нежин, такой же как и Миргород,— гоголевский город, мало кому было известно. А ведь живая история литературы, Отечества! С 1821 по 1828 год во вновь открытой тогда Нежинской гимназии высших наук учился Николай Васильевич Гоголь. Иван Мороз тоже, между прочим, учился в тех же стенах, только называлось учебное заведение уже не гимназией, а Нежинским педагогическим институтом имени Н. В. Гоголя. И каждый первокурсник, само собой, знал про великого выпускника. Как интересно было, например, читать наивные письма — с ошибками и почти без запятых — не подозревавшего еще о своем знаменитом будущем мальчишки!

Эти минуты воспоминаний, дорогих и приятных, помогали Ивану собраться в кулак. Мучила жажда. Хотя бы глоток воды. Да, он летит штурмовать Вертиевку.

Из института на каникулы он непременно приезжал сюда, устраивался работать на засолзавод. Его, как силача и здоровяка, посылали на ледник — закатывать на зимнее хранение бочки, полные тех самых знаменитых нежинских огурчиков. Разные бочки попадались — и пяти-, и десяти-, и двадцативедерные. Катай, не ленись! А вечерами придут, бывало, на огонек соседи — мужики серьезные, степенные, с сильными тяжелыми руками,— задымят махрой и попросят: «Ваня, почитай!» Он послушно брал с полки книгу и читал Пушкина — стихи и прозу. Прозу больше любили. Брал Гоголя и — на весь вечер... «Тараса Бульбу» читали и перечитывали. И когда подходил Иван к страшному и мажорному концу повести — «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!» — среди слушавших в хате не оставалось равнодушных.

...Звено уже набрало высоту. Мороз почувствовал знакомый прилив сил от ощущения полета, азартно чертыхнулся, привычно осмотрелся по горизонту — не идут ли наперерез самолеты с черными крестами. Настроение — ввязаться в драку, хлестать огненными очередями, крушить... Вспомнилось, как возвращались из полетов за линию фронта летчики с серыми, чужими лицами, как рассказывали о селах, о хлебных полях с ползущими рыжими валами огня, о толпах наших людей на дорогах, окруженных конвоирами и угоняемых на запад. Нет, не могло притерпеться к этому сердце, не могла привыкнуть душа!

«Воспитай ненависть к врагу!» — одна из заповедей любого комиссара. Следовать ей было легко: ненависть к захватчикам переполняла людей. Мороз лишь направлял ее в нужное русло, в русло военной работы — умелого, бесстрашного боя. Правда, новички требовали и поддержки, и огранки, и шлифовки. Приходилось говорить с каждым в отдельности. Один, ершистый

такой, сказал: легко, мол, говорить — делай так, делай этак, а ты сядь в самолет, поднимись да покажи, особенно если «мессер» рядом. За чем же дело стало? Иван подменил напарника «ершистого», и они вылетели на задание вместе. И «мессеры» были, и жаркая схватка, и риск — пришлось прикрыть зазевавшегося новичка, но зато авторитет комиссара неизмеримо вырос. Теперь уже повторять дважды ему не приходилось.

...Иван посмотрел вниз, где медленно проплывал желто-зеленый августовский ковер полей, лугов, перелесков. Как больно и странно — где-то тут начнется сейчас ничейная земля, с которой уже ушли наши и на которой еще нет фрицев. Ничейная! Назовут же! Какая же она ничейная?! Наша!!

На одном из этих лугов он еще подростком впервые увидел настоящий самолет. Мальчишки все узнают первыми. Как припустились бежать! Полтора десятка километров неслись, боялись — улетит, не дав на себя поглядеть. А самолет весь день на том лугу красовался. «Советский народ, строй воздушный флот!» — было написано на нем аршинными буквами. Заныло тогда у Ивана в груди. Очень захотелось подняться в небо. Ждал своего часа и верил: полечу!

В пединститут, когда учился Иван на первом курсе, приехала комиссия отбирать кандидатов в авиационную школу. Пошли они с приятелем, выдержали все экзамены, но... двух лет Ивану не хватило, молод оказался. Что делать? Бросился со всех ног в родную Вертиевку, в сельсовет, уговорил секретаря дать ему справку о том, что родился не в четырнадцатом, а в двенадцатом году. Но обман был раскрыт, влетело комсомольцу Морозу по первое число. Потом уже направил его райвоенкомат в школу младших авиаспециалистов, а после нее назначили Ивана инструктором политотдела авиабригады. Экзамен на штурмана сдал экстерном. Сбылась мечта детства, поднялся в небо, обрел свои крылья...

Теперь надо быть предельно внимательным. Комиссар увидел знакомые ориентиры, значит, где-то там, в синей дымке у горизонта,— Вертиевка. Он подал знак ведомым — «делай, как я». Никакого прикрытия села с воздуха у немцев, кажется, не было. Это хорошо. А что с зенитками? Подвезли ли? Наш полевой аэродром наверняка «мессерами» еще не освоен. И никаких гостинцев с неба они, конечно, не ждут. У Ивана уже был готов план. В Вертиевке три больших и длинных улицы, одна — имени Ленина — идет вдоль села с севера на юг, другие — имени Шевченко и Зеленьковка — поперек. Вот и «погуляем» над ними — туда и сюда, туда и сюда. Все вертиевцы, кто остался, прячутся по домам, на улицах же сейчас только «гости». Они-то нам и нужны...

Вертиевка — большое село. Когда-то был здесь райцентр. Немало знаменитых земляков вспоминали вертиевцы с гордостью. На взгляд приезжего, правда, ничего вроде особенного — прямые улицы, много зелени, белые украинские хаты, клуб, школа, сельсовет, засолзавод, церковка. Неподалеку — железнодорожная станция. С водой плохо — ни речки, ни пруда, лес далеко. Но сады! Сады! Весной — все в белой пене цветов, а зимой горницы наполнены нежным яблочным духом.

Часто вспоминал Иван родной дом, мать с отцом, братьев и сестру, самозабвенную дружбу юности, любимые книжки, открывшие мир. И Ее — девчонку по имени Саша, разбудившую сердце и ставшую ему женой.

Кажется, все это было только вчера. Где-то теперь Саша? Она ведь с первых дней на военной службе — фельдшерица. На каких дорогах, на каких фронтах? Жива ли?

...Вертиевка быстро приближалась. Вот уже под крылом ее огороды, сады, плетни. Теперь время довернуть слегка, спуститься пониже и лететь на бреющем. Ведомые шли следом. Надо внезапно выскочить над главной улицей со стороны кладбища и дать огоньку! Там, сразу за кладбищем, стоит дом родителей Саши, милой его жинки.

Истребители вынырнули из-за высоких деревьев и понеслись над улицей. Иван сразу заметил, что она забита техникой, а по обочинам двигались солдаты. Мотоцикл с коляской остановился у дома Саши. Комиссар начал с него. «Нате, получите то, за чем приехали!» — вслух произнес он, нажимая на гашетку.

И — началось!

На мгновение вернулось раннее утро 22 июня, вспомнил, как из-за леса показался «юнкерс», поначалу принятый за наш «СБ». Теперь они поменялись ролями. Неожиданность, внезапность — на нашей стороне.

Иван уже целился в скопление пехоты и машин у здания сельсовета... Сюда прибегал он из Нежина за справкой о своей «взрослости». Успел заметить: на флагштоке над крышей нет красного флага. «У-у, сволочи! Будет флаг! Придет день...» А солдаты, заслышав стрельбу, бежали кто куда. Но ведь не быстрее же его пуль?!

Иван поливал свинцом улицу. Четыре пулемета, четыре ШКАСа *, гуляли по кустам и плетням, за которыми пытались спрятаться перепуганные фашисты, дырявили все, что попадалось на прицел: крытые машины, тяжелые мотоциклы, походные кухни. Здесь, в центре села, «ястребки» собрали крупную «жатву» и, проскочив его, дали передохнуть, остыть пулеметам.

---

* Марка пулемета.

Сердце тяжело бухало в груди. «Что же это творится-то, а?» Он вытер рукой пот со лба, глубоко вздохнул. Что это — кошмарный сон или жуткая явь? Его село полно фашистов, а он летает над улицами, по которым ходил в школу, провожал невесту,— и бьет, бьет из пулеметов.

Разворот закончен, снова «ишачки» жмутся к земле, снова мчится навстречу родная Вертиевка, улица Шевченко...

Вся жизнь, кажется, прошла на ней. Здесь школа, клуб, засолзавод. Вечерами бродили здесь ватаги парней и девчат, то с гармошкой, то так просто — с песнями. В клуб, из клуба, в школу, домой. Здесь можно было узнать все местные новости, встретить знакомого с другого конца села... Да мало ли какие приятные неожиданности дарила человеку эта веселая сельская улица длиной в несколько километров!

...Иван действовал автоматически. Четко, целенаправленно работал мозг. Он отдавал приказания. Вбирал в себя мельчайшие подробности. Потом окажется, что Ивану Морозу хватит воспоминаний об этих коротких минутах атаки родного села на долгие десятилетия. В памяти будут возникать все новые и новые детали, мелочи — достоверные, необходимые, волнующие.

Комиссар прикинул, что первым заметным объектом на улице Шевченко будет клуб. Наверняка немцы решили расположить в нем какое-нибудь свое учреждение. А значит, у входа сейчас должно быть оживленно. Ну, а второй объект — школа...

Если бы умел Иван писать стихи, то посвятил бы клубу величальную оду. Довоенный сельский клуб — явление замечательное. А вертиевцам еще и повезло. Душой их клуба был человек талантливый — Александр Васильевич Загуменный. Школьный учитель рисования, руководил драмкружком. Ставили украинскую классику, и не только драмы — настоящие оперы: «Запорожец за Дунаем», «Наталка-Полтавка». На районных и областных смотрах самодеятельности занимали первые места... Раскованно-естественный на сцене, старшеклассник Иван Мороз играл почти во всех спектаклях, исполнял роли положительных героев. Потому что и сам был и внешне, и внутренне героем безусловно положительным.

...Истребители уже выходили на цель. Иван заметил и тут много техники и пехоты. Похоже, собирается размещаться какая-то часть. «Поможем вам поубавить численный состав, глядишь, квартир меньше понадобится...» Колонна растянулась от клуба до здания школы. Цель что надо! Под крылом, едва не касаясь его, замелькали, понеслись макушки деревьев. Огонь! Иван увидел, как на площадке перед клубом распластались прошитые его очередями фашисты. «Ага, наш клуб запомнится вам надолго!» Мороз не отпускал гашетку.

Пули вспарывали брезентовые кузова машин, полные солдатни, настигали убегающих по обочинам, проникали сквозь зыбкую зеленую завесу кустов, находя тех, кто пытался обмануть судьбу... Карьера завоевателей бесславно заканчивалась в чужой, неизвестной и презираемой ими Вертиевке.

«Прости, родная, что допустили до тебя фашистских убийц. Кто же знал, что так выйдет?! Прости, что летаем над тобой с пулеметами».

Колонна машин кончилась у школы. Иван прекратил огонь и краем глаза успел увидеть приземистое одноэтажное здание.

...Учеба давалась Ивану легко, он всласть занимался историей. Кроме того, с увлечением проворачивал уйму общественных дел, был членом учкома. Крепко дружил с полдюжиной надежных парней. Почему-то особенно помнились первые весенние теплые дни, когда можно было пальто и шапку оставить дома, сунуть учебники под мышку и — за ворота. Вообще дорога в школу словно старинный ритуал. Все на работу, и ты тоже — в школу. Утреннее уважительное напоминание мамы: «Ваня, ты не опоздаешь? Пора...»

Патроны, чувствовал Иван, подходят к концу. Надо было оставить на обратный путь — вдруг привяжутся «мессеры». «Ничего, прорвемся,— подумал комиссар,— сегодня нам везет, а пули нужнее здесь».

Он повернул немного направо и оказался над своей родной Зеленьковкой — улицей наполовину короче других (она шла от центральной, как ветка от ствола), но, наверное, самой главной в его жизни: тут стоял родительский дом. А теперь и на его улице фашисты! «Вам — остаток боекомплекта»,— подумал Иван и взял на прицел темную массу, перегородившую улицу.

Раскаленные пулеметы послушно изрыгнули новые горячие струи. Та-та-та-та! Не суйтесь, гады, куда не надо! Та-та-та-та! Что заработали, незваные гости, то и получите!

Иван несся над улицей, чуть не задевая винтом голов фашистов. Вот скоро справа в веренице обычных крестьянских домов покажется родной дом. «Выгляни-ка, батько! Выгляни, мамо! Я сделал сейчас все, что смог...»

Больные и старые, они не захотели уезжать отсюда. Умереть, сказали, хотим на родной земле. «А может, еще и свидимся после победы?» Вот он, знакомый до мелочей дом, мелькнул и пропал, умчался назад, во дворе пусто. «Это все?.. Прощай, Вертиевка!»

Мороз начал набирать высоту. Внизу показались желто-зеленые прямоугольники полей. Оглянулся: ведомые шли следом. Если бы кто-то видел самолеты с земли, то отметил бы, как неторопливо, будто собирались сюда вернуться, уходили от села последние краснозвездные истребители.

Только теперь Иван ощутил, как устал. Эта атака Вертиевки

стоила ему десятка других. И хоть с каждым мгновением он все больше и больше удалялся от родного села, по-прежнему чувствовал его спиной, затылком, всем своим существом. И окажись сейчас пулеметные ленты набиты патронами, он опять вернулся бы туда и утюжил, утюжил фашистскую нечисть...

Горячо было небо Великой Отечественной, в котором заместителя командира по политчасти 92-го истребительного авиаполка И. М. Мороза ждали новые испытания. 17 сентября 1941 года его самолет будет сбит, сам он выбросится с парашютом, вернется в строй. В начале 1942-го его тяжело ранит. Снова сбежит из госпиталя в свой полк и будет вести политработу, не расставаясь с костылями. В мае 1942-го его наградят орденом Ленина, он станет комиссаром 1-й ударной авиационной группы Ставки Верховного Главнокомандования, а затем летающим замполитом дивизии, примет участие в освобождении Новгорода. В июле 1944 года во время 117-го боевого вылета при прорыве фашистской оборонительной линии в районе Псков — Остров штурмовик Мороза попадет под сильный артиллерийский огонь и будет сбит. Он посадит свою покалеченную машину на ничейную землю. Вернется к своим.

После войны И. М. Мороз тринадцать лет летал на сверхзвуковых реактивных самолетах. Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Иван Михайлович Мороз был членом Военного совета, начальником Политуправления ВВС. Сейчас он — военный консультант группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР и председатель Московского городского штаба Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа.

Но где бы ни служил потом, он будет помнить этот летний знойный день 1941 года.

...Подлетая к аэродрому, Мороз думал о том, что сегодня к вечеру должно прибыть пополнение и командир просил его побеседовать с ребятами, подбодрить их, вдохнуть боевой азарт. «Ты,— говорил командир,— это умеешь, у тебя получается». Иван уже знал, с чего начнет свой комиссарский «урок». Он расскажет новичкам, как это чудовищно нелепо — штурмовать родное село, как больно видеть в нем оккупантов, как нечеловечески тяжело оставлять с ними отца и мать... Он спросит ребят, хотят ли они, чтобы их родные города и села постигла участь Вертиевки. Все ли они сделали, что могли, чтобы этого не случилось? Пусть поймут: драться придется не на жизнь — на смерть, без пощады к себе и к врагу. А потом напомнит новым однополчанам пророческие гоголевские слова: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

Николай
ШМЕЛЕВ,

Герой Советского Союза

ПОД КРЫЛОМ — ЗЕМЛЯ МОСКОВСКАЯ

Словно журавли, растянувшись цепочкой, наши «У-2» летели над заснеженными полями Подмосковья. Пройдено Пушкино. То тут, то там замелькали на дорогах колонны войск. С высоты особенно заметно, как стягивались силы на защиту Москвы.

Внизу мела сильная поземка, дул порывистый ветер. И мало кто знал — ни мы в небе, ни пехотинцы на земле,— что все вместе мы идем укрощать другой «ветер», который гитлеровские вояки, любители пышных фраз, в своих секретных планах захвата Москвы окрестили «тайфуном».

В конце ноября 1941 года наш 710-й авиаполк перебазировался из Поволжья на подмосковный аэродром. Нас включили в состав частей военно-воздушных сил 1-й Ударной армии, только что переброшенной в Подмосковье. Тяжело тогда было защитникам столицы. Враг на Пермиловских высотах, у Яхромы, под Дмитровом и Красной Поляной, под Звенигородом и Каширой. Почти у самого порога столицы... Но в глубине души каждый из нас верил: не бывать фашистам в столице!

Однако враг у стен Москвы, и Гитлер подбадривает своих молодчиков: «Солдаты! За два года все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войны! Москва — это отдых. Вперед!»

Вот оно как — «заставьте ее склониться»!

— Видит собака молоко, да рыло коротко,— услышал я от колхозницы, бросавшей в огонь фашистские листовки.

Сейчас, десятилетия спустя, о тех днях можно рассуждать спокойно и деловито, как, скажем, пишет военный историк генерал-лейтенант П. А. Жилин: «Героическая оборона на всех направлениях, ведущих к Москве,— Волоколамском, Можайском, Малоярославецком, Тульском — измотала противника и обеспечила условия для перехода советских войск в решительное контрнаступление». Но в те суровые ноябрьские дни мы, рядовые летчики, да, пожалуй, и бойцы других видов вооруженных сил, не могли

до конца разобраться в оперативно-стратегической обстановке под Москвой.

По очень кратким двух-трехстрочечным сообщениям Совинформбюро трудно было судить об одной из крупнейших наступательных операций Великой Отечественной войны, какой была битва под Москвой. Тогда летчики хорошо знали о подвигах панфиловцев, равнялись на капитана Гастелло, Зою Космодемьянскую и многих других героев. Знали, что столица превращена в неприступную крепость. Пролетая над дорогами, лесами, полями Подмосковья, мы видели, как к фронту идут свежие боевые подкрепления, артиллерия, танки. В сердце вливалась вера в наши силы, крепла готовность отдать и жизнь, но непременно отстоять родную столицу.

Волновало и смущало одно: что конкретно можем мы сделать на наших «У-2», этих «летающих учебных партах», как шутя заметил Женя Озеров. Самолет-то, кроме мотора, почти весь перкалевый *, беззащитный — ни пулеметов, ни РС ** не имел. Для каких конкретных целей потребуются фронту наши на вид совсем не военные машины? Об этом мы узнали 6 декабря, когда войска правого крыла Западного фронта перешли в решительное контрнаступление в направлении Яхрома — Солнечногорск — Клин.

В один из декабрьских дней Женю Озерова, как наиболее смекалистого летчика, направили на разведку в тыл противника, а меня и Виктора Емельянова — поддерживать связь с наступающими частями.

Во второй половине дня вызвали к начальнику штаба полка.

— Товарищ Шмелев,— сказал капитан,— доставьте пакет в штаб...

И, назвав номер стрелковой бригады, сражающейся у Солнечногорска, начштаба вручил запечатанный сургучом пакет. Я побежал к самолету, возле которого неторопливо похаживал техник Вася Коновалов. Сел в кабину и крикнул ему:

— К запуску!

Вот так и начался счет моим боевым вылетам. К концу войны их было более девятисот. Хочу рассказать об одном из первых заданий, особенно запомнившемся, в ту первую военную зиму.

Как-то ночью срочно вызывают на командный пункт. Прибегаю. В землянке за столиком сидят командир полка Куликов, политрук Жирков — секретарь парторганизации и не известный мне майор.

— С прифронтовой полосой хорошо знаком? — спросил Куликов.

---

* Перкаль — тонкая прочная хлопчатобумажная ткань, применяемая в технике.
** РС — реактивный снаряд.

— Знаком.

— Сколько уже совершил ночных боевых вылетов?

— Тридцать пять.

— Значит, опыт есть! Тогда вам с Жирковым даю особое задание: будете в тылу у немцев разбрасывать листовки. Жирков полетит за штурмана. А листовки получите у товарища майора — представителя политуправления фронта! — И он указал на незнакомца.

Я замялся... Почему лететь с Жирковым? Ведь он никогда не изучал штурманское дело. Какой же из него штурман? Да и задание необычное. Выходит, наш «У-2» становится агитатором...

— Может, разрешите лучше с настоящим штурманом лететь? — не удержался я.

Куликов нахмурился:

— Полетите с кем приказано. Задание ответственное, и доверить его можно не каждому. Жирков не подведет. До прихода в наш полк он служил в противотанковой артиллерии, не хуже вашего знает, почем фунт лиха.

«При чем здесь фунт лиха?» — хотел было я возразить, но сдержался и сказал:

— Вам виднее. Политрука Жиркова я очень даже уважаю...

И тут я вспомнил, как во время перелета полка в ноябре 1941 года в районе Коврова в воздухе столкнулись два самолета и упали на землю. В одном из них был политрук Жирков. Я посадил свою машину, выпрыгнул из кабины и устремился к нему. Мы обнялись. Жирков был ранен, изо рта текла кровь.

— Там,— показал он в сторону упавших самолетов,— летчики... побились. Спасайте!

...Вытянувшись по стойке «смирно», я обратился к командиру полка:

— Разрешите выполнять задание?

Куликов улыбнулся:

— Вот это уже другой разговор!

Из землянки вышли втроем. Майор показал на «газик», доверху набитый листовками:

— Тут работы вам на неделю, не меньше.

— А по мне хоть на месяц,— отвечаю я.

— Вы комсомолец?

— Комсомолец.

— Так вот, в листовках, которые вы будете разбрасывать, сообщения об успехах нашей армии под Москвой, Тихвином, Ростовом, о боевых делах партизан. Советские люди по ту сторону фронта должны знать правду.

Затем майор рассказал, что есть и другие листовки, на немецком языке. В них тоже сообщается о победах Красной Армии. И заключил:

— Еще раз напоминаю, товарищи, задание очень ответственное. Если хотите знать, не менее боевое, чем бомбежка...

Я подумал: район знаю хорошо, а перспектива стать небесным агитатором тоже почетна.

А политрука Жиркова я действительно уважал. Он был душой нашего коллектива, всегда умел ободрить, поддержать. Хотя у него и не было штурманской подготовки, он рвался в воздух, считая, что лучшая школа для комиссара — бой. И вот его желание сбылось!

«Газик» подъехал к самолету. Кипы листовок сгрузили на брезент. Жиркова усадили в штурманскую кабину и со всех сторон обложили пачками листовок.

Я помог ему устроиться поудобнее и, рассовав дополнительно еще несколько пачек, предложил:

— Товарищ политрук, давайте возьмем парочку бомб. Пригодятся какому-нибудь фашисту шишки набить!

— А куда их возьмем? — поинтересовался Жирков.

— Да в бомболюк, он же пустой.

— Да? — обрадовался Жирков.— Вот красота! А я голову ломаю: куда бы еще листовки сунуть. Ну-ка, грузи туда вот те розовые пачки! — приказал он механику Коновалову.

— Про бомбы говорю,— упрекнул я Жиркова,— а вы...

Жирков, подумав, согласился:

— Правильно, парочку небольших захватим. Это, чтобы сначала объявить фашистам тревогу, а потом уже провести «политинформацию».

Бомболюки забили листовками.

Загруженный до предела самолет поднялся тяжело. Линию фронта перевалили на небольшой высоте, под самыми облаками.

Показался первый населенный пункт. Кричу Жиркову:

— Под нами Лещихино! Бросайте!

Жирков высунул пачку листовок за борт, сильно встряхнул ее — и бумажный шлейф потянулся за самолетом, пропадая в темноте. С этого момента политрук работал не переставая. Листовки сбрасывались над деревнями, над шоссейными и проселочными дорогами — везде, где только могли быть люди. За полчаса мы облетели заданный район. Кабина Жиркова опустела. Самолет лег на обратный курс. К фронту подошли с юго-запада. Я убрал газ и перешел на планирование. Сразу стало непривычно тихо. На высоте ста пятидесяти метров над вражескими окопами Жирков открыл бомболюк. На землю полетела большая туча листовок на немецком языке. В ту же ночь мы с Жирковым совершили еще вылет.

Так мы действовали две ночи подряд. Куликов встречал нас каждый раз, как только заруливали на стоянку, и, пожимая

руки, подбадривал: «Молодцы, пропагандисты!» А на третью ночь наш самолет побывал за линией фронта трижды. До рассвета оставалось часа два. Решили сделать последний, четвертый вылет. Заправились, набили листовками штурманскую кабину — и в воздух!

Но об этом вылете рассказ особый, ибо тут я убедился, что наш «У-2» — это вам, если хотите знать, не просто «ночной бомбардировщик» или там «небесный агитатор», но и еще кое-что посолиднее...

Каждый человек должен знать самого себя. Иногда мы лишь только воображаем, что изучили себя лучше, чем свои пять пальцев. Но не менее важно знать человека, с которым дружишь, с которым поднялся в небо.

И мы, как я уже сказал, в четвертый раз за одну ночь взлетели в воздух с политруком Жирковым. Я знал себя — не испугаюсь, если даже... Просто не желаю думать про это «даже»: пусть хоть сам черт с неба нагрянет. «Александр Михайлович,— подумал я,— тоже не дрогнет, если что случится».

Подумал так и, глянув на линяющее перед рассветом небо, заторопился. Говорю своему спутнику:

— Товарищ политрук! Как бы нам на «мессер» не напороться! Поглядывать надо!

— Уйдем! — успокоил Жирков и добавил шутя: — У нас скорость сумасшедшая!

Шутка про скорость «У-2» понравилась, и я уверенно повел самолет. Спокойно перелетели передовую. Жирков также спокойно передал по СПУ *:

— Николай, обрати внимание: справа под нами летит какой-то чудак.

Я выглянул за борт и ничего не заметил. Стал всматриваться пристальнее. Действительно, справа, ниже, виднелась полоска лилово-красных огоньков. Они могли быть только от выхлопных патрубков мотора пролетающего внизу самолета. Но чей он?

Самолет внизу разворачивался, и я увидел вторую лилово-красную полосу. Сразу догадался: «Фокке-Вульф-189» — «рама». Фашисты тоже заметили нас и пошли на боевой разворот. Надо немедленно уходить: встреча с «рамой» не сулила ничего хорошего и была равнозначна свиданию со смертью.

Впереди — поле. Справа расплывчатым пятном темнел лес. Не теряя ни секунды, я резко повернул машину и с крутым скольжением повел к темневшему лесу.

— Товарищ политрук! Не выпускайте «раму» из вида! — крикнул Жиркову.

---

* Самолетное переговорное устройство.

— Смотрю в оба! А ты не паникуй. «Р-рама»! Подумаешь какая невидаль...

От «рамы» потянулись светящиеся нити трассирующих пуль. Одна пошла в сторону, другая над моей кабиной.

— А не дураки в той «раме» сидят! — чуть ли не с похвалой кричит Жирков.— По нашим выхлопным патрубкам целятся... Коля, убери газ!

До чего же сообразительный мой политрук! Я убрал газ. Увеличив угол планирования, резко изменил курс и после небольшого разворота направил свой «У-2» прямо под «раму». Маневр удался. Очередная цепочка пуль скользнула мимо нашей машины, и тотчас над нами с воем пронесся светлобрюхий двухфюзеляжный самолет. На нем кресты, распластанные на крыльях,— опознавательные знаки фашистских самолетов.

— Молодец! Молодец! — загудел Жирков по переговорному устройству.— А теперь прижимайся к лесу!

Да, спасение было только там, на темном фоне деревьев.

— Во вторую атаку заходит! — предупреждает снова Жирков.— Приготовься!

— Не успеем увернуться. Выбрасывайте груз!

— Листовки? — раздается в наушниках.— Коля, без паники! — И тут же шутливо: — Мы их огонек в бумагу завернем...

Про себя я усмехнулся: «Листовки так же прекрасно горят, как и наш самолет».

«Рама» ринулась коршуном во вторую атаку. Я резко перевел машину в планирование с разворотом. Не удалось Жиркову «завернуть огонек в бумагу». Мы ловко ушли из-под огня атакующей «рамы». Но она тоже вошла в планирование с разворотом. Мы стремительно неслись к земле. «Рама» открыла огонь. Две светящиеся струи, одна за другой, прошлись по правой верхней плоскости. Защелкали разрывные пули. В переговорном устройстве слышу и не узнаю голос Жиркова. Голос хотя и спокойный, но какой-то напряженный, гудящий:

— Коля, зажми нервы в кулак! А не то...

Еще одна огненная струя хлестнула по фюзеляжу. Голос Жиркова оборвался. «Рама» совсем рядом. Я убрал газ и свалил машину на крыло. В лицо пахнул боковой ветер. Секунду-вторую «У-2» скользит в стороне от цветистых ниток фашистского самолета. Делаю крутой разворот под «раму». Самолет почти касается верхушек деревьев. Даю полный газ и веду машину на запад. Почему? Просто уверен, что после очередного разворота фашист обязательно будет искать нас на пути к линии фронта.

И не ошибся. «Рама» пошла к линии фронта, на восток.

— Товарищ политрук, кажется, оторвались! — облегченно вздохнул я.

3 Заказ 4702

Жирков молчал.

— Вы меня слышите, Александр Михайлович?

— Слышу,— отозвался Жирков. Но голос какой-то отдаленный. Казалось, человек чем-то придавлен.

— Куда прикажете лететь?

— Продолжайте выполнять задание...

Машина вела себя послушно. Мотор работал исправно, я совсем успокоился, даже радовался, что оторвались от «рамы». Начал восстанавливать ориентировку.

Сделав над лесом круг, набрал высоту. К деревне Салино подлетели со стороны лесных оврагов.

— Как себя чувствуете, товарищ политрук?

— От твоих виражей, поворотов, разворотов меня просто укачало.

— Ну, это ничего! Пройдет. Мы уже на месте. Можно бросать листовки.

Жирков работал молча и, как всегда, размеренно, может, чуть помедленнее, чем при первых полетах. Над одной из деревень он заставил меня пролететь три раза.

— Деревня большая, чтоб всем хватило,— сказал политрук.— А теперь давай домой.

Возвращались молча. После встречи с «рамой» и головокружительных маневров говорить не хотелось. Сказывалась и усталость: ведь четвертый вылет подряд. Сели. Я отрулил самолет на стоянку и выключил мотор. Перед кабиной, словно из-под снега, появился Коновалов. Взглянув на машину, он всплеснул руками:

— Потрепали-то вас как!..

— Машину подготовил отлично,— от души похвалил я механика.— А то, что потрепали,— сам знаешь, не на блинах у тещи были.

Я повернулся к Жиркову. Откинувшись на спинку, он полулежал в кабине. Руки в крови, глаза закрыты.

— Товарищ политрук! Что с вами?

Жирков открыл глаза и произнес со стоном:

— Ноги, стервец, прострочил...

Я опешил, вспомнив, как в полете политрук передавал: «Укачало! Повтори заход! Еще раз повтори!» Даже зло на себя взяло: ведь по голосу ясно было, что с Жирковым что-то неладно.

— Носилки сюда! Носилки! — закричал Коновалов.

Политрука увезли в госпиталь.

Уже светало, когда усталые мы шли в столовую. Все переживали... Как-то обернется? Всех интересовали самые мелкие детали нашего предутреннего полета. Я подробно отвечал на все вопросы. Да и так было ясно — бывший артиллерист, а теперь

политработник Жирков до последней секунды полета оставался настоящим коммунистом. В этом вся суть!

Грустно мне было (да и не только мне) после того, как расстались с Александром Михайловичем Жирковым. В этом человеке, казалось мне, был сплав добродушия и нежности, принципиальности и мужества. За это, наверное, так его и ценили все наши летчики и командиры. Но тогда, в жаркой битве под Москвой, о подвигах думалось куда проще. Да, Жирков с честью выполнил свой долг — он просто герой. И все!

Анатолий
ГРИГОРЬЕВ

КРЕМЕНЬ-МУЖИК СЫРНИКОВ

Воскресный день выдался солнечным и тихим. В листве беззаботно заливалась птичья мелюзга. Воздух был насыщен пьянящим ароматом еловой и сосновой хвои. Прямо под открытым небом лектор из Ленинграда рассказывал о международном положении, говорил на редкость вяло и неуверенно. Речь шла о советско-германском договоре о ненападении. Комиссар эскадрильи посмотрел на сослуживцев: все явно томились в ожидании конца лекции. Мысли Сырникова прервал рассыльный из штаба:

— Товарищ батальонный комиссар! Командир эскадрильи приглашает вас к себе.

В штабе он узнал, что передают правительственное сообщение. Сразу же радиоприемник «СВД» был выставлен в окно, и комиссар объявил:

— Товарищи! На нас напала фашистская Германия! Сейчас по радио выступает товарищ Молотов!

После речи Молотова состоялся короткий митинг, потом раздалась команда: «Готовить самолеты к вылету!»

Еще накануне вечером эскадрилья получила приказ перейти на готовность «номер один». Самолеты были вооружены и заправлены как никогда быстро.

В восемнадцать часов на воздушную разведку вылетел самолет командира эскадрильи, штурманом на нем шел комиссар Сырников — это был самый подготовленный экипаж.

Комиссаром Василий Максимович Сырников стал не совсем по своей воле. Закончив с отличием в 1934 году Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе, он мечтал получить назначение на новый корабль или подводную лодку, но командование распорядилось иначе: «В морскую авиацию!» Лейтенанта Сырникова направили в Ейское авиационное училище для переподготовки на летчика-наблюдателя. Летнаб из него получился отличный. Об этом говорит такой случай.

Во время одного из полетов морской ближний разведчик

«МБР-2», управляемый летчиком Губрием, попал в пургу, и Сырников в сплошной белой мути сумел привести машину точно на свой аэродром. Там ждали летающую лодку и приготовились к встрече. Однако снегопад сводил на нет усилия людей. Самолет, надсадно гудя мотором, кружил над аэродромом, пытаясь найти какой-нибудь просвет. С большим трудом удалось сесть, но при этом слегка подломилось лыжное шасси. К счастью, никто из экипажа не пострадал. Летчики, мотористы, техники окружили машину: «Как там наши?» Первым, как и положено, выбрался из кабины капитан Губрий, за ним Сырников. Все молча расступились, давая экипажу дорогу.

— Вижу, в руках уже свечи держите по случаю нашей кончины. Дайте уж тогда огоньку прикурить!

И в такой ситуации Сырников мог шутить...

Здесь, в 18-й отдельной морской эскадрилье военно-воздушных сил Балтийского флота, Сырников в довольно короткий срок зарекомендовал себя как отличный партийный организатор. Свидетельство тому — орден «Знак Почета», которым он был награжден годом позже.

Перед войной эскадрилья добилась хороших успехов в боевой подготовке. В ней было десять ночных экипажей из двенадцати, остальные два закончили подготовку за три-четыре недели.

...Первый боевой вылет прошел без встречи с противником, но напряжение осталось: началась война. После полета комиссар не пошел отдыхать — беседовал с летчиками, помог выпустить газету.

Очень трудным делом оказалась разведка хорошо знакомого летчикам Финского залива. Самолеты «МБР-2», по многим боевым и летным характеристикам уступающие фашистским, были вынуждены летать без истребительного прикрытия.

Сырников по крупицам собирал боевой опыт и сразу, не мешкая, делал его достоянием всех: летать нужно на высоте 250—400 метров, при появлении противника прижиматься к воде и находить выгодный ракурс для своих пулеметных точек.

— Можно ли драться на «МБР-2» с истребителями? Можно! Вчера два наших разведчика сцепились с четырьмя «фоккерами». На самолет Васина навалились сразу три истребителя. Однако летчик не растерялся: маневрировал на минимальной высоте. Стрелок-радист Кучеренко был ранен, но продолжал вести огонь и сбил «фоккер». И второй экипаж — летчика Пушкина — также сбил «фоккер».

Свою краткую информацию Сырников заключил так:

— Разведчику вступать в бой не нужно. Его задача — уйти от противника и доставить донесение. Но если уж вам навязали бой, то нужно грамотно его принять...

В эскадрилье — первые потери. Возвращавшийся из разведки старший лейтенант Кличугин был атакован тремя вражескими истребителями. Через две минуты нашему экипажу удалось сбить одну машину, но оставшиеся продолжали наседать и подожгли летающую лодку. Кличугин сел на воду и приказал экипажу покинуть горящую машину. Штурман и стрелок-радист погибли под пулеметными очередями истребителей, настигшими их уже в воде. Надув спасательный пояс, Кличугин стал отплывать от самолета. В это время рванули бензобаки. Когда шлюпка подобрала летчика, он был без сознания. У него были обожжены лицо, шея, в бедре застряла пуля.

«Вот это человек! — восхищался позднее батальонный комиссар.— Едва вышел из госпиталя, а уже снова летает».

Разбирая с Кличугиным тот бой, Сырников говорил летчику:

— Почему тебя так быстро сбили? Увлекся боем и не снизился в нужный момент. Прижался бы к воде — истребитель тебя не достал бы...

26 июня над местом базирования эскадрильи появился чужой самолет — это был фашистский разведчик. В западной стороне аэродрома комиссар заметил белые ракеты, которыми кто-то обозначал расположение части. На следующую ночь в той же стороне взлетели две зеленые ракеты. По сообщению штаба полка, туда с самолета был сброшен вражеский парашютист. Сырников собрал добровольцев и повел их на поиски. Никого найти не удалось... Сырников поручил комсомольцам деревни Демикино понаблюдать ночью за вражескими самолетами и помочь таким образом Красной Армии.

Через некоторое время рядом с аэродромом вновь взлетели две красные ракеты. На этот раз Сырников с добровольцами пошел на катере к западному берегу озера. Высадившись, группа стала прочесывать лес. Уже начало светать, когда обнаружили след лошади, ведущий в деревню. Вскоре нашлась и сама лошадь с брошенными поводьями, рядом с ней крутилась собака. Подняли местных жителей — никто из них на лошади не ездил, да и собака оказалась чужой. Чуть позже были обнаружены два подозрительных человека без документов. Местные жители их не признали... Задержанных отправили в особый отдел. После этого ракеты над аэродромом уже не взлетали.

За первый месяц войны Сырников совершил шестнадцать полетов. Однажды шли над селом, в котором стояла крупная гитлеровская часть. Комиссар был штурманом на ведущем бомбардировщике (с 20 июля «МБР-2» использовались только как ночные бомбардировщики). Противник обнаружил машины и открыл заградительный огонь из четырех зенитных батарей. Перед самолетами встала стена огня. Светящиеся трассы снарядов рвали ночную темноту неба.

Первым сбросил бомбы самолет Сырникова, за ним — ведомые. Звено отбомбилось с ювелирной точностью. Вражеские батареи прекратили огонь...

Однако комиссар умел не только прицельно бомбить и добывать важные разведывательные данные. У Василия Максимовича был куда более ценный дар — быстро находить подход к людям, дойти большевистским словом до каждого бойца. Он умел также правильно планировать свою работу. Каждый вечер делал в рабочей тетради подробные пометки — предписание себе самому — и всегда выполнял намеченное.

На первых порах летчики да и сам комиссар засыпали командование рапортами с просьбой перевести на современные машины. В эскадрилье создалась несколько нервозная обстановка. Первым это осознал комиссар:

— Товарищи! Верно, мало еще у нас новых машин! Придется подождать, когда развернется наша авиапромышленность за Уралом. А пока давайте выполнять свой долг на тех самолетах, которые имеем! Ведь даже «У-2» по ночам летают на передовую с двумя бомбами по пятьдесят килограммов! А «МБР» может брать четыреста—шестьсот!

Авторитет комиссара подействовал — в эскадрилье уменьшилось количество рапортов о переводе. Морские разведчики, которых стали использовать ночью, попробовали бомбить сухопутные цели и довольно скоро добились высоких результатов.

В первый период войны в Прибалтике, с начала военных действий и по ноябрь 1941 года, гитлеровские танки и мотомехвойска развернули активное наступление. Передвигаясь крупными колоннами, они представляли собой удобную цель для бомбометания. Метеорологическая обстановка также благоприятствовала боевой работе морских ближних разведчиков. Иногда с наступлением темноты для разведки высылался один из наиболее подготовленных экипажей. «МБР-2» поднимали на своих крыльях полный боекомплект. Нередко Сырников сам участвовал в таких полетах.

Однажды бомбы были сброшены на железнодорожную станцию и вызвали пожар. На подходе к своему аэродрому в районе озера Долгое самолет комиссара неожиданно был обстрелян и получил более сотни пробоин.

Сразу по возвращении Сырников сказал командиру эскадрильи:

— В это место надо бы послать шестерку машин! Похоже, там нас ждет солидная добыча!

В самом деле, потом выяснилось, что в том районе под мощным прикрытием средств ПВО находилась крупная группировка противника. Вот этой-то группировке основательно досталось от морских разведчиков.

«МБР-2» летали в таких метеорологических условиях, когда

другие самолеты предпочитали не рисковать. Мало того что погода нелетная, еще и непроглядная ночная темь.

Каким мастерством должен обладать штурман, чтобы проложить курс в этакой ночи, и каким виртуозом должен быть летчик, чтобы не сбиться с курса!

...Перед вылетом штурманов ознакомили с метеоусловиями по маршруту полета: «Облачность тянется от нашего аэродрома на запад, вплоть до района цели. Ветер восточный — 9 метров в секунду. От деревни Н. до города Т. полоса дождя...»

Штурман Сырников по-своему прокомментировал сообщение синоптика:

— Как видите, товарищи, ничего лучше для нас метеоролог придумать не мог — погода абсолютно нелетная!

Можно только удивляться, как штурманы умудрялись находить цель! Ведь им приходилось работать в открытых кабинах. Попробуй рассмотреть ориентиры и различить нужный объект, когда от встречного ветра слезятся глаза!

Нет большей радости для Сырникова, чем вернуться раньше и встретить тех, с кем вместе вылетел, целыми и невредимыми. Все вернулись! Комиссар готов шутить, смеяться.

— Как слетал?

Донесения летчиков, как правило, кратки:

— До цели дошел, бросил осветительную ракету, возле перекрестка бомбил стога сена. Похоже, там были укрыты боеприпасы. И как же начали эти стога взрываться! Очень мощные взрывы. Обратно шел нормально, если не считать зениток. Били по звуку, на «авось» — жаль, бомб не осталось!

— А как сами слетали, товарищ комиссар?

— Слетал нормально, ударил по железнодорожному полотну, попал в цистерну с горючим — пламя полыхнуло! Угодили в переплет — под зенитный огонь. Пробоины есть, да пустяковые! Видишь, шлем поцарапало. Хорошо, что голова цела!

В первых числах августа Сырников получил письмо от сестры Ани из Донбасса. Настроение Василия Максимовича отразилось в строчках его дневника: «Получил сообщение, что под Луцком тяжело ранен старший брат Саня осколками в спину, ногу и бедро, в тяжелом состоянии доставлен в Коростень, затем в Киев и Харьков... Очевидно, умер и младший брат Ваня, подробностей не знаю. Оба члены ВКП(б). У обоих осталась семья, дети. Очень тяжелая потеря. Остается только одно: гордиться, что они умерли патриотами Родины, что не были трусами... Аня просит: «Отомсти за своих братьев проклятым людоедам-гитлеровцам, которые так жутко издеваются над нашим народом...» Не сомневайся, дорогая сестра, отомщу или так же умру за Родину, как погибли мои братья».

Эскадрилью морских ближних разведчиков перевели на новое место: озеро Гора-Валдай. Комиссар Сырников занялся организацией обороны гарнизона. Запись в дневнике от 7 августа: «Нужны проволочные заграждения, окопы, канавы, ямы, траншеи, рвы, а самое главное — воля, железная воля к победе». На этой почве, то есть в военном вопросе, у Василия Максимовича стали портиться отношения с командиром эскадрильи — «возложенную на него задачу он понимает меньше, чем подчиненные ему бойцы, и в этом есть определенная опасность. Нужна крепкая встряска таким руководителям, надо отказаться от благодушия и сонливости...».

25 августа Василий Максимович совершил последний полет над Балтикой. Экипаж выполнил задание по уничтожению живой силы противника. Бомбы штурман Сырников положил в цель, как всегда, очень точно. По возвращении узнал, что эскадрилье приказано срочно, без материальной части, перебазироваться на Черное море. Комиссар подвел итоги в своей клеенчатой рабочей тетради: «Совершено 997 боевых вылетов. На голову врага сброшено 463 тыс. 100 *кг* бомб. Поработали хорошо!»

Такие результаты боевой работы эскадрильи были в известной степени обусловлены правильной партийно-политической работой Сырникова. О нем появилось сообщение в газете «Правда» от 16 августа 1941 года: «Сырников заслуженно считается одним из лучших штурманов балтийской авиации. Все же штурманское дело для него не главное. Сырников — комиссар. Техникой, оружием руководят разум и воля людей. Поэтому все свои силы он отдает воспитанию разума и воли людей, воспитанию их стойкости, преданности, отваги, сознательной дисциплинированности, любви к Родине и большевистской партии».

Разъясняя причины успеха политработника, «Правда» писала: «Разговаривая с человеком, он всегда старается опереться на самое лучшее, самое здоровое, что в этом человеке есть. Надо заставить человека гордиться своими достоинствами и стыдиться своих недостатков. Невнимательное отношение к людям приводило комиссара в ярость».

По свидетельству ветеранов эскадрильи, Василий Максимович был не очень словоохотлив. Но он умел «разговаривать» каждой черточкой лица, выражением глаз, подкупал людей умением слушать — словом, был душой любого разговора. Говорил всегда спокойно, коротко, емко. Мог поддержать шутку. Имея свое мнение, он тем не менее всегда прислушивался к мнению других. Если был в чем-то полностью уверен, то правоту свою доказывал очень спокойно, корректно, как будто и не доказывал, а советовал. Главными чертами его характера были принципиальность и бескомпромиссность. К своей службе и обязанностям относился с высоким чувством долга. Однажды в разговоре с сослуживцами

высказался: «Плохо, когда человек в работе видит только себя, а не работу в целом».

...Эскадрилья перебазировалась в Ейское авиационное училище. Там из учебных самолетов техники должны были отобрать лучшие и передать в эскадрилью.

Комиссар возражал против передачи эскадрилье «МБР-2» со старым двигателем «М-17», который был ненадежен. Однако руководство училища настаивало на том, чтобы ленинградцы брали те самолеты, которые дают. Комиссар, а под его влиянием и командир эскадрильи наотрез отказались принимать летающие лодки со старыми двигателями. «Ух и кремень-мужик»,— говорили про Сырникова.

Конфликт получил широкую огласку. В училище приехал командующий морской авиацией С. Ф. Жаворонков.

В прошлом политработник, командующий сразу же стал вникать во все тонкости создавшегося положения. Он убедился, что на все машины надо ставить новые «М-34», которые в училище имелись в достаточном количестве.

1 октября 1941 года эскадрилья перебазировалась на озеро Донузлав, которое использовалось «мокрой» авиацией Черноморского флота для ночных боевых действий. Почти у всех частей имелись свои стационарные гидроаэродромы.

Довольно быстро гитлеровцы узнали, что на Донузлаве базируются летающие лодки, и стали систематически бомбить их стоянки. Ленинградские авиаторы научились маскировке в степных условиях. Потому потерь от налетов вражеской авиации почти не было. Однако заправку самолетов и подвеску бомб приходилось производить ночью, в полной темноте, на ощупь. Управление ночным стартом осуществлялось с одного места для всей действующей на Донузлаве авиации. Пилоты должны были хорошо уметь садиться по лучу прожектора. Все эти затруднения требовали от летчиков 18-й эскадрильи максимального напряжения сил.

Как только прибыли на новое место, сразу получили задание от командира 119-го полка, которому эскадрилья подчинялась в оперативном отношении: семи самолетам вылететь в район Одессы и нанести бомбовый удар по скоплению вражеских войск. Как часто бывало, первой взяла старт машина комиссара... С этого времени летали ночью и днем. Экипажи работали по 10—12 часов в сутки.

Про тот первый полет на Одессу, который был совершен через несколько часов после перебазирования, следует кое-что добавить. Возвращаясь на аэродром, командир летающей лодки обнаружил, что приборы показывают резкое падение давления в маслосистеме.

Он приказал штурману подкачать масло из нижнего бака. Дело обычное, и летчик ничуть не сомневался, что не пройдет и минуты, как масло будет нормально поступать в мотор. Однако давление продолжало понижаться. Стала падать и высота полета.

— Масляный насос вышел из строя! — доложил Сырников.

«Скучное дело! — размышлял летчик.— Мотор без масла протянет от силы пять минут! А дальше что?..»

— Сейчас все будет в порядке! — прервал его невеселые мысли голос в наушниках.

Уже по тону комиссара летчик догадался, что тот нашел выход. И в самом деле, прибор вскоре стал показывать нормальное давление. Сырников заменил масляный насос водяным, которым откачивали воду со дна гидросамолета, брючный ремень и носовой платок послужили подсобным материалом...

Днем с воздуха Донузлав казался мертвым. Но как только солнце опускалось за капонирами *, в которых укрывались летающие лодки, на аэродроме начиналась настоящая работа. Юрко сновал маленький тягач, подтаскивающий машины к месту их спуска на воду. Осторожно поддерживая самолеты за ажурные плоскости, под которыми оружейники уже подвесили бомбы, стартовая команда спускала «МБР-2» по деревянным настилам в воду. Едва оказывался на плаву первый гидросамолет, дюжие краснофлотцы — водолазы в резиновых костюмах — шли в холодную воду и быстро отсоединяли перекатное шасси. Запускался мотор. Заметно ускоряя бег, лодка неслась по озеру. Оторвавшись от воды, самолет исчезал в ночной мгле. Следом спускали вторую машину, третью...

Ночные бомбардировщики норовили действовать по заранее разработанному сценарию — простому, но достаточно эффективному. Чтобы обнаружить скопление вражеской пехоты и техники, гидросамолеты снижались до высоты 600—800 метров и сбрасывали по одной бомбе. Гитлеровцы открывали огонь из зенитных пулеметов и стрелкового оружия. Вот тогда-то весь бомбовый груз сбрасывался туда, где огонь был плотнее всего.

Вернувшись на аэродром, Сырников оставался на гидроспуске, чтобы встретить остальные экипажи, и терпеливо ждал, пока вернутся все. Наконец приводнялся последний, седьмой гидросамолет. Люди оттаивали душой, становились разговорчивее, охотнее шутили. Один из штурманов рассказывал:

— Сегодня мы отштурмовали, идем обратно. Вдруг вижу вспышку. Мигом сообразил: фара! Ищет нашего брата «хейнкель» — перехватчик. А у меня ни одного патрона! А ночник выхлопы от мотора запеленговал и, вражина, выходит в лобовую атаку.

---

* Капонир — место стоянки самолета, защищенное валом от осколков и ударной волны.

Сгоряча схватил ракетницу и спустил курок. Ракета понеслась — и «хейнкель» испугался! Выключил свою фару и ушел! Верно, подумал, что я его «эрэсом» хочу угостить!

Сырников внимательно выслушал «историю», потом спокойно заметил:

— Это хорошо, что немца напугал. А скажи, почему с температурой пошел в полет? И вообще, что это за порядок — скрывать болезнь от командования?

— Верите ли, товарищ комиссар, сам не знал! Как услышал, что боевой вылет предстоит, так сразу перестал себя плохо чувствовать!

— Шагом марш в столовую! Там, поди, вас заждались.

Вместе с последним экипажем отправился подкрепиться и Сырников. Затем — к техникам, проверить, как идет ремонт. Дело это в полевых условиях для эскадрильи совершенно новое. Но техники и мотористы оказались на высоте: пробоины заделывали быстро и умело. Для ремонта деревянных самолетов «МБР-2» необходима сушка, которая обычно занимает два-три дня. Техники нашли выход. Разводили небольшие костры, грели песок, затем насыпали его в мешочки и сушили места склеек. Дело спорилось!

Комиссар никогда не менял заведенный им самим распорядок — встречу экипажей и посещение техников. Перед сном аккуратно записывал фамилии отличившихся и тех, с кем нужно было еще работать...

28 октября эскадрилья перелетела на озеро Тобечик. В дневнике появились новые строчки: «Сейчас каждый член партии проверяется на деле, действительно ли он, как писал в заявлении при вступлении, готов полностью отдаться борьбе... Надо помнить слова товарища Чкалова: «Пока мои глаза видят землю, а руки держат штурвал, я буду драться до последней капли крови». Что бы ни было, но войну выиграем мы».

Со стороны казалось, что жизненная энергия комиссара неисчерпаема. Но изнуряющие фронтовые будни подтачивали силы. Лишь дневнику доверял Сырников такое: «Я нездоров, страшно болит голова, а самое главное — какое-то гнетущее состояние. Какая-то слабость овладела мною: идет на ум семья, отец, очевидно, замученный немцами, сестры — тоже, погибшие в боях братья, и как-то мучительно тяжело. За все время войны со мной это впервые. Буду считать, что это временное явление: коммунист, настоящий коммунист не должен терять трезвого рассудка... Должно хватить силы воли, чтобы избавиться от этой слабости. Верно, хотелось взглянуть на жену, на ребят...»

Последний день ноября 1941 года. Комиссар Сырников сделал очередную запись в дневнике: «С фронта прекрасные вести: наши теснят немцев. Эта новость очень обрадовала нашу эскадрилью.

Чувствуется бодрость и прилив сил. Готовим самодеятельность, и люди работают с видимым удовольствием. Много читаем — моральная пища крепко поддерживает. Не хватает одного — боевой работы: не позволяет погода. Хорошо бы переброситься в Ейск, оттуда можно бить врага и даже с удобствами. Опять в Ростове водружено Красное Знамя. Скучно, очень скучно без боевой работы...»

В эскадрилью для проверки политработы прибыл комиссар 119-го полка. Ко всяким проверкам и инспекциям Сырников относился спокойно. Но не успел он показать план работы, как объявили боевую тревогу. Наскоро облачившись в кожаные доспехи, командный состав эскадрильи устремился на КП. Две машины ушли на воздушную разведку, остальные были в готовности. Перед вылетом Сырников успел самокритично (документы остались в «каюте» — маленькой комнатушке в летнем флигеле) рассказать о делах эскадрильи и о своей работе. Проверяющий ее одобрил, похвалил комиссара. Сырников удивился, что инспектор поверил ему на слово.

— Василий Максимович! Не спрашиваю документов, потому что твердо верю: вы не подведете!

Сырников предложил повысить боевую активность лодочных самолетов эскадрильи, используя их вблизи линии фронта на колесном шасси. Тогда самолеты могли бы обернуться по нескольку раз за ночь. Больше всего для этой цели подходил сухопутный аэродром под Ейском. 4 января в часть прибыл начальник штаба ВВС Черноморского флота и сообщил, что обстановка резко изменилась, поэтому на аэродроме под Ейском нужно поставить крест и подыскивать место у озера Тобечик. Сырников записал в тот вечер в дневнике: «Я не привык критиковать начальство, тем более что обстановка резко изменилась. Но почему так долго тянули с ответом? Почему было не дать нам поработать с сухопутного аэродрома хотя бы несколько дней, когда мы бездействуем из-за тумана над водой? Почему бы поисками сухопутного аэродрома для «МБР-2» не заняться кому-либо из работников штаба авиации ЧФ: штурману или инспектору по технике пилотирования?»

...20 января Сырников наконец получил долгожданную весточку из дома. «Очень обрадовали меня каракули Эдика. Нарисовал, похоже, линкор... С обратной стороны совершенно ясно написано: «Папа, громи врага до конца. Приезжай к нам скорей. Эдик». Как бы я хотел их всех троих увидеть! Придет же счастливое время, когда все семьи снова будут вместе...»

На следующий день в эскадрилье произошло несчастье. Из-за усилившегося ветра два самолета не могли попасть на свой

гидроаэродром и сели в другом месте, выбросившись на берег. Спасать машины на катере с краснофлотцами пошел Сырников. Выяснилось, что буксировать машины по воде нельзя. Присмотрели место, где их можно вытащить на берег. На помощь со стороны рассчитывать было нечего, и Василий Максимович взял командование на себя. Пришлось самому влезть в воду... Четыре часа каторжной работы — но гидросамолеты спасли.

Январская купель не прошла бесследно — Сырников застудился. Однако продолжал летать и исполнять свои комиссарские обязанности.

В одном из разведывательных полетов пропали два гидросамолета. В эскадрилье создалась довольно сложная обстановка: у летчиков, прямо скажем, не было желания идти по тому же маршруту на разведку. Тогда комиссар вызвался лететь с одним из молодых летчиков.

Погода в тот день стояла неважная. Летающая лодка комиссара взлетела уже в глубоких сумерках. Маршрут не очень продолжительный: Симферополь — Сарабуз — Евпатория — Саки. Под крылом подвешено шестьсот килограммов бомб, взяли много пачек листовок.

Над морем ясно, сквозь редкие облачка проглядывают звезды. На высоте в две тысячи метров пересекли линию фронта... Над Бахчисараем в самолет вцепились белые щупальца прожекторов и началась огневая зенитно-пулеметная свистопляска. По команде штурмана летчик набрал высоту, и вскоре машина скрылась в облаках. Сырников и стрелок-радист стали сбрасывать листовки — ведь здесь вдоль железной дороги живет много людей. Сзади прожектора обшаривали пустые облака. Снизились до шестисот метров, земли не видно. Спустились до четырехсот — и... вышли из облаков. Придерживаясь направления железной дороги, гидросамолет пошел к Симферополю на высоте около трехсот метров. Земля проглядывалась очень плохо, сверху лил дождь. На малом вираже за борт посыпались листовки...

«МБР-2» полетел дальше — вдоль железной дороги на Сарабуз.

Вот и берег у Бельбека, где обрывается линия сухопутной обороны противника. Здесь самолет поджидала неожиданность: по нему начал стрелять из-под обрыва зенитный пулемет. Из своих пулеметов ему ответили Сырников и стрелок-радист. По вспышкам им хорошо было видно, куда стрелять. Фашист замолчал.

Дождь продолжал хлестать, влага проникала под обмундирование, которое противно прилипало к телу. Но они уже дома — на воду лег луч прожектора, и «МБР-2» сел на озеро. Луч сразу потух, а к летающей лодке подскочил катерок с буксировочными концами. Через пять минут самолет уже на берегу, в своем капонире.

Разведка закончена. После того полета все стали безбоязненно летать по этому маршруту: «С нашим комиссаром — хоть куда!»

Подошел день Красной Армии и Военно-Морского Флота, и в дневнике Сырникова появились строчки: «В ночь под праздник мы били немцев. Сброшено 2700 *кг* бомб. Летало 10 самолетов. Затем днем устроили обед с вином. Были артисты, правда, не очень хорошие. Пришел на обед к 12 часам, хотя он начался в 10.00 — пришлось выпускать два самолета в разведку. К этому времени наш народ уже «подгулял», и приходилось переходить от одной группы людей к другой. Каждый норовит затащить к себе за стол, чтобы произнести тост... Пришлось обойти летные экипажи, затем стрелков-радистов и технический состав. Трудновато пришлось...» А вот запись чуть ниже: «Радует, что сегодня ночью вылет был организован исключительно хорошо. За 25 минут спустили на воду десять самолетов, и они улетели, и при этом не было ни одного нарушения. Выпуск машин мы отработали...»

27 февраля 1942 года комиссар был переведен на новое место службы в 82-ю ОАЭ *. Дневник так свидетельствует об этом событии: «Перетащил свой скарб. Выступил перед бывшими сослуживцами с короткой речью... Когда сказал об уходе, послышался глухой ропот сожаления. Очень было трудно говорить с людьми, которые меня воспитали. Шутка ли: 6 лет проработать в части, затем уходить от людей! Строй распустили, меня хотели качать — не разрешил, а затем долго не отпускали, обступив кольцом».

На новом месте перед комиссаром поставлена задача: как можно быстрее ввести в боевой строй молодых летчиков. С первого дня Сырников почувствовал: новому командиру эскадрильи не нравится, что политработник вникает во все направления работы в подразделении. До Сырникова у него были комиссары, которые находились на положении помполитов. Василий Максимович решил восстановить право комиссара — заниматься в одинаковой степени с командиром всеми вопросами боевой работы. Не нравились Сырникову и некоторые порядки в новой эскадрилье: почему-то не проводится предполетная проработка заданий, не организована командирская учеба. Партийная работа не налажена...

В апреле Сырников совершил первый в новой эскадрилье вылет на воздушную разведку. Полет был сложным: туман, дождь, временами видимость — ноль. Дважды встречались с «мессершмиттом». Вот запись: «Сложность полета, в частности для меня, заключалась в том, что с сегодняшнего дня были даны новые обозначения квадратов и их пришлось усвоить за 15 минут, большего времени у нас не было. Вопреки всем ожиданиям, полет прошел без недора-

---

* Отдельная авиационная эскадрилья.

зумений, хотя с точки зрения «Наставления по производству полетов» мы сделали нарушение: при такой погоде выполнять задание было нельзя».

Много после этого полета было разговоров о штурманском мастерстве комиссара. После этого каждую ночь тихоходные почтенные «МБР-2» 82-й эскадрильи стали регулярно вылетать на боевую работу. От их метких бомбовых ударов взлетали на воздух железнодорожные составы, казармы, транспорты с грузами, склады горючего и боеприпасов. Одна из напряженных ночей была в начале мая, когда сделали более полусотни боевых вылетов и, по данным армейской разведки, подтвержденным другими источниками, уничтожили более тысячи гитлеровцев. Ночью работа, днем отдых и томительное ожидание темноты, чтобы снова сбрасывать бомбы на головы непрошеных гостей.

Утром 28 мая 1942 года два гидросамолета «МБР-2» вылетели на задание: на ведущем штурманом был Сырников. День выдался такой погожий и безоблачный, что вспомнилась прелесть довоенных полетов. Ласково голубела морская даль, манила синева неба. Слабой дымкой подернулся далекий горизонт. Спокойно!.. Даже не верилось, что где-то идет война и что самолеты вылетали не на тренировочный полет, а на боевое задание.

Комиссар первым заметил из своей кабины далеко слева темную точку. Приближаясь со стороны вражеского берега, она быстро росла и вот уже обрела силуэт, по которому можно было безошибочно определить «Хейнкель-111».

Сырников спокойно доложил летчику Кумейко:

— «Хейнкель» слева, идет встречным курсом!

— Вижу,— так же спокойно ответил тот.

На ведомом самолете был необстрелянный экипаж, еще не участвовавший в воздушных боях. Чтобы привлечь внимание летчиков, комиссар короткой очередью, трассирующими, полоснул в сторону «хейнкеля». На ведомом заметили противника и изготовились к бою.

Подойдя ближе, фашист лег на боевой курс, пытаясь напасть на ведомого: видно, пилот был опытен и старался не рисковать. Но ведомый гидросамолет ловким маневром вышел из-под огня.

Приняли решение начать дуэль с бомбардировщиком и дать уйти ведомому экипажу. Кумейко резко развернулся над поверхностью моря и пошел в лобовую атаку. Комиссар приник к пулемету. Навстречу противнику понеслись яркие трассы коротких очередей. Фашист не выдержал и ушел в сторону. Его черная тень скользнула по чистой поверхности воды. Стрелок-радист успел передать перед атакой радиограмму: «Веду воздушный бой. Квадрат...»

Сорок пять минут продолжался поединок между летающей лодкой, вооруженной двумя пулеметами ШКАС, и бомбардировщиком, оснащенным пушками, обладающим двойным преимуществом в скорости. Опытный летчик Кумейко почти вплотную прижался к воде и ходил кругами, чтобы не дать противнику зайти себе в хвост. Фашист боялся спускаться ниже: психология у него сухопутная, страшит близость воды. И в самом деле, чуть что — нырнешь в море!

Летчики-комсомольцы ведомого экипажа прекрасно поняли, что Сырников и Кумейко прикрыли их собой от гибели, и не вышли из боя. «Хейнкель» изменил тактику — теперь он старался бить из пушек короткими очередями с дальних дистанций, а летающая лодка Кумейко все время заходила ему в лоб. Но вот очередь сразила стрелка-радиста, и комиссар повел стрельбу один.

На какое-то мгновение самолет Кумейко завис в воздухе, но тут и его зацепила длинная очередь. Экипаж ведомого «МБР-2» видел, как поник в турели убитый комиссар, как беспомощно опустилась голова Кумейко. Последняя ответная очередь сверкающей лентой понеслась к фашистскому бомбардировщику. Это комиссар, умирая, сжал окоченевшими пальцами спуск и, мертвый, продолжал бой...

Пулемет комиссара еще стрелял, когда самолет беспомощно завалился на крыло и упал в море. Взрыв — все кончено... «Хейнкель», торжествуя победу, которая досталась ему нелегко, сделал круг над местом падения машины и помахал крыльями.

Не рано ли обрадовался? «За комиссара, за товарищей!» — крикнул в микрофон переговорного устройства младший лейтенант Турапин, пилот ведомого «МБР-2» и повел самолет в лобовую атаку. «Хейнкель» отвалил в сторону, но затем снова пошел на сближение. Тяжело ранило молодого штурмана Чуенко, но он, позабыв о боли, продолжал стрелять. Одной из очередей ему удалось сразить вражеского штурмана. «Хейнкель» шарахнулся в сторону, но вскоре снова пошел в атаку. Когда самолеты сблизились, Турапин развернул свой «МБР-2» так, чтобы стрелок и штурман могли стрелять одновременно, и трассы ШКАСов сошлись на кабине вражеского бомбардировщика. «Хейнкель» задымился, неуклюже качнулся влево и врезался в воду.

Подбитая машина Турапина с тяжелораненым штурманом благополучно долетела до своего аэродрома. Там комсомольцы рассказали о гибели комиссара.

...Сырников был награжден двумя орденами Ленина, но ни один из них ему вручить так и не успели. В январе 1944 года 82-й морской отдельной эскадрилье ВВС Черноморского флота было присвоено имя батальонного комиссара Василия Максимовича Сырникова.

Инна
БРЯНСКАЯ

ТАКАЯ ДОЛЖНОСТЬ — ШТУРМАН

Полк перебросили за Волгу. До того он базировался в Подмосковье. С новой стоянки с «подскоком» в Кирсанове было ближе летать на Сталинград. Кирсановский «подскок» — промежуточная база, попутный аэродром. Впрочем, «аэродром» — это громко сказано. Когда они впервые прилетели сюда, увидели лишь заледенелое летное поле. Ноябрь сорок второго, только переваливший за середину, был лютым, морозным. Режущий ветер гнал снежную поземку, будто кто-то гигантской метлой небрежно раскидывал морозную пыль. Ни кустика, ни деревца, ни дома, ни сарая — негде укрыться от колкого ветра, от стужи, пробирающей и под меховым комбинезоном. Полевой аэродром — ничего не поделаешь. Раздумывать, горевать, сетовать, что не подготовили им стоянку, не приходилось. Стали строить ледяные шалаши. Как в сказке: «И выстроил заяц себе избушку не лубяную — ледяную». Лепили покатые снежные стены, обливали их для крепости водой, прорубали дверцу, в которую только ползком и влезешь, завешивали ее брезентом, ящики — вместо стола и лежанок, прокеросиненный фитиль, вставленный в гильзу,— он же и лампа и печь. Так и жили. Долго, конечно, в такой палатке не высидишь. Но перерывы между полетами были тогда коротки. Приземлялись, техники на скорую руку латали пробоины, осматривали, подправляли машины, заливали баки, и снова — в небесную тьму.

Василию Белошицкому, заместителю командира эскадрильи по политической части, по боевому расчету в полетах можно было не участвовать. Он мог не торчать всю ночь на аэродроме, на ветру и холоде, от которого не спасал и ледяной шалаш. Имел право наезжать сюда лишь изредка, работать вместе с командным составом полка в самом Кирсанове, отдыхать в теплом общежитии. Дел хватало и на земле. Но разве он не такой же летчик, как его товарищи? И как агитировать, говорить о мужестве, стойкости, о святой необходимости выполнить долг перед Отчизной, о Сталинграде, где сейчас решается судьба войны и где прозвучали слова: «Стоять насмерть, ни шагу назад!»? Как уберечь слабого (что скрывать, и такие были) от отчаяния?

Он, комиссар, должен делить вместе со всеми и ночные полеты, когда ты как с завязанными глазами, словно ощупью пробираешься по темному коридору; и опасность, и ледяной шалаш, где, будто в норе, коротаешь время между полетами. Белошицкий летал наравне с однополчанами, а то и чаще, на самые ответственные и опасные задания. Постоянного экипажа у него не было (ведь официально он был свободен от полетов). Его держали, что называется, на подхвате. Заменял то одного штурмана, то другого.

Замполиту везло. Самолетная обшивка, случалось, изрешечена, а ему и экипажу хоть бы что — ни царапины. «Заговорен, что ли?» — смеялись в полку. Он и сам посмеивался.

Сейчас, спустя сорок с лишним лет, все его девятнадцать сталинградских боевых вылетов слились в один. Хотя нет, тот полет на Гумрак освещен в памяти все же ярче прочих. Однако и тогда ничего чрезвычайного, к счастью, не произошло.

В Гумраке, под Сталинградом, находился немецкий аэродром. Единственное место, откуда окруженные, загнанные в «котел» фашисты переправляли в свой тыл важное начальство, раненых. Сюда доставлялись продукты, почта. Разбомбить его, уничтожить эту воздушную дорогу — таково боевое задание. Поднялись на рассвете.

Аэродром, до отказа забитый техникой, просматривался хорошо, как на ладони. Куда ни кинь свой груз, всюду он обернется пожаром. Но нужно использовать бомбы наиболее эффективно. Штурман выбрал участок, где машин побольше. Нажал на кнопку сбрасывания. Впервые так ясно он видел результаты своей работы: неслышно разламываются на куски самолеты, в огненных столбах взмывают в воздух обломки — гарь, дым... Жаль, бомбы на исходе. Штурман дал команду снизиться и расстрелять наземную цель из пушек и пулеметов. Обычно они использовались лишь для обороны, но здесь такой случай: молчат вражеские зенитки, снаряды у них кончились, что ли? Сделали несколько заходов. Стерли аэродром, будто и не было его, благополучно вернулись на базу.

Да, Белощицкому везло, словно и вправду заговоренный. Сто боевых вылетов за войну — ни ранения, ни царапины. А ведь лез, что называется, в самое пекло. Правда, и осмотрителен был, с себя строго взыскивал и других за лихачество ругал.

Я приехала к Василию Яковлевичу в районный комитет ДОСААФ, разместившийся на первом этаже большого московского жилого дома. Генерал-майор в отставке Белошицкий — председатель этого комитета. Мы сидим в тесном его кабинете. Василий Яковлевич терпеливо, будто непонятливому ребенку, втолковывает мне, по его мнению, очевидное, разъяснений не требующее.

— Что чувствуешь в первый свой вылет? Есть ли страх и как побороть его? — задумывается на секунду, улыбается: — Вы не поверите, даже в самый первый вылет, я летел тогда в глубокий тыл врага, страха не было.— Он так и выговорил с расстановкой: «Не бы-ло».— И быть не могло. Не только у меня. Не потому, что я такой бесстрашный. Бояться не было времени. Что такое полет? Работа, и работа напряженная, ответственная, требующая отдачи всех умственных и волевых сил. На переживания и секунды не остается. О страхе думать некогда...

Весной сорок второго года Белошицкий окончил ускоренный курс Военно-политической академии имени В. И. Ленина, куда поступил еще в мирное время. 22 июня 1941 года стоял у громкоговорителя на площади Маяковского, слушал речь Молотова. Василий и его сокурсники были уверены: учеба прервется, их тут же отправят на фронт. Но занятия продолжались. Потом получили приказ об эвакуации академии. Каково им было уезжать на восток! Немцы под Москвой, а они, профессиональные военные, сытые, одетые, обутые, вооруженные,— из Москвы?! Эшелону давали зеленую улицу, но иногда и он останавливался на забитых разъездах. Слушатели высыпали на перрон. К ним бросались женщины, старики: «Куда же вы, сыночки, уезжаете, на кого вы нас, родимые, оставляете?» Что ответить на это? На каждом занятии преподаватели так же страстно, как и их слушатели, рвавшиеся на фронт, втолковывали: армии нужны не наскоро обученные — хорошо подготовленные командиры, образованные политработники, комиссары. Сейчас первейший долг, долг коммунистов — учиться, усваивать сложную военную науку.

В марте сорок второго скромный, но торжественный выпуск. Назначение. Василию и его другу Дмитрию Каплинскому — военными комиссарами авиационных эскадрилий 812-го дальнебомбардировочного полка. Счастливчики, они искренне жалели тех ребят, которых оставляли здесь, в тылу, в академии на преподавательской работе.

812-й дальнебомбардировочный, как сказали им в комендатуре, базировался на Волховском фронте. Линия фронта проходила по реке Волхов. На восточном берегу наши войска, на западном — враг.

К первому боевому вылету Белошицкий готовился тщательно. Изучал по карте маршрут, пытаясь предугадать все осложнения. Цель — укрепленный узел фашистской обороны в Киришах.

Штурман ведет полет. Он прокладывает самую короткую и безопасную дорогу к цели. Необходимо избежать прохода и над нашими частями: в темноте (а летали всегда ночью) могут не разобрать, советский самолет или вражеский, бывало, и свои подбивали.

Штурман ведет визуальное наблюдение, он должен одновременно видеть, что происходит на земле (а высота — три — пять тысяч метров и темень непроглядная), в воздухе — над ним, слева, справа от него; обязан представлять, что творится за спиною. Одновременно строго соблюдать ориентировку по времени, следить, чтобы самолет ни на градус не отклонился от курса, не упускать из виду приборы: учитывать скорость и направление ветра, атмосферное давление, малейшее изменение погодных условий, высоту полета. Без всего этого не рассчитать верно угол прицела. Найти в кромешной тьме цель тоже непросто. Надо суметь отыскать в ночи старательно замаскированное скопление войск, техники, эшелонов (да еще отличить груженые вагоны от порожняка). Словом, весь полет, пока не приземлишься на родном аэродроме, пока не заглохнут моторы, в напряжении.

На каждом политзанятии, на самой краткой летучке комиссар Белошицкий не уставал повторять: полет — это прежде всего работа, тяжелая, изнурительная, требующая собранности и разума, опыта, высокого мастерства, и выполнить эту работу надо как можно тщательнее, добросовестнее.

Василия вскоре вызвали в Москву и перевели в 4-й полк АДД — авиации дальнего действия.

Из Подмосковья наши самолеты совершали рейсы в глубокий тыл врага. Летали на Брянск, Смоленск, Минск, под Ленинград и Тихвин; и на юг, юго-запад — Кременчуг, Полтаву...

Однажды эскадрилья получила задание разбомбить военный аэродром под Брянском. Фашисты еще пытались оттуда дотянуться до Москвы. Надежно защищенная столица была им, конечно, уже не по зубам, но вот до пригородов их бомбардировщики пока доставали.

Короче, крупную летную базу, «осиное гнездо», как выразился тогда комэск, надо было вывести из строя, уничтожить. Задание сложное, все понимали, что такой аэродром хорошо защищен. Белошицкий рвался в этот полет. В полку он человек новый и, что скрывать, налетавший немного. Комиссар — второй, после командира, человек в эскадрилье. В подчинении у него опытные летчики, прошедшие жестокую школу сорок первого года. Белошицкий хотел доказать себе, всей эскадрилье, что и он освоил военную науку не по учебникам, что и он — настоящий боевой штурман. Он хотел, чтобы весомее было каждое слово комиссара, чтобы поверили ему однополчане, пошли за ним. Понимал это и командир эскадрильи: послал Белошицкого на Брянск. Комиссар полетел в экипаже опытного пилота Воробьева. Тот, конечно, был недоволен: новичка подсунули на боевое дело. Василий не мог не почувствовать такого к себе отношения. Но виду не подал.

Ночь была ясной, ни облачка. Небо светилось ровным звездным

сиянием, земля — не везде еще сошедшими снегами. Местность просматривалась отлично, но и они с земли — тоже как на ладони. И точно: только приблизились к цели — угодили в клещи прожекторов. В кабине будто стоваттные лампы зажглись, слепят глаза. Спрятаться, увернуться от них некуда. Штурман потерял цель, пролетел ее. Надо вернуться и сделать еще один заход. Дал команду на разворот, и пилоту ничего не оставалось, как подчиниться. Белошицкий сознавал свою вину. Наслышан был, что Воробьев не привык дважды на цель заходить — с ходу всегда бомбили. Что ж, развернулись, ушли от прожекторов и зениток, встали на боевой курс. Но только приблизились к цели, как снова их поймали прожектора, ураганный огонь зениток. А над землей будто черную маскировку натянули — это со света так казалось. Наобум бомбы бросать не станешь. Штурман только зубами скрипнул, отдал команду на новый разворот. К счастью Василия, думать о том, какова будет реакция Воробьева, экипажа — радиста и стрелка, было некогда. Он ушел в работу. Им владело лишь стремление найти наконец цель и сбросить на нее весь запас бомб. Но и с третьего захода это ему не удалось. Когда все же самолет вышел из ослепляющего перекрестья и Белошицкий глянул в оптический прицел, то увидел — цель снова позади. Воробьев безропотно сделал четвертый разворот, отошел подальше, соскользнул на большой скорости вниз, послушно следуя всем указаниям штурмана...

К аэродрому вышли точно. Только свето-огневая защита все же к цели не подпускала. Казалось, все зенитки разом ударили по самолету. Мелкие осколки бились в обшивку, стоял такой грохот, будто кто с размаху швырял камни в стальной лист. Машину кидало из стороны в сторону. Но штурман пообвыкнуть, что ли, успел, обрести особое ви́дение. Он поймал наконец в оптический прицел эту треклятую взлетную полосу. В единственно нужное мгновение нажал на кнопку бомбосбрасывателя.

Бомбы черными, отчетливо видными и в ночи точками сверху вниз прочертили небо («Ничего себе точечки,— подумал тогда Белошицкий,— полторы тысячи килограммов разом»). Облегченный самолет взмыл вверх. Штурман видел, как точно падают сброшенные им бомбы и, не сдержавшись, закричал: «Ур-ра!» Слышал, как то же прокричали и пилот, и стрелок, и радист. А Воробьев уже выводил машину из опасной зоны, держал курс на лес — на свой, партизанский лес. Прошел низко, над самыми деревьями: зенитки сюда еще доставали, так, если подобьют, хоть к своим попадешь.

Пересекли линию фронта, благополучно сели. Зарулили на стоянку, вылезли, осмотрели машину: двадцать три пробоины на фюзеляже и плоскостях. Воробьев подошел к Белошицкому. На его вспотевшем, усталом лице читались и удовлетворение (как же, труднейшее задание выполнено!), и упрек (только с четвертого

захода!). Что сказать штурману, заместителю комэска по политчасти? В воздухе он, Воробьев, конечно, командир, но на земле... Отвел глаза на изрешеченную машину, вздохнул: «Так мы с вами, товарищ комиссар, много не налетаем».

Может, и казалось Белошицкому, но теперь, после той бомбежки, вроде бы стали его на политзанятиях внимательнее слушать. Нет, со стороны все выглядело как всегда, однако Василий чувствовал, по глазам видел: многое изменилось. Приняла его теперь эскадрилья. По уставу, конечно, не могла не принять, но раньше, как говорится, сердце к нему не лежало. «Работать умеет, а летать научится» — так, наверное, думали летчики.

Разные люди сошлись в эскадрилье, с разными характерами и судьбами. Были такие, кто не понимал, как могла непобедимая Красная Армия в сорок первом допустить врага к самой Москве. Разве не пели все они перед войной о том, что мы летаем «выше, дальше, быстрее всех»?! Почему же мужественные «ястребки» — «И-153», «И-16», геройски бросавшиеся в самую отчаянную драку, были технически слабее «хейнкелей» и «мессершмиттов»? Возникало множество вопросов. И комиссар откровенно отвечал на них.

До нападения фашистов, объяснял он, страна не успела завершить перевооружение Красной Армии. Враг же, покорив страны Европы, поставил себе на службу всю ее военную промышленность. Напал внезапно. Да, временно оккупированы исконные наши земли — древние города Смоленск, Брянск... Пока это глубокий фашистский тыл. Но сейчас, весной сорок второго, Красная Армия наступает. Взгляните на карту: алые стрелы устремлены на запад. Медленно, но оттесняем врага назад. Разве разгром варварских орд под Москвой — не свидетельство нашей нарастающей силы? И приближение победы зависит от каждого из нас, от тебя, от меня и от него. Надо только не падать духом, летать, бомбить, учиться воевать, стойко переносить все тяготы военной жизни. Мы победим в небе, как начали побеждать на земле, хотя перевес в воздухе еще не за нами. Строятся самолеты новых марок, их все больше, и главное, они надежнее немецких.

Не учебники, не запасливо захваченные с собой академические лекции помогали тогда комиссару. Многие из летчиков ни разу не бывали в Москве, и он, проучившийся там всего год с небольшим, но исходивший столицу вдоль и поперек, рассказывал о московских улицах и площадях, о зеленых бульварах, о подземных дворцах метро и о вечерней Красной площади, о том, как закатное солнце загорается в красных кремлевских звездах, о мраморных плитах Мавзолея, о параде 7 ноября 1941 года. Видел в глазах ребят гордость и веру: не отдали Москву врагу и Ленинград не отдадим!

В мае сорок третьего Белошицкого назначили заместителем командира полка по политической части. Должность выше, но служба все та же — комиссарская. Командиром полка был у них тогда Алексей Евлампиевич Матросов, коренной ленинградец, бывший путиловец. Василию Яковлевичу в Ленинграде бывать не приходилось. Но, как и все, знал: город Ленина — колыбель нашей революции, красивейший из городов мира.

Фашисты обстреливали Ленинград из самых мощных дальнобойных орудий. Полк получил задание разбомбить, уничтожить эту артиллерийскую группировку.

Сводки о тех вылетах по сей день хранятся в архиве. За их официальной краткостью скрыты драматизм, риск, мужество, отвага, готовность к подвигу.

«...В ночь на 22.8.43 г. произведено 18 вылетов с задачей уничтожить артиллерию противника на огневых позициях в районе Беззаботино...»

«Двенадцать экипажей в период 21 ч. 47 м.— 22 ч. 45 м. на высоте 3300—3700 метров бомбардировали Беззаботинскую группировку. По донесению экипажей и контролера гвардии майора Белошицкого, в районе цели возникло до 9 очагов пожаров от взрывов. В период бомбардировки над целью непрерывно горели светящиеся авиабомбы (САБы), цель просматривалась хорошо, видны дороги, населенные пункты, другие крупные ориентиры. Все экипажи бомбили прицельно и задачи выполнили успешно. Над целью экипажи были обстреляны зенитной артиллерией среднего калибра до 3 батарей... В результате действия зенитной артиллерии противника у одного самолета выведен из строя правый мотор, пробиты мотоотсек, консольная часть в районе обтекания, маслобаки и правое колесо шасси.

Летчик гвардии капитан Никаноров Александр Александрович из района цели пришел на одном моторе и благополучно произвел посадку на своем аэродроме...»

Эти составленные замполитом полка донесения, поблекшие от времени листки, проясняют воспоминания; немудрено, что спустя сорок лет многие подробности стерлись.

Как и раньше, у Белошицкого не было своего экипажа, его включали то в один, то в другой, но пока бомбили Беззаботино, он летал туда каждую ночь. Комиссар приобрел теперь тот опыт, которого ему так не хватало в первых полетах.

Вместе с ленинградцами всю блокаду перенес поэт Николай Тихонов. Месяц за месяцем он описывал страдания, выпавшие на долю его несокрушимого города, великое мужество своих земляков. Был он очевидцем и этого налета наших бомбардировщиков

на фашистскую артиллерию: «В одну августовскую ночь... вспыхнули огромные осветительные лампы и рев многих моторов покрыл ожесточенную стрельбу зениток. Это было нашествие могучих бомбардировщиков, прорезавших ночь во всех направлениях. Если бы можно было писать огненными буквами на августовском небе: «Месть за ленинградцев!» — то летчики написали бы именно это. Взрывы были непрерывны. Казалось, тьма, стоявшая над сухим светом слепящих ламп, изливалась водопадом на головы немцев...

В следующую ночь снова повисли лампы, и новые тонны металла, ревя и гудя, обрушились на то, что уцелело от предыдущего налета. Это походило на извержение вулкана. И опять самолеты взялись, как из-под земли.

Они прочесали немецкие позиции своим раскаленным гребнем. И зловещая тишина встретила утро там, где прятались немцы, подло наносившие удары по Ленинграду. Сияло утро, и ни одно орудие не стреляло по городу».

Василий Яковлевич Белошицкий читал эту статью, опубликованную тогда в «Красной Звезде», во всех эскадрильях. Он сознавал: писательское слово — ценная награда летчику. Что могли увидеть они с воздуха: взрывы, огонь, дым... Но вот свидетельствует человек с земли, ленинградец, известный поэт.

Возвратившись из очередного полета, Василий обычно дожидался приземления всех самолетов. Потом, составив донесение в штаб, в усталости едва добредал до кровати. Проваливался в зыбкий предрассветный сон — видел маленькое пыльное украинское село близ Киева, родные Чеповичи. Выбеленная хата, мальвы в палисаднике, еще молодая, спорая в работе мать. Вот она легко, не глядя под ноги, несет из летней кухни в загорелых руках исходящий душистым паром чугунок с борщом. Они все — отец еще был жив — четверо сыновей сидят за столом...

Братья сейчас тоже на фронте, вестей от них нет, живы ли? А мать? Представить страшно: в оккупации. Василий гнал от себя тяжелые мысли, верил, надеялся. Вспоминал село мирным. Вот он еще в школе. С ним рядом за партой — девчонка, смешная, с тугою косицей и с веселой голубизной в глазах. Хорошее было время...

В Чеповичах создавался первый колхоз. Тяжело крестьянину, привыкшему одному, только своим трудом растить колос, только в свои закрома ссыпать зерно, только свою скотину обихаживать, вдруг все нажитое добро в общий котел отдать. Со своего двора корову, лошадь, плуг, косы даже — на общий, колхозный. В крестьянских головах это с трудом укладывалось. Вот они, Белошицкие, из бедняков, но коровенку, лошаденку имели, и расставаться

с ними было ох как трудно. В доме — бесконечные разговоры, споры. Дети убеждали: коллективный труд выгоднее, не вечно же за плугом ходить, а сообща трактор купить можно. Родители сыновей слушали, а больше всех меньшого, Василия. Сами неграмотные, старшие сыны только четыре года в школу ходили — работать надо было, а Вася уже семилетку заканчивает, учитель им не нахвалится. Как не послушаться его, не вступить в колхоз. Босоногие мальчишки теперь лучше стариков разбираются что к чему.

Прочитал Василий как-то в газете: производится набор в техникум советского строительства, адрес такой-то. Собрался, простился с родными и уехал в Киев. Провожать его пошла Людмила, та самая — с косой и голубыми глазами. Долго стояла на дороге; сколько ни оглядывался, все видел ее... Учиться ему нравилось, и город на высоком днепровском берегу полюбился. Техникум — в самом центре, на площади, посреди которой вздыбился конь Богдана Хмельницкого. По вечерам ходили на Владимирскую горку, по кирпичным дорожкам взбегали на самый ее верх, откуда виделись неоглядные заливные луга другого, низкого днепровского берега... Киев! Надругались над тобой фашисты. Но мы отомстим, еще как отомстим и за тебя тоже!

...Окончил техникум, вернулся домой. Людмила ждала его, писала чуть не каждый день. Но никто в селе, даже она, не знал, что Василий еще в Киеве пытался поступить в летное училище. Не один он рвался на военную службу. Из лучших студентов техникума, отличников, активистов отобрали четверых — Белошицкого в том числе. Комиссию прошли двое. Василия, вспомнить больно, забраковали: восемнадцати еще не исполнилось, ростом мал, худ. «Подрасти, сынок»,— посоветовали. Проработал в Чеповичах год с небольшим, в райкоме комсомола, и подал заявление в окружком: «Прошу направить в летное училище...»

Отрадны были эти думы о далеко отошедшей, казавшейся теперь сказочной мирной жизни.

В сорок четвертом гвардейский полк, в котором служил Белошицкий, стоял на Черниговщине. Василий решил отпроситься хоть на день домой, в Чеповичи. Просьбу замполита полка уважили: самолет выделили — лети! На картах его деревня не значилась, но кто не отыщет дорогу к дому?

Долго кружили над деревней, высматривали, искали площадку, где бы сесть удобнее. И еще с воздуха, пока приземлялись, видели: бежит народ к околице. Впереди всех — худенькая женщина, ватник распахнут, платок сбился на затылок, темная юбка бьется о тяжелые сапоги. Спешит, будто чувствует — ее сын. Не получала от него вестей: оккупация, какие уж тут письма. Но знала, словно кто шепнул — он!

Пробыли гостями до вечера, да разве здесь так скоро отпустят, еще на день остались. Легче потом Василию воевалось.

Порой в будничное течение полковой жизни врывались неожиданности. В полк вернулся Федор Подопригора. Самолет его сбили в начале войны, и ребята считали экипаж погибшим. А Федор жив и снова в родном полку. Значит, чудеса все же случаются?

Машина упала в воду. Из четверых только он, Подопригора, добрался до берега, вылез, потерял сознание. Очнулся — в плену. Как фашисты обходятся с пленными, уже наслышаны. Словом, оказался Федор в лагере под Смоленском. И других мыслей, кроме как о побеге, у него не было. Но дни текли в голоде, нечеловеческих унижениях. И вдруг, как в сказке, откуда ни возьмись, над лагерем — краснозвездный самолет, свой, бомбардировщик. Крутанул над бараками, врезал из пулеметов по вышкам, комендатуре, по охране. Махнул крылом и улетел. Среди уцелевшей немчуры — паника. Пленные не растерялись, сняли с убитых автоматы, прикончили остальных, разбежались. Группе Федора повезло. Перешли линию фронта, пробрались к своим. Теперь вот нашел родной полк. Интересно бы знать, что за бомбардировщик спас его, кто вел тот самолет, не нашего ли полка экипаж? Точно, нашего. И штурманом в нем был комиссар Белошицкий.

Василий Яковлевич помнил отчетливо. Он летал тогда на Смоленск. Задание было несложным: разведка погоды с попутным бомбометанием, выбор цели свободный. Вот он и выбрал цель. Бомбил станцию Красный Бор. Лагерь на карте обозначен, но бомбу туда не сбросишь: своих задеть можно. А из пулеметов, как известно, стрелять полагалось только в целях обороны. И все же! На большой скорости самолет зашел на цель, опасно снизился, штурман дал команду: по охране, по комендатуре...

Вновь архивные документы.

«Боевой приказ № 01 от 15.IV—1945 г.

Полку в ночь с 15 на 16. IV—1945 г. содействовать прорыву укреплений, разрушая сооружения противника в районе Най-Ланге (юго-восточнее Кюстрина). Бомбить только визуально и прицельно. Экипажу штурмана гвардии майора Белошицкого — контролировать».

Донесения:

«В ночь с 15.IV на 16.IV.45 г. вылетело 17 экипажей. Все бомбили основную цель с высоты 1800—2100 *м*, сброшено 4 ФАБ-500, 22 ФАБ-250, 120 ФАБ-100, 4 ФОТАБ-35*. Общий вес 19 640 *кг*. Бо-

* Типы авиационных бомб.

евой налет — 94 часа 30 минут. Все экипажи произвели посадку... Полк задачу выполнил успешно, бомбили прицельно, интенсивно и эффективно».

«В ночь на 17.IV.45 г. полк произвел 17 самолето-вылетов с задачей уничтожить живую силу и технику противника в г. Фюрстенвальде. Сброшено 9 ФАБ-500; 12 ФАБ-250; 140 ФАБ-100; 10 ЗАБ-100; 3 ФОТАБ-35. Всего — 22 605 *кг*...»

«В ночь с 20 на 21.IV.45 г. полк 10 экипажами бомбил окрестности г. Берлина!!! Погода сложная... Экипаж Климаченкова — штурман Кандилов, радист Хализов, стрелок Пономарев — был подбит над целью и на аэродром не вернулся. Позже, 22.IV.45 г.,— вернулся. В районе Познани выбросился на парашюте. По докладам Никанорова, штурмана Колесникова, возникло 5 очагов пожара, из них 2 крупных в центре цели. Цель освещалась хорошо. Горели до 20 САБов, что обеспечило прицельное бомбометание. Зенитная артиллерия противника вела огонь, но не интенсивно.

Полк задачу выполнил».

«В ночь с 24 на 25 апреля 1945 г. произведено 14 самолето-вылетов с задачей бомбить Берлин!!!»

Толстые архивные папки с подшитыми документами: приказами, донесениями. Василий Яковлевич вчитывается в них, и кажется, освещаются забытые события, лица. Все видится так ясно...

Его 6-й гвардейский полк (в мае 1943 года 4-й полк АДД, в котором начинал свою службу Белошицкий, разделили на два полка, 6-й и 7-й) участвовал в битве за Берлин. Вот он, заместитель командира полка по политической части, записывает кратко в донесении: «Цель освещалась хорошо». За этими тремя словами — тщательно подготовленная операция. То были особенные, предпобедные полеты. Упоминавшиеся в донесениях Фюрстенвальде, Кюстрин, Най-Ланге — все это пригороды Берлина. А спустя несколько дней Белошицкий не сдержался, не поскупился в сухом отчете на восклицательные знаки: «...с задачей бомбить Берлин!!!»

В ночь на 16 апреля 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Г. К. Жукова начал решительное наступление на Берлин. «За годы войны враг привык к тому, что артиллерийскую подготовку перед прорывом мы начинали обычно с утра, так как атака пехоты и танков лимитируется дневным светом. Поэтому он не ожидал ночной атаки. Этим мы и решили воспользоваться»,— вспоминал прославленный полководец годы спустя. В пять часов утра от выстрелов тысяч орудий, минометов, «катюш», как пишет Георгий Константинович, озарилось все окрест; вслед за тем раздался оглушительный грохот выстрелов и разрывов снарядов, мин, авиабомб. В воздухе нарастал несмолкаемый гул бомбардировщиков.

В то самое туманное апрельское утро, о котором рассказывает

Г. К. Жуков, Белошицкий был в воздухе. В гуле бомбардировщиков звучали моторы и его самолета. Сверху, как на батальном полотне, он видел начало того исторического сражения. Видел пылающие стрелы «катюш», движение танковых, пехотных рядов. Туман, смешанный с огнем и дымом, стелился над землей. Но все виделось так ясно, будто дело происходило на сцене. Здесь, на подступах к Берлину, на заре 16 апреля вспыхнувшие по сигналу сто сорок прожекторов в сто миллиардов свечей направили свои лучи на неприятеля, ослепили, повергли его в смятение.

На переднем крае противника не было ни одного темного квадрата. В весеннем же, проясневшем небе было черно. Свет застилали самолеты. Никогда за всю войну не бывало еще в воздухе такого множества крылатых машин, и на каждой — красные звезды. Они летели не звеньями, не цепью — сплошным навесом.

В архиве сохранились записи о последних боевых вылетах полка, в котором служил гвардии майор, кавалер орденов Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды Василий Белошицкий. Нельзя не привести еще несколько строк: «Последний боевой вылет полка в ночь с 30.IV.45 г. на 1.V45 г. на город и порт Свинемюнде. Произведено 7 самолето-вылетов. В результате возникло 6 очагов пожаров, из них 2 крупных...

Экипаж старшего лейтенанта Глазова — штурман гвардии капитан Капрелов, радист гвардии старшина Полетаев, стрелок гвардии старшина Попков — с задания не вернулся...

Полк задачу выполнил успешно».

В воскресный полдень я встречаюсь с Василием Яковлевичем Белошицким. Он согласился зайти ко мне в гости: очень хотела познакомить с ним своих детей. Я им много рассказывала о боевом комиссаре, герое-штурмане. Но далекая теперь война представляется моим девочкам книжной, экранной, как бы придуманной. Они не верят, я чувствую, что это могло быть — ледяные аэродромные шалаши, чудесное освобождение Василием Яковлевичем из плена своего однополчанина, его участие в том самом знаменитом Берлинском сражении, о котором — целый параграф в школьном учебнике истории. Им кажется, что и самого Василия Яковлевича я придумала. А он уже ждет на остановке, весело машет мне рукой: я здесь! Идет навстречу: синий плащ, шапка пирожком, портфель к боку локтем прижат. Торопливая толпа обтекает его, теснит. Он вежливо сторонится, пропускает стремительных, высоких, молодых — тех, ради кого налетал тысячи боевых километров, ради кого погибали его друзья-однополчане, для кого отвоевывал нынешнюю нашу мирную жизнь.

БОИ НА ВСТРЕЧНЫХ КУРСАХ

Вечернее сообщение
Совинформбюро 18 декабря
1941 г.

„В течение 18 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах. На ряде участков Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов наши войска, ведя ожесточенные бои с противником, продолжали продвигаться вперед и заняли ряд населенных пунктов. За 17 декабря уничтожено 7 немецких самолетов...

За 18 декабря под Москвой сбито 3 самолета противника. За 17 декабря наша авиация уничтожила и повредила 16 немецких танков, 2 бронемашины, около 730 автомашин с войсками и грузами, уничтожила 28 полевых орудий с прислугой, 5 зенитных орудий, свыше 470 повозок с боеприпасами, 2 штабных автобуса, подожгла 10 железнодорожных составов, истребила или рассеяла три полка вражеской пехоты".

Владислав
ЯНЕЛИС

«НА МЕНЬШЕЕ НЕ СОГЛАСЕН»

Он прекрасно помнит даты, количество вылетов, соотношение сил в воздухе едва ли не в каждом из поединков. Как бывший комиссар он может назвать тему беседы с личным составом, которую провел, к примеру, 23 февраля 1942 года, скажет, сколько человек было принято в партию за время керченских боев, и другое. Но тут же прибавит, что это была просто работа, о которой рассказывать особенно нечего. «Мы были военными людьми, солдатами, и каждый в меру сил делал все для победы над врагом, не считая свою работу героической. Необходимой — это точнее».

Один из однополчан Шевчука, знавший его в пору комиссарства, рассказал мне, как Василий Михайлович собрал однажды молодых летчиков и объявил им примерно следующее: «Как комиссар, политработник я должен призывать вас к героизму, самопожертвованию и прочему в этом роде. Но я призываю вас к тому, чтобы вы берегли себя. Не к слабости и самосохранению, а к трезвой оценке ситуации в критические минуты, к тактической логике. Пасть на поле боя нетрудно, выполнить приказ, уничтожить врага и остаться живым — много сложнее. В этом, если хотите, высший героизм».

Это были мысли, продиктованные личным опытом. Не все летчики из молодого пополнения поняли тогда Шевчука, но первые же бои, первые ошибки подтвердили правильность слов комиссара. Конечно, и Шевчук не был застрахован от промахов, нет, случалось ошибаться и ему. Но он, как объяснял сам, обязан был прежде других извлекать уроки. И комиссар извлекал.

В судьбе его есть страницы неповторимые, как есть они в судьбе каждого солдата. Это время, которое измеряется мгновениями, часами, а порой месяцами наивысшего напряжения человеческих сил. Это время реализации всех его нравственных и физических возможностей. И смысл героизма в этот период — оказаться выше обстоятельств, подчинить их себе. Шевчуку это удалось. Он победил обстоятельства.

...Первого мая 1942 года комиссар эскадрильи Василий Шевчук вылетел в паре с комэском Степаном Карначом на очередное боевое задание. Шевчук шел ведомым, более опытный капитан Карнач — ведущим. Это был их третий вылет за день. Вообще-то лететь они должны были звеном, в котором у Шевчука имелся свой ведомый, но в последний момент у того что-то разладилось с мотором, и Василий остался на взлетной полосе один. Не повезло с ведомым и Карначу: уже после взлета у того вдруг «на нуле» оказался бензин. Так и полетели Карнач и Шевчук вместе.

Задание сложное — прикрывать группу штурмовиков, идущих «обрабатывать» артиллерийские позиции вблизи одного из мостов. Этот мост сидел костью в горле у наших войск, ибо по нему гитлеровцы постоянно подбрасывали к Феодосии подкрепления, однако разрушить мост не удавалось — мешало плотное зенитное прикрытие. Вот и решили штурмовать мост поэтапно — сначала наши «Илы» заставят умолкнуть зенитную батарею, а уже потом, в спокойной обстановке по мосту ударят бомбардировщики.

Когда Шевчук и Карнач остались в тот первомайский день в небе вдвоем, Степан прокричал по радио: «Комиссар, держись веселее, нам ведь с тобой не привыкать...» Тут комэск попал в самую точку. Шевчук не раз оказывался в самых неожиданных переделках именно с Карначом. Однажды, прикрывая командира, он был подбит. Едва дотянул до «нейтралки» и сел на минное поле, совсем рядом с передовой. Чудом остался жив. Таких «чудес» можно было припомнить немало.

Впрочем, это считалось в порядке вещей: первой эскадрилье и ее командиру поручалось всегда самое трудное — такое, что лежало порой за пределами человеческих возможностей. И комиссар эскадрильи должен был наравне с ее командиром делить весь риск неравных боев, всю тяжесть руководства людьми, всю ответственность за выполнение боевых задач. Как бы Шевчуку ни приходилось трудно, особенно в первые месяцы, он бы ни за что не променял свою жизнь на другую, поспокойнее. Больше того, счел бы такое предложение для себя крайне обидным. Таково уж свойство его характера — взявшись за какое-нибудь дело, он уже не отступался от него, каким бы сложным оно ни представлялось. Свое комиссарство он тоже считал именно таким делом, неразрывно соединял его с летной работой.

Летал Шевчук много. Бывало, Карначу приходилось даже сдерживать комиссара в его стремлении участвовать едва ли не в каждом боевом вылете.

— Можешь обижаться, все равно не пущу, Василий,— обрывал Карнач Шевчука, когда тот просился с группой на очередное задание.— Ты на земле сейчас нужнее. Успеешь, налетаешься.

4 Заказ 4702

Уже потом, став командиром, Шевчук понял, что одной из обязанностей комэска было умение рассчитать силы подчиненных ему людей, не рисковать их жизнями зря. Но тогда, в первый год войны, Василий, наверное, в силу своей молодости — ему было чуть больше двадцати лет — этого принять не мог. К тому же Шевчуку казалось, что он, начавший войну на полгода позже Карнача, обязан наверстать упущенное время.

Но разве его вина в том, что полк, в котором служил Шевчук, летом 1941 года находился далеко от западной границы?! Первый рапорт с просьбой направить его в действующую армию Василий подал через день после начала войны. Отказали. Выждав неделю, написал новый. Его вызвал командир полка, посоветовал не переводить зря бумагу; даже если часть полка отправят на фронт, он, лейтенант Шевчук, останется здесь до тех пор, пока в этом будет необходимость.

Это было жестокое, но справедливое решение. Дело в том, что за несколько месяцев до начала войны Шевчука как помощника начальника отдела политпропа полка по комсомолу и одного из лучших летчиков части направили переучиваться на новой технике. Он и два его сослуживца освоили истребитель «Як-1», только начинавший поступать на вооружение. Вернувшись в полк, Шевчук, продолжая заниматься комсомольской работой, уже как инструктор помогал летчикам осваивать новые самолеты. Даже командующий авиацией округа генерал-лейтенант Глушенков и тот переучивался на новом истребителе под его руководством... Пока весь личный состав не пройдет переподготовку, отпустить Шевчука на фронт командование считало нецелесообразным.

Как же он завидовал тем, кто уезжал в действующую армию! Они скоро будут драться, мстить вероломному врагу, сбивать ненавистных асов, бомбивших советские города. Гитлеровские танки уже под его родным Киевом, а он, вместо того чтобы преградить им путь, за тысячу километров от фронта с утра до вечера учит других использовать боевые возможности нового самолета. Утешало одно — ребятам его наука пригодится в бою. Только в конце года поступил приказ о переброске эскадрильи, в которой служил Шевчук, на фронт. Узнав новость, летчики радовались как дети. Кто-то крикнул: «Ура!» Все подхватили. Они не могли знать, что больше половины из них не доживут до победного часа. Но даже если бы знали, разве это могло остановить их, считавших высшей для себя наградой возможность драться с врагом.

247-й истребительный авиационный полк, в который влилась эскадрилья Шевчука, базировался под Керчью, на аэродроме Багерово. Полуостров был только-только освобожден нашими войсками.

Бои шли непрерывно, гитлеровцы не жалели сил, пытаясь оттеснить советские войска к морю. Но их попытки оказались тщетными. На земле и в небе натиску врага противостояло мужество советских бойцов.

Авиаполком командовал известный уже в ту пору Михаил Федосеев, герой Испании. Еще там Федосеев записал на свой счет десять сбитых самолетов врага... Пройдут считанные недели — и не станет этого мужественного летчика: он погибнет в неравной схватке с фашистами, сражаясь до последней секунды. Но останется федосеевская школа, стремительный федосеевский удар, ненависть к захватчикам. Останется и умножится боевая слава полка, водимого в бой с первых дней войны Героем Советского Союза Михаилом Федосеевым.

Знакомство Шевчука со Степаном Карначом состоялось, можно сказать, в воздухе. Не успел Василий толком представиться командиру эскадрильи, как тот сказал, что скоро предстоит лететь на задание — не хочет ли комиссар показать, на что способен в небе? «Как, прямо сейчас?» — переспросил Шевчук. «А что откладывать, летим. Аппараты готовы. Заодно и познакомимся». Шевчук решил было, что командир эскадрильи шутит, но Карнач с самым серьезным видом надел шлем и пошел к самолету. Комиссару, полчаса назад прибывшему в часть, ничего не оставалось, как сесть в соседний самолет.

Вылет был обычный — разведка. Шевчук шел ведомым, стараясь держаться к командирской машине плотно, не забывая поглядывать по сторонам. Под истребителями — ледяная кромка, опоясывающая Керченский полуостров, изломанные дуги окопов передовой линии фронта, клочковатые серые облака. И вдруг Шевчук увидел справа от себя вдалеке группу самолетов. Напряг зрение — бомбардировщики, самые настоящие «юнкерсы», восемь штук. А его ведущий летит себе как ни в чем не бывало и, видимо, не собирается менять курс. Очень это Шевчука удивило, тем более что «юнкерсы» шли без прикрытия. Самое время, казалось бы, атаковать. Но радиосвязи тогда в большинстве истребителей еще не было, так что командира о его планах не спросишь. И Шевчук взял на себя инициативу — вышел из строя и бросился на бомбардировщики.

Это был его первый боевой вылет, первая встреча с врагом. Он не успел даже пройти положенного инструктажа. Иначе не сносить бы комиссару головы за самодеятельность. Уж как потом разнес его Карнач, хорошо еще что с глазу на глаз! И правильно разнес: Шевчук нарушил первую заповедь летчика — не отрываться от ведущего, несмотря ни на что, не отвлекаться на второстепенные задачи, пока не выполнена главная. А главной в тот день была разведка.

Честно говоря, спасло тогда Шевчука от сурового взыскания

и то, что он сбил-таки один «юнкерс». Потом, правда, и сам не мог толком объяснить, как это произошло. Врезавшись в строй немецких бомбардировщиков, он развалил его, заставил самолеты перестраиваться и в какой-то момент поймал в прицел хвост «юнкерса»...

Времени на «обкатку», как выражались летчики в ту пору, молодым пилотам давали немного. Это в конце войны, когда господство в воздухе было нашим, новичкам, прибывшим из училищ, позволялось совершенствовать мастерство в тренировочных полетах. А тогда, в сорок втором, каждый был на счету, учились драться непосредственно в боях. Во фронтовой горячке Шевчук даже порой забывал, сколько вылетов сделано за день, благо до передовой недалеко: выполнил задание, вернулся живой — и ладно, собирайся в очередной полет.

И с комиссарскими делами справлялся как будто неплохо: организовывал регулярный выпуск «боевых листков», проводил политбеседы, рассказывал об опыте лучших летчиков полка. Однако еще с училища понимал Шевчук, что работа военкома этим не ограничивается, что политическое воспитание личного состава — это прежде всего воспитание в бойцах мужества и ненависти к врагу, воспитание личным примером. Ему как комиссару простится, если плох окажется протокол собрания, но не будет ему никакого снисхождения, если кто-то из его товарищей струсит в бою.

Где только можно добывая литературу, газеты, Шевчук, накопив и осмыслив материал, рассказывал бойцам эскадрильи о подвигах Талалихина, Гастелло, двадцати восьми панфиловцев, о мужестве партизанки Зои Космодемьянской. Не было недостатка и в примерах героизма летчиков родного 247-го полка. Однако сильнее, чем любой рассказ, отозвалось в сердцах бойцов увиденное ими однажды в Багерово.

Шевчук слышал о том, что на окраине поселка остались следы фашистских зверств. Подумал: надо побывать там с летчиками. Вот как вспоминал он сам об этой поездке:

«В один из нелетных дней мы сели в полуторку и отправились в Багерово. Было холодно, ветрено. Ребята шутили, что комиссар решил их доконать. Кто-то пытался петь. Мы впервые ехали по освобожденной от гитлеровцев земле, это наполняло всех гордостью. Настроение у людей было приподнятое. Но когда машина остановилась у рва, голоса сразу стихли. То, что мы увидели, потрясло все наше существо. Широкий ров был заполнен телами мертвых людей. Среди них женщины, дети, старики. Мы стояли у края рва с окаменевшими лицами, до боли сжимая кулаки. У многих из нас были семьи, иные находились на оккупированной гитлеровцами территории. Представляете, что мы тогда чувствовали, глядя на тысячи невинных жертв... Хотелось закрыть глаза и броситься прочь.

Но я говорил себе: «Смотри и запоминай». Багеровский ров, где покоились 25 тысяч расстрелянных и похороненных заживо местных жителей, стал для нас огромным по силе уроком ненависти к врагу. Мы никогда потом не забывали этот ров и мстили за него ежечасно».

К 1 Мая на личном счету Шевчука были три победы в воздушных боях, опыт ночных штурмовок, рискованные рейды в глубокий тыл врага. Ему было далеко до звания воздушного аса, но и новичком в небе он себя уже не считал, два «мессера» и «юнкерс» что-нибудь да значили.

Итак, около полудня 1 Мая Шевчук шел за Карначом в район штурмовки.

Видимость отличная, небо голубое и необъятное. Шевчук прибавил оборотов и подошел к Карначу поближе. Конечно, случись что, им с командиром придется круто, но может быть, и пронесет. А там они вернутся домой, честь по чести отметят праздник. Так говорил, провожая их, комполка. Шевчук посмотрел кругом — немцев не видно. Рядом идут «Илы», их родные «горбатые», как прозвали штурмовики в пилотском кругу за выпуклую кабину. До цели оставались считанные минуты полета.

Штурмовики чуть отошли влево, готовясь к атаке. И тут Шевчук увидел «мессеры». Узконосые, темные, они шли хищной стаей правее встречным курсом. Увидел их и Карнач. Качнул крылом, выдохнул в микрофон: «Держись...» «Мессеров» было десять. Даже для бывалых летчиков соотношение двух к десяти было достаточным основанием не принимать боя. Ибо на каждую твою очередь ответят пятью, а это все равно что заранее обречь себя на гибель.

Будь они одни, без штурмовиков, возможно, Карнач и Шевчук не вступили бы в схватку. И не нашлось бы человека, который их упрекнул в этом. Больше того, действия истребителей были бы признаны единственно верными. Но они были не одни, на них лежала ответственность за безопасность штурмовиков, которые уступали «мессерам» в скорости и маневре. И поэтому два «Яка» без колебаний пошли навстречу десятке стервятников. И Шевчук, и Карнач, готовясь к бою, понимали, что победить им в этой схватке практически невозможно, но хотя бы ценой своей жизни они обязаны были отвлечь немцев от группы штурмовиков.

Атакуя, они разделились. Это противоречило тактическим канонам, предписывающим держаться всегда парой, боевой тактической единицей. Но правилам хорошо следовать, когда соотношение сил более или менее равно. Ни одна инструкция не может предусмотреть всего. К тому же, увидев, что истребители идут парой, «мессеры» могли разделиться, оставив для них шестерку, а остальные атаковали бы штурмовики. Став двумя тактическими единицами, Шевчук и Карнач предлагали гитлеровцам свой вариант боя. И те вынуждены были принять его. Шевчук атаковал слева, Карнач спра-

ва. Разделились и «мессеры» — на Шевчука бросилось шесть истребителей, на Карнача — четыре.

Он помнит этот бой во всех деталях. Как лавировал между самолетами врага, оттягивал их подальше от «Илов» и от Карнача, дразнил, выходя на встречный курс, или подпускал к себе в хвост. Огромные перегрузки, невероятные кульбиты в воздухе — только бы продержаться подольше, дать немцам увязнуть в схватке, закрутить их в карусели погони. Никогда еще он не дрался с таким хладнокровием и расчетом. Но ведь никогда еще от него не зависела жизнь стольких людей! То и дело впереди вспыхивали огненные пулеметные трассы «мессеров». Шевчук отвечал короткими очередями, берег боезапас. В какой-то момент его машина неуправляемо повалилась на крыло. «Штопор»,— мелькнуло в голове. Он до судорог сжал руль высоты, уперся ступнями в педали. Вывел. Пошел вниз. А сзади как приклеенный идет «мессер», остальные рассыпались, чтобы отрезать Шевчуку дорогу.

Чуть позже на какое-то мгновение в сетке прицела мелькнул прозрачный колпак того самого упрямого «мессера». Шевчук надавил гашетку до отказа — и увидел, как этот колпак разлетелся вдребезги, как снаряды стегают по ненавистным крестам на тонком фюзеляже, как самолет взрывается, несясь к земле бесформенными обломками. Но сколько еще может продолжаться эта немыслимая чехарда, на сколько еще хватит у него и у машины сил?! Шевчук вновь закрутил спираль, уходя от двух «мессеров», выстрелил с дальней дистанции. И вдруг машина стала неподатливой, погасла скорость. В него могли уже не раз попасть, ведь есть же предел везучести? Он успел еще достать очередью ближайший «мессер». И тут же почувствовал сильный толчок. Вспышка ослепила летчика. Загорелась кабина, стремительно падала высота. Последняя мысль: «Как там Карнач?» Почти бессознательно натянул очки, отбросил колпак кабины. Земля критически близко. Он перевалился через борт и рванул кольцо...

Уже потом Шевчуку рассказали, как он, объятый пламенем, выпал из самолета, как летел и вдогонку ему неслись очереди «мессеров». Как ветром сбило пламя с его спины, как упал на бруствер окопа. Узнал и про то, что штурмовики разделали фашистские батареи в пух и прах, что опустился он рядом с «нейтралкой».

Сам же он помнит другое: удар, тяжесть в веках, когда попытался открыть глаза, и прямо над собой пронзительную голубизну неба, перечерченную серой дымной полосой. Это мог быть след самолета Карнача или сбитого «мессера». Потом услышал далекие человеческие голоса, невнятные, словно обложенные ватой. Осторожность подсказала ему, что надо достать пистолет. Он потянулся к кобуре. И вдруг тело парализовала невероятная боль в спине. Сознание угасло...

Придя в себя, Шевчук увидел склонившееся над ним женское лицо. Услышал мягкий, успокаивающий голос: «Очнулся? Ну и хорошо. Сейчас перевяжем, сейчас». На голове у женщины пилотка, движения ее быстры и энергичны. Он попытался приподняться — и вновь снизу, в спину ударило болью. Первой мыслью было, что это от парашютных ремней, стянувших грудь, когда он падал. Но ремни оказались ни при чем, их отстегнули еще раньше, а боль тупым ножом продолжала врезаться в позвоночник. Медсестра ощупывала его, просила подвигать руками. Он послушно шевелил кистью.

Начался обстрел. Снаряды ложились совсем близко от Шевчука и его спасительницы. Взрывы, сотрясающие землю, остро отзывались в спине. И когда очередной грохнул особенно близко, Василий опять впал в забытье.

Сознание вернулось к нему уже в землянке. Весь пропахший йодом, обмотанный бинтами, он увидел врача, поверх очков заглядывающего ему в лицо. И услышал: «Боюсь, что у вас поврежден позвоночник, голубчик». Тут же его оглушил голос пехотного майора — хозяина землянки,— который весело подмигнул Шевчуку и пророкотал: «Ерунда это все! Не порть, доктор, пилоту праздник, какой еще позвоночник, оклемается... Дай-ка мы с ним лучше выпьем за Первое мая». И майор, протянув Василию стакан, стал рассказывать про воздушную схватку, которая разыгралась на его глазах. Пересилив боль, Шевчук приподнялся на локтях, спустил ноги с топчана и принялся слушать про собственный героизм.

Но он только делал вид, что ему интересно то, что рассказывает восхищенный майор, мысль его упрямо билась в произнесенные врачом страшные слова: «Что-то с позвоночником». Его пугало не сознание физической беспомощности как таковой, а невозможность продолжать борьбу с врагом, вероятность выбыть из строя, лишиться права мстить за Багеровский ров, за стонущую под врагом Украину, за сожженные города и села. И тогда же, в землянке, стиснув зубы от боли, он дал себе клятву сделать все от него зависящее, чтобы продолжать драться. Он пойдет на все, но останется летчиком.

С этих вот минут и начался главный подвиг коммуниста Василия Шевчука. Подвиг, потребовавший от него величайшего напряжения всех духовных и физических сил. Никакие слова не могут точно передать степень испытаний, на которые обрек себя комиссар эскадрильи, давший клятву вернуться в небо.

Вскоре майор, угощавший летчика вином, распорядился приготовить конную повозку. В нее перенесли Шевчука, накрыли рогожей по пояс, и лошадь медленно зашагала вдоль изрытой воронками дороги. Каждая кочка отзывалась в теле летчика, ныла раненая нога, саднило обожженное лицо, но особенно нестерпимой была

боль в позвоночнике. Шевчук старался не думать о ней. Но помимо его воли в памяти прокручивались события сегодняшнего дня: полет, воздушная схватка, приземление. Проклятый бруствер! Упади Василий на ровную землю, ничего бы не случилось. А тут ударился позвоночником прямо о твердое ребро бруствера. Еще повезло, что сразу не парализовало. Но ведь могло случиться и худшее: его, Шевчука, могли убить в самолете, могли растерзать пулеметные очереди «мессеров», когда он спускался на парашюте. Так что благо еще, что остался жив. Неотступно думал и о Карначе: что с ним, успел ли дотянуть до аэродрома, жив ли? Возница, пожилой бородатый солдат, оглядываясь на Василия, сокрушенно вздыхал и тихо поругивал лошадь, не разбиравшую дороги.

Первым на пути госпиталем оказался свой, авиационный, расположенный неподалеку от аэродрома. Там Шевчук велел остановиться. До койки дошел сам (заранее дал себе слово держаться перед врачами, покуда достанет сил). Те несколько десятков метров стоили ему потом долгой изматывающей боли. В палате лежали еще двое, оба летчики. Этому обстоятельству Василий обрадовался — как-никак свои ребята, даже из одной дивизии.

Лицо ему перевязывать не стали, сказали, дескать, так заживет быстрее, рану на ноге промыли, извлекли из нее осколок, о позвоночнике же пока разговора не было. Для точного диагноза нужны были рентген, консультация специалистов, каковых в полевом госпитале не оказалось. Так и лежал Шевчук, считал дни, когда его отправят в полк, воевал с болью. Он научился обманывать ее, находя такое положение тела, при котором боль отступала. Но стоило чуть двинуть ногой или головой, она впивалась в него с удвоенной силой, терзала, доводила до слез. Как ни скрывал своих мук Василий, медсестра их заметила, доложила врачу. Тот предложил делать обезболивающие уколы. Шевчук отказался наотрез: «Я должен научиться побеждать боль сам».

Ближайшим соседом Шевчука по койке оказался летчик с перебитыми ногами. У него начиналась гангрена, но раненый не терял оптимизма, надеялся на выздоровление. Часто по ночам, когда обоим не спалось, они вспоминали пережитое, говорили о любимой и дорогой им авиации, спорили о тактике воздушных боев.

— Слишком крепко мы держимся плотного строя в воздухе,— рассуждал сосед.— В бой идем как на парад — звено к звену, крыло к крылу. А немцы? Там пара, там пара, где-то сзади еще. У них маневр. С одним схватился, а другие тебе в хвост... Нет, пора, пора менять тактику, хитрее воевать надо.

Шевчук объяснял ему, что их полк давно уже отказался от построения в воздухе звеньями, перешли на пары. Практика показала, что это самая эффективная боевая единица.

— И правильно,— горячился сосед,— чем гибче будем драться,

тем скорее выметем эту нечисть с нашей земли. Ты, комиссар, учти это, когда вернешься в строй.

Фамилия этого летчика потом забылась, но слова его, мысли, горячая вера в победу остались в памяти Василия навсегда. Вскоре соседа увезли в тыловой госпиталь, и Шевчук заскучал. А тут начались налеты вражеской авиации на аэродром, что ни день — бомбежка. Сначала Василию до укрытия помогала добираться медсестра, потом он и сам начал ходить. Перетянет бинтами грудь потуже и идет, благо нога поджила. Каждый шаг — удар в спину острым колом, а он стиснет зубы и идет. Медленно, осторожно, но идет. И решил Василий, что пришла пора выбираться из госпиталя в свой родной полк. Под каким-то предлогом выпросил одежду и пошел.

Добравшись до штаба дивизии, попался на глаза командующему ВВС армии генерал-лейтенанту Белецкому. Тот узнал Шевчука, расспросил о ранении, о том, куда он направляется. Василий старался держаться бодро, отвечал, что «заелся» на госпитальных харчах, пора в строй. Генерал приказал доставить Шевчука в расположение полка на полуторке.

Только вернувшись в свой полк и обняв дорогих товарищей, узнал он, что долгое время его считали без вести пропавшим, подготовили соответствующее письмо жене, сняли со всех видов довольствия... Тем радостнее была встреча, тем сильнее Шевчуку захотелось как можно быстрее доказать друзьям и врагам, что рано его списывать со счетов. Оказалось, Карнач все-таки дотянул до запасного аэродрома, благополучно приземлился, хотя и был ранен в воздухе. И сейчас Степан лечится в Краснодарском госпитале.

Положение на фронте ухудшилось. Гитлеровцы продвигались вдоль Феодосийского залива, нависая над флангами нашей отступавшей 51-й армии. Авиация противника беспрерывно бомбила районы переправы наших войск на Таманский полуостров. Истребительный полк дрался отчаянно. Пять-шесть вылетов за день считалось нормой для каждого летчика. Почти не было случая, чтобы воздушные бои шли при равном соотношении сил: четверка наших «Яков» атаковала восьмерку «мессеров»; пара противостояла шестерке врага. «Яки» возвращались из полетов с простреленными плоскостями, разбитыми фонарями кабин. Их тут же залатывали — и истребители снова уходили в бой.

Шевчук дневал и ночевал на аэродроме. Инструктировал летчиков перед вылетами, занимался тактикой с молодыми пилотами, проводил политзанятия. Только ближайшие друзья знали о травме позвоночника, догадывались, сколько усилий требуют от него двести шагов от штаба полка до стоянки. Часто, когда никого вокруг не было, Василий позволял себе расслабиться: прислонялся спиной

к дереву и, закрыв глаза, тихо стонал. Каждая новая потеря в эскадрилье вызывала в нем жажду действия. Но он понимал: пока не научится управлять своим телом, не поддаваться боли — сесть в самолет не имеет права. Что он добьется своего, у Шевчука сомнений не было. Но однажды не выдержал, подошел к одному из товарищей.

— Дай я сегодня слетаю вместо тебя.

Тот оторопел:

— Комиссар, да ты же едва на пригорок всходишь, а там перегрузки... Ведь погубишь себя и машину.

— Все сделаю как надо, не волнуйся.

И Шевчук полетел ведущим пары, прикрывавшей группу штурмовиков. Глядя на полет его истребителя с земли — уверенный и стремительный,— невозможно было предположить, что человек, пилотирующий самолет, борется в этот миг с болью, до крови кусая губы: даже небольшая перегрузка словно разламывала ему спину. Но он ни одним стоном не выдал себя в небе. В том вылете они отогнали четырех «мессеров» и не дали возможности «юнкерсам» произвести прицельное бомбометание по переправе. Однако еще сильнее, чем своей военной удаче, Шевчук радовался тому, что сумел пересилить себя и, пусть на короткое время, стать воздушным бойцом.

Как он летел обратно, помнит плохо. Почти механически отщелкивались в сознании ориентиры, лоб заливал холодный пот, тело деревенело, даже самое малое усилие давалось с невероятным трудом. Он посадил машину как положено. И потерял сознание.

Об этом эпизоде узнало командование. Шевчука вызвал комиссар полка Василий Афанасьевич Меркушев. Осмотрев рослую фигуру военкома, стоявшего перед ним неестественно прямо, Меркушев сказал:

— Понимаю тебя, Василий. Но так дальше продолжаться не может. Ты должен ехать лечиться, пройти комиссию. Потом вернешься в полк.

— Я хочу остаться в строю. Хочу драться,— как можно тверже проговорил Шевчук,— я имею на это право.— Он замялся.— Как коммунист. Как комиссар, наконец.

— Да.— Ответил Меркушев.— Имеешь. Но здоровым. Я видел, как ты ходишь. Представь, что может случиться, если ты потеряешь сознание или не выдержишь перегрузок в бою. Словом, я договорился, тебя возьмут на «У-2». Полетишь в Краснодар. Это приказ.

Как ни было ему горько и обидно, но Шевчук вынужден был подчиниться. Да ведь если по совести, то и он на месте Меркушева не стал бы долго рассусоливать; в строю не место больным. Но где гарантия, что в тылу он сумеет убедить врачей в своей правоте,

в том, что ему необходимо вернуться в полк и летать? Кто поверит, что он справится с любой болью?

И вот госпиталь в Краснодаре. Тишина. Покой. Щебет ласточек за окном, цветы на тумбочке. Шевчука тщательно обследовали, сделали снимки позвоночника. Он встретил лечащего хирурга словами:

— Товарищ военврач, только правду, пожалуйста.

Женщина присела на край кровати.

— Успокойтесь. Я слышала, что вы ходили после ранения. Непостижимо. Вы очень сильный человек. Но о небе придется забыть. У вас компрессионный перелом одиннадцатого-двенадцатого грудных и первого-второго поясничных позвонков. Бывают случаи, конечно, единичные, что люди с подобными травмами возвращаются к труду — к легкому труду — и благополучно доживают до старости.

Шевчук приподнялся на кровати, ударил ладонью по железному каркасу:

— Я не хочу доживать. Я хочу драться! Драться, понимаете? Я летчик-истребитель.

Военврач встала:

— Вы не один такой. Но война есть война. Нам, врачам, это известно лучше, чем кому бы то ни было. Вы встанете, если лечение пройдет хорошо. Ну а дальше... Дальше не знаю, медицина пока не умеет эффективно бороться с такими вещами. Многое зависит от вас самого.

— Крепись, Василь,— услышал Шевчук голос Карнача, с которым по счастливой случайности судьба свела его в госпитале.— Ты парень крепкий, выдюжишь. Дай срок, бегать будешь, не то что ходить.

Потянулись тусклые больничные дни. Безрадостными они были для Шевчука, лежащего по предписанию врачей без движения на жестких дощатых нарах. Товарищи как умели поддерживали его, старались развеселить. Из 247-го полка в палате оказались еще двое — капитан Иван Базаров и старший лейтенант Павел Шупик. Боевые, заслуженные летчики, каждый имел на счету по нескольку сбитых фашистских самолетов.

Они намеренно старались не касаться в разговорах авиации, полковых дел, чтобы лишний раз не ранить Шевчука. Говорили в палате о чем угодно, только не о полетах. Карнач из самых лучших побуждений расписывал работу штабистов, считая, что Шевчук после госпиталя вполне мог бы найти себе применение в штабе или в военном комиссариате. Догадывавшийся о причине подобной деликатности друзей, Шевчук тем не менее решил положить ей конец. Однажды он прервал Базарова, рассуждавшего о достоинствах брюнеток.

— Что вы, братцы, меня бережете? Или вправду решили в штабники записать?

— Да что ты, Василь,— попытался отшутиться Карнач.— Да ты нас еще летать поучишь. Мы с тобой над рейхстагом последних гадов сбивать будем.

Ни за что не поверил бы тогда Карнач, что слова его окажутся пророческими. Да и кто из друзей Шевчука, знавших, какой суровый приговор вынесен ему врачами, мог предположить, что Василий преодолеет немыслимо высокий барьер, отделявший его от неба.

...Один за другим выписывались из госпиталя товарищи Шевчука. Он узнал, что его полк переброшен под Севастополь, в самое пекло сражения. Оттуда приходили вести о невероятно тяжелых боях. Скованный гипсовым панцирем, Шевчук слушал невеселые сводки, и ему казалось, что, будь он в строю бойцов, дела на фронте непременно наладились бы. Несмотря на жесткий запрет врачей, он потихоньку сгибал корпус, разминал омертвевшие за время лежания мышцы ног. Как-то ему вдруг почудилось, что бедра стали нечувствительны к боли; Шевчук испугался, схватил с тумбочки вилку, с силой ткнул в ногу выше колена — он ошибся, нога чувствовала боль. И, глядя на ползущие нити крови, Василий улыбался.

Ему повезло с лечащим врачом. Прекрасный хирург Вера Павловна Авророва была к тому же сильным и решительным человеком. Она поддерживала в Шевчуке веру в успех, каждый ее приход был целебнее бальзама. Однажды утром она потребовала от Василия, чтобы тот встал. Встал после стольких недель неподвижности!

— Все будет хорошо, Шевчук, вставайте. Пора.

Он боялся этой минуты, боялся обнаружить свою немощность. Вокруг собрались раненые, подбадривали его. Шевчук встал. Ноги держали плохо, но держали. Сделав несколько шагов, он обессиленно упал на чьи-то руки. Но с того дня начал ходить. Каждый раз заставлял себя делать на несколько шагов больше, чем в предыдущий.

Гитлеровцы продвигались к Краснодару. Госпиталь готовился к эвакуации. Шевчук настоял, чтобы его выписали. Пусть на долечивание домой, но выписали и, таким образом, перестали бы считать лежачим больным. Он до хрипоты спорил за каждое слово в медицинском заключении. Членам медкомиссии было некогда, за дверью ждали еще несколько десятков раненых, они уступили под натиском Шевчука и написали, что для определения годности к службе в военное время необходимо провести повторное освидетельствование.

В переполненных поездах Шевчук добрался до Тбилиси — там жила его семья. Дал себе два дня отдыха и пустился на поиски сведений о месторасположении 247-го полка. Но ему не везло: ни в одном военном ведомстве не могли дать точного ответа. По ходу

дела в одном из штабов Шевчуку предложили должность диспетчера в отделе перевозок. Конечно, при условии, что врачебная комиссия оставит его в армии. Однако Шевчук упрямо продолжал искать свой полк.

Как-то соседи познакомили его со старым мастером, известным на весь город сапожником. Василий обратился к нему с необычной просьбой — сшить корсет из кожи вместо неудобных бинтов. Без корсета летчик не мог передвигаться, травмированный позвоночник давал о себе знать при малейшей нагрузке. Сапожник-грузин удивился — ничего подобного он еще не делал, но почему бы не попробовать! При этом оговорил, что будет шить не корсет («это слишком женское слово»), а жилет, а еще лучше — кольчугу.

В тесной мастерской Василий и старый Вано сделали выкройку. Через несколько дней Шевчук примерил жилет. Он вышел как раз такой, какой требовался,— плотно облегал грудь и спину, намертво фиксировал поврежденные позвонки. Забегая вперед, надо заметить, что кольчугу грузинского мастера Шевчук носил до самого последнего своего боевого вылета. И во многом благодаря ей он управлялся с самолетом в воздухе. А тогда, в день примерки, на радостях Василий даже пустился в пляс, расцеловал мастера и пообещал не посрамить его работу. На врачебную комиссию шел с легким сердцем.

Но радость была преждевременной. Комиссия вынесла заключение: «Ввиду тяжелого ранения позвоночного столба признать негодным к летной службе. Считать возможным использование в военное время на нестроевой работе и в тыловых частях». Напрасно Шевчук приседал, поднимал тяжелые табуреты, доказывая, что здоров. Комиссия была непреклонна. Итак, в лучшем случае его ожидала работа диспетчера на одном из промежуточных аэродромов.

Возможно, другой на месте Шевчука смирился бы с этим. Но он уже десятки, сотни раз представлял себя в кабине истребителя. Мысленно запускал двигатель, выруливал на полосу, разгонял машину и взлетал. Ощущал подрагивание самолета, слышал шум винта, как наяву. Больше того, он в уме проигрывал воздушные бои, уклонялся от противника, выполнял сложный маневр, атаковал сам. И видел, как горят ненавистные «мессеры». Неужели этому суждено остаться только в его воображении?! И Шевчук опять идет в штаб, упрашивает кадровика направить его в авиаполк. Тот посмотрел документы летчика и отказал, в который уже раз. И тут Василию внезапно улыбнулась судьба. В штабе он встретил бывшего военкома авиабригады, где когда-то начинал службу. Полковой комиссар Якименко сразу узнал его, искренне обрадовался Шевчуку, которого помнил по комсомольской работе. И тогда Василия осенило.

— Товарищ полковой комиссар! Ну пусть я пока не могу летать, как считают врачи. Но ведь я военком эскадрильи. От этой должности меня никто не освобождал. Разрешите вернуться к обязанностям комиссара.

Трудно сказать, что подействовало на Якименко. То ли преданность Шевчука родной части, то ли его стремление хоть на комиссарской работе остаться в авиации, то ли еще что. Словом, согласие на возвращение в 247-й истребительный Шевчук получил. И не дожидаясь окончания отпуска, выехал в полк.

Появление его в штабе полка вызвало радость и недоумение одновременно. На Шевчука приходили смотреть как на чудо: ведь никто не ожидал, что он вернется не то что в авиацию — вообще в действующую армию. Обступили друзья — Степан Карнач, Павел Шупик, Иван Базаров, засыпали вопросами, что да как. Сам Шевчук чувствовал себя именинником. Командир полка перелистал его документы, смущенно улыбнулся:

— Ничего, брат, пока на земле повоюешь, комиссар из тебя отличный.

Что ж, к этому Шевчук был готов. Хорошо уже, что оставили военкомом, а не назначили заведовать складами. Он научился ждать, верил, что пробьет его час, главное — он среди своих, его здесь знают, готовы помочь. С удвоенной энергией взялся Шевчук за комиссарскую работу. Познакомился с молодыми летчиками, у большинства из них практически не было боевого опыта, а ведь скоро полк должен вылететь на фронт. Дотошно расспросил Карнача о его последних стычках с врагом. Попросил начертить схемы маневров. Провел с молодежью «уроки мужества и мастерства», используя опыт свой и товарищей. Выпустил листовки, подробно рассказывающие о том, как в одном бою Шупик сбил два самолета противника, какой применил при этом маневр. После каждого дня тренировочных полетов прямо на аэродроме вывешивался «Боевой листок» с итоговыми результатами. Это тоже дело рук Шевчука. Комиссар полка не мог нарадоваться на его работу, часто привлекал Василия к себе в помощь, просил поделиться опытом с военкомами других эскадрилий.

Откуда в нем бралась эта горячая, самоотверженная любовь ко всякой работе, за которую бы он ни брался? Он и не умеет иначе. Если что-то принял разумом, сердцем, если почувствовал собственную необходимость, дело становится частью его самого, причем частью большей, самой важной. Он не мыслит себя вне его. Не умеет. И не хочет.

Но как бы ни старался Шевчук подавить в себе тоску по полетам, это ему не удавалось. Буквально раздавленный болью, которая наваливалась обычно вечерами, он часто приходил к капонирам. Прислонится, бывало, плечом к истребителю и стоит. Однажды

командир полка увидел его возле самолета. Молча прошел мимо. А наутро вызвал и приказал собираться — Шевчук пойдет с ним штурманом на «У-2». Василий подумал было, что ослышался. Кутихин повторил приказ. Чуть ли не бегом выскочил Шевчук из кабинета. Через пять минут был готов к полету.

Командир повел машину ровно, все время спрашивал штурмана, как он себя чувствует. Потом увеличил скорость — и в спину Василию вонзилась проклятая боль. Он заранее дал себе слово, что лучше умрет в кабине, но ни словом, ни жестом не выдаст себя. Несмотря на боль, Шевчук испытывал чувство непередаваемого блаженства: он в небе!

Полеты на «кукурузнике» стали повторяться. Конечно, «У-2» — не истребитель, но машина среди авиаторов уважаемая, заслуженная. В худшем случае Василий готов был пилотировать и его. Для начала. Но тут судьба вновь ему улыбнулась. Точнее, это было не простое везение. Шаг за шагом шел Шевчук к своей цели вот уже несколько месяцев. Шел, невзирая ни на какие препятствия. Его упорство, настойчивость, воля должны были быть вознаграждены — такова жизненная логика.

Он упросил командира полка направить его на повторное медицинское освидетельствование. Готовился к этому, как к главному жизненному экзамену: до изнеможения занимался физкультурой, подтягивался на самодельном турнике, носил в карманах свинцовые отвесы. В последний час перед отъездом зашел в штаб получить проездные документы. В комнате рядом с Кутихиным сидел командир дивизии генерал-майор Баранчук. Генерал попросил Шевчука рассказать историю его ранения. Потом спросил:

— Какую кончали школу?

— Качинскую.

Баранчук кивнул.

— Сколько сбитых?

— Четыре.

Еще кивок. Наконец:

— Хотите летать на истребителях?

— Хочу. Очень хочу.

— Выйдите. Мы поговорим с командиром полка.

Только спустя годы узнал Шевчук, о чем говорили Баранчук и Кутихин. Они оба понимали, что Василий не пройдет комиссию: слишком высокие медицинские требования вводились тогда для летного состава. Но оба нутром верили молодому летчику, верили в него как в бойца, как в коммуниста. Послать его сейчас в Москву — равнозначно отстранению от авиации навсегда. И Баранчук решил взять ответственность на себя. Это было прямым нарушением инструкции. Но единственно справедливым решением по человеческому счету.

Вызвав Шевчука, генерал объявил:

— Хочешь летать — летай. Почувствуешь, что трудно,— доложишь. Я верю в твою честность.

В тот же день Шевчук сел в кабину истребителя. Сдерживая волнение, запустил мотор. Разогнал самолет на полосе и поднял его в воздух. Он не чувствовал боли, хотя она предательски вцепилась ему в спину и не отпускала на всем протяжении полета. Сделав несколько кругов над аэродромом, взмыл вверх, лег на правое крыло. Никто не видел его в ту минуту. По лицу Василия текли слезы радости...

Он летал до последнего дня войны. Сбивал вражеские самолеты над Курском и Киевом, Сандомиром и Вислой, над Берлином и Прагой. Он стал Героем Советского Союза и командовал гвардейским орденоносным полком истребителей. Он перестал летать и сражаться только тогда, когда враг был разбит. До последнего своего боевого вылета он не расставался с кольчугой, «выкованной» для него грузинским сапожником.

Да, война по-своему распоряжалась судьбами людей, порой отрывая их от изначального круга забот, предлагая новые, более высокие обязанности. И не было ничего удивительного в том, что Шевчук, начавший войну военным комиссаром, стал затем командиром. Но какую бы должность он ни занимал, Василий Михайлович не терял, как выражались его товарищи, «комиссарской жилки». Он навсегда остался бойцом партии, чутким и наблюдательным воспитателем, политическим организатором.

Был один эпизод в жизни Шевчука, когда воедино слились его военный и комиссарский таланты. Это случилось в последние дни апреля 1945 года. Полк Шевчука вел бои на воздушных подступах к Берлину. Уже не раз командир видел под крыльями своего «Яка» столицу Германии. Свершилось то, о чем мечтал каждый из миллионов советских людей, о чем грезил он, летчик Шевчук, борясь с болью, на госпитальных койках летом сорок второго года, сражаясь с ненавистным врагом в сорок третьем и сорок четвертом. Советские войска у ворот Берлина!

Крылом к крылу вместе с ветеранами полка идут в бой молодые летчики, недавние выпускники училищ, нетерпеливые, горячие, отважные. В меру сил своих Шевчук старается уберечь молодежь от напрасного риска. Но ему это не всегда удается. Напряженность боев все возрастает. Враг обороняется отчаянно. Впереди — воздушная битва над Берлином. Однажды вечером замполит полка Кузьмичев доложил Шевчуку о том, что в политотдел поступило несколько заявлений от молодых летчиков с просьбой о приеме их кандидатами в члены партии. Надо решать, на какой день

назначить партийное собрание. Присутствовавший при разговоре проверяющий из вышестоящего штаба предложил отложить собрание.

— До того ли сейчас, майор, вот добьем немцев, тогда и соберете коммунистов.

Но Шевчук думал иначе. Он понимал, как важно для людей сознавать причастность к партии в разгар кровопролитных боев.

— Извините, товарищ полковник, считаю необходимым провести собрание завтра же. Накануне вылетов.

Это было последнее партийное собрание военной поры. Оно состоялось ночью, прямо на аэродроме. И летчики, и авиационные техники, принятые на нем кандидатами в члены партии, дрались в оставшиеся до победы дни с утроенным мужеством. В этом поступке Шевчук оставался комиссаром. А спустя два дня, возвращаясь на свой аэродром после выполнения задания, он и его ведомый — молодой летчик Александр Божко — встретили в небе три вражеских самолета: корректировщик шел в сопровождении истребителей. По установленному правилу Шевчук не имел права принимать бой без разрешения командования. И он, связавшись с командиром корпуса, попросил разрешения атаковать.

Генерал колебался: у Шевчука на борту была ценнейшая фотосъемка. Но он верил в своего комполка как в опытного бойца. Кроме того, корректировщик нельзя было упускать ни в коем случае.

— Ладно, даю добро,— ответил генерал.

Шевчук атаковал ведущий «фоккер», хотя тот был ближе к его напарнику. Расчет командира полка прост: ведущий наверняка более опытный летчик, а для Божко это первая серьезная схватка.

Он попал в «фоккер» сразу, первой же очередью. Тот не успел даже отвернуть — слишком стремительной и внезапной была атака Шевчука. Вражеский истребитель начал падать, волоча за собой оранжево-черное облако. А Шевчук уже искал «хейнкель». Корректировщик должен быть сбит во что бы то ни стало!

«Хейнкель» попытался уйти, отстреливаясь из пулеметов, пополз вверх, к облакам. У Шевчука уже почти не было времени для маневра, еще минута — и противника скроет белая плотная завеса. Чуть отвернув в сторону, Шевчук сделал вид, что выходит из боя, потянул ручку управления на себя и вертикально устремился вверх. Как всегда при перегрузках, боль разламывала ему спину. Когда до облаков осталось несколько десятков метров, он перевел свой «Як» в горизонтальный полет и настиг «хейнкель». Стрелял наверняка: с предельно малого расстояния, понимая, что возможности атаковать вторично у него уже не будет. Подбитый корректировщик завалился на крыло...

Этот бой, стремительный, безукоризненно проведенный Шевчуком, наблюдал с земли маршал И. С. Конев. Командующий фронтом назвал его классическим, идеальным с точки зрения тактики воздушных поединков. Маршал попросил передать Шевчуку его личную благодарность и поздравление. Этот бой подвел итог боевым победам Василия Шевчука. Но до подведения жизненных итогов ему еще далеко.

Летом 1945 года медицинская комиссия подвергла летчиков полка жесткому осмотру. Когда по спине Шевчука скользнули пальцы хирурга, на лбу его выступил холодный пот. Хирург не поверил своим ощущениям, надавил сильнее. Шевчук охнул.

Врач отступил от него, повернулся к коллегам:

— Это невероятно. Я ничего подобного не видел. Он три года летал со сломанными позвонками...

— Ладно,— улыбнулся Шевчук.— Теперь можете гнать из летчиков. Но в армии оставьте. На меньшее не согласен.

Он остался в армии. Командовал. Стал генерал-лейтенантом. Служит и поныне. Домой из штаба идет пешком несколько километров, по-прежнему воюя с болью. Высокий, прямой, непокорный.

Василий
ГОЛУБЕВ,

Герой Советского Союза

ЖАРКИЕ СХВАТКИ НАД ЛЕДОВОЙ ДОРОГОЙ

В январе 1942 года 4-й гвардейский истребительный авиаполк, прежде героически сражавшийся под Таллином, на полуострове Ханко и под Ленинградом, теперь, собрав поредевшие силы, прикрывал восточную часть ледовой «дороги жизни».

По ней двигались на запад через Ладогу вереницы автомашин: Большая земля посылала ленинградцам хлеб, соль, мясо, сахар, пушки и снаряды — драгоценные грузы, скопившиеся за время ледостава на перевалочных базах деревень Лаврово и Кобона.

Там, на другом берегу Ладожского озера, бойцы сухопутного фронта и моряки сражались впроголодь, а ленинградцы работали на заводах, получая по 125 граммов хлеба в сутки...

Летный день начался на час раньше обычного: с построения в шесть утра. Для подготовки к вылету все собрались в землянке-столовой. У входа меня ожидал секретарь парторганизации эскадрильи Петр Кожанов.

— Разрешите, товарищ командир! — Голос его звучал твердо, чувствовалось, что парторг готовился сказать что-то важное.— Меня беспокоит настроение летчиков. Ваше назначение не все восприняли правильно...

— Товарищ Кожанов! Не стоит сейчас...

— Следствием этого может быть неслаженность действий в воздухе, а вы знаете, к чему это приводит.

— Меня это тоже волнует. Давайте тщательно подготовимся и постараемся таким образом застраховаться от возможных промахов. А за предупреждение — спасибо!

Надо сказать, что меня, лейтенанта, только что назначили командиром 3-й эскадрильи, где даже почти все командиры звеньев были старше меня по званию. И накануне, во время моего представления личному составу, у большинства вид был холодный, замкнутый: прислали «варяга». Сердце кольнула досада. Лишь рукопожатие старшего лейтенанта Кожанова было по-дружески крепким. Я стал присматриваться к нему. Коренастый, широколицый, внешне не-

примечательный. Такой, как все? Пожалуй, не такой. Открытое, задорное лицо со следами недавних ожогов. Встретившись с прищуром его внимательных серо-голубых глаз, я почувствовал расположение, что-то вроде симпатии к этому человеку. Впрочем, первое впечатление обманчиво, лучший способ оценить новых боевых товарищей — испытать их в воздухе. Такая возможность не заставила себя долго ждать: поступил приказ — лететь на штурмовку войск в районе Погостья.

О поведении некоторых командиров мы с парторгом решили поговорить после боя, а сейчас надо было готовиться к заданию. Кожанов согласился со мной.

Позже я узнал, что Петр Павлович Кожанов тоже в эскадрилье недавно. По-разному вживаются люди в новый коллектив... На войне на это много времени не дается. Да и не нуждался Кожанов в длительном сроке привыкания. Ему, в прошлом сельскому учителю, были, наверное, известны педагогические секреты, помогающие преодолеть барьер отчужденности. Уже на десятый день пребывания Петра Павловича в полку коммунисты 3-й эскадрильи выбрали его секретарем парторганизации. С первых дней декабря Кожанову, как и каждому летчику полка, приходилось делать до пяти боевых вылетов в сутки на прикрытие ледовой трассы.

Командование предписывало нашему истребительному полку вместе с авиацией фронта и штурмовиками флота подавить дальнобойную артиллерию врага, которая находилась километрах в восьми южнее и юго-западнее Погостья. Парторг эскадрильи отлично понимал, что от того, насколько четко усвоят летчики тактику предстоящего боя, зависит его исход.

Боевой порядок назначили следующий: ударное звено веду я, ведомый — сержант Герасименко. Вторая пара: лейтенант Кузнецов и старший сержант Бакиров. Звено обеспечения: капитан Агуреев и его ведомый старший лейтенант Петров, вторая пара — ведущий старший лейтенант Кожанов, ведомый старший лейтенант Цыганов. Первый удар должен быть только внезапным, нанесенным с высоты не более четырехсот пятидесяти метров. На это — основной расчет. Атаковать парами.

— На задание летят одни коммунисты, прошу, товарищи, выполнять свои обязанности в боевом расчете как священный долг.— В морозной предутренней тишине слова эти, негромко произнесенные парторгом, прозвучали как клятва.

И вот, прижавшись к макушкам чахлых сосен Малуксинского болота, на предельно малой высоте — десять — пятнадцать метров — углубляемся в тыл, чтобы неожиданно выйти на вражеские артпозиции. Они уже видны по темным конусам на снегу, направленным в сторону Ленинграда. Странной кажется тишина. Ведь через минуту заработают радиостанции фашистов.

Ловлю себя на мысли, что не страшат ни десятки зенитных установок «эрликонов», ни «мессеры», нет! Волнуюсь за летчиков, с которыми никогда не летал в одном строю. О чем думают они сейчас? И вспоминаю с благодарностью слова Кожанова: «Прошу, товарищи, выполнять свои обязанности...»

Стрелка часов подходит к расчетному времени. Энергично набираем высоту и атакуем всей группой. Зенитки пока молчат. То ли не видят нас, то ли не опомнились от растерянности... Дорого же им обойдется этот зевок! Четыре пары «И-16», нацелившись на врага, переходят в пологое пикирование. Все четче вырисовывается в прицеле орудийный дворик — подковообразный снеговой вал вокруг длинноствольного орудия. Видно, как мечется прислуга. Навстречу «ишачкам» уже летят огненные строчки «эрликонов». С каждой секундой оживает зенитная оборона... Боковым зрением вижу, как пара Кожанова устремилась вниз. Два реактивных снаряда, показав языки пламени, сорвались с плоскостей, через полторы секунды взорвались внутри «подковы». Молодец парторг! Его примеру следует мой ведомый — сержант Герасименко. Отвернув немного вправо, он пикирует на зенитку, от которой тянется огненный пунктир. За ним — пара Агуреева. Она заставила умолкнуть еще одну зенитную установку.

Уходя от цели, вижу всех своих, к сердцу подступает теплая волна. Замысел удался полностью.

Приземлились на аэродроме, первым подбегает ко мне Кожанов.

— Поздравляю,— кричит он.— Как по нотам! Без потерь! Надо поговорить с летчиками и техническим составом, объяснить, почему с первого задания все самолеты вернулись, не имея серьезных повреждений. Я думаю, главное — внезапность.

— Конечно, только при повторном вылете подобной внезапности достигнуть трудно, поэтому план удара и состав групп придется несколько изменить.

Второй вылет тоже оказался удачным. Гитлеровцы сосредоточили огонь на паре лейтенанта Кузнецова, вышедшей к цели на минуту раньше, и прозевали атаку основной группы.

Два этих вылета показали, что, если тщательно готовить каждое задание, успех обеспечен.

К сожалению, так же точно нельзя заранее учесть мотивы некоторых человеческих поступков. После обеда на КП зашел капитан Агуреев и... передал рапорт на имя командира полка о переводе его в другую эскадрилью.

Я приказал дежурному телефонисту пригласить на КП «управляющую четверку» — комиссара, адъютанта, инженера и секретаря парторганизации. Когда все собрались, прочитал рапорт Агуреева и написал на нем: «Командиру полка. Сожалею, но не возражаю». Потом спросил: «Может быть, кто-нибудь из

присутствующих собирается перейти в другую эскадрилью? Извольте сегодня же подать рапорт».

Поднялся комиссар эскадрильи Никаноров и заявил, что он свое желание изложит комиссару полка лично, но пока будет работать так, как требует служебный долг. Наступила тишина. И вдруг резко поднялся молчавший до этого Петр Кожанов. Его лицо побледнело, в голосе слышалась обида, он заговорил взволнованно:

— Я вчера и сегодня беседовал со многими летчиками и техниками, с коммунистами и комсомольцами и как секретарь парторганизации сделал вывод, что командование не ошиблось в назначении нового командира. А два вылета на штурмовку наглядно показали, как нужно готовиться к выполнению боевой задачи. Результат налицо: сегодня и люди, и самолеты целы и невредимы. С сентября сорок первого я не помню подобного случая...— Он обвел взглядом присутствующих и, переведя дыхание, выпалил: — Товарищи командир и комиссар! Я вынужден собрать внеочередное заседание партбюро, чтобы заслушать коммуниста Агуреева. Его рапорт об уходе из эскадрильи в такое время я расцениваю... расцениваю как...— Кожанов словно осекся на остром слове и, взяв себя в руки, закончил: — Что скажет на это комиссар?

Никаноров ответил, что это было и остается правом партийного бюро. Я взглянул на Кожанова. «Вот бы кому быть летающим комиссаром эскадрильи»,— мелькнула мысль...

На заснеженной опушке леса, возле прикрытых лапником самолетов замер строй 4-го гвардейского истребительного авиаполка. Наша 3-я эскадрилья на правом фланге. В морозной тишине будто слышу, как бьются сердца моих друзей. Краем глаза ловлю чуть заметную улыбку на спокойном лице комэска-2 Михаила Васильева. Рядом комиссар 3-й эскадрильи Петр Кожанов и мой заместитель Алим Байсултанов. В конце февраля 1942 года все трое назначены на новые должности.

— Под знамя, сми-рно! — приподнято командует начальник штаба.

Командир и комиссар полка проходят вдоль строя. Командир вручает знамя молодому летчику нашей эскадрильи Владимиру Петрову, который меньше чем за восемь месяцев войны совершил триста шестьдесят вылетов — больше всех в полку.

— Полк, напра-во! Торжественным маршем ша-гом марш!

3-я эскадрилья с поднятым гвардейским знаменем во главе полкового строя проходит мимо командования. Звучит приветствие:

— Да здравствует воздушная гвардия!

Глаза Петрова влажно блестят... Но нет — берет себя в руки.

Сжимает древко знамени, несет его впереди, печатая строевой шаг. На исхудалом лице — следы пережитой душевной муки.

...Начались переживания Петрова с письма из Малой Вишеры, сообщавшего Владимиру о гибели отца и матери. Фашисты казнили стариков за то, что их сын — летчик, защитник Ленинграда. Расстреляли на площади перед толпой односельчан. А через некоторое время пришла еще одна черная весть: гитлеровцы надругались над невестой Володи — Людочкой, той самой, чьи письма он читал товарищам. Школьная подруга, родной человек, с нею собирался он строить жизнь. Фашисты угнали ее в плен.

Теперь Володя в промежутках между боевыми вылетами и по вечерам сидел запершись в землянке.

— Он знаете что сказал? — сообщил мне Кожанов: — Жить дальше незачем.

— Сам что думаешь?

— Не знаю. Будет смерти искать, это точно. Пойдет на таран или врежется в батарею на штурмовке. Что-то в таком роде он мне говорил.

Кожанов не находил себе места, хмурился, курил.

— Хватит, не терзай себя,— сказал я.

— На боевом самолете Петрову сейчас нельзя — погибнет. И это будет на нашей совести...

Мы решили поговорить с Володей, хотя и не знали, как помочь его горю. Ясно было одно: на штурмовку пока нельзя посылать. На построении, давая указания летчикам, я ощутил на себе пристальный и непривычно жесткий взгляд Петрова. Казалось, его истомленное, заострившееся лицо состоит из одних глаз — в них горела ярость. Понимал ли он, почему его не допускают к заданиям? Может быть...

Объяснив в штабе положение с Петровым, мы послали его на «У-2» в Новую Ладогу на перевозку почты — пусть, думали, немного расслабится, отдохнет. А затем, условились, дадим ему недельную передышку в санчасти бригады, расположенной неподалеку от Новой Ладоги, в живописном месте, куда летчиков ненадолго отправляли для подкрепления сил.

Помню, вечером мы вызвали к себе Володю. Едва переступив порог землянки, он выпалил, отнимая руку от виска:

— Старший лейтенант Петров по вызову явился! Опять газеты возить?

Не сдержался... Но я сделал вид, что не заметил нарушения устава,— состояние Володи можно было понять.

— Нет. Только одно письмо. От меня — родителям и жене.

В разговор вмешался Кожанов.

— Между прочим,— сказал он,— командир жену из Ленинграда вывез полумертвой. У Цоколаева и Толи Кузнецова тоже жены

с тяжелой дистрофией, а у них грудные дети. Как еще обернется? Может, на всю жизнь инвалиды... Детишки! Понял?

Летчик молчал, вобрав в плечи русую с упрямым вихром голову.

— Ну вот,— продолжал Кожанов.— Тебе, конечно, еще тяжелей. Что делать? Самоубийством кончать? А? Тараном? Баш на баш? Отомстил, и квиты? Разве это месть! Если все так мстить станут, через месяц воевать будет некому. Не-ет, дудки, ты мсти каждый день, да так, чтобы самому в живых остаться и завтра еще добавить, а послезавтра — втрое сильней, и до тех пор, пока мы его, гада, не прикончим, ясно? Вот так!

— А для этого надо сил набраться. Взять себя в руки,— продолжил я.— Поедешь на неделю, отдохнешь. И снова в бой.

— Где они живут,— чуть слышно спросил Петров, не поднимая головы,— родители ваши?

— Неподалеку от профилактория. Там все написано на конверте. Считай, с сегодняшнего дня мои отец и мать — и твои родители. Это... в письме. Они прочтут и поймут. А мы, значит, с комиссаром старшие твои братья. Если ты не против.

Володя вдруг опустился на табурет и, прижав к лицу побелевшие пальцы, глухо, почти беззвучно зарыдал. Быстро справился с собой, крепкими ладонями вытер щеки, спросил:

— Может, не надо неделю? Два дня хватит?

— Посмотрим. Если туго будет, пришлем за тобой.

Петров вышел. Тогда Кожанов подошел ко мне, вытянулся и строго по-военному отчеканил:

— Товарищ командир! В отсутствие командира звена старшего лейтенанта Петрова прошу временно возложить на меня его обязанности.

— У тебя своих хватает...

Последовало неловкое молчание.

— Хорошо. Принимай звено.

Меня всегда восхищала способность Кожанова приходить на помощь людям, как бы совершенно забывая о себе. Это жило в нем. Он чувствовал себя неуютно, если оказывался в положении наблюдателя или просто советчика; только личное участие в судьбах товарищей давало ему моральное право разговаривать с летчиками на равных. И мало кто знал, что у него, Петра Кожанова, на оккупированной фашистами курской земле остались жена и дочь и что давно от них нет вестей и тревога за их жизнь порой заставляет его просиживать всю ночь без сна в землянке при свете коптилки.

В одну из апрельских ночей 1942 года я находился на командном пункте эскадрильи, ожидая возвращения группы Кожанова, вылетевшей на подавление зенитных точек и прожекторов в районе Шлиссельбурга.

Внезапно дверь распахнулась, и в нее буквально влетел Кожанов. Лицо его сияло. Он размахивал маленьким конвертом и чуть не плясал.

— Товарищ командир! Гвардии старший лейтенант Кожанов боевое задание выполнил! Расстрелял прожектор и два «эрликона», а остатки боеприпасов выпустил по траншеям на берегу озера.— И вдруг выкрикнул: — Вася! Почтарь принес мне самую большую радость! Жена и дочь — живы!

Мы обнялись.

— Ну вот,— сказал я,— благодари нашу пехоту за освобождение кусочка русской земли. А завтра пойдешь к командиру полка, подашь рапорт с просьбой выехать на побывку к родным.

Однако я чувствовал, рапорта он не напишет. Так оно и вышло: в беседе с командиром полка Кожанов от краткосрочного отпуска отказался...

Подходил к концу май 1942 года. Ясных дней становилось больше, но постоянно дувший северный ветер не пускал к нам и без того запоздавшую весну. Уже месяц как перестал действовать ледовый путь: лед покрылся водой, хотя толщина его местами достигала еще чуть ли не метра. Он все время двигался, торосился, затрудняя плавание даже крупным кораблям.

Не сумев сорвать перевозки в Ленинград по льду в зимнее время, фашистское командование отдало приказ: нанести массированный удар по всему ладожскому району судоходства. Ранним утром несколько высотных разведчиков пролетели над нашим аэродромом. Из штаба бригады предупредили о возможном ударе по кораблям и перевалочным базам на восточном и западном берегах озера.

Весь истребительный полк — 22 «И-16» — взмыл в воздух. Долго ждать фашистов не пришлось. 80 «юнкерсов» и «хейнкелей» под прикрытием 24 истребителей показались сразу с трех сторон: южной, западной и северной. Пятикратное превосходство...

Под нами — до сорока боевых кораблей и транспортных судов, на берегу — десятки тысяч тонн крайне необходимого Ленинграду груза. Цель нашей эскадрильи, кроме отражения «юнкерсов»,— сковать боем истребители прикрытия.

— Петя,— передаю по радио Кожанову,— будем бить на встречных курсах, действуй самостоятельно, держись над объектом.

— Понял,— ответил Кожанов.

Ведя четверку своих «ишачков», он устремился на группу «хейнкелей», идущую с запада, я же пошел на сближение с «юнкерсами», надвигавшимися с юга. Наши зенитчики открыли огонь, но мы, не обращая на него внимания, парами и четверками завязали

бой. Смертельный риск — действовать под ураганным огнем зениток — оправдал себя. Уже в начале боя стало ясно, что тактика выбрана правильно: не распылять силы, не отвлекаться на преследование врага, наносить короткие удары по близким и наиболее опасным группам, бить их на боевом курсе.

Неравенство в числе машин компенсировалось мастерством и отвагой наших летчиков. Группа комиссара Кожанова отсекла истребители, наседавшие сверху, и успела атаковать бомбардировщики. Комиссарское звено дралось умело. Петров, Бакиров, Куликов — все члены партийного бюро эскадрильи. Не ведая страха, они смело разворачивались навстречу многочисленной группе «мессеров», дерзко атаковали ведущих.

Вот вижу, как еще один «мессершмитт», сбитый звеном Кожанова, оставляет за собой дымный шлейф. Успех сопутствует и остальным: рухнули четыре вражеских бомбардировщика и два истребителя, многие самолеты врага получили повреждения или горят в воздухе...

Воздушному сражению, кажется, не будет конца. Уже сорок пять минут идет неравная схватка, наши силы тоже убывают. Восемь самолетов, поврежденные, вышли из боя, у остальных кончился боезапас, горючего — на восемь — десять минут, а на высоте 3500 метров подходит новая большая группа: пятнадцать «Хе-111» и двенадцать «Ме-109Ф».

Спасать положение нужно нашей эскадрилье, находящейся на той же высоте. Даю команду:

— Из боя не выходить! Атаки продолжать, с курса не сворачивать.

Слышу голос комиссара:

— Боезапаса нет, вывожу группу на встречный таран!

И через несколько секунд взволнованный голос:

— Не выдерживаете, сволочи... За мной!

Лобовая атака его пары была ложной, пулеметы бездействовали, однако бомбардировщики не пошли на прямое столкновение: сдали у фашистов нервы. Группа «хейнкелей» повернула в сторону озера, облегчив наше положение.

Около часа летчики-гвардейцы отражали массированный удар врага, сбив одиннадцать самолетов. А всего с помощью береговых и корабельных зенитных батарей был уничтожен тридцать один самолет. Мы потеряли бесстрашного летчика Василия Никаноровича Захарова, геройски осуществившего воздушный таран. Еще трое летчиков получили ранения. Сильно повреждены несколько самолетов. Но задачу полк выполнил.

Вечером на бортах боевых машин появились слова, выведенные белой краской: «За Васю Захарова!»

Аэродром представлял собой печальное зрелище: исковерканные,

изрешеченные, обгоревшие самолеты... На их срочный ремонт были брошены все технические силы эскадрильи. От быстрого возвращения машин в строй зависел успех завтрашнего сражения. Наступила короткая майская ночь, но почти никто из командиров не спал.

— Мы обшарили все склады,— сокрушался инженер Бороздин.— Хоть убейте, а больше шести самолетов завтра в строю не будет. Смотрите! Самолеты Петрова и Бакирова — это же металлолом, тут нужно менять силовые узлы и моторы. На это уйдет двое-трое суток.

— Пойми, инженер,— доказывал Алим Байсултанов,— воевать неполными звеньями — значит потерять половину летчиков.

— Я все понимаю,— тихо отвечал Бороздин.— Техники ни на минуту работы не прекращают, но ведь ее столько...

За разговором мы не заметили, как в землянку спустился комиссар. Вытирая взмокший лоб летной перчаткой, он стоял у порога.

— Нормально! — сощурив узкие глаза, выдохнул Кожанов.— Завтра к обеду самолеты Петрова и Бакирова будут в строю. Лишь бы фрицы рано не прилетели.

Бороздин поморщился.

— Не шути, Петя,— урезонил я комиссара.

— А я не шучу. Сейчас был у гвардейцев-наземников. Накоротке собрал коммунистов. Говорят: сами вместо моторов вертеться будем, а сделаем. В ваш расчет, товарищ инженер, техники Гусков, Дементьев, Николаенко внесли поправки и твердо заявили: завтра к обеду все восемь самолетов будут в порядке.

— И ты веришь? — серьезно спросил я Кожанова.

— Конечно.

Техники слово сдержали. Когда, заступив на боевое дежурство во второй половине следующего дня, мы осматривали машины, все самолеты были готовы к вылетам.

Перед дежурством Кожанов предложил мне:

— Василий Федорович, давай сегодня напишем наградные листы на всех, кто восстанавливал самолеты. И отдадим этим героям свои летные «сто граммов». Согласен?

— Вполне, и шоколад отдадим,— смеясь, ответил я.

Сидя в кабине самолета, я продумывал вчерашний день — тяжелейший и в воздухе, и на земле. Как хорошо воевать с таким комиссаром! Все в нем есть: оперативность, напористость, воля, инициатива и энергия, а главное — душевность, и все это увлекает на ратный подвиг других.

В ожидании сигнала на вылет прошла вторая половина дня. Начинались сумерки. Мы собрались было покинуть кабины самолетов, как взвилась красная ракета — взлет! Минута — и эскадрилья в воздухе. Но сумерки быстро сгущались. Троих летчиков, никогда еще не действовавших в таких условиях, пришлось вернуть на аэродром. В воздухе осталось четверо опытных и отважных: Алим Байсултанов, Петр Кожанов, командиры звеньев Евгений Цыганов и Владимир Петров. Командую:

— Петрову пристроиться к Кожанову, Цыганову — к Байсултанову.

Сам остаюсь в одиночестве.

Вот и полетели на ветер все варианты...

Противник рассчитывал на внезапность и на светлую майскую ночь, зная, что в густых сумерках эффективность истребителей и зениток резко снижается. И на удар направил несколько эскадрилий пикировщиков, прикрытых небольшим отрядом истребителей.

Более ста пятидесяти бомбардировщиков «Ю-87» четырьмя группами пересекли линию фронта в районе Шлиссельбурга и быстро приближались к Кореджскому рейду, где загруженные корабли начинали выстраиваться в походные ордера для ночного перехода к западному берегу.

Удар фашистских пиратов был тщательно продуман. Три группы «Ю-87» подходили с одного направления. Выше их летали несколько пар истребителей «Ме-109Ф». Против такой массы сил у нас очень мало. Но мы знаем, что «юнкерсы» начинают бомбить по сигналу ведущих — вот их-то и следует сбить в первую очередь. Поэтому, «распределив» ведущих, я скомандовал:

— Петя, на правую группу! Алим, на левую! Уничтожить лидеров! Пройти через строй, не сворачивать!

Ведущего центральной группы взял на себя. Развернутым строем мы устремились в лобовую атаку, больше похожую на встречный таран.

Все решилось в считанные секунды. Лидеры всех трех групп упали вблизи кораблей. Затем, стреляя из всех пулеметов, мы врезались в строй — и фашистские летчики, посчитав нас «смертниками», шарахнулись в разные стороны. Каким-то чудом не столкнувшись, пройдя вплотную к их самолетам, мы увидели перед собой четвертую и самую большую группу «юнкерсов», идущую двумя параллельными колоннами. На команды времени не было. Заметил справа звено Кожанова — и мы вновь понеслись на врага. С ходу сбили еще двух ведущих. Строй этой группы начал распадаться. Мы резко развернулись и всей пятеркой повторили атаку с задней нижней полусферы, применив ракетные снаряды. Вновь успех — два «Ю-87», вспыхнув факелами, упали.

Зенитки сбили еще пять самолетов, и, не причинив кораблям ущерба, фашисты начали уходить за линию фронта.

...После нашего приземления весь личный состав эскадрильи собрался у моего самолета. Я же продолжал сидеть в кабине: несмотря на скоротечность боя, ощутил беспредельную усталость. Казалось, все тело дрожит как в лихорадке. Да, в такой обстановке я еще не бывал. В голове неотступная мысль: как же мы не столкнулись? Ведь буквально впритирку расходились, мелькая друг перед другом...

На крыло самолета поднялся Кожанов, крикнул:

— Вася, что с тобой, ты ранен?

— Нет, просто нет сил, ноги и руки дрожат, нужно немного успокоиться,— ответил я комиссару.

Он крепко сжал мои плечи.

— Ничего, командир, сегодня мы отомстили за Васю Захарова, не зря на фюзеляжах написали его имя. Да и у моряков в долгу не остались. Вот это был бой! За тебя, правда, боялся, ведь без прикрытия шел.

Что же принесло редкостный успех нашей пятерке в том бою с армадой из 150 самолетов? Прежде всего, новизна тактического приема — точные лобовые атаки по ведущим, меткость и прекрасная летная выучка, дерзость и отвага и, конечно, предельный риск.

Боями 28 и 29 мая 1942 года фактически закончилась тяжелейшая борьба истребителей флота и зенитчиков, охранявших ледовую дорогу. Только за эти два дня Кожанов и я сбили по четыре самолета, Байсултанов — три.

Не успели мы успокоиться и проанализировать ход боя, как пришло радостное сообщение: командующий флотом, наблюдавший с корабля за неравным сражением, присвоил руководителям эскадрильи внеочередные воинские звания. Теперь командир, заместитель и комиссар — капитаны. А через некоторое время мы узнали, что указом Президиума Верховного Совета СССР Кожанову, Байсултанову и мне присвоено звание Героя Советского Союза.

...Минуло уже 40 лет, а память хранит живой образ моего боевого друга, первого помощника Петра Павловича Кожанова, с кем крыло в крыло в воздухе, рука об руку на земле шли мы, защищая Ленинград, охраняя священный лед Ладоги — ту единственную артерию, питавшую город на Неве, фронт и Балтийский флот, которая в самом буквальном, самом драматическом смысле получила название «дороги жизни».

Тогда мы уже чувствовали, что существует и надежно действует еще одна «дорога жизни», правда, о ее масштабах еще ничего

не знали. Я имею в виду снабжение армии тылом. Число самолетов в наших военно-воздушных силах нарастало непрерывно: к маю сорок второго года фронт имел уже 3164 боевые машины, только в апреле промышленность дала 1432 самолета. С заводских конвейеров сходила боевая техника: истребители «ЛаГГ-3», «Як-1», пикирующие бомбардировщики «Пе-2», штурмовики «Ил-2».

Но, повторяю, мы этих сводок под рукой не имели — только чувствовали, что такая же «дорога жизни», какую мы защищаем под Ленинградом, исправно действует между фронтом и тылом. И дрались не щадя жизни на той старой технике, которая еще была в нашем полку.

Сурен
ДАВТЯН,

Михаил
ЮРЬЕВ

ЭТО НАШИ ГОРЫ!

В горах каждый звук рождает раскатистое эхо. Едва возникнув, оно начинает свой неторопливый бег от одной скалы к другой, кочуя из ущелья в ущелье на многие сотни метров вокруг. Это особенно заметно, когда горную тишину нарушает рокот летящего самолета. Прозрачный воздух подхватывает звуковую волну и несет ее, возвещая окрестностям: летит! летит!

Вот и этим ранним солнечным утром тарахтение связного «У-2» заслышали на горном аэродроме задолго до его появления. Вершины только пробудились ото сна, и теперь, окутанные легкой дымкой, они величаво подставляли свои бока ослепительно ярким лучам. Вместе с вестниками нового дня, будто подгоняемый ими, а может быть, и несомый этим солнечным потоком, с востока спешил крошечный на фоне гор биплан.

Подрулив к стоянке, «У-2» замер. Из кабины на крыло поспешно, не дожидаясь остановки мотора, вылез офицер связи. Еще не утихший воздушный вихрь от винта разметал полы кожаного реглана. Офицер спрыгнул на землю и торопливо зашагал к штабу полка, придерживая болтающийся на боку планшет.

Через несколько минут командир 805-го штурмового авиаполка 4-й воздушной армии вызвал к себе командный состав. А еще через четверть часа первая эскадрилья была построена на самолетной стоянке.

— Товарищи! Только что получено донесение,— начал командир эскадрильи.— Вчера, 5 ноября, в районе населенного пункта Гизель наши войска остановили продвижение гитлеровцев к городу Орджоникидзе.

...Шел второй год войны. На всех фронтах положение советских войск оставалось крайне тяжелым. Об этом летчики знали из сводок Совинформбюро, наблюдая в полетах напряженные бои на земле, помогая наземным войскам отражать натиск врага.

План гитлеровцев «Эдельвейс» предусматривал обход Главного Кавказского хребта с запада и с востока силами двух группировок. Одна из них должна была овладеть Новороссийском и Туапсе, другая — Грозным и Баку. Далее планировался выход в районы Тбилиси, Кутаиси, Сухуми и установление связи с турецкой армией, 26 дивизий которой были сосредоточены на границе с СССР. После этого, как рассчитывало гитлеровское командование, открывалась возможность вторжения на Ближний и Средний Восток. Войска группы армий «А» под командованием генерал-фельдмаршала Листа постепенно продвигались вперед. Но каждый шаг в глубь кавказской земли ослаблял врага: за каждый ее метр ему приходилось расплачиваться жизнями тысяч солдат и офицеров. Особенно упорные бои шли на правом крыле Закавказского фронта. На нальчикско-орджоникидзевском направлении гитлеровцы сконцентрировали сильную танковую группировку. Захватив в конце октября Нальчик, они вплоть до 5 ноября продвигались к Орджоникидзе. И вот известие: враг остановлен!

— Нашей эскадрилье,— продолжал командир,— дан приказ уничтожить подкрепление противника — колонну танков и автомашин. По данным воздушной разведки, в настоящий момент колонна движется в труднодоступном горном ущелье. Через полтора часа ожидается ее появление в намеченном для атаки районе. На выполнение задания пойдет группа в составе...— И командир назвал несколько фамилий лучших летчиков эскадрильи.— Ведущим группы назначаю капитана Мкртумова.

До вылета оставался час с лишним. Техники хлопотали возле машин, а заместитель командира эскадрильи по политической части капитан Мкртумов решил скоротать время в беседе с летчиками.

Капитана обступили кружком.

— Вы, наверно, слышали о летчике-истребителе Кубати Карданове,— начал замполит, доставая из полевой сумки сложенную газету.

Это был номер «Красной Звезды» от 22 октября 1942 года.

— Он кабардинец,— продолжал Мкртумов.— Воюет, и отважно воюет, рядом с нами — в Северной Осетии. Вот послушайте. На фронте с первого дня войны... Совершил более 500 боевых вылетов. Сбил 15 немецких самолетов... Награжден двумя орденами Ленина и орденом Красного Знамени. Здесь описывается один воздушный бой Карданова,— Самсон Мовсесович оторвал взгляд от газетного листа.— Летели они на штурмовку. При подходе к цели из-за облака на группу наших истребителей обрушились «мессершмитты», с ходу атаковали ведущего и подбили его. Тогда вперед вырвался Карданов со своей группой. Он предложил немцам бой на виражах. Те приняли и перевели весь огонь на него. Так Карданов сковал

противника, дал возможность подойти остальным сопровождающим самолетам. Атаку отбили и задание выполнили.

— А что они штурмовали, товарищ капитан?

— В терских степях немцы создали крупную авиационную базу. Вот по ней и ударили как следует,— уточнил замполит.

— Молодцы, ребята! — одобрительно отозвались летчики.

— Так вот, друзья мои! — выждав паузу, Мкртумов вновь завладел вниманием.— Вы уже знаете, что вчера наши войска остановили гитлеровцев на пути к Орджоникидзе. Не видать фашистам проклятым нашей бакинской нефти! Здесь они все и останутся, у подножия наших гор! Ну а кто удирать надумает — поможем. Так погоним, что забудет, зачем пришел! Верно говорю?

— Давно пора! Загостились гады!

— Верно: загостились. Но наступают новые времена. Мы собрали силы, и немалые. А в чем она, наша сила? — капитан обвел стоящих вокруг требовательным взглядом.— Да в том, что с первого дня войны мы еще теснее сплотились в крепкий кулак, все вместе! Русские и украинцы, грузины и армяне, азербайджанцы, да что там — вся страна встала стеной. И теперь у нас одна задача — гнать фашистов не только с нашей земли, но до самого Берлина!

Как-то в политбеседе рассказал Самсон Мовсесович о своих родных местах — о горах Зангезура в Армении, откуда он был родом. Рассказал о богатой истории этого края, куда так рвались сейчас фашисты. В прошлые века гремели у подножий гор жестокие битвы. И каждый раз смелые зангезурцы отбивались от иноземных захватчиков. Это наши горы. Они всегда помогали отважным, были их союзником. С раннего детства здесь учились ценить свободу и независимость. Потому и не смогли иноземцы полонить зангезурских храбрецов. Запомнилась эта беседа летчикам и техникам эскадрильи, в особенности слова: это наши горы. И ныне бои здесь шли трудные... Случалось, возникала у кого-то и растерянность,— тут до панического настроения один шаг. Однако в эскадрилье Мкртумова этого шага никто никогда не сделал. Помогало верить в себя, в боевых товарищей, в боевую технику, которую тебе поручили, слово комиссара.

...Самсон Мовсесович посмотрел на часы, спокойно произнес:

— Скоро вылет. По самолетам, соколы мои! — С этими словами он надел летный шлем и направился к своему «Илу».

— Товарищ замполит, разрешите обратиться? — догнал Мкртумова один из недавно прибывших в полк летчиков.

— Слушаю вас.

— Я письмо от матери получил, а вместе с ним — вот что,— он протянул небольшого формата газетную вырезку.— Текст песни. Вот только ни названия газеты, ни даты...

В тексте аккуратно красным карандашом были выделены слова:

5 Заказ 4702

Враг лезет к нам на Дон, Кавказ,
Где был он бит уже не раз:
Там хлеб, там нефть Кавказских гор,
Что их прельщает с давних пор.
Нет, нет, не выйдет, не пройдут!
Врагу отпор бойцы дадут!
Мы орды вражьи отобьем
И вспять фашистов повернем!

— Что ж, верные слова,— заключил Мкртумов, прочтя стихи.— А откуда письмо? Где живет ваша мама?

— На севере. Волнуется очень, что мы здесь, на Кавказе, отступаем.

— Отступали,— твердо поправил замполит.

— Так точно, отступали,— парень виновато посмотрел на Мкртумова. — Можно эти стихи использовать в «Боевом листке»? Я уже и рисунок набросал. Вот, посмотрите,— летчик достал из кармана гимнастерки сложенный лист, развернул его и протянул замполиту.

Рисунок понравился Мкртумову своей лаконичностью: по истрепанной, провисшей веревке, неуклюже балансируя, опасливо ступал Гитлер — в трусах, с бабочкой на голой шее, а в огромных, навыкате глазах — алчность и страх. Казалось, горе-канатоходец вот-вот сорвется и полетит вниз, где множеством штыков ощетинились нефтяные вышки.

— У вас очень хорошо получается,— похвалил замполит.— Вот вышки я бы заменил. Не видать фашистам нашей нефти! Нарисуйте внизу горные вершины Кавказа. Пусть для врага каждая скала будет острым штыком!

— Да, пожалуй, так лучше,— согласился автор.

Зеленая ракета с шипением взвилась над летным полем.

— Вернусь — обсудим,— поспешно бросил Самсон Мовсесович, возвращая рисунок.— А ты молодец!

Через минуту с аэродрома поднялась шестерка «Илов», ведомая капитаном Мкртумовым.

Безоблачное небо, абсолютная видимость делали невозможным внезапное нападение вражеских истребителей. Группа шла четким, слаженным строем. Поэтому капитан позволил себе поразмышлять о делах, оставшихся на земле. Завтра, в день 25-й годовщины Октября, ему предстоит выступить на торжественном собрании полка. О чем он будет говорить? Конечно, здорово, что удалось наконец остановить фашистов в канун такого большого праздника. В этом есть и заслуга штурмовиков. Сколько вылетов они совершили в последние дни — не сразу и сосчитаешь. «Расскажу о бакинских нефтяниках,— решил Самсон Мовсесович.— Расскажу, какие это замечательные люди...» На минуту он представил себе, как будет

ликовать Баку, когда там станет известно, что продвижение немецких войск остановлено. «Теперь бы в контрнаступление, не давая врагу опомниться!» Беседуя сегодня с ребятами перед вылетом, замполит еще раз убедился, как заждались его орлы наступления, как рвутся вперед, чтобы оправдать себя перед народом, отбить недавно оставленные земли.

По мере приближения к цели Мкртумов стал внимательнее наблюдать за воздухом и землей. И не напрасно. Едва показалась дорога, по которой двигалась колонна, как прямо по курсу «Илов» расцвели белыми шапками разрывы зенитных снарядов. «Вот где поставили заслон! Про-рвем-ся!» Замполит резко бросил машину в сторону, совершая противозенитный маневр. Его примеру последовали остальные летчики шестерки. Огонь зениток усиливался. Чтобы лучше изучить обстановку, Мкртумов по радио приказал самолетам сделать круг. Штурмовики пошли на второй заход.

— Будем прорываться на бреющем! — передал ведущий.— Зенитки подавлять только огнем пушек! «Эрэсы» сохранить для колонны!

Мощные моторы «Илов» натужно взревели, пронося грозные машины над самыми головами фашистов. Шквал огня прижал врага к земле, зенитная стрельба утихла.

— Проскочили! — раздалось в наушниках сразу несколько голосов.

Мкртумов круто повел машину вверх, увлекая за собой группу. Теперь надо было набрать высоту и перестроиться для атаки. Вот когда начиналась настоящая работа! Шестерка «Илов», проходя поочередно вдоль колонны, обрушила на врага всю свою огневую мощь. С каждым новым пролетом росло число вспыхнувших танков и искореженных взрывами автомашин. Пушечно-пулеметный огонь, беспрерывные разрывы бомб и реактивных снарядов, от которых дыбилась земля, ошеломили гитлеровцев. В колонне началась паника.

— Комиссар! — Мкртумов узнал встревоженный голос Петра Карева.— Машины в голове!

Самсон Мовсесович и сам уже заметил, как два грузовика в голове колонны, воспользовавшись неразберихой, пытаются оторваться и уйти за перевал.

— Атакуем! — отозвался Мкртумов и направил свой штурмовик прямо на них. От меткого залпа «РС» одна из машин вспыхнула огромным факелом. «Вот в чем дело — боеприпасы!» — догадался замполит. Оглянувшись на вираже назад и вниз, он увидел, как идущий за ним Карев точно так же расправился со второй автомашиной: рядом вырос еще один ослепительно яркий костер.

— Молодец! — крикнул Мкртумов.— Сработали, как на учебных стрельбах!

— Стараемся, товарищ капитан! — весело откликнулся Карев.

Теперь уже горела вся колонна. Темные столбы дыма, обозначавшие каждую бывшую боевую единицу вражеской техники, ветром сносило в сторону. Чуть в отдалении дымные нити сплетались в один большой черный шлейф, закрывающий поворот дороги, по которой хотели пройти и не прошли фашисты. «Вот вам черный саван, проклятые!»

Колонны больше не существовало. Лишь изредка с обочин немцы вели беспорядочный автоматный и пулеметный огонь.

— Идем домой! Горючее на исходе,— разнеслась в эфире команда ведущего. И только сейчас Мкртумов подумал: «Что-то их авиации не видно...» Лучше бы эта мысль вовсе не приходила к нему,— наушники тревожно закричали голосом ведомого: «Слева — «мессеры»!»

Наперерез «Илам» шли девять немецких истребителей. Их черные свастики отчетливо выделялись на ярко освещенных солнцем фюзеляжах. Расстояние быстро сокращалось. Мкртумов мгновенно оценил обстановку.

— Всем отходить на аэродром! Атакую один! — скомандовал он и резко отвалил от группы влево.

— Комиссар! Я прикрою! — почти хором отозвались голоса сразу пятерых летчиков.

— Это приказ!!! — жестко отрезал Мкртумов. В его голосе чувствовалась досада, что приходится отвлекаться на уговоры.

С первого же захода капитан подбил один из «мессершмиттов». Боевой строй противника распался. Несмотря на колоссальное численное превосходство, фашисты вынуждены были защищаться — настолько виртуозно владел машиной Мкртумов. Казалось, не тяжелый штурмовик, а стремительный истребитель соперничает с высокоманевренными машинами. При малейшей возможности капитан короткими очередями стрелял из пулеметов и пушек. Это держало врага в постоянном напряжении. Замысел Мкртумова осуществился: его группа «Илов» без потерь вышла из боя и легла на обратный курс. Стоит ли говорить, с каким чувством летчики оставляли своего боевого товарища... Но приказ есть приказ! И потом, зная, что за чудо-летчик их замполит, в глубине души каждый из них верил: он себя в обиду не даст. По-другому просто не могло быть.

Фашисты, видимо, почувствовали, что у советского штурмовика вот-вот должно кончиться горючее. Но вступить в поединок никто не решался. Самолет Мкртумова сковали плотным кольцом, и выйти из него никак не удавалось. Самсон Мовсесович вдруг вспомнил совсем недавний рассказ знакомого летчика. Они встретились в политотделе армии. Тот восхищенно описывал новый двухместный штурмовик «Ил-2» с воздушным стрелком-радистом

в экипаже. Такие самолеты серийного производства впервые приняли участие в боях под Сталинградом в конце октября сорок второго года. «Вот бы сейчас стрелка! Мы бы им показали, что такое воздушный бой штурмовика!» Но стрелка за спиной Мкртумова не было. Оставалось надеяться только на себя. «Не расслабляться, капитан!» — с этой мыслью замполит предпринял еще одну попытку прорваться сквозь окружение, и еще один «мессершмитт» задымился и пошел к земле. Это окончательно разъярило фашистов. Многочисленные трассы пулеметных очередей прошили пространство вокруг штурмовика. «Расстрелять решили, гады! — процедил сквозь зубы Мкртумов.— Так просто не дамся!» Он еще крепче вдавил свое сильное тело в кресло и отжал ручку газа до упора. Но мотор молчал, кончилось горючее. В наступившей тишине Мкртумов слышал только, как барабанят по обшивке и фонарю кабины пули.

Оставшиеся в живых гитлеровцы из разбитой колонны уже успели прийти в себя и тоже обрушились на одинокий штурмовик всеми уцелевшими огневыми средствами...

Стрельба прекратилась, лишь когда самолет начал падать. Это могло означать только одно: пилот тяжело ранен или убит. Поднявшись выше, «мессеры» кружили над своей жертвой. Это-то и нужно было советскому летчику, который применил хитрость — «свалил» послушную еще машину в крутое беспорядочное падение. У самой земли Мкртумов выровнял самолет и повел его в сторону от дороги на посадку. Цепкий взгляд, с детства привыкший к горам, выхватил небольшую покатую площадку впереди. Наклон ее был устрашающим, но другого выхода нет. И он посадил тяжелую машину! Это была посадка, каких не много наберется за всю историю фронтовой авиации,— посадка настоящего аса!

Выбравшись из кабины, Мкртумов увидел, как прямо на него пикирует вражеский истребитель. Бросился в сторону, припал к земле. Сильный взрыв оглушил замполита, он потерял сознание...

Очнулся Самсон Мовсесович уже в госпитале. Его подобрали и доставили туда жители небольшого придорожного селения. Они видели бой и все вместе переживали за бесстрашного летчика, в одиночку сражающегося против стаи стервятников.

Мкртумов лежал у окна и смотрел в бездонное синее небо. «Жаль, не удалось выступить на торжественном собрании...»

Но ничего, он еще расскажет однополчанам об этих замечательных людях — нефтяниках Баку. Главное, что все его товарищи вернулись на аэродром невредимыми. И самое радостное — наши войска начали долгожданное контрнаступление на Кавказе! Это известие подействовало на замполита лучше любого лекарства.

«А «Боевой листок» с рисунком и стихами все-таки выпустили. Молодцы, ребята!»

В синеве неба Самсон Мовсесович вдруг заметил высоко парящего орла. Сразу вспомнилось детство и первая близкая встреча с этим горным исполином. «Ты испугался, сынок?» — спросил тогда отец. «Нет, не испугался. Я позавидовал орлу: хорошо ему летать над горами». Сколько лет прошло. А вот запомнился же тот случай...

В госпитале замполит эскадрильи пробыл недолго. А под Новый год в полк пришло радостное известие: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1942 года капитану Мкртумову Самсону Мовсесовичу за успешное выполнение боевых заданий командования, проявленные при этом мужество и отвагу присвоено звание Героя Советского Союза».

Игорь
ПОДКОЛЗИН

УРОК МУЖЕСТВА

Окно комнаты, где жил заместитель командира по политической части 751-го авиаполка дальних бомбардировщиков, выходило на круглую лесную поляну.

Комиссар Чулков обычно вставал чуть свет. Но сегодня проснулся позже: сказалось напряжение минувших суток. Прилечь удалось лишь далеко за полночь — почти до трех часов сидел над очередным политдонесением, составлял план политработы перед предстоящим боевым заданием «по нанесению массированного бомбового удара по аэродромам противника».

Приближалась 25-я годовщина Великого Октября; гитлеровцы, видимо, помнили об этом событии и — не исключено — попытаются испортить праздник. «Надо усилить бдительность на базе».

В дверь осторожно, словно боясь разбудить комиссара, постучали.

— Войдите! — Чулков отбросил укрывавшую его шинель, сел на койке и спустил ноги на холодный дощатый пол.

Вошел рассыльный из штаба.

— Товарищ майор, молодое пополнение собрано в столовой. Начальник штаба с ними занимается. Приказал доложить и узнать — вы будете выступать?

— Обязательно. Сейчас приду.

Беседовать с молодым пополнением тотчас по прибытии было у замполита традицией.

...Чулков окинул внимательным взглядом ребят, сидевших на длинных скамьях вдоль оклеенных плакатами стен. Ежики черных, русых, каштановых волос. Старшему лет девятнадцать-двадцать. Форма на всех немного топорщится, но гимнастерки с аккуратно подшитыми подворотничками. На петлицах треугольники, реже — кубики.

Замполит неторопливо прошел к стоящему у раздаточного окна столу. Обернулся и хрипловатым голосом поздоровался:

— Здравствуйте, товарищи!

Встали без особого шума. Ответили дружно.

— Садитесь.— Привычным движением поправил сидевшую, как почти на всех кадровых военных, без единой складки, гимнастерку. Положил ладони на столешницу.

Увидел с интересом нацеленные на него серые, голубые, карие глаза...

Чулков был широкоплеч и строен. Черты загорелого лица правильные, приятные. Волевой, упрямый подбородок разделяла еле заметная ложбинка. Глаза с небольшим прищуром. На груди орден Ленина и два — Красного Знамени.

Он выждал минуту, как бы приглашая к полному вниманию, и начал:

— Вы прибыли для прохождения службы в славный 751-й авиаполк дальних бомбардировщиков. Теперь это ваша новая семья.— Алексей Петрович говорил тихо, но внятно, обстоятельно знакомя молодых воинов с историей и боевыми традициями соединения.— ...Мы ведем войну с коварным и опасным врагом. Сколько советских людей стонут под его игом! Сколько наших городов и сел разрушены и сожжены.— Чулков расстегнул планшетку. Вынул из нее пачку фотографий и протянул сидящим в первом ряду.— Недавно у одного пленного офицера мы обнаружили вот эти документы. Вглядитесь в эти людоедские кадры и задумайтесь...

Ребята разобрали снимки.

— Я не знаю точно, в какой местности были совершены и запечатлены на пленку эти вопиющие злодеяния. Пусть каждый из вас думает: это его деревня, село или поселок. Замученные, угнанные в рабство в Германию, расстрелянные и повешенные взывают к священной мести. И сделать это предстоит вам. Да, именно каждому из вас... Мы сорвали планы гитлеровской молниеносной войны. Фашистские орды под Москвой разгромлены. Бить фашистов, гнать их отовсюду можно и нужно — это наша главная задача.

Фотоснимки обошли всех и вернулись к майору. Лица ребят посуровели. Стало очень тихо, лишь за фанерной перегородкой слышалось звяканье мисок да в углу кто-то то ли вздохнул, то ли всхлипнул.

Казалось бы, на том можно и закончить, но комиссар всегда придавал особое значение более непринужденной беседе со слушателями, поэтому спросил:

— Какие будут вопросы? — Слегка помедлил и добавил: — Не стесняйтесь, пожалуйста, спрашивайте обо всем, что вас интересует.

— Товарищ майор! А правду говорят, что вы летали бомбить Берлин?

— Правду.

Ребята оживились, по рядам зашелестел шепот.

— Расскажите,— попросил веснушчатый сержант с двумя треугольниками на петлицах и присовокупил на гражданский манер: — Пожалуйста, просим.

Замполит задумался. Он предпочел бы рассказывать о товарищах...

— В любом, особенно новом деле,— начал неторопливо, по привычке потрогав ладонью подбородок,— кто-то всегда идет первым. Им особенно тяжело, они прокладывают путь другим и сталкиваются, как говорят математики, со множеством неизвестных. Поэтому я расскажу вам о самом первом полете на вражескую столицу. Его совершили морские летчики, среди которых был мой друг, он-то и поведал мне об этом событии. Сейчас его уже нет в живых... Разумеется, я дополню рассказ и своими впечатлениями, но, подчеркиваю, мы летали по уже проложенным маршрутам. И я хочу отдать дань уважения первым...

Все вы помните знаменитые суворовские принципы. В них заложен огромный смысл. К примеру: «Тяжело в ученье — легко в бою». Тщательная подготовка к любому делу во многом определяет успех. Потому к полетам на столицу рейха готовились основательно, прекрасно понимая их военно-политическое значение. Удача укрепит веру в нашу победу, а врагам напомнит о неизбежном возмездии. Вселит надежду в сердца тех, кто остался на оккупированной территории.

Операцию предстояло осуществить на самолетах конструкции Ильюшина.

Накануне всех ознакомили с подробным планом Берлина. Город это большой, площадью почти в 90 тысяч гектаров. В нем около 70 заводов: авиационных, станкостроительных, металлургических, электрооборудования и других — выпускающих оружие и снаряжение. Вокзалы, железнодорожные станции и узлы, вокруг 6 аэродромов. Предстояло пролететь туда и обратно 1800 километров, из них 1400 — над морем. Провести в воздухе более семи часов, причем в ночном полете. И, как вы понимаете, лететь под огнем зениток, истребителей врага, над его территорией. Конечно, маршрут проходил на большой высоте, где не хватает кислорода.

На какое-то мгновение Чулков замолчал, словно что-то припоминая, и продолжил:

— Вот и давайте представим себе такую картину...

Маленький островок на Балтике, затерявшийся среди свинцовых волн, затянули низкие клочковатые тучи. Моросил дождь. Погода промозглая и, как уверяли синоптики, «нелетная». У самого леса застыли освобожденные от маскировочных сетей, поблескивающие мокрыми фюзеляжами самолеты. Из-за вершин сосен,

от невидимого за ними моря, тянуло запахом хвои, водорослей и свежей рыбы. Тишина... Только со стороны угадывающегося в темени поселка доносился хриплый, с повизгиванием лай сторожевой собаки.

У машин собрались экипажи. Все в унтах, теплых комбинезонах, меховых шлемах и перчатках.

— По маши-и-нам! — прозвучала протяжная команда.

По-змеиному шипя, взвилась в небо ракета. Залила на мгновение зеленовато-холодным светом самолеты, постройки, отбрасывающие длинные тени фигурки аэродромного персонала и погасла, не долетев до земли.

Взлет разрешен.

Тяжело переваливаясь, бомбардировщики вырулили на старт. На максимальном газу взревели моторы. Машины тронулись. Медленно, будто нехотя, потом все быстрее, набирая скорость, разбежались и поднялись в небо. Несколько минут летели в густой, как в парилке, измороси. Пробили облака. Где-то далеко-далеко виднелась узенькая багровая полоска заката. Слева сплошная чернота. Внизу горбилось грязно-серое нагромождение туч.

Флагман лег на курс, остальные заняли места в строю. Каждый из членов экипажа занимался своим делом.

Неожиданно внизу, в разрыве облаков, показались редкие, желтые и белые, слегка размытые огоньки.

— Штурман! Где мы?

— Штеттин! Слева под нами.

— Как время? Укладываемся?

— Минута в минуту.

Над землей, как хвосты маленьких комет, рассекли черноту красные ракеты, замигал прожектор.

— Что там? Неужели обнаружили?

— Здесь аэродром, товарищ командир. Фрицы сигналят: нам дозволяется посадка. За своих приняли.

— Немудрено, уж кого-кого, а русских-то они никак не поджидают. Эх, поблагодарить бы их за любезное приглашение парой бомбочек. Ну да ладно, еще успеем...

Над Берлином туман рассеялся. В бездонной глубине причудливыми скоплениями желтели огоньки. Столица рейха была затемнена не полностью.

В точно заданном квадрате ведущий начал бомбометание. От длинного, похожего на тело касатки фюзеляжа попарно отделялись бомбы и неслись навстречу огням. Самолет дрогнул и взмыл вверх.

Багровые сполохи взметнулись над Силезским вокзалом, за ажурными фермами моста через Шпре и в самом центре Александерплац. В стороне на фоне зарева отчетливо виднелись черные черточки заводских труб.

— А ну, еще разок. Последних парочку,— командир крепче сжал штурвал.

Снова яркие вспышки разорвали тьму. Белые шпаги прожекторов начали суетливо и бестолково кромсать небо То там, то здесь рвались зенитные снаряды.

Враг уже опомнился — город погрузился в темноту: видно, разом выключили электричество. Лишь в нескольких районах сквозь мутную пелену желтыми пятнами проступали отблески пожаров.

Об этом первом полете потом напишут много... Но мне хочется привести строки из документальной повести М. Львова о том, с каким напряжением ждали на острове Сааремаа тех, кто в это время находился в ночном небе над Берлином:

«...На командном пункте круглые морские часы мерно отсчитывали секунды. Комиссар полка Оганезов смотрел на карту, на часы, курил и мысленно повторял: «Уже скоро! Уже скоро!»

Подошел к радисту Федору Рослякову:

— Найди Берлин!

Нить настройки побежала по шкале. Удрученный голос на английском сообщал, что противник подверг бомбардировке Лондон...

— Не то, не то, это Англия. Крути скорее...

Марши. Громкие. Уверенные. И гимн — «Германия, Германия превыше всего».

И вдруг из репродуктора — сирена.

— Это там, в Берлине! — воскликнул радист, поднимаясь.

— Значит, наши,— голос комиссара дрогнул.— Это наши, конечно, наши.

А в Берлине, откуда только что звучали бравурные марши, надрывался диктор:

— Воздушная тревога, воздушная тревога!

И смолкло все, как обрезало...»

Самолеты повернули на обратный курс и провожаемые бешеными залпами зениток пошли в сторону Балтийского моря.

Несколько часов спустя все бомбардировщики, участвовавшие в операции, благополучно приземлились на своем аэродроме...

Затаив дыхание, не спуская с комиссара восторженных глаз, слушали молодые летчики, штурманы, стрелки и оружейники.

Когда Чулков закончил, поднялся смуглый и скуластый паренек небольшого роста. Поправил ремень, спросил неожиданным басом:

— Товарищ майор, а правду говорят, что, после того как наши первый раз отбомбили Берлин, Гитлер так распсиховался, что отругал Геринга и наложил на него какое-то взыскание?

Замполит усмехнулся, кивнул:

— Дело в том, что Геринг, как командующий люфтваффе, то есть военно-воздушным флотом Германии, неоднократно бахвалился: ни одна, дескать, бомба на столицу рейха не упадет. После первого нашего налета, наутро, геббельсовское радио сообщило: Берлин-де бомбили англичане. Ведь нашу-то авиацию Геббельс давным-давно «уничтожил» — языком, разумеется. Но вышел полнейший конфуз: лондонское радио тотчас передало, что в ту ночь ни один самолет британских военно-воздушных сил в воздух не поднимался. Вот оба болтуна и сели в лужу, что и вызвало истерику фюрера. Геринг свалил всю вину на бывшего военного атташе Германии в Москве, который якобы снабдил его неверными сведениями о состоянии русской авиации...

— Товарищ майор,— раздался тонкий голосок, и у окна поднялась стриженная «под мальчика» большеглазая девушка. На петлицах ее гимнастерки алели треугольники сержанта.

«Господи, ты-то как сюда попала, горе мое глазастое»,— мелькнуло в голове Чулкова, хотя он уже слышал, что штаб тоже получил пополнение — девушек-радисток, телефонисток.

Войну комиссар считал делом сугубо мужским. Был убежден: женщинам в военной авиации, тем более в кабине бомбардировщика, делать нечего. Как большинство сильных и смелых людей, он очень бережно относился к тем, кто слабее.

— Так что вас интересует? — замполит участливо посмотрел на сержанта.

Щеки девушки от смущения сделались пунцовыми.

— У вас есть дети? — спросила и покраснела еще больше.

— Есть,— глаза Чулкова потеплели.

— Маленькие? — Очевидно, моложавость комиссара — а выглядел он моложе своих тридцати четырех лет — подразумевала именно подобный ответ.

— Всякие,— комиссар улыбнулся, на щеках появились небольшие ямочки,— у меня их трое.

«Как там Верочка,— подумал о жене,— справляется ли с ними, вот уж кому действительно тяжело: и работать, и за мальцами следить».— И повторил:

— Да, трое сыновей: Толя, Юрик и Алеша.

— Спасибо,— поблагодарила девушка и, как-то по-домашнему подобрав короткую юбку, села.

— Товарищ майор! — обратился высокий, подтянутый младший лейтенант. Своему юному лицу он пытался придать серьезное и даже чем-то озабоченное выражение.— Вот вы заместитель командира полка по политической части — политработник. А летаете как летчик, почему? У вас ведь другие обязанности?

— А для чего же я окончил Ейскую авиашколу? Наверное,

для того, чтобы летать. Кроме того, я абсолютно уверен: все политические работники полка, эскадрильи, батальона должны быть именно «летающими», «плавающими», «атакующими». И знать, само собой, досконально свое непосредственное дело: партийную, политическую и воспитательную работу.

Алексей Петрович был твердо убежден, что обязан знать и уметь все, что знает и умеет строевой командир, и даже больше. Он всегда понимал призыв «Коммунисты, вперед!» как: «Коммунисты всегда и во всем впереди, во всех делах». Ибо убедился на собственном опыте — ничто так не действует на людей, как личный пример, в данном случае его, комиссара.

— Понятно,— удовлетворенно кивнул младший лейтенант и задал новый вопрос: — А из каких мест вы родом и давно ли в армии?

Майор засмеялся. Уж так устроен общительный русский человек — всегда желает знать, нет ли рядом земляка.

— Я владимирский, из города Карабаново. Не слыхали? Происхождения самого что ни на есть пролетарского. Когда грянула революция, мне исполнилось девять лет.— Заметил, как девушка-сержант удивленно вскинула тонкие брови.

«Для нее-то я, наверное, глубокий старик»,— подумалось почему-то.

— Говорят,— продолжал Алексей Петрович,— детство запоминается на всю жизнь — это правда. Я, конечно, не во всем тогда разбирался, не все понимал, но прекрасно помню и гражданскую войну, и голод, и сыпняк, и нэп. Видите, какой я старый...

Девушка-радистка запротестовала.

— Ну а потом учился в школе, как и вы. Вступил в комсомол. В тридцать первом стал коммунистом, в тридцать третьем пошел на военную службу. С тех пор в авиации. Приходилось бывать на Кавказе, Дальнем Востоке, участвовал в войне с белофиннами.— Чулков на мгновение задумался, затем произнес мечтательно: — Вот кончится война, вернетесь домой. Поездите по стране из конца в конец. Своими глазами увидите, до чего хороша наша Родина! — Он опять помолчал и лирическое отступление закончил коротко: — На фронте я с первых дней.

По рядам прошел одобрительный шумок.

— А какими, на ваш взгляд, качествами должен обладать тот, кто служит в авиации? — деловито сдвинув брови, спросил примостившийся на краешке скамьи старшина с круглой, как шар, головой, отчего казалось, что у него оттопыренные уши.

— Мне думается, в первую очередь чисто человеческими: честностью, верностью, обязательностью, трудолюбием. Разумеется, бескомпромиссностью в отношениях с товарищами. И добротой. Для военных, для нас с вами, основа основ — дисциплина и отмен-

ное знание авиатехники, чувство ответственности. Пилот ли ты, штурман, стрелок, оружейник или механик — должен быть мастером своего дела, постоянно стремиться к совершенствованию в профессии.

— Ну а в политическом аспекте? — Старшина скосил глаза на ребят, словно хотел сказать: поглядим, поймет ли комиссар?

— «В политическом»? — повторил Чулков.— Что ж, как говаривал в свое время Василий Иванович Чапаев, можно и в политическом.

Ребята дружно засмеялись: понял комиссар!

— Мы часто рапортуем: такой-то стал отличником боевой и политической подготовки. Грамматически фраза как бы разбивается на две разных части. Политическая, дескать, одно, а боевая — совершенно другое. На самом деле эти понятия составляют одно целое, тесно связаны между собой. Нельзя быть первым в одном и последним в другом. Ясно?

— Ясно,— кивнул паренек и сел.

— А как вы относитесь к тарану? И вообще к геройству?

— Когда-то Максим Горький сказал: в жизни всегда есть место подвигу. Замечательные слова! Бывает — человек в своей повседневной, казалось бы, вовсе не героической деятельности совершает подвиг.

Весной мне довелось побывать на одном из заводов, где мы принимали новые машины. Я видел у станков, рассчитанных на взрослых, четырнадцатилетних мальчишек и девчонок. Они даже до суппорта не доставали, им под ноги подставляли ящики. И тем не менее не только выполняли, но и перевыполняли норму взрослых рабочих. Иногда ночевали прямо у станков, отогревались у печурок.— Алексей Петрович окинул всех взглядом — поймут ли так, как он хочет,— и продолжил: — Они не рисковали жизнью, нет. Но каждодневно совершали подвиг. И вы не забывайте, пожалуйста, что самолеты, снаряды, патроны, форму, которая на вас, и многое другое сделали женские и детские руки.

Чулков заметил: после этих его слов слушатели словно подтянулись.

— Теперь относительно таранов или конкретно о подвиге Николая Гастелло и его экипажа, направивших свою машину в колонну фашистов. Я не помню сейчас, кто из древних мудрецов когда-то изрек: «Человек еще окончательно сам себя не познал». Он имел в виду, этот мудрец, психические, физические и моральные возможности. Очень верно подмечено. Случается, что доселе вроде бы ничем не выделяющийся боец вдруг в каком-то порыве, под воздействием обстоятельств или иных причин проявляет геройство. Вдруг ли? Сомневаюсь. Для этого нужен, я бы сказал, фундамент — подготовка всей предыдущей жизнью. Кажется, что человек рядом с

тобой ничем не примечателен; на самом деле в нем лишь до поры до времени как бы дремлют прекрасные качества, заложенные нашими идеями, строем, образом жизни. Эти-то качества в нужный момент концентрируются и получают логическое завершение в подвиге. Порой это происходит не осмысленно, а как бы внезапно. Но бывает и по-другому: человек идет на смерть расчетливо, взвесив и прикинув все «за» и «против». Вслушайтесь в такие знакомые нам слова: «Стоять насмерть, до последней капли крови» — это не красивые фразы... Это твердая, выношенная готовность любой ценой, если понадобится — и ценой жизни, приблизить победу над врагом... Расскажу об эпизоде, который произошел с экипажем одного бомбардировщика при возвращении после очередного налета на фашистское логово.

Алексей Петрович глубоко вздохнул и, поборов волнение, начал:

— От зенитного огня машина сильно пострадала. Повреждены двигатели, разбит компас, пробоины в плоскостях и фюзеляже. Высота падает. А тут как на грех низкая облачность, густой туман. Самолет сбился с курса и очутился над оккупированной территорией. С большим трудом его удалось посадить на молоденький лесок. Деревья самортизировали удар. Почти все члены экипажа были ранены, но решили пробиваться к своим. Однако место падения самолета окружили гитлеровцы. И тогда, я считаю, было принято единственно правильное решение. Машину сожгли, сняли с нее пушки и пулеметы. Горсточка храбрецов заняла круговую оборону на высотке у небольшого озерца и двое суток отражала атаки. Сражались до последнего патрона, и дорого заплатили фашисты за их жизнь...

Чулков замолчал. Притихли и ребята, потом — новый вопрос:

— А как же узнали об их подвиге? Ведь все погибли?

— Об этом сообщили нашему командованию разведчики. Они-то и захоронили останки героев.

— Товарищ майор, а о капитане Гастелло...— начал младший сержант.

— Сейчас,— комиссар сделал ладонью предупреждающий жест.— Капитан Гастелло и его товарищи выполнили свой долг с честью, были верны ему в полном смысле до последнего вздоха. Вы думаете, им не было страшно или они не ценили жизнь? Нет, им, конечно, очень хотелось дожить до победы. А они добровольно пошли на смерть и погибли...

Когда расходились, младший сержант восхищенно проговорил:

— Вот с таким, не задумываясь, пошел бы в разведку. Силен комиссар!

Вечером командир полка собрал командный состав. Настроение у людей было приподнятое — приближался праздник. Рассаживаясь вокруг большого штабного стола, шутили и смеялись.

Оглядев присутствующих, комполка постучал толстым красным карандашом по заменяющему графин с водой жестяному чайнику, призывая к вниманию. Стало тихо. Немного помолчав, как бы собираясь с мыслями, заговорил негромко, выделяя каждое слово:

— По данным разведки, гитлеровцы сконцентрировали в районах Витебска, Орши и Сещи большое количество «юнкерсов». Там же расположены склады боеприпасов и горючего. Прикрытие истребителями и зенитной артиллерией весьма сильное. Есть сведения: противник готовит массированный бомбовый удар по Москве, намереваясь сорвать нам торжество и взять реванш за ноябрьский парад на Красной площади в сорок первом году. Допустить этого нельзя. Перед полком поставлена задача — упредить их действия и расстроить планы контрналетом.

— Разрешите,— поднялся Чулков.— Я хорошо знаю и аэродром под Витебском, и пути подхода к нему. Прошу направить туда ведущим! Кроме того...

Командир полка прищурился, взглянув на комиссара, которого не только уважал, но и любил:

— У тебя, Алексей Петрович, и здесь работы будет выше головы.— Он начал загибать пальцы на руке: — Торжественное собрание, праздник, боевые листки и прочее. Наконец, молодые прибыли, забыл? Вот и воспитывай их своим пламенным партийным словом. Управимся одни.

— Все уже сделано, как мне кажется,— ответил комиссар.— Приглашена фронтовая бригада артистов — после торжественной части будет концерт. Да и своя самодеятельность выступит — среди молодежи обнаружилось много талантов: поют, играют, пляшут, а некоторые и стихи сочиняют.

— Так вот я и говорю...

— Извини, пожалуйста,— настаивал Чулков,— что касается молодежи, так именно в воспитательных целях прошу отправить на задание наиболее подготовленные и опытные экипажи. Мы покажем новичкам, в каком соединении им придется служить и как надлежит сражаться. Еще раз прошу разрешить мне вести группу на Витебск.

— Ох и упрямый же ты...— только и сказал командир полка.

— Настойчивый,— поправил комиссар и засмеялся.

Комполка улыбнулся и коротко бросил:

— Уговорил. Будь по-твоему, веди!..

Тяжело загруженные машины стартовали дружно. Пересекли линию фронта и недалеко от цели сделали отвлекающий маневр, чтобы зайти с той стороны, откуда их меньше всего ждали. Однако застать фашистов врасплох не удалось... Не доходя до назначенной точки, бомбардировщики попали в плотный огонь зениток. В воздухе появились «мессершмитты». Наши истребители прикрытия ринулись в атаку.

Гитлеровцы позаботились о надежной защите своего аэродрома. По бомбардировщикам хлестнули струи снарядов счетверенных «эрликонов». Но поздно: самолеты уже вышли на цель. Они атаковали стоящие на летном поле и в укрытиях «юнкерсы». И вот взорвались приготовленные к загрузке бомбы, заполыхали бензозаправщики. На месте домов, где размещались летчики и обслуживающий персонал,— груды развалин. Черный дым затянул все вокруг...

Задание выполнено. Можно уходить. Боевые машины развернулись на обратный курс. Но расположенные на подступах к аэродрому зенитки словно осатанели. Их залпы и автоматические очереди слились в сплошную огненно-стальную стену. Осколки забарабанили по фюзеляжу и крыльям, вспороли обшивку. Ведущую машину отбросило в сторону. Зачихал и задымил правый двигатель. По плоскостям голубовато-красными ручейками заструилось пламя. Дым проникал в кабину, разъедал глаза, царапал горло, мешая дышать. Убиты стрелок и радист. Сам командир и штурман ранены. Левый мотор работал с перебоями и едва тянул. Истерзанный самолет начинал терять высоту. А до линии фронта еще так далеко...

Многое пришлось испытать Чулкову. Однажды уже случалось и такое. Его бомбардировщик, возвращающийся с задания, подожгли «мессершмитты». И тоже было это за многие километры от своих. С неимоверным трудом, собрав в кулак волю, ухитрился все же притереть комиссар машину на крошечном язычке луга у березовой рощицы. Когда приземлились, сам несказанно удивился: как удалось сесть? Расскажи кто, не поверил бы. Не один день продирались потом через леса и топкие болота.

Дошли. Подлечились в госпитале — и снова в воздух.

Но теперь... Вырваться не удастся. Машина уже объята пламенем, стекла кабины лижет рыжий огонь. Краснозвездный самолет, за которым тянулся густой черный шлейф, надвигался на стоящую вдоль обочины шоссе колонну танков и самоходок...

В последнее мгновение перед затуманенным взором комиссара почему-то появилась девушка-сержант, из глубины сознания зазвучал ее голосок: «А дети у вас есть? Маленькие?»

— Есть! — Чулков делает глубокий вдох и резко, будто боится, что она не услышит, кричит: — Трое! И защищать их буду до...

Огненный смерч с ревом обрушился на гитлеровцев.

В военное ведомство был направлен наградной лист: «Заместитель командира по политической части 751-го авиаполка дальних бомбардировщиков майор Чулков Алексей Петрович за отвагу и мужество, проявленные в боях с фашистскими захватчиками, представляется командованием к награждению орденом Ленина». В представлении также отмечалось: «В действующей армии с первых дней Великой Отечественной войны. За этот период произвел 114 боевых вылетов, из них 111 — ночью. Летал на военно-промышленные центры противника в глубоком тылу. В том числе дважды на Берлин, а также на Будапешт, Данциг, Кенигсберг, Варшаву. Товарищ Чулков своим личным примером воодушевлял подчиненных на подвиги и героизм».

Когда писались строки наградного листа, Алексей Петрович еще был жив. Ходил по земле, летал на задания. Смеялся и шутил, играл на гитаре, в короткие минуты отдыха пел веселые и задушевные песни.

После его героической гибели командование изменило заключительную часть наградного листа:

«За мужество и отвагу, за верность своему воинскому долгу и Родине заместителю командира по политической части 751-го авиаполка дальних бомбардировщиков майору Алексею Петровичу Чулкову просим Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоить звание Героя Советского Союза посмертно».

Дмитрий
ШЕВЧЕНКО

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

В феврале 1942 года в заснеженном Ишиме Татьяна Андреевна Шипуля получила письмо из действующей армии, от мужа — военного летчика, комиссара эскадрильи.

В письме после коротких строчек о боевой службе Иван Сафонович переписал для жены незадолго до того появившееся во фронтовых газетах стихотворение Константина Симонова «Жди меня».

Еще тогда, в сорок втором, Татьяна Андреевна выкроила из синей фланели и вышила крестиком рамочку для этого письма — так, чтобы само стихотворение выглядывало из нее, словно из окошка. И вместе с фотографией мужа повесила на стену. В страшные годы войны, когда судьба обрушила на эту семью тяжкие испытания, строчки Симонова поддерживали в Татьяне Андреевне силы и веру.

Они и сегодня висят на стене в ее доме, в той же рамке, почти обесцветившиеся:

Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло».

В предвоенные годы многие юноши бредили авиацией и восхищались Чкаловым. Двадцатилетний Иван Шипуля, слесарь-механик зеркальной фабрики в Витебске, в отличие от многих товарищей о небе не мечтал. Дорога уже была определена: сперва работать на заводе, потом поступить в институт на заочное отделение и стать горным инженером.

Однажды на фабрике организовали экскурсию в подшефный авиагарнизон. Привели молодых рабочих в ангар — посмотреть на «чайку». Самолет разочаровал Ивана, он даже криво улыбнулся: как деревенский человек, с детства уважал все прочное и надежное. А тут... авиатор-экскурсовод по просьбе гостей снял с самолета часть обшивки, и под ней обнаружились тонкие деревянные рейки и струны проволоки. Обклейка из полотна-перкаля. «Так вот что оно такое, «стальная птица»! — подумал Иван.— И как на этом можно летать?»

А через несколько дней после экскурсии на фабрику пришла пачка повесток: самым активным комсомольцам и спортсменам предлагалось явиться на комиссию по отбору кандидатов в авиационное училище.

В госпитале было много народу. Сотни ребят в футболках балагурили, дожидаясь вызова, волновались. Иван пришел без всякой надежды на успех: дома долго стоял перед зеркалом, рассматривая свою щуплую фигуру.

Шипулю, как и других ребят, взвешивали, выстукивали и выслушивали, предлагали приседать и дуть в трубочку. Кабинетам, похоже, не было конца. К концу дня он оказался рядом с Гришей Старченко, товарищем по цеху, силачом. Гриша покровительственно сказал, поглядывая на хмурого Ивана:

— Не журись, авось пройдешь...

Поздно вечером результаты заседания медицинской комиссии вывесили в коридоре. Иван протиснулся поближе и прочел, еле справляясь с волнением: «Шипуля — годен без ограничений». Выходит, глубоко заглянули врачи в его здоровье, в его организм. Даром что худой и угловатый, а летом мог косить с рассвета до заката без устали. Из ста фабричных ребят отбор прошли только двадцать два, их направляли на республиканскую комиссию в Минск. В коридоре Ивана поздравил грустный, сбитый с толку Гриша.

— Вот видишь,— говорил он едва не плача,— зря волновался. А меня вот забраковали. Разве это врачи? Я им докажу!

На республиканской комиссии из двадцати двух витебских ребят в училище отобрали только девять. Среди них был Шипуля.

Так поступил Иван в Сталинградское авиационное. «Своим» здесь он стал сразу же: курсанты оценили его умение живо и интересно рассказывать, его склонность к юмору, скромность и работоспособность. Через год Шипулю избрали секретарем комсомольской организации училища.

Согласно учебной программе, предстояло освоить планер.

Сидя в застекленной кабине, Иван сначала чувствовал себя беспомощным. В первом самостоятельном полете он забрался на высоту четыреста метров. Где-то далеко внизу широкой полосой извивалась Волга. Рядом с ней, на ржаной земле,— несколько темных точек — инструктор и курсанты. Отдавшись во власть полета, Иван на какое-то время забыл об инструкциях, позволил воздушному потоку подхватить планер и стремительно унести за облака. Здесь только схватился за управление, выполнил разворот, выровнял планер и повел его на посадку. В назначенный квадрат не попал. Уже приближаясь к земле, увидел, что летит прямо на стадо коров. Быстро потянул рукоятку на себя, пронесся над стадом на высоте нескольких метров и... благополучно приземлился.

— Живой? — смеялся подбежавший инструктор.— За самостоятельные маневры объявляю благодарность.

«Шутит»,— догадался Шипуля.

Потом был двадцатиминутный полет с инструктором на самолете. Теперь инструктор «шутил» по-иному. Приказав Шипуле крепче держаться, он принялся выполнять «бочки», «петли», перевороты. Ивану было страшно, но виду не подавал.

На земле он посмотрел на свои ладони. Кожа была стерта в кровь. С этого дня он по-настоящему захотел летать.

Весной 1937 года у Шипули появился друг — смуглолицый симпатичный паренек по имени Рубен.

Командир привел его в казарму и сказал:

— Знакомьтесь, товарищи, у нас пополнение. Курсант Рубен Ибаррури.

И указал новичку койку рядом с Иваном.

Ночью они шепотом разговорились. Рубен неплохо владел русским языком, но испанский акцент все же чувствовался.

— Ибаррури, наверное, распространенная фамилия у тебя на родине? — спросил Шипуля.— Вот и знаменитая Долорес...

— Долорес — моя мать.

Иван даже приподнялся на койке.

— Да что ты? Почему же никто не знает?

— А какое это имеет значение? — смутился Рубен.

В свободные от занятий и тренировок часы они бродили по городу, по берегу Волги. Рубен рассказывал о родной Испании, о том, как мальчишкой участвовал в демонстрациях, как вместе со сверстниками охранял тайные собрания коммунистов. И Иван видел, что этот паренек, хоть и младше его на пять лет, уже много пережил. Рубен часто просил Ивана петь народные песни, вслушивался в них.

На летном поле они тоже были рядом. Рубен в ускоренном темпе овладевал профессией летчика, словно торопился куда-то. Шипуля догадывался — куда. У друга в чемоданчике была карта Испании, вся испещренная красными флажками — ими он отмечал зону действий республиканской армии.

Несколько раз они летали на одной машине. Рубену трудно давалась посадка, он не мог уловить момента начала выравнивания машины. И Шипуля раз за разом заходил на посадку, показывая, что надо делать.

Через несколько месяцев Ибаррури неожиданно для всех уехал из училища. Только четыре года спустя Иван узнал, что друг его умчался тогда в родную Испанию.

Война, пока только подбирающаяся к нашей земле, готовила Шипуле еще одну разлуку.

Было это в Калинине, куда Ивана назначили в сороковом году, после окончания училища, комиссаром эскадрильи бомбардировочного полка. Он много летал, понимая, что партийный наставник должен быть примером для летчиков и в летном деле.

Для себя времени почти не оставалось, даже вечера были заняты: много читал, готовясь к политзанятиям. И когда однажды принесли пригласительный билет в клуб на концерт московских артистов, долго отказывался.

— Мне и пойти не с кем,— сказал он лейтенанту, отвечавшему за концерт,— видишь, на билете написано: на два лица.

— Кого-нибудь пригласите, товарищ комиссар.

И как в воду глядел. Попасть на выступление столичных артистов хотели многие. У клуба толпились люди. К Ивану подошла высокая девушка с шапкой каштановых волос и не очень уверенно сказала:

— У вас тоже нет лишнего билетика?

— А вот и не угадали!

После концерта запела радиола. Иван предложил Тане, новой знакомой, немного потанцевать. Она ему сразу очень понравилась, и все три танца он мучительно изобретал фразу: «Не сумеем ли мы увидеться завтра?»

Перед самой войной они поженились.

22 июня 1941 года, на рассвете, летчики эскадрильи во главе с замполитом собрались ехать на рыбалку. Но из своего домика, на ходу застегивая китель, выбежал командир полка и приказал всем немедленно отправиться на аэродром. Боевая тревога!

Летчики не очень удивились — боевая тревога, правда тренировочная, объявлялась не раз. Служба есть служба. Поспешили на летное поле. Командир выдал личное оружие. Через несколько минут примчалась полуторка, из кабины выскочил замполит полка Рожков и глухо сказал:

— Война! Немцы уже бомбят наши города.

30 июня 208-й бомбардировочный полк приступил к боевым действиям. Получено первое задание: уничтожить мосты через Западную Двину в районе Даугавпилса. Потом полк действовал против группировок фашистских войск в районе Полоцка. С первых же дней несли большие потери: «СБ» уступали новейшим немецким машинам, но вскоре полк получил пикирующие бомбардировщики «Пе-2». Летчиков направили на переучивание в Тамбов. Времени на сборы и прощание — один час.

Совместная жизнь Ивана и Тани продолжалась всего несколько месяцев. Но за это счастливое время они убедились, что не ошиблись друг в друге.

Таня знала, как трудно приходится полку, сколько хороших ребят гибнет.

— Тебе нужно уехать, пока мы тут разберемся с этими фашистами,— повторял Иван.

— Никуда я не уеду! — отвечала она.— Ваня, надолго этот ужас?

— Пока не загоним их назад...

Уехать первым пришлось ему.

По-особому трудный военный хлеб достался Ивану Шипуле. С июля 1942 года его авиационный полк, переименованный в 778-й полк пикирующих бомбардировщиков, в который он вернулся после переучивания, дрался с врагом на Брянском фронте. Рвавшемуся в небо политруку летать удавалось нечасто: на земле было много дел. Нужно было в боевых условиях проводить политзанятия, разъяснять партийные документы и сводки Совинформбюро, собирать, часто по ночам, собрания, готовить кандидатов для вступления в партию, тщательно оценивая их человеческие и боевые качества,— с каждым днем к нему в землянку приносили все больше и больше заявлений: прошу считать меня коммунистом. Да и самолета своего у Ивана не было. Перед вылетом он старался сказать каждому летчику что-то теплое, ободряющее. Они улетали, а он ждал их на земле.

Вместе с командиром эскадрильи Шипуля разрабатывал детали предстоящих боевых операций, разъяснял летчикам их задачи. А самому ему порой посоветоваться было не с кем. Как в случае с Перцовым.

Однажды эскадрилья получила приказ выслать группу самолетов на боевое задание. В землянке командира эскадрильи Балакина Иван заговорил с летчиками об обстановке, о значении предстоящего вылета. И заметил, что лейтенант Алексей Перцов, бесстрашный пилот и весельчак, сидит в углу бледный и сосредоточенный. Отметил про себя, но спрашивать при всех не стал.

Потом отозвал Перцова в сторону.

— Что с вами?

— Вот, Иван Сафонович,— Алексей протянул конверт.

В скупых строчках какая-то женщина сообщала Перцову о гибели от прямого попадания вражеского снаряда всей его семьи.

Комиссар посмотрел на боевого товарища. Алексей был бледен. Руки заметно дрожали. Обожгла мысль — нельзя посылать такого сегодня в бой. И завтра нельзя. За штурвалом должен сидеть хлад-

нокровный человек. Конечно, жгучая ненависть к врагу и боль за погибших удесятерят его силы. Но руки дрожат... Что сказать, как поступить?

— Подождите меня минуту. Сейчас вернусь.

Командир эскадрильи Балакин поднял на Шипулю красные глаза,— он не спал двое суток. Выслушал.

— Не знаю, Иван. Решай, как считаешь нужным. У нас вся страна, не только Перцов, в большом горе...

— Вместо Перцова полечу я.

— А вот это запрещаю! Комиссар мне и здесь нужен.

— Не могу я оставаться на земле!

— Знаю, как ты остаешься! Про каждый из твоих одиннадцати вылетов знаю. Кто забрал неделю назад машину у лейтенанта Рощина? Думаешь, мне ничего не известно? Иди...

Шипуля вернулся к лейтенанту.

— Отстраняю вас, товарищ Перцов, от сегодняшнего полета.

Тот еще больше побледнел.

— Не имеете права, товарищ комиссар.

— Честное слово, Алексей, завтра будешь в воздухе. А сегодня не надо. Приди в себя.

— Не выйдет,— тихо ответил Перцов,— и не проси...

Уже растаяли в жарком небе стремительные «Пе-2», а Иван все стоял на полевом аэродроме и не видел цветущего разнотравья вокруг, высоких облаков и лазоревых стрекоз, ничего не видел. Только белое лицо Алексея в застекленной кабине самолета. Перцов из боя не вернулся.

Пройдут десятилетия, но Иван Сафонович не забудет его лица, не отпустит боль за боевого товарища...

Через несколько дней после гибели Алексея Перцова эскадрилья вылетела на уничтожение фашистского штаба. Звено, осиротевшее без Перцова, повел Шипуля, и командир эскадрильи на этот раз не смог его остановить.

На рассвете, когда подошли к аэродрому истребителей сопровождения, штурман Новиков запросил по рации:

— Товарищ политрук, разрешите выпустить ракеты.

— Разрешаю.

Сигнальные ракеты расчертили предутреннее небо. Но аэродром молчал. Может, не заметили сигнала?

— Новиков, повтори.

Истребители не поднимались.

— Что-то там стряслось,— с досадой сказал штурман.— Пойдем обратно?

Несколько секунд Иван размышлял. Инструкция запрещала ходить на бомбежку без сопровождения и прикрытия. Сорвать боевое задание?

— Елуков, передай по эскадрилье,— приказал он стрелку-радисту.— Идем без истребителей.

Шипуля прекрасно понимал, какую ответственность берет на себя.

Внизу показалась линия фронта — степь с островками рощ, исчерченная зигзагами траншей. Правда, немцы открыли заградительный огонь, но «петляковы» прошли его благополучно. Уже за линией фронта сильный толчок потряс самолет Шипули: ударная волна от снаряда бросила машину в сторону, и бомбардировщик резко накренился. Иван спросил по радио:

— Все целы? Повторяю приказ: держим прежний курс.

Когда бомбардировщики приблизились к цели и Шипуля приготовился к пикированию, впереди показались «мессершмитты». Вражеские машины стремительно приближались со стороны солнца, оно слепило наших летчиков.

А сопровождения не было. Иван принял решение, еще не встречавшееся в практике бомбардировочного полка: идти в лобовую атаку на истребителей.

Строй наших самолетов рассредоточился: пилоты выбрали себе противников. Головные машины сближались. Иван впился глазами в стремительно растущую плексигласовую кабину «своего» «мессера». В последний момент, избегая столкновения, фашист приподнял нос самолета, уходя вверх. А Иван уже вдавил до упора гашетку двух спаренных крупнокалиберных пулеметов. И тут же услышал голос штурмана Новикова.

— Горит, горит, товарищ политрук! И второй готов!

Вражеские истребители остались позади.

Показалась сожженная деревенька, здесь в нескольких уцелевших домах располагался немецкий штаб. Трассирующие очереди рассекли небо. Бомбардировщики приготовились к удару. Комиссар первым вошел в пике. Скорость нарастала. Когда до цели оставалось не более ста метров, Иван нажал кнопку бомбосбрасывателя — попадания точно в цель!

На обратном пути, подлетая к своему аэродрому, Иван еще издали узнал на летном поле фигурку батальонного комиссара Калинина. Машины садились одна за другой.

— Товарищ старший батальонный комиссар,— обратился Шипуля к Калинину,— во время боевого задания совершил нарушение: шел без сопровождения.

— Кто разрешил? Могли же нарваться на «мессеров»!

— Моя вина. Нарвались.

— Ну?

— Пошли в лобовую.

— Так?!

— Двое из них остались там...

Батальонный комиссар переглянулся с командиром полка.

— Наказать бы его...— вслух подумал он.— Да уж ладно, отличившихся представить к награде.

Шагнул к растерявшемуся Ивану и крепко его обнял.

«Комсомольская правда» принесла Ивану тяжелую весть: под Сталинградом погиб его боевой друг Рубен. Погиб там, где обрел крылья! Еще совсем недавно через ту же «Комсомольскую правду» лейтенант Ибаррури обращался к молодежи всего мира: «Участник гражданской войны в Испании и боец Красной Армии, я говорю вам, юноши и девушки: перед нами выбор — свобода или смерть. Так выше голову в общей борьбе!»

Он улетел к Сталинграду, чтобы защищать свободу.

В Ишиме стояла ранняя осень. Лили холодные дожди. Татьяна Шипуля вместе с женской ударной бригадой вернулась из лесу, с заготовки дров. Спешила, думала застать дома сразу несколько писем от Вани. Он такой аккуратный человек. Но писем не было. На календаре — 15 сентября.

15 сентября 1942 года в землянке командира эскадрильи раздался звонок. Из штаба поступил приказ: ударить по колонне фашистских танков, движущихся в районе деревни Губарево. После короткого совещания было решено пересечь линию фронта не возле укрепленного Губарева, а в стороне и нанести удар по танкам с тыла.

Один за другим «Пе-2» вырулили на старт. Первым взлетел командир Василий Балакин. Стартер снова взмахнул флажком, и машина Ивана Шипули устремилась вперед. Сделали в воздухе два больших круга, поджидая, пока присоединятся остальные бомбардировщики.

Шли на высоте трех тысяч метров. Сразу за линией фронта заговорила вражеская зенитная артиллерия, вспыхнули облачка разрывов. Не меняя курса, Балакин вел эскадрилью в район Землянска, где предстоял разворот и бросок до Губарева.

— Товарищ политрук! — услышал Иван голос штурмана.— Справа еще одна зенитная батарея. Надо бы...

Он не договорил. Сокрушительный удар потряс самолет. Стрелок-радист соседней машины Сильченков видел: от прямого попадания вражеского снаряда на мелкие осколки разлетелась плексигласовая кабина, и самолет горящим факелом пошел вниз. Одного из членов экипажа взрывной волной выбросило наружу.

Это был Шипуля. Его спасла броневая спинка кресла, принявшая на себя основной удар. Ивана ранило осколками в руку и переносицу, но он остался жив и в сознании. Ощупал себя в воздухе здоровой рукой. Кобура с пистолетом на месте. Только после этого дернул кольцо парашюта.

Медленно приближалась захваченная врагом земля.

Евдокия Чепрасова работала в Землянске на кухне солдатской столовой. Сюда ее направили подпольщики с поручением: доставать продукты для скрывающихся в лесах партизан.

Жила она с двухлетним сыном и матерью в каморке рядом со столовой. Ходила по Землянску чумазая, в грязном тряпье, чтобы не привлекать внимание фашистов своей молодостью. Никто из немецких солдат, ежедневно заполнявших столовую, и предположить не мог, что в распоряжении этой неказистой «замарашки» кроме кастрюль и половников была еще портативная рация.

Выйдя утром за дровами, сложенными штабелем во дворе, Евдокия услышала гул самолетов. «Наши!» Она видела, как одна из машин загорелась, как над фигуркой падавшего летчика раскрылся парашют и начал плавно снижаться. Сотни глаз с ужасом наблюдали за ним: за долгие месяцы оккупации Землянск уже хорошо изучил «новый порядок» гитлеровцев. По поселку пронесся хриплый лай, группа солдат с овчарками отправилась к месту приземления.

Ударившись о землю, Иван потерял сознание. А когда очнулся, первым делом хотел схватиться за кобуру. Ее уже не было. А вокруг стояли фашисты. Он попробовал встать на ноги, но боль в руке и головокружение снова опрокинули его на землю. Немец в офицерской форме рассматривал его документы, потом протянул их переводчику, мужчине в очках и сером пиджаке. Тот поглядел, усмехнувшись, на Шипулю и сказал:

— С прибытием, товарищ комиссар.

И перешел на немецкий, обращаясь к офицеру.

Неподалеку женщины в платках рыли окопы. Когда русский летчик приземлился, они побежали к нему. Но охрана дала предупредительную очередь из автоматов, отгоняя их.

Несколько солдат приподняли Шипулю и затолкали в крытый грузовик. В штабе его начал допрашивать офицер в черной форме эсэсовца, обходившийся без переводчика. Русский язык он коверкал, но Иван Сафонович оборотов речи не запомнил, в памяти осталась суть:

— Как комиссар, вы наверняка знаете расположение аэродрома вашего полка, численность самолетов, их виды и имена командиров. Это все, что требуется в обмен на вашу жизнь.

Он отдал по-немецки команду усадить Шипулю на стул.

Два дюжих немца похватили его под руки, и Иван застонал от боли.

— Я вижу,— продолжал немец,— у вас болит рука. Ответьте на наши вопросы, и мы поручим вас врачам...

— Лучше прикажи расстрелять. Больше мне сказать тебе нечего!

—...В противном случае,— закончил свою мысль эсэсовец,— мы врачей вызывать не будем. Я лично займусь вашей рукой с помощью вот этого инструмента.

Он обернулся назад и достал из-за стола ножовку. Пилу с узким стальным полотном...

Евдокия Чепрасова пробралась к штабу. Немцы знали ее в лицо и не очень-то обращали внимания на повариху. Из окна штаба вырвался сдавленный крик. Евдокия приникла к стеклу.

Русский летчик лежал на деревянном столе. Левая рука его была откинута в сторону, и немецкий офицер пилил ее чуть выше запястья...

Хата Натальи Жарких — совсем недалеко от штаба. Вечером туда принесли залитого кровью русского летчика и бросили на земляной пол в сенях.

Когда дверь захлопнулась, Наталья Тихоновна бросилась к Шипуле. Он был без сознания. Обезображенная левая рука обернута бумагой и перевязана шпагатом. Иван бредил. Женщина напоила его, оторвала от простыни чистый лоскут и хотела было уже развязать бечевку, но на пороге появился охранник, сказал:

— Найн!

И отшвырнул женщину к стене.

Очнулся Шипуля от жжения в руке и еще от дразнящего запаха колбасы. Перед ним, у самого лица, были разложены открытые банки с консервами, колбаса, хлеб, высилась бутылка зеленого стекла. Чуть дальше — начищенные сапоги. Взгляд скользнул вверх по голенищам, потом по черным галифе, остановился на обращенном вниз лице. Шипуля узнал своего мучителя. Тот пристально смотрел на распростертого летчика. Заметив, что Шипуля открыл глаза, сказал:

— Почему ты мне не верил, комиссар? Я всегда держу свое слово. Еще раз тебе говорю: будешь отвечать на мои вопросы — будешь жить. Я позабочусь, чтобы тебя отправили в Германию и наградили виллой. А пока поешь.

Здоровой рукой Иван опрокинул банки и бутылку.

— Глупо! Даже комиссару нужно быть благоразумным человеком. Твоя игра уже проиграна.

Иван снова потерял сознание.

Ночью Евдокия Чепрасова передала Наталье Жарких хлеб и две картофелины в «мундире». О том, как пытали пленного летчика, уже знали все жители Землянска. Жарких накормила Ивана, и он заснул на топчане, куда она его перетащила.

Сутки спустя за Шипулей пришла машина. Допрос продолжался два дня. Ничего не добившись, эсэсовец вновь взялся за пилу и медленно отпилил комиссару руку по локоть. Захваченные после войны архивы и документы донесут до нас имя этого садиста — штурмбаннфюрер Эрих фон Зигер.

...И снова земляной пол в хате Жарких, снова бред, и застилающая глаза ненависть, и палаческая угроза:

— Я тебя буду пилить, пока не заговоришь. Но правую руку оставлю. Чтоб было чем приветствовать нашего фюрера.— И эсэсовец обернулся к висевшему на стене портрету.

Через два дня изуродованного, потерявшего много крови, но еще живого русского летчика увезли из Землянска. «Расстреливать повезли»,— подумала Наталья Жарких.

На это надеялся и Иван, вскрикивая от боли, когда машина, прибавляя скорость, прыгала на ухабах. Остановились возле небольшой обожженной березовой рощи. Летчика вытащили из машины, усадили на землю. Один из фашистов стал целиться в него из автомата. Иван собрал последние силы и поднялся на ноги. Он хотел умереть стоя. Очередь прошла выше головы, полетела щепа от борта грузовика.

— Стрелки! — презрительно прошептал Иван.

— Что, что?? — спросил эсэсовец.— Что ты сказал?

Переводчик уточнил.

— Я призовой стрелок,— сказал автоматчик и засмеялся. Метрах в пятидесяти он увидел собаку. Почти не целясь, дал очередь. Та взвизгнула и замерла. Потом немец поставил Ивану на голову банку и сбил ее шагов с десяти. Пули смертельной метелью только шевельнули волосы.

— Да, стрелять ты умеешь, сволочь! — выдохнул Иван.

Его снова бросили в полуторку...

Вернувшись с работы, Татьяна Шипуля с радостью обнаружила в почтовом ящике заветный треугольник. Взяла его в руки и побледнела. Почерк не Ванин. «Командование части извещает, что Ваш муж, военком АЭ политрук Шипуля Иван Сафонович, проявив геройство и мужество при выполнении боевого задания, пропал без вести 15 сентября 1942 года в районе города Землянска...»

Еще через неделю пакет. «Предлагаем явиться в военкомат для оформления пенсии за без вести пропавшего мужа». Не пошла.

Оба письма сложила тугим квадратиком и спрятала, схоронила за главным Ваниным письмом — со стихотворением Симонова.

Потом пришли похоронка и личные вещи Ивана...

Шипуля открыл глаза. Приподнявшись на локте, выглянул через зарешеченное колючей проволокой окошко на улицу. Рядами высились беленые бараки. Увидел смотровую вышку с пулеметом и охранником наверху, край оврага. В ноздри ударило отвратительное зловонье. Вспомнил: сюда, на станцию Ново-Касторная, его привез вчера штурмбаннфюрер. Здесь был устроен постоянный застенок для советских военнопленных, этакий небольшой концлагерь. Официально, для отвода глаз, он назывался лазаретом. Хозяйничал здесь раскормленный мужчина лет двадцати пяти в немецкой полевой форме — надсмотрщик по имени Семен Андреевич.

Прислужник фашистов получил указание: не слишком усердствовать по отношению к пленному комиссару. Фашисты не теряли надежды на то, что Шипуля заговорит. Конечно, сведения и факты, которыми он обладал, были важны для гитлеровцев, но больше всего Эриха фон Зигера, отвечавшего за акцию с Шипулей, волновало другое: не получение данных о каком-то полевом аэродроме русских, а сам факт капитуляции комиссара! Если комиссар проявит малодушие, сломается — это сулит большие возможности для пропаганды.

...Перед самым пленением Ивану довелось участвовать в допросе захваченного немецкого летчика. Крепко сколоченный, с выпирающей вперед челюстью, фашист молил о пощаде, готов был на все ради спасения жизни. Так вот они какие на самом деле, подумал тогда Иван. И чувство уверенности, спокойного превосходства овладело им.

Сейчас он догадывался: враг хочет испытать такое же чувство. С его помощью. Догадывался — им нужно было превосходство над ним. Не крикливое, навязанное геббельсовской агитацией, которое быстро таяло в окопах, а реальное, подкрепленное малодушием комиссара.

В «лазарете» на соломе лежали десятки раненых и умирающих военнопленных. Наиболее крепких периодически отбирали и отправляли в Германию, на подневольный труд. Здесь же шла активная вербовка в карательные отряды и в «освободительную русскую армию». Условия в лагере были невыносимые. Не выдержавших голода и холода запрещали хоронить, их просто сбрасывали в овраг, который считался частью территории «лазарета».

Но и здесь, в застенке, советские люди продолжали борьбу. Ею руководил подпольный комитет. Однако Иван еще не знал об этом.

21 сентября штурмбаннфюрер прибыл в Касторную на пятнистом вездеходе. В третий раз потребовал комиссара на допрос. У Ивана еще продолжался бред, прерываемый мучительными часами сознания и боли. Когда надсмотрщик явился за Шипулей, летчик был в сознании. Откуда у него взялись силы самостоятельно дойти до «амбулатории» — кирпичного здания, где помещался комендант лагеря,— он и сам не понимал.

— Что с тобой будет сейчас, ты уже знаешь,— начал разговор эсэсовец и указал на приготовленную пилу.— Последний раз советую одуматься.

Прислонившись к стене, Иван отрицательно покачал головой. Когда надсмотрщик сорвал с руки повязку, страшная боль лишила Ивана сознания и он рухнул на пол.

Он пришел в себя через несколько секунд, едва стальные зубья врезались в кость у самого предплечья...

Мать Тани, Мария Алексеевна, всплеснула руками.

— Куда же ты поедешь? Война ведь.

— Не могу, мама! Хоть товарищей его найду, расспрошу. А вдруг ошибка какая... Если без вести пропал, значит, искать надо.

— Там же фронт,— заплакала Мария Алексеевна,— кто тебя, девчонку, пустит? Только сердце надорвешь. А я как тут?

Но Таня уже приняла решение.

— Мои хлебные карточки в шкатулке. Я вернусь, мама. С Ваней вернусь. Ты потерпи.

Поезда из Ишима ходили редко. Кое-как добралась до Тюмени. Здесь узнала, что в прифронтовую зону без пропуска не попадешь. На вокзале несколько суток стояла за билетом в Москву — не достала. Кинулась к воинскому эшелону.

— Браток,— обратилась к часовому,— у меня муж на фронте, вот погляди письма. Подвези хоть поближе!

— Проходи, гражданка! Нельзя здесь находиться!

— А если бы твоя жена к тебе спешила?

Часовой ничего не ответил, лицо его было непроницаемо. Постояв возле него, но не разжалобив, Таня поплелась к вокзалу. Тут поезд тронулся. Когда с ней поравнялся последний вагон, бросив чемодан, обеими руками ухватилась за поручень. Несколько ступенек — и она на маленькой площадке товарняка!

Поезд набирал скорость. Зимний ветер взметнул снег с дощатого пола площадки, на котором сидела женщина. Она плотнее закуталась в ватник, где в нагрудном кармане лежали обернутые в платок документы и немного денег. Стучали колеса на стыках рельс, неслись мимо белые деревья. Таня сперва не чувствовала

холода, радуясь удаче. С каждой минутой она приближалась к Ване!

Поезд шел без остановки весь день. К ночи женщина так замерзла, что уже не ощущала рук и ног. Клонило в сон. «Прощай, Ванюша. Не увидимся больше, сил нет терпеть...»

Ночью поезд остановился на большой станции. Таня наклонилась да и упала лицом в снег возле путей. Это был Свердловск. К ней подошел какой-то человек, приподнял. Таня узнала давешнего часового.

— Ты? Ну и упряма! Сейчас я тебя в милицию сдам.

— Только скорее, замерзла я.

— А ну, обопрись на мое плечо! Пойдем. Я тебе кипятку с сахаром соображу...

Бои за Касторную стали одним из узловых сражений Воронежско-Касторненской операции начала 1943 года. Части Воронежского фронта громили крупную группировку фашистских войск. Между железнодорожными станциями Касторная и Горшечная вокруг девяти вражеских дивизий смыкалось кольцо окружения.

Канонада ближних боев долетала до концлагеря на окраине Ново-Касторной, где томились советские военнопленные. А здесь шли допросы и расстрелы. За семь месяцев — с июля сорок второго по январь сорок третьего тут погибло более семи тысяч советских воинов. Но смерть пока обошла Ивана Сафоновича Шипулю. Богатырское здоровье, заключенное в его худом теле, помогло справиться с тяжелым увечьем.

Впрочем, сам бы он не справился. После третьей пытки ему сделали хорошую перевязку на обрубке левой руки. Сделали пожилые русские женщины Анна Ивановна Сорокодумова и Антонина Никифоровна Зиборова, которых немцы заставили работать в концлагере: выносить трупы и готовить баланду. Рискуя жизнью, они достали в поселке и пронесли на территорию «лазарета» бинты и йод. Поверх чистых бинтов повязали для маскировки мешковину. Они же кормили комиссара, по уговору с остальными узниками барака зачерпывая из общего котла баланду погуще. Шипуля возвращался к жизни.

Эрих фон Зигер больше не появлялся.

Иван постепенно узнавал людей, которых свела с ним в лагере судьба. Познакомился с Федором Гришаевым, рядовым Красной Армии и бывшим железнодорожником, с Михаилом Краснодеревцевым, пленным пулеметчиком. Из соседних бараков приходили люди пожать руку комиссару, порасспросить о новостях — ведь Иван сравнительно недавно попал сюда,— посоветоваться, как быть дальше, какой линии держаться.

И Иван почувствовал, что по-прежнему остается комиссаром. Должен остаться!

Когда он окреп настолько, что мог самостоятельно ходить, Федор Гришаев счел — настало время поговорить о главном. Поздно ночью — вездесущий надсмотрщик спал в своей «амбулатории» — Федор рассказал:

— Есть несколько надежных людей, товарищ политрук. Мы уже начали действовать...

— Хорошо, а что за люди?

— Краснодеревцев, Петя-штурман из третьего барака, Зиборова, еще двое из первого...

— Какую работу проводите?

— Месяц назад Зиборова добыла листовку, нашу,— о боях под Сталинградом. Пронесли по всем баракам. Думаем о побеге. Собираемся казнить этого гада Семена Андреевича!

— Вот это несвоевременно. За одного многих расстреляют. Надо, Федор, подумать вот о чем. Что сейчас основное? Мешать вербовке наших людей! Завербованных немцы демонстративно тут же на сытный паек переводят. А люди шатаются от голода... Считаю, нужно в бараках укреплять дух сопротивления врагу, разъяснять положение на фронте.

— А как мы о нем будем узнавать?

— Было бы желание. Дай-ка сюда газетку, что Семен Андреевич принес.

— Так то ж фашистская газета!

— Ну и что? Читать нужно умеючи.

Приноравливаясь к блуждающему свету прожектора, Федор прочел: «Что бы ни предпринимала немецкая армия, все делается основательно... Это нужно сказать тем, кто находится под влиянием глупых и нелепых слухов. Если во многих местах сделаны укрепления, то, может быть, некоторые видят в этом неуверенность германской армии... Германская армия потому решила построить эти укрепления, что предпочитает лучше сделать один лишний окоп, чем напрасно жертвовать одним солдатом...»

— Вот давай и смекнем,— сказал Шипуля,— что за этими фразами стоит? Паника у них в тылу! Газета-то как называется?

— «Новый путь», в Курске печатают.

— Интересно! Не иначе, опасаются за Курск, наше наступление готовится.

— Похоже, товарищ политрук!

— Вот видишь, а говоришь — откуда взять сведения. Завтра надо разъяснить людям, каково немцам приходится.

— Есть, товарищ политрук!

Вместе с Гришаевым Шипуля возглавил подпольный комитет борьбы с фашистами. Выработали план работы: всеми силами со-

6 Заказ 4702

противляться вербовке, подкармливать тяжелобольных и с этой целью организовать продуктовый НЗ, исподволь готовить восстание, обеспечить доставку в Красную Армию сведений о месте расположения лагеря.

Бои приближались к Ново-Касторной. Прорвав мощную линию обороны, советские войска подошли к районному центру с севера и юга. Напряженные бои шли у насыпи, железнодорожных будок и станционных построек.

Беспорядочно отступавшие враги не могли анализировать действия наших войск. А будь у них такая возможность, они бы с удивлением обнаружили, что стремительные «Т-34», сметая все на своем пути, обошли стороной пристанционные постройки, в которых и был оборудован зловещий «лазарет». С помощью Зиборовой и Сорокодумовой удалось передать на волю данные о лагере, и они попали в руки командиров танковых частей нашей армии.

Но еще до январских боев положение в лагере крайне обострилось. Готовясь к отступлению, гитлеровцы в спешном порядке отправляли в тыловые концлагеря всех, кто мог ходить и работать. Угроза нависла над членами подпольного комитета. Не трогали немцы только тяжелобольных в тифозном бараке. Эта хибарка, где мучались в сыпняке десятки людей, стояла на отшибе, и оккупанты не заглядывали туда, боясь заразиться. Больные были лишены еды, барак не отапливался.

Чтобы избежать угона в Германию, Иван Сафонович предложил всем здоровым подпольщикам добровольно перебраться в этот барак смертников и заразиться тифом. Тогда есть хоть какой-то шанс дождаться наших — они уже близко. И, подавая пример, первым ночью переполз к больным сыпняком. За ним тот же путь проделал Гришаев.

Вскоре здесь уже собралось пятнадцать «новичков». Через несколько дней у всех подпольщиков начала повышаться температура. Держались из последних сил,— грохот боя был совсем рядом. Готовили оружие: самодельный нож, заточенные железные прутья, припрятанные камни. Один из людей Шипули, лет пять назад болевший тифом и теперь симулировавший заболевание, наблюдал за дорогой возле лагеря, по которой в спешном порядке отступала немецкая техника. Он сообщил, что командование лагеря суетится, очевидно, ждет команды об уничтожении всех оставшихся узников.

Шипуля и Гришаев решили действовать. В ночной темноте два больных человека, изнывающих от озноба и высокой температуры, подползли к зданию «амбулатории», вооружившись единственным ножом, и сумели перерезать телефонный провод...

По освобожденному полуразрушенному Белгороду, разыскивая военный комиссариат, брела худая женщина в валенках и сером платке поверх ватника. Город был пустынным: дотлевали пепелища, снег на улицах перемолот гусеницами танков.

В подвале школы с ней беседовал седой полковник.

— 778-й бомбардировочный? Он теперь далеко... Где, говорите, муж пропал? Землянск? Это совсем рядом, уже наша территория. Только как вы туда доберетесь? Кстати, а кто вас сюда пропустил?

Татьяна Андреевна только рукой махнула.

— Мир не без добрых людей. Как же мне до Землянска?

— Проезда туда нет. Дайте-ка я запишу данные мужа. Сделаем еще один запрос. Кто его знает? Вдруг повезет. И советую вам поискать в госпиталях. У нас в Белгороде, в Воронеже, по всей прифронтовой полосе, если сумеете, конечно...

— Сумею. Спасибо вам.

Телефон в «амбулатории» молчал. Немцы искали повреждение в проводке, но не нашли — Гришаев ловко замаскировал его. Давно опустела дорога, по которой уходила на запад германская техника, а комендантский взвод в лагере все не решался без приказа покинуть пост.

На рассвете 27 января страх победил дисциплинированность: неотвратимо нарастал могучий гул моторов. Ново-Касторную взяли в клещи советские танки.

Газета «Правда» 28 января писала: «Особенно ожесточенная схватка произошла на железнодорожной станции Касторная. Стремительным внезапным броском подразделения заняли станцию, пакгауз и несколько служебных построек. Но где-то у водокачки окопались немцы и вели интенсивный огонь. Водокачка была взята штурмом.

...Захват нашими войсками города и железнодорожной станции Касторная — большая победа, удар по важнейшим коммуникациям германских войск».

Увидев на дороге танки, комендантский взвод во главе с фельдфебелем, оставив оружие, побежал. Но на фашистских солдат отовсюду — из-за укрытий в сугробах, из оврага, из ниши в стене «амбулатории» — бросились изможденные люди в полосатых халатах. Отбиваясь, охранники теряли дорогие секунды; раздалась одинокая автоматная очередь. К «лазарету» уже бежали танкисты...

Потом молоденький лейтенант, сорвав с головы шлем, принимал рапорт у высокого однорукого человека. Комиссар говорил шепотом, перечисляя имена членов подпольного комитета. Силы оставляли его, тифозный жар пеленой застилал глаза. Лейтенант подхватил Шипулю на руки и понес к танку.

Пришел в себя политрук в белгородском госпитале. Глянул как-то в зеркало — и не узнал сурового, бритого наголо, остроносого человека. Долго думал, писать ли письмо в Ишим. Решил — не надо, хотя верил, что Таня обрадуется ему и такому.

Из белгородского госпиталя его перевели в тамбовский, затем направили на окончательное излечение и протезирование левой руки в Москву. В столичном госпитале в августе ему вручили новый партбилет и высокую правительственную награду. И однажды утром, уже перед самой выпиской, в палату вошла женщина в белом халате, с каштановой шапкой волос, встречи с которой он так ждал и так боялся...

В Ишим ехали вместе с Таней, мимо полустанков и городов — на восток.

А война катилась на запад.

Но он не собирался покидать строй.

Осенью того же, 1943 года в ишимский райвоенкомат явился высокий, худощавый капитан с орденом Красного Знамени на груди. Иван Сафонович молча положил перед военкомом заявление, в котором требовал, ввиду полного выздоровления, направить его на фронт.

— Какое выздоровление? — не понял военком и указал глазами на протез.— Шутите, товарищ капитан?

— Воюют, браток, не только руками. Головой тоже воюют,— тихо ответил Шипуля.— Прошу рассмотреть мое заявление и ответить по существу. На всякий случай предупреждаю — в случае отрицательного ответа буду жаловаться вплоть до Верховного.

— Прямо с места в атаку! — усмехнулся военком.— Давайте, Иван Сафонович, попросту, без обид: ну кем вы себя видите в армии?

— Как кем? Я фронтовик. Готов драться в любом качестве. Могу продолжать комиссарскую работу. Говорили, что с воспитательными задачами в действующей армии справлялся неплохо...

— С воспитательными? — переспросил военком и задумался.— Это мысль! Погоди, позвоню одному человеку.

И, прихрамывая, подошел к приставному столику, где стоял телефонный аппарат. Набрал номер.

— Товарищ командующий? Военком говорит. Он самый. Есть один летчик, из тех, кого вчера просили. Вот-вот... Вполне подойдет!

Обернулся к Шипуле:

— Отправляетесь в распоряжение командующего ВВС Сибирского военного округа. Предполагаемое назначение: преподаватель боевой техники в авиационно-техническом училище.

— Но мы ведь говорили о возвращении в строй!

— А я что предлагаю? Курсанты — завтрашние бойцы. Будете готовить пополнение для фронта. Ясно?

— Так точно. Разрешите идти?

— Вот направление.

Уже в 1944 году воспитанники Ивана Шипули поднялись в небо бить врага, как учил их комиссар.

Белорусский коммунист, подполковник Иван Шипуля демобилизовался в 1960-м. И навсегда поселился в воронежских местах — на земле своего последнего сражения, неподалеку от Касторной. Встречался с Долорес Ибаррури. Разыскал Федора Гришаева, Антонину Зиборову, Анну Сорокодумову, Евдокию Чепрасову, Наталью Жарких — тех, кто боролся рядом с ним, помогая ему выстоять и победить — всем смертям назло.

„ЗЕМЛЯ, Я—НЕБО, АТАКУЮ!„

Вечернее сообщение Совинформбюро 30 декабря 1942 г.

„В течение 30 декабря наши войска южнее Сталинграда продолжали успешно развивать наступление... За 29 декабря в районе Сталинграда уничтожено 32 транспортных самолета противника.

29 декабря частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено или повреждено до 200 автомашин с войсками и грузами, подавлен огонь 15 артиллерийских батарей, разбит железнодорожный эшелон, взорвано 6 складов с боеприпасами, рассеяно и частью уничтожено до двух батальонов пехоты противника".

Тамара
ВЕРИНА

ИРИНА ДРЯГИНА, КОМИССАР ЭСКАДРИЛЬИ

Такой метели не помнили даже саратовские старожилы... Ветер бросал ей в лицо пригоршни мелкого и жесткого, как проволока, снега. Шла, еле вытаскивая ноги из глубоких сугробов, которые намело в том декабре над Волгой. Ноги были чужими, непослушными. Видели бы аэроклубовские курсанты сейчас своего бравого инструктора — лицо как ошпаренное, руки одеревенели. Да ладно, это все пустяки, но ноги, ноги... Еще не один километр шагать из города Саратова в город Энгельс — выручайте, голубушки! Не хотите? Придется.

Через много-много лет после этого ветреного, впечатанного в память дня сложат на земле песню «С чего начинается Родина». Для нее, Ирины Дрягиной, Родина, безусловно, начиналась с Волги.

В детстве всей семьей плавали на барже. Отец был волжским матросом, водоливом, потом капитаном непарового судна. Где застанет первый лед баржу, там и зимовали. От Саратова до Астрахани берега ей были знакомы, как голубенькие жилочки на материнских руках. Мир открывался девочке людским разнообразием, тревожным пением пароходных гудков, тяжелым моряцким трудом и надежным, как сама земля, чувством товарищества. Это чувство вело ее и сейчас сквозь метель.

Не-ет, дойду! Человек не должен падать духом. Ни-ког-да! Только бы там, в Энгельсе, внятно объяснить легендарной Марине Расковой — неужели она скоро увидит ее воочию, не на газетной полосе? — что ей, Ирине Дрягиной, необходимо попасть в полк ночных бомбардировщиков.

Лева, Левка, видел бы ты меня сейчас! С Левкой Лобачевым они познакомились в аэроклубе. Он попал в число курсантов с пятой попытки: подводили глаза, вернее, один, будь он неладен! Но Лева не из тех, кто может отступить от задуманного, скиснуть, опустить руки. Наизусть выучил таблицу букв... Курсантом он стал и не унывал даже тогда, когда старшей над ним поставили эту немногословную девушку, которая одним только своим появлением вносила в его беспокойную душу какой-то солнечный покой.

Ну что в самом деле такого? Вот если бы им попробовала командовать какая-нибудь обыкновенная дивчина, показал бы он ей! А власть (Ирина была старостой) такой необыкновенной девушки — одна отрада. Почему Ирина такая уж необыкновенная, Лев и сам не мог бы объяснить, но знал это совершенно точно. Так же точно он знал, что таким летчиком, как Ирина,— можно было ходить смотреть на ее «неслышные» посадки, как ходят смотреть на игру настоящего артиста,— он никогда не станет. Глаз все-таки подводил, лишая его той абсолютной уверенности в воздухе, по которой всегда отличишь настоящего пилота. Впрочем, летал Лева отлично, мастерски выводил машину из «штопора», но сам-то знал, как связывает его глаз при посадке... А зная это, как объясниться с Ириной? В общем, он решил ехать в Ленинград, в военно-морское училище. Вернусь на следующий год в «клешах», тогда поговорим.

Поговорили они через двадцать пять лет. Потому что вскоре после его отъезда началась война.

...Потом окажется, что Ира была единственным человеком, который в тот декабрьский день отважился пересечь Волгу. Но все это потом, потом! А сейчас она идет и не знает, что на контрольно-пропускном пункте ее «завернут» обратно: «Нужно направление из военкомата».

И она пойдет обратно, и снова ветер насмешливо заулюлюкает — теперь уже в спину!..

— А у вас что? Тоже дети? — Кабинет военкома, как остров волнами, заливало толпами эвакуированных женщин с детьми, которым надо было устроить жилье, дать работу.

— При чем тут дети? — удивилась Ира.— Мне надо направление. Воевать хочу.

На лице военкома сквозь пепел многодневной усталости проступило что-то похожее на отцовскую печаль:

— Война — трудное дело, девочка. Тебе лучше институт закончить.— Незаметно для себя он обратился к ней на «ты».

— Институт я закончу после войны. А сейчас вот,— Ирина протянула военкому письмо Кости Иванова, ее бывшего курсанта: «Ирина, сейчас формируется женский авиационный полк для фронта. Приехала сама Марина Раскова. Думали, увидим в ее отряде тебя, и удивились, что ты не с ними».

Она и сейчас не знает, почему на военкома это письмо произвело впечатление, но направление он выписал сразу же, как прочитал его.

«Вот так-то, Левка, топаем снова в направлении города Энгельса»,— Ирина продолжала заочный разговор с Левой Лобачевым, который воевал где-то под Ленинградом и каждый день присылал ей письма.

Большеглазое, милое и такое знакомое по многочисленным фотографиям в газетах лицо показалось ей суровым.

— Ночью летала?

— Нет.

— На лыжах садилась?

— Нет.

— На дальние расстояния по маршруту летала?

Молчание. Потом тихо, упорно:

— Но я подучусь. У вас ведь тренируют.

— Мы готовим для фронта уже опытных летчиц.

В это время сидевшая рядом с Расковой женщина с очень добрым лицом — так они и потом единодушно считали — спросила Иру: «Комсомолка?»

— Член партии.

— Это прекрасно,— улыбнулась женщина. (Это была комиссар Лина Елисеева.) — Мне комиссар нужен. В эскадрилью.

— Но я летать хочу!

— Будешь, будешь летать,— у строгой Расковой тоже дрогнули в улыбке губы.— Научим.

Так в двадцать лет Ирина Дрягина стала комиссаром эскадрильи, единственным в полку летающим комиссаром. Когда в мае 1942 года после нескольких месяцев тренировочных полетов две эскадрильи «У-2» отправились на фронт, рядом с самолетом Марины Расковой вела свою машину Ира.

«Ну что, Левка, мы теперь оба с тобой воюем?»

Из восьмидесятых годов я всматриваюсь в те, сороковые, и почему-то яснее всего вижу военкомов, которые хотели, но не могли не пустить девчонок на фронт. Психологи когда-нибудь задумаются над феноменом массового бесстрашия, проявленного девушками времен Великой Отечественной войны, которые не были военнообязанными, которых никто — даже мысленно — не посмел бы осудить, останься они дома.

А секрет этого до удивления прост. Вот он — в посмертно опубликованных дневниках подруги Иры по полку штурмана Жени Рудневой. Девочка-школьница в довоенном дневнике, который вела втайне от самых близких, писала как об огромной личной радости, что открылась новая линия метрополитена, что построен новый мост над Москвой-рекой; как о личном горе — об убийстве Кирова.

Понятие Родины было для них понятием кровным, личным. Поэтому их стремление на фронт было естественным, как дыхание, и таким же естественным кажется мне сегодня, из восьмидесятых, желание сберечь их, защитить, спасти. Помочь.

Наверное, это последнее и было главным для комиссара Ирины Дрягиной, чувствовавшей себя старше своих ровесников. О таких людях говорят, что чувство долга присуще им, что называется, «с младых ногтей». Думая об Ирине Дрягиной, ясно вижу, что главным стимулом ее отношений с людьми была и есть Доброта. И чтобы меня не заподозрили в пристрастии, приведу отрывок из воспоминаний ее боевой подруги по 46-му гвардейскому Таманскому полку Ольги Голубевой-Терес.

«В армии нет времени на доказательства. «Приказываю!» — и все тут. Некоторые сразу вошли в жесткий ритм армейской жизни.

Другим это безусловное подчинение приказам давалось мучительно трудно. В числе последних была и я. Все началось с того хмурого морозного вечера, когда я, придя с наряда и не обнаружив в казарме никого, кроме дневальной, пошла по ее совету в Дом Красной Армии, чтобы спросить у командира эскадрильи разрешения посмотреть со всеми кино.

Комэску я увидела сразу же. Вместе со своим штурманом Тарасовой она прогуливалась по залитому огнями просторному фойе.

Увидев меня, комэска нахмурилась.

— В чем дело? Почему вы здесь?

— Я... Я... Искала вас, спросить разрешения...

— Сейчас же марш в казарму! — она говорила очень громко, и на нас стали обращать внимание.

Сгорая от стыда, я повернулась и побежала к выходу. Обозленная влетела в казарму и бросилась на свою койку.

— Встать!

Подняла голову и встретилась с холодными серыми глазами непосредственной начальницы. Было ей лет за 25.

Она закончила Военную академию, служила уже несколько лет в армии. Спроси она по-доброму, что со мной случилось, все могло обойтись без осложнений, но мое состояние ее мало интересовало.

— Быстро помыть пол в комнате командиров!

Не удержавшись, я со злостью ответила: «Ступайте и мойте сами!»

Ох что тут поднялось!

— Два наряда вне очереди!

— За что?

— Прекратить разговоры!

— А я и не разговариваю, я спрашиваю, за что?

— Еще два... Кругом!

«Не таких обламывали»,— услышала я вслед. Так началось мое воспитание.

Теперь по вечерам, когда все смотрели кино, я все чаще

отправлялась с ведрами и тряпками в умывальник — наводить чистоту. Однажды я мыла там пол. Было тихо. Только постукивали капли, ударяясь о раковины. Остановившись, чтобы передохнуть на минутку, я закрыла глаза и, вспомнив о доме, улыбнулась. Как удивилась бы мама, увидев сейчас меня в роли уборщицы. И тут у меня что-то подкатило к горлу и из-под закрытых век ручейками потекли слезы.

— Леля,— тихо окликнул меня кто-то.

Я открыла глаза и с изумлением посмотрела на подошедшую Дрягину. Еще никто из командиров не называл меня по имени.

— Что с тобой, Леля? — совсем по-домашнему спросила Дрягина.

— Пошлите меня в пехоту, в разведку — куда угодно. Так я больше не могу,— дрожащим голосом сказала я, чувствуя, как по лицу вовсю катятся слезы.— Только и знаешь одни наряды.

— Пойдем со мной.

Мы пришли в учебный класс. Сели у окна. Дрягина внимательно посмотрела на меня и сказала, ласково улыбнувшись: «Ну, рассказывай».

Я пожала плечами: о чем рассказывать? Да и зачем?

— Ну не хочешь — не говори. Послушай, что тебе скажу. Начнем с того, что тебя в армию никто не звал. Бросить маму, уйти от тепла и уюта, стать солдатом — что это? Прихоть сумасбродной девчонки? Я не верю этому. Я знаю, что ты пошла в армию, чтобы не быть в стороне, когда весь наш народ в беде. Ты сама себя призвала в армию. И ты знаешь, какая идет страшная война. Поэтому должна понять, что без строжайшей дисциплины мы никогда не победим... Тебя кто-то обидел? — Дрягина погладила меня по голове.— Не преувеличивай беды. Я кое-что знаю.

У меня что-то дрогнуло внутри то ли от ее такого задушевного голоса, то ли от ее таких добрых открытых глаз. Сдвинулся с места тяжелый камень в душе, и меня — словно прорвало:

— Я же стараюсь. Все делаю, что нужно, и даже...

— Этого мало, девочка. Надо перебороть свою строптивость, быть военным человеком в полном смысле этого слова.

С того памятного вечера дела у меня постепенно пошли на лад. Если раньше в любом замечании я видела придирку, то теперь я сама стала относиться к себе придирчивей. И если мне что-то удавалось сделать хорошего, я всегда с благодарностью думала о нашем комиссаре».

Вы, конечно, догадались, что речь — о самых первых комиссарских шагах Ирины, когда полк стоял на формировании в Энгельсе и не был еще ни гвардейским, ни Таманским. Но она, Дрягина, уже была тем комиссаром, который так и не научился приказы-

вать, но «пожалуйста» которого выполнялось всегда беспрекословно. Может быть, потому, что она была единственным в полку летающим комиссаром? И поэтому тоже.

Любимый довоенный фильм летчиков «Валерий Чкалов» она любила и сама, смотрела несколько раз, восхищалась вместе со всеми, но ничуть не сомневалась, что сама пролетать под мостом не стала бы. Если бы не было в том необходимости.

А летать она любила, славилась свой техникой пилотирования с первых самостоятельных полетов, и то не раз зафиксированное в воспоминаниях летчиков упоение полетом, когда петь хочется, объять разом и землю, и небо хочется,— все это ей ох как знакомо! Но заложена в ней, дочери волжского матроса, какая-то основательность или, может быть, скорее, гармония, согласованность всех поступков с исконной русской совестливостью. Со стороны порой кажется, что таким людям легко живется. Они, мол, правильные, им все заранее известно, что и как. На самом деле жить на свете таким, как Дрягина, людям бесконечно труднее, чем иным смертным. Потому что такие, как Дрягина, предъявляют себе самый высокий счет.

Всю жизнь она не может простить себе Галку Докутович. «Галка-штурманенок, отчаянная, веселая белорусская дивчина, до сих пор ты мне снишься. С тобой — помнишь? — больше всего мы говорили о Левке, тебя первую из штурманов я стала учить летать...»

Летчицы во второй эскадрилье сначала отнеслись к предложению своего комиссара без энтузиазма: зачем штурманам летать? Им и так хватает дела, и пусть каждый занимается своим, так оно лучше.

Гораздо позже, когда гитлеровцы для борьбы с их «У-2» («ночными ведьмами», как они называли летчиц) сформировали специальные эскадрильи ночных истребителей, с которыми тягаться было трудно («Прожектор только подцепит на свое острие самолет, глядь, а уж тут как тут истребитель — выпускает целую лавину огня по освещенной цели».), когда погибла Дуся Носаль и ее штурман Ира Каширина привела самолет на свой аэродром, поняли все в эскадрилье (и в полку тоже!) смысл предложения никогда не тратившего попусту слов комиссара.

А Галку она все-таки простить себе не может. Хотя иному человеку, пожалуй, и невдомек: чем здесь казниться? Вернулись из очередного полета — она давала уже Галке управление. Девять полетов в одну ночь! Шустрая, подвижная Галка, не имевшая «запаса прочности», который был у Ирины, очень уставала. И раньше бывало не раз — до постели не хватало сил добраться, засыпала прямо на аэродроме.

Так и сейчас, сойдя с самолета, она упала, сморенная сном.

А по аэродрому проезжал бензовоз. В темноте шофер — тоже, небось, от усталости глаза слипались! — не разглядел спящую... В госпиталь ее увозили с такой страшной болью в позвоночнике, что неизвестно было, выживет ли. А она потребовала от командира полка слова, что снова будет допущена к полетам.

Все это так ярко живет в памяти Ирины, как будто было вчера. Так в чем же можно здесь себя винить? В том, что учила летать? Но сама жизнь горестно доказала ее правоту.

— Нет, конечно, не в этом. В том, что не проследила, чтоб она ушла с поля, не помогла дойти до койки. Я же несла ответственность за них!

240 дней в госпитале. Не дождавшись, когда снимут корсет, Галка сбежала в полк. Так и летала в корсете, пока не погибла в страшную ночь, когда десять девушек не вернулись. Перед полетом она получила письмо от любимого и, не распечатав, бережно опустила в карман комбинезона: «Прочту, когда вернусь».

«С Ирой я люблю летать» — это фраза из дневника Гали Докутович, опубликованного на ее родине, в Белоруссии (он написан на Галином родном, белорусском языке). Неприкрашенная правда фронтовых записей, сделанных на следующий день после ночи полетов, незадолго до новых вылетов. Здесь все измерено высшей мерой, здесь правдивость и непредвзятость диктуются самой жизнью, которая в любой момент может оборваться. «С Ирой я люблю летать»... Не обо всех летчицах — некоторые из них впоследствии стали прославленными, даже знаменитыми — говорили так.

...Устрашающе бухают зенитки, слепят прожектора, к фанерному самолету (как только ни называли его — «героическая керосинка», «отважный воробей», «кукурузник») протягиваются разноцветные огненные трассы. А машина нагружена бомбами, а машина безоружна, и ты хорошо знаешь, каким жарким, каким ослепительным пламенем взрывается самолет с перкалевой обшивкой.

Штурман — глаза командира: «Курс левее!» И машина, словно она — одно существо с летчицей, уходит от преследования, чтобы в следующую минуту снова изменить курс.

Веера летящих в тебя пуль и снарядов. В тебя, именно в тебя! Тому, кто не испытал, представить невозможно зловещее это разноцветье. Штурману 18—19. Так хочется жить! Непостижимо прекрасной казалась этим девчонкам, ушедшим воевать за нее, мирная наша жизнь. И вот сейчас, сию минуту все может кончиться,— тихоходный «У-2» снова в скрещении прожекторов. А голос комиссара Дрягиной так же невозмутимо спокоен, и, как ни парадоксально, в меховых унтах и громоздком комбинезоне Ирина

кажется такой же по-домашнему уютной, как на земле. Заговорена она, что ли, от страха?

...Беловато-кремовый, стройный, высокий, словно устремленный в небо гладиолус называется «Галя Докутович». Так назвала его создатель — доктор сельскохозяйственных наук Ирина Дрягина. Сорок лет спустя после окончания войны снится ей и Галя, и этот вспыхнувший в ночи луч вражеского прожектора. Она просыпается с тяжело бьющимся сердцем. А рядом — Левка, постаревший, но все тот же неунывающий Левка; не разбудить бы его, ему завтра рано на работу, не то он сразу поймет, что снится ей снова война, примется рассказывать всякие смешные истории, которые непременно случаются с ним, а сам потом не заснет до утра...

«Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Она очень любит эти строки Юлии Друниной. Потому что страшно было. И очень хотелось жить. Но еще больше — во сто крат больше! — победить.

А им, штурманам, она кажется абсолютно, невозмутимо спокойной. Потому что такова комиссарская доля. Чтобы людям было легче, спокойнее с тобой, чтобы ты помогала им выполнять свой долг. За этой простотой — постоянный контроль за собой, невидимый железный обруч, который надеваешь на свой страх, чтобы никто, никто не смог догадаться.

Они и впрямь не догадывались. И представить себе не могли.

Боевой орден Красного Знамени ей вручили после того, как она уничтожила гитлеровский склад с горючим. Корреспонденты — сначала из «дивизионки», потом из армейской газеты — допытывались: «Расскажите подробнее об этом полете». Она мягко, но твердо переводила разговор на девушек эскадрильи. Делала это с чистой душой. Знала, каково им на войне, куда они сами себя призвали.

А объяснить, что ты чувствуешь, когда, выполнив задание, возвращаешься на свое летное поле на изрешеченной машине... Это, пожалуй, она могла бы объяснить только Левке, если бы он был здесь. Наверное, рядом с ним ей так же не было бы страшно, как девчатам не страшно рядом с ней. В каждом его письме — неиссякаемый запас жизнелюбия и бодрости.

Дороги войны далеко развели их, затерялись письма, изменились адреса...

Ни о чем так не горюет Лев Михайлович Лобачев, как о том, что 2 мая 1953 года, когда он, решившись пойти на встречу летчиц у

Большого театра — об этой традиции много писали в газетах,— в последнюю минуту передумал. Во-первых, почти наверняка знал, что Ира погибла. Во-вторых, если даже — чудом — жива, спрашивается: зачем ты ей нужен? У такой, как она,— если чудом жива! — конечно, муж и дети, и давно забыла, как учила его в саратовском небе выходить из «штопора».

— А она в тот раз была у Большого театра! — говорит он мне с таким волнением, как будто это было вчера.

Но все это будет еще не скоро. А сейчас звездной зимней ночью она летит бомбить вражескую переправу. Вон в небе горит самая яркая звезда, которую она еще в детстве назвала своей, когда плавала с отцом по Волге.

В кармане комбинезона — письмо из дома и присланная отцом газета «Саратовский водник». А Галка Докутович еще жива, еще с ней — Галка, которая будет сниться потом всю жизнь,— и можно спросить ее по переговорному устройству:

— Хочешь, секрет тебе скажу?

— Хочу.

— Мне папа написал, что мой институт — ну, сельскохозяйственный, откуда я с третьего курса ушла в полк,— покупает мне самолет. Представляешь, на свои деньги... все работники института, студенты. От себя отрывают.

— Твой секрет уже весь полк знает.

Ирина не успела удивиться, как совсем близко возникла феерическая картина — заградительное кольцо дальнобойных зенитных орудий. Снопы прожекторов. Только что казавшаяся тихой и безмятежной ночь мгновенно превратилась в кромешный ад.

— Правее курс!

Летчица согласно кивнула.

До последнего часа на земле будет помнить она то согласие и взаимопонимание, какое царило между ними в воздухе. Не забыть бы его, пронести через жизнь, как самое драгоценное из тех грозовых лет.

Самолет — до чего послушен родной «У-2»! — мгновенно нырнул в спасительную темноту. До переправы дошли сравнительно спокойно: не задел ни один осколок. Лучи поймали их во время бомбежки. Минута в огне. До сих пор она удивляется людям, для которых монолитными, нераздельными кусками ухают в вечность минуты (а порой и часы!). Нет, там, в ночном небе, на поврежденной машине,

когда, казалось, мотор захлебывается от напряжения, каждая секунда была вечностью, но в эту вечность машина с экипажем могла вмиг превратиться в сгусток яркого пламени, которое догорит уже на земле.

Конечно, об этом тогда не думалось. Просто не было времени. Надо было помнить только об одном — выполнить задание, уничтожить гитлеровскую переправу...

— Есть цель! — ликующий голос «штурманенка».

Так. Получайте! И еще! И еще!

Пять минут — словно год. Выскочили на поврежденной машине. До аэродрома дошли планированием — мотор не тянул совсем.

На летном поле Галка сказала: «Сдается мне, что при таких полетах тебе очень скоро потребуется новый самолет».

Вот и все, чем они обменялись после того памятного полета. На войне так близко видишь друг друга, как будто рассматриваешь человека в микроскоп. Слова тут мало что могут добавить.

И когда она вместе со штурманом Раей Ароновой полетела в Саратов за подаренным самолетом, никто в полку не завидовал: все радовались. Еще когда в штаб пришла газета «Саратовский водник» от 13 мая 1943 года, где рассказывалось, что Ирин брат, летчик-штурмовик Виктор Дрягин,— он вместе с ней занимался в саратовском аэроклубе — награжден орденом, так же как его сестра, гвардии капитан Ирина Дрягина, кто-то — не шустрая ли Полинка Гельман? — влетел с радостной вестью в эскадрилью, победно размахивая, как флагом, небольшим по формату газетным листом.

Как умели они радоваться друг за друга! Это умение не утрачено с годами: с защитой докторской диссертации ее поздравляли и та же Полинка, и Серафима Амосова-Тараненко, и Ольга Голубева-Терес, и Лариса Литвинова.

А уж когда она в 1966 году вышла замуж за Лобачева — что тут было! Да и как не радоваться, судите сами.

Хорошо, что Александр Магид написал книгу о 46-м гвардейском Таманском. У Льва Лобачева нет любимее книги на свете. Потому что из нее он узнал, что Ирина, оказывается, жива. Более того, что она — в Москве. И можно, узнав в справочном бюро адрес, поехать на метро, позвонить в дверь... И если ее не окажется дома, как это часто бывает у суматошных москвичей, можно прийти еще раз, и еще, и когда-нибудь все-таки застать дома!

Позади у него служба в Заполярье, где он был «летающим замполитом»,— еще во время войны вернулся в авиацию штурманом («штурману одного глаза достаточно!»); позади многое — хорошее и печальное, но что существует такая огромная, ослепительная радость, он узнал только теперь, уже разменяв пятый десяток.

— Вспомнил, что завтра, 31 марта, день ее рождения, купил цветы, поехал.

— Вы столько лет помнили день ее рождения?

Лев Михайлович вежливо промолчал, недоуменно взглянув на собеседницу, которая пристыженно умолкла, поняв, что сморозила глупость.

Да, в тот памятный им обоим 1966 год их поздравили, кажется, все оставшиеся в живых однополчане. А тогда, в сорок третьем, радовались за нее, за брата, за маму, которая увидит свою дочь. Никто не предполагал, что вдали от фронта в родном городе Ирину ждет горькое известие: брат погиб.

Мать, не успевшая оправиться после смерти сына, всю ночь просидела у кровати дочери, боясь спросить, когда они расстаются...

Она вернулась в полк той же доброжелательной, ровной, участливой и неизменно взыскательной, прежде всего — к себе. И долго никто не знал, какой тяжкий камень горя у нее на душе.

Близилось лето сорок третьего года, готовилось большое наступление, полк нес тяжелые потери, надо было помогать подругам держаться. Для нее это значило прежде всего — не помнить о себе. Впускать чужие горести к себе в душу, не обременять своими никого. Это и было, по существу, ее комиссарской заповедью, если бы появились у нее охота и время к самоанализу и формулировкам.

Впрочем, может быть, они были — и охота, и время. И она, и ее подруги жили очень осмысленной, очень духовной жизнью — так сказали бы теперь (тогда это слово не было в ходу, но за точность его применения ручаюсь),— а она всегда толкает на обдумывание, на анализ и даже, если хотите, на формулировки. Они все были очень молоды, они всерьез обсуждали, что такое счастье, смысл жизни, линия поведения человека.

Вы спросите: когда они успевали? Ночные полеты — несколько полетов за ночь навстречу зениткам и истребителям,— после этого сон замертво, горячие комсомольские собрания, рукописный литературный журнал (я видела его фотокопию), в минуту затишья — безудержное веселье, стихи, песни, танцы.

Не берусь ответить на этот вопрос. Хотя, наверное, ответ существует: там, на переднем крае, каждая минута жизни была драгоценной, обжигающей своей неповторимостью, наполненной смыслом, живым теплом, точно окропленная родниковой водой. Конечно, были не только смерть и горечь поражений. Была жизнь во всей ее плоти и крови, в непролазной грязи дорог, когда раскисали аэродромы и даже терпеливый трудяга «У-2» не мог взлететь. И конечно, были ссоры и примирения, дружбы и романы с «братцами» из соседних полков. И все же в обстановке, в какой трудно, почти немыслимо себе представить наших сегодняшних до-

черей 18—19 лет, они жили очень чистой, очень нравственной жизнью.

Не знаю, тогда или потом — скорее, потом — Ирина нашла у Шиллера и навсегда запомнила такие слова: человек в руках необходимости, но воля человека только в его собственных руках.

В сорок третьем Дрягину как опытного политработника перевели в 9-ю гвардейскую истребительную авиационную дивизию помощником начальника политотдела дивизии по комсомолу.

Теперь она уже не могла сказать запальчиво: «Но я летать хочу!» Была настоящим военным человеком. Короткое «Есть!» — и все. Что она пережила тогда, мы никогда не узнаем. В письме к Левке появилась строчка, подозрительно короткая: «Лев, я больше не летаю». Но адресат ее на то и был Левкой Лобачевым: ему не требовалось много слов, чтобы понять ее душевное состояние.

В ответ она получила бодрое письмо: «Ирина, зато я возвращаюсь в авиацию». И вернулся. Это было его последнее письмо.

В новой дивизии началось с конфликта Ирины с командиром одного из полков, дважды Героем — третью Золотую Звезду он тогда еще не получил — Александром Ивановичем Покрышкиным.

— Почему в брюках? — сурово спросил он приехавшего к ним в полк молодого капитана с мальчишеской стрижкой и предательским девичьим румянцем.

— Мне так удобно, товарищ полковник! — Румянец залил уже все лицо.

— У себя в полку чтобы я такого не видел.

А вообще в 9-й дивизии она пользовалась таким же уважением, как в своей второй эскадрилье. Так было, конечно, не сразу, не обошлось без суеверий («женщина в авиации — не к добру»), сам Александр Иванович перед вылетом придирчиво спрашивал: «Женщины к самолету не подходили?» Пришлось послать ему вырезку из фронтовой газеты: «Суеверие — яд».

Странно, что запоминаются такие вот смешные пустяки, а как оно пришло, то уважение, с каким ее встречали во всех полках дивизии, невозможно припомнить.

Как его звали, того фасонистого малого, который нет-нет да и отличится то неформенной одеждой, то немыслимым чубом? Неважно. Важно, что, когда только назначенный командиром дивизии Покрышкин — уже трижды Герой Советского Союза — приехал к ним в полк и объявлено было боевое построение, а фасонистый молодой человек оказался без пилотки, Ирина, не медля ни секунды, надела на него свою.

К ним, сверстникам, она относилась даже не как к братьям, скорее, как к сыновьям. Да, так оно и было. И они это чувствовали. Именно здесь, среди истребителей, которые уходили в воздушный бой один на один, а она не могла с ними полететь и вместе встретить врага, именно здесь она поняла уже окончательно, что война — это трудная работа, поглощающая все физические и нравственные силы человека.

Осенью 1944 года в польской деревушке Мокшишув, что под городом Тарнобжег, она познакомилась с корреспондентом «Комсомольской правды» Юрием Жуковым («Вечно озабоченная, вечно в хлопотах, вечно на бегу»,— напишет он о ней спустя много лет в книге о Покрышкине «Один «МиГ» из тысячи»), стала, как и многие другие, переписываться с ним, помогая создавать книгу об их дивизии.

Два письма сохранились, и хочется здесь привести их, хотя бы в отрывках. Первое письмо — от 2 февраля 1945 года.

«Не ругайтесь, пожалуйста, что так долго не писали Вам. В условиях перебазировки на запад и воздушных боев не так легко заниматься делами, связанными с литературой. Все же ваши главы читали... Народ работает хорошо. Вот, например, вчера вылетела группа известного вам Трофимова — восемь самолетов, встретили шесть «фокке-вульфов». Трофимов подал команду: «Идем в лобовую атаку». Самолеты противника боя не приняли, развернулись — и бежать. Наши начали их преследовать. Навязали фашистам бой. Вернувшись, Трофимов доложил: сбили три самолета. Но вечером в штаб дивизии прибыл из пехотной части пакет,— пехота донесла, что сбито пять самолетов... Трофимов у нас такой: пока не увидит сам, что самолет противника врезался в землю, не доложит, что он сбит. Но пехота его поправила. В этом бою отличились коммунисты Трофимов, Чертов и комсомолец Кириллов.

...Погода у нас сейчас плохая, снегопад и дымка. Но все же наши летчики летают и, как видите, с пользой. Молодцы, народ, большие молодцы! Всего за январь дивизия сбила тридцать один самолет противника, и на все получены подтверждения от наземных войск.

...Очень горюем мы, что в первый же день наступления погиб от фашистской зенитки известный вам Виктор Жердев, его отвезли и похоронили в Тарнобжеге. А дело было так. Стояла очень низкая облачность — до облаков всего семьдесят пять — сто метров, но началось наступление, у нас задача — прикрывать пехоту, и вот наши ребята вылетели, глядя в глаза смерти, шли над самой землей. Жердева тут зенитка и сбила.

Комсомольцы в наступлении работали очень хорошо — сбили десять самолетов и помогли ведущим сбить еще двенадцать. В общем, сейчас некогда, людей нет, приходится даже мне нести караульную службу. Поэтому пишу мало...»

И вот еще одно, самое последнее ее письмо, написанное уже после войны. Оно очень объемистое, привожу только небольшие отрывки, но и из них видно, как неотделима была помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу от своих комсомольцев, какой болью отзывалась в ее сердце их гибель, какой гордостью — их подвиги.

«...Вы, возможно, знали Иосифа Графина — очень простой, славный был паренек, рыжий-рыжий такой, русский парень. И очень храбрый и дерзкий в бою. Прибыл он к нам из пехоты, куда попал из авиашколы в тяжелые для Родины дни, когда самолетов не хватало и летчикам приходилось становиться в строй наземных войск.

Пришел Графин в полк загорелым, наголо остриженным сержантом. Сначала некоторые смотрели на этого паренька как на птенца, но он быстро превратился в настоящего сокола. И вот двадцать восьмого апреля полку было присвоено наименование «Краковский». С утра был митинг. На митинге выступил Графин. Сказал горячую речь, призвал «больше уничтожать фашистских гадов в воздухе». А через час сверху был дан приказ — выслать пару на разведку. Графин попросил поручить это задание ему и полетел. В полете встретил шестерку «фоккеров». Вступил в бой, сбил двух, но и сам был сбит. Это были восемнадцатый и девятнадцатый сбитые им самолеты.

Самолет с тяжелораненым Иосифом Графиным упал у передовой. Через час он умер... На траурном митинге даже закаленные летчики, привыкшие к потерям товарищей своих, плакали. Уж слишком жалко было Иосифа Графина, такого молодого, мало еще взявшего у жизни! Ведь он был 1922 года рождения. Похоронили его в городе Волау...

Командиром эскадрильи вместо Графина стал Веня Цветков, вы его помните, он из шестнадцатого гвардейского полка. Но через неделю налетели на наш аэродром «фоккеры» и стали штурмовать, и вот при этой штурмовке был убит и Цветков. А я только накануне написала ему рекомендацию в партию... Принесли мне ее обратно. Похоронили его в городе Лигниц».

Такой живет война в ее памяти и сегодня. Не в парадных одеждах, не в громе литавр,— в гибели товарищей.

И еще запомнилась, навсегда осталась ошеломляющая радость жизни, завоеванная такой тяжкой ценой, таким нечеловечески трудным ратным подвигом.

Вы спросите, почему я именно этими строчками заканчиваю портрет Ирины Дрягиной? Почему не воспользуюсь таким заманчивым для журналиста обстоятельством, что 9-я гвардейская принимала участие в Берлинской операции, в освобождении Праги, а Герой

Советского Союза Георгий Голубев сбил последний в истории их дивизии фашистский самолет «ДО-217» (книгу Г. Голубева «В паре с «сотым» с дарственной надписью бывшему помощнику по комсомолу я видела на книжной полке Ирины Викторовны)?

А может быть, вы не спросите, сами поймете почему.

Когда-то давным-давно Герой Советского Союза капитан Клубов объяснялся с приехавшим в дивизию корреспондентом под музыку духового оркестра, который пешком по грязи привела из самого Тарнобжега Ирина Дрягина: «Нашему народу не нужно, чтобы с нас, летчиков, иконы писали. Пусть каждый поймет, что чертовски это трудно, но если с душой взяться и себя не жалеть... Но только не прячь, пожалуйста, трудностей и всяких наших бед, и несчастий, и даже смертей».

Мне все время помнились эти слова погибшего через два дня после того разговора летчика и очень хотелось, чтобы не только сама Ирина Дрягина, но и все живые ее однополчане нашли в этих строчках то единственное, чем мы можем их отблагодарить,— правду и боль.

Евгений
ДОБРОВОЛЬСКИЙ

СВЯЗЬ ДЛЯ АВИАЦИИ — ВСЕ

Вечером над железнодорожной станцией, за разбитыми переходными мостами, повисшими растерзанным ржавым железом, за обгоревшим кирпичным остовом водокачки вполнеба полыхнуло дымное зарево. Смертельно раненный паровозик взвизгнул длинным, последним гудком и затих, заглушенный раскатистым взрывом. Зенитные вспышки расцветили чистое вечернее небо, потом снова ухнуло, и на узле связи по звуку определили, что опять попадание в эшелон с боеприпасами. Чего ж они их на станцию принимают, ведь каждую ночь бомбежки!

Горели цистерны с горючим. Отсветы недалекого огня ложились на лица дежурных. Стены вздрогнули. Посыпались стекла. Сколько там до станции? Километра два, три? Разве это расстояние по военным, фронтовым масштабам? Скоро и до нас доберутся, маскировку следует проверить, подумал военком 109-го отдельного батальона связи старший батальонный комиссар Михаил Никитич Симоненко, подшивая свежий подворотничок.

Он только что вычистил сапоги, побрился, благоухал тройным одеколоном, потому что гигиена — прежде всего. Гигиена и внешний вид военнослужащего. Когда-то на заре своей армейской службы он понял раз и навсегда, что командир, тем более политработник, обязан быть примером для личного состава и никакие такие отговорки, ссылки на неудобства походной жизни не должны приниматься к сведению.

Старший батальонный комиссар посматривал в сторону станции, довольно ловко орудуя иглой. На душе у него было тревожно.

Батальон, в котором он служил, обеспечивал связью авиацию Юго-Западного фронта и размещался в Валуйках — населенном пункте с крупным железнодорожным узлом, который немцы, прорвав нашу оборону, сразу же и подвергли жестокой бомбардировке. Каждую ночь «юнкерсы» налетали и устраивали до утра такую карусель, что даже у бывалых людей нервы не выдерживали.

Телеграфная и особенно радиосвязь в условиях бомбежки — дело сложное, требующее величайшего напряжения. Что стекла в окнах вылетят от взрывной волны, это ладно, можно новые

вставить, можно фанеркой подлатать, дежурная смена останется на своих местах. Беспокоило другое. Откуда у немца такая сила? Он, конечно, всю Европу под себя подмял, но какая же прорва у него самолетов, если на какие-то Валуйки столько приходится? И курсанты из учебной роты недоумевали, особенно там одна глазастенькая выступала, решительная. Почему, мол, составы на станцию принимаются? Как так можно? Они даже рапорт коллективный собирались написать и подать по команде, чтоб прекратить это безобразие. Или завтра же, встретив на узле кого-нибудь из высших командиров, обратиться и все рассказать своими словами. Это ж форменное разгильдяйство со стороны железнодорожного начальства!

— Нельзя так халатно относиться к своим обязанностям в военное время! Нельзя! Железнодорожнички... Их бомбят, а они забивают станцию снарядами. На всех путях составы со снарядами!

— Военные грузы вообще имеют особенность взрываться,— мрачно заметил старший батальонный комиссар.— Железнодорожники, товарищи курсанты, тут ни при чем. Война, одним словом, идет.

Он был прав, но девушкам от такого довода легче не стало. Они к командиру батальона военинженеру третьего ранга Белоусу с тем же вопросом обращались. И снова та красивая с темными глазами первой выступала. Привыкла, понимаете ли, на гражданке к тому, что хороша, что все внимание обращают, и в армии думает с теми же ориентирами прожить. Как ее фамилия, надо будет поинтересоваться. Нельзя же так...

Батальон в полном составе перебазировался в Валуйки из Воронежа в начале мая. Узел расширялся. Приняли новые связи, улучшали монтаж. Научились кое-чему за год войны, в боевых условиях все это ох как скоро усваивается. Генераторную станцию вынесли за сто метров в отдельное помещение; все, как предусмотрено уставом, питание подали по подземному кабелю — и тут началось. Подкатился фронт к тихим Валуйкам. По документам, которые проходили через руки старшего батальонного комиссара, он знал, что войска нашего Юго-Западного фронта после неудачи под Харьковом отступают.

...Догорал вечер. Красное солнце, обещая на завтра ветреную погоду, садилось за крышами домиков, наскоро превращенных в казармы. Их называли просто: дома для личного состава, и только комиссар упорно говорил — «казармы», хотя отлично понимал, что обшарпанные эти домишки так же похожи на казармы, как тот часовой у КПП, которого он видел из разбитого своего окна, заклеенного тонкими полосками белой бумаги, похож на настоящего часового, каким ему надлежит быть. У шлагбаума за дощатой,

наспех сколоченной будкой прохаживалась девушка со скаткой через плечо, с противогазом — все по форме, зато пилотка кокетливо съезжала на висок на русой волне. Пилотку небось заколкой зафиксировала, подумал Симоненко, иначе давно свалилась бы. Часовой... Но при всем при том винтовку держала правильно, на плече, и то хорошо. Сколько труда было вложено, чтоб, по крайней мере, уставной вид придать всему этому воинству. Была рота как рота, отдельная рота связи, потом, в 1941 году, ее развернули в батальон, и пришли к ним девчонки, курсантки ускоренных выпусков краткосрочных Харьковских и Ростовских курсов радиотелеграфистов. И сразу с первых дней — дежурство в боевой радиосети. Пришли опытные телеграфистки с гражданских телеграфов, вчера еще в крепдешинах ходили, телеграммы принимали — «выезжаю, жду, целую, твой, твоя» — и еще небось замечания делали гражданам: «Пишите разборчиво»,— и бланк в окошечко от себя откидывали тонкими пальцами в маникюре. А сегодня — солдаты. Вон она стоит на посту, шею тонкую вытягивает, смотрит, как на станции полыхает, и, если на винтовку штык надеть, как раз одного роста станут боец и его оружие. А сколько сил потрачено, чтоб поняли азы армейской службы — как в строю стоять, вообще что такое строй, как к командиру подойти, а то:

— Михаил Никитич, Михаил Никитич...

— Я вам, товарищ красноармеец, не Михаил Никитич, а в данный момент военного времени — товарищ старший батальонный комиссар. Так надо обращаться. Поймите, вы в Красной Армии, а не у себя на Центральном телеграфе.

— Я в почтовом отделении работала, Михаил Никитич, то есть, простите, товарищ старший батальонный комиссар.

— Не простите, а виновата.

— В чем я виновата?

А действительно, в чем она виновата? В чем они все виноваты — девчонки, добровольно пришедшие защищать Родину или призванные на военную службу строгой повесткой военкомата? Видимо, суть женская такая, что многое в армейской жизни они органически не могут понять, успокоил себя Симоненко. Вместо сапог на боевое дежурство тапочки обувают.

— Вы почему в тапочках?

— А так удобней, ноги к концу смены гудят. Мы всегда так...

— Товарищ старшина, обратите внимание, в чем у вас личный состав.

— Виноват, не досмотрел! Только что все нормальненько было. Ну, девчата, глаз за вами да глаз нужен.

Что тапочки! Случалось, вместо гимнастерки блузку наденет с украинской яркой вышивкой, из дому, видимо, прихватила в том вещевом мешке, в котором положено иметь кружку, ложку, две сме-

ны белья. Женщины... И как их ругать за это? Как наказывать?

— Товарищи,— говорил военком,— сделать из гражданской девушки красноармейца, дисциплинированного бойца, владеющего специальностью телеграфиста или радиста,— совсем не простое дело. Большую роль в привитии воинских навыков играет строевая подготовка. И вы не улыбайтесь, в строю не положено улыбаться. Со строевой подготовки начинается служба. Строй подтягивает, дисциплинирует, приучает к четкому выполнению команд, распоряжений и так далее. Хорошая строевая выучка и высокая дисциплинированность, одним словом, залог успеха не только учебной, но и боевой деятельности.

Старшина Арсентьев — кадровый, голос зычный, бывало, крикнет:

— Выше ногу! Тверже шаг! Запевай: «Петлицы голубые, петлицы золотые...»

Или еще у него была любимая песня для строя. Девчонки пели:

Бей, винтовка, метко, ловко,
Без пощады по врагу.
Я тебе, моя винтовка,
Острой саблей помогу.

Учил их как мог. Они у него строевым ходили. А какой там строевой: сапог — сороковой размер, нога — тридцать пятый, вот и бьет она строевым сначала сапог, потом ногу. А разуется — портянка съехала, сбилась в комок, нога голая, вся в крови. Горе луковое...

Ну да ладно, это все придет, не унывал комбат. Симоненко соглашался.

Хуже было с разными женскими фантазиями: то ночью в карауле светлячков за лазутчиков вражеских приняли, стрельбу открыли. Быка увидели — побежали, а до этого строем шли с оружием.

— Да как же вам не стыдно? А если танк фашистский на вас пойдет, вы от танка тоже побежите?

— Нет, от танка не побежим. В быка стрелять нельзя.

При всем при том и военком, и старослужащие признавали, что со своими служебными обязанностями девушки справляются отлично. Очень старательно, аккуратно работают. А у некоторых большой опыт, телеграфистки классные, но с трудом усваивали, что армия не гражданка. И вот фантазии отсюда. У каждой своя фантазия. Фотографии женихов вешали над койкой, цветы, салфеточки расшитые. Какие такие салфеточки, возмущался Симоненко. Война идет! А потом остывал: может, им это нужно?

Комбат сказал ему:

— Смотри на такие вещи проще.

— Или сложней?

Так у них однажды разговор по душам начался.

— Или сложней,— согласился комбат.— Женщина на войне — явление новое, мы всех последствий еще не знаем. Женщина — мать, хранительница очага, женщина — любимая. Ведь если взгляд в историю кинуть, женщин-солдат и не бывало, так чтоб целый батальон из них сформировать или даже роту. В армии мужские традиции, мальчишка с детства в войну играет, ружье у него, барабан, а у девочки — куклы, цветы, вышивание.

— Фантазии у них!

— Это само собой. Да еще в мужском окружении. Все-таки в авиации служим, кругом женихи один другого краше.

— Это я понимаю. Неясно только, что мы им — классными дамами должны быть, за поведением их смотреть?

— А почему нет, если нам их доверили. Мы старше.

— Трудно.

— Нелегко...

Военинженер третьего ранга хоть и закончил военную академию, в армейских тонкостях разбирался, но, по мнению военкома, был человеком без военной косточки, слишком мягким в сложившихся обстоятельствах. Враг наседал, не сегодня завтра смертельный бой случится принять, какие уж тут цветочки, вышивки? Служба есть служба. Главное — не позволить себе размякнуть; поблажки им начнешь делать, пиши пропало. Военком больше всего именно этого боялся. И дрогнул только раз. Ночью на дежурстве телеграфистка плакала у аппарата. Закрыла лицо руками, слезы падали на ленту. Он подошел, прочитал: «Самолет №... мотор №... на базу не вернулся». Подумал: может, там отец, брат, жених этой телеграфистки, в том самолете. Надо было найти слова утешения, положил руку на ее вздрагивающее плечо, она подняла глаза, полные слез, сказала:

— Жалко...

— Война,— военком отдернул руку, а потом простить себе не мог поспешности, с какой готов был посочувствовать. Раскис, увидел: собой хороша, руку на плечо... А если кто подумает — амуры хотел завести? Влюбился? Больше всего старший батальонный комиссар боялся не того, что влюбится и этим подаст пример для подражания — влюбиться он не должен был, не имел права,— но мог к кому-то относиться лучше, к кому-то хуже, сам не замечая этого. Ну вот та красивая, что на железнодорожников собиралась жаловаться, он у нее фамилии не спросил, а у подруги ее, она всегда с ней ходила, чего проще, запросто мог бы: «Товарищ боец, подойдите ко мне».

— Знаешь,— сказал он комбату,— в нашем положении строгость необходима как основное средство поддержания самодисциплины.

Комбат понял, пожал плечами:

— Строгость должна быть разумной.

А часовой все ходил у шлагбаума, и лихо сдвинутая пилотка не падала. Лицо у часового было строгим. Службу несет старательно, отметил старший батальонный комиссар, перекусывая нитку и пряча за подкладку фуражки.

Надо было идти проверять маскировку, посмотреть, как работает смена на узле связи, поинтересоваться, какие новости поступают с передовой. Положение, сложившееся под Харьковом, тревожило Симоненко. Он понимал, что именно на их фронте решается сейчас судьба летней кампании этого, сорок второго года.

Зарево над станцией все разгоралось. Рвались боеприпасы, похоже, артиллерийские снаряды. Патроны рвутся не так, и мины иначе. А зенитки молчали, значит, немцы, сбросив бомбы, улетели. Теперь они должны были снова прилететь минут через пятнадцать. Они всегда налетали волнами, с интервалами в десять — пятнадцать минут. Последнее время — каждую ночь.

Симоненко относился к бомбежкам спокойно: привык. Он был кадровым военным, за его плечами две войны стояло. Он так и говорил не без гордости, когда просился в политотделе в другую часть: «Две войны у меня за плечами...» Переводу в другую часть это не способствовало. «Вы здесь нужней»,— ему сказали, а вот относиться к ночным налетам без страха прошлый опыт помогал. За сорок первый год особенно много пришлось пережить: и эшелон его бомбили, и под откос на полном ходу прыгал, и как-то из горящего грузовика — бензовоза подожженного — выскакивал в придорожный кювет, гимнастерка горела.

В Воронеже, в политотделе, встретил он старинного сослуживца капитана Потапова. Вместе когда-то начинали, в одном доме, в одном подъезде жили, на аэродром ездили, на озере рыбачили, на субботниках по озеленению военного своего городка рядом трудились. В тридцать восьмом Потапов добился, чтобы его откомандировали в летную школу. Закончил, стал штурманом, летал на Севере, и вот встретились случайно в политотделе.

— Ну как дела? Как воюешь? — спросил Симоненко, хотя можно было и не спрашивать: два ордена сияли на груди бывшего сослуживца. Сели в коридоре на подоконник, закурили.

— Настоящая политическая работа на фронте борьбы с немецким фашизмом,— рассуждал Потапов,— это прежде всего быть настоящим летчиком, уметь показать в небе класс. Можно иметь прекрасное обеспечение, самых лучших инженеров, техников, других авиационных специалистов. Но если не будет как следует подготовлен тот, кто непосредственно ведет бой, все усилия наземных служб окажутся напрасными. Летчик, штурман, воздушный стрелок — центральные фигуры в авиации, поэтому комиссар должен летать. Вот и летаю.

Все верно, молча согласился Симоненко и посмотрел на ордена Потапова. Он не мечтал о громкой славе, но как человек военный был честолюбив и стремился к подвигу. А какой подвиг можно было совершить у них в батальоне, чтоб песни о тебе пели или вот так же рассказывали при встрече?

— Будь здоров, Михаил,— сказал Потапов.

— Счастливо...

Узел связи — сложный организм. Разобраться во всех тонкостях его работы не так-то просто, а потому первым делом Симоненко отправился именно туда, на узел. На шатком крылечке вытер ноги о разостланную мокрую тряпку.

Заканчивался прием донесений об итогах боевых операций за прошедший день. Поступали разведданные, шли сообщения инженерной службы о состоянии и потерях боевой техники, обеспечении запчастями, боеприпасами. По всему было видно: немцы начали широкое наступление и пока остановить их — ни сил, ни средств. Мимо прошел знакомый капитан из разведотдела с мотком телеграфной ленты в руке.

— Как там? — спросил Симоненко.

— Прет,— коротко ответил капитан,— опять танки.

Советские войска несли потери, и сердце старшего батальонного комиссара сжалось. Он пробежал сводку глазами. Конечно, его место было там, на передовой, где шли бои, в строевой части ему нужно было служить — где можно разить врага, видя его. Старший батальонный комиссар повернулся налево кругом, пошел вдоль работающих телеграфных аппаратов, наполнявших крохотное помещение знакомым с довоенных времен равномерным стрекотом. Все было, как всегда. Начальник смены только что закончил прием и сдачу дежурства, проверил оставшуюся от предыдущей смены не переданную корреспонденцию и, низко склонившись над столом, распределял ее по степени сложности, срочности, важности. Надо было рассадить операторов по рабочим местам с учетом их квалификации и уровня загруженности отдельных направлений. На Харьков, на Воронеж — в сражающиеся армии — шел главный поток. А тут рядом с малоопытными девчонками работали такие асы, как Лиза Ходос — и это надо было учитывать,— она в 1940-м, довоенном году (как же давно это было, сороковой год!) установила у себя на телеграфе всесоюзный рекорд: передала за семь рабочих часов 810 телеграмм! Ей на гражданке начальник говаривал: «Лиза, если ты уйдешь с телеграфа, телеграф развалится».

Два показателя всегда определяли искусство телеграфиста — быстрота и чистота работы. Сержант Ходос передавала в Валуйках по две тысячи слов в час, не допуская ни одной ошибки!

В гражданской телеграмме можно номер поезда перепутать или слово какое исковеркать, Матя, Мотя, Валя, Воля, неприятно, конечно, обидно, но в общем-то поправимо, а вот военный телеграфист ошибиться не может, внушал Симоненко курсантам. «Вы ошибиться не имеете никакого права. Ясно, товарищи?» — «Ясно»,— отвечали ему дружно. «От одного слова порой судьба боя зависит, жизни тысяч советских людей!»

Приближалась ночь. Из штаба уже начали поступать на передачу документы с боевыми заданиями полкам ночных бомбардировщиков, нацеленных на фашистские аэродромы и танковые скопления. Теперь уже сомнений не было: враг накопил на юге крупные силы и жаждет реванша за зимнее поражение под Москвой. Дали ему тогда, но мало. Хорошо б еще!

Передавались задания частям и соединениям штурмовиков и истребителей, которые начинали действовать с рассветом. Сейчас на притихших аэродромах вовсю шла подготовка к полетам. Поступали зашифрованные приказы, данные метеослужбы. Погода на завтра обещала быть летной.

Все было, как всегда. Получена общая разведсводка о положении на фронтах. 11-я немецкая армия, усиленная авиационным корпусом и сверхмощной артиллерией, перешла в наступление на Керченском полуострове и, заняв Керчь, начала готовиться к штурму Севастополя.

Когда-то до войны Симоненко был в Севастополе проездом. Запомнилось голубое ласковое море, нарядные моряки на Приморском бульваре и затуманенные утренней дымкой корабли на рейде. И там теперь рвутся бомбы, льется кровь. Старший батальонный комиссар провел ладонью по лицу, отгоняя страшные видения войны.

Неудачный для Красной Армии исход наступательной операции под Харьковом и на Керченском полуострове до крайности осложнил обстановку на южном крыле советско-германского фронта. Стратегическая инициатива снова перешла в руки врага. Сосредоточив на юго-западном направлении ударную группировку из 69 пехотных, 10 танковых и 8 моторизованных дивизий, немцы начали наступление на Воронеж и в Донбассе. Под ударами превосходящих сил противника отступали войска Юго-Западного, Брянского и Южного фронтов. В воздухе большую активность проявляли летчики 4-го фашистского воздушного флота, в состав которого, по нашим разведданным, входили 32 эскадры бомбардировщиков, 15 — истребителей, 20 отрядов разведчиков. Всего около 1200 самолетов — больше половины того, что имел враг на всем советско-германском фронте. «Сейчас бы закрепиться нам на хорошем рубеже, резервы подтянуть, людей ободрить, заставить поверить в свои силы,— думал Симоненко.— Главное сейчас не растеряться, осмотреться, силы собрать в кулак. Ничего, выдюжим...»

Он заметил: ночной узел связи успокаивает его, вселяет уверенность. Все здесь деловито, все своим порядком, строго, по раз и навсегда установленным правилам свершается, и это не может не подтягивать, не настраивать на деловую волну военного человека, привыкшего к дисциплине. Он прилив энергии чувствует и себя осознает участником большого дела.

Всю ночь идут приказы из Ставки, материалы штаба фронта, документы по взаимодействию с соседними фронтами, с наземными войсковыми соединениями, которые ведут сейчас, может быть в эту самую минуту, ожесточенные бои и требуют авиационной поддержки. Сейчас, немедленно и завтра с рассветом обязательно!

Узел связи обеспечивал прямые телеграфные переговоры с командирами авиационных полков, дивизий, уточнял донесения разведчиков. Война — не женская работа, но с некоторых пор старший батальонный комиссар ловил себя на мысли, что ни один мужчина не сможет так вести себя у телеграфного аппарата, как эти девчонки, когда стоит рядом командир из оперативного или разведывательного отдела штаба, нервничает, говорит быстро, а то и словцо крепкое ввернет, которое пропустить следует, а все остальное надо передавать быстро, без искажений, понимая военную терминологию, это тебе не «жду, целую, встречай», это война, судьбы миллионов, может быть, всей нашей необъятной Родины от Северного Ледовитого океана до жарких среднеазиатских пустынь. И надо быть собранной, спокойной, выдержанной, стараться не реагировать, не нервничать, не переспрашивать — нельзя! Какие ж они все-таки молодцы! Работают вслепую, не глядя на клавиатуру, десятью пальцами. Со стороны кажется так просто! А ну сам попробуй!

— Все отлично у вас,— сказал Симоненко дежурной и уже к двери с хромовым хрустом повернулся, чтобы идти проверять маскировку и караулы, когда за окном ухнуло, посыпались остатки стекол, куски штукатурки с потолка и стен. Два самолета пронеслись на низкой высоте, будто накрыв тенью. Полыхнуло совсем рядом, у зенитной батареи, прикрывающей штаб фронта, а значит, и узел связи, и «казармы» батальона.

Ударили зенитки, пыльное малиновое пламя вспыхнуло в пустых проемах окон. И замелькало... Пол заходил под ногами.

Первым желанием было выскочить на крыльцо, упасть, ползти в укрытие, вырытое во дворе, вжаться в землю. Но есть долг, и надо держать себя как положено. Старший батальонный комиссар поправил фуражку. С ног до головы его обсыпало известковой пылью, пыль заскрипела на зубах.

Взрыв оглушил, теперь Симоненко не слышал стрекота телеграфных аппаратов, но все так же бегали по клавишам проворные пальцы дежурных телеграфисток. Им хоть бы что, сидели по местам. Еще раз рвануло. Ясно, теперь бомбили узел связи. Нащупали.

Странное дело: с ранней весны в Валуйках напала на деревья какая-то гусеница. Местное население такого нашествия не могло припомнить. Гусеницы были толстые, лохматые, удивительно прожорливые. Их прозвали «фашистами». «Фашисты» заползали на нары, падали в суп, а проползая по коже, оставляли жгучий след. Бороться с этими паразитами не было никакой возможности. Самое же неприятное состояло в том, что, жадно объев всю листву с деревьев — с яблонь, с тополей,— они демаскировали узел. Комбат специально летал на «У-2» над расположением батальона, расстроился и приказал принять меры. Маскировку усилили, но вот, видимо, не помогло или разведка немецкая донесла своим, что рядом со станцией крупный узел связи.

Комиссар Симоненко по собственному опыту знал: теперь в покое не оставят, будут бомбить и бомбить, пока всю душу не вымотают.

Уйти, бросив дежурную смену в полуразрушенном здании, он не мог. Но его уже разыскивали, тут к нему рассыльный подлетел, вскинул руку к пилотке:

— Товарищ старший батальонный комиссар, горит склад боеприпасов! Пожары кругом...

Склад боеприпасов размещался в сараях за невскопанными огородами, буйно поросшими в тот год сорной травой. Там, в ящиках, сложенных штабелями, хранились снаряды зенитной батареи, все четыре орудия которой вели сейчас беглый огонь. В небе метались сполохи разрывов — белые, розовые; горели сараи, маленькие фигурки людей выносили ящики со снарядами, сгибаясь под тяжестью ноши, мелко семеня ногами. Бомба упала рядом с телеграфной станцией, смонтированной на грузовике.

Времени разбираться, анализировать свои действия не было совсем: бомбардировщики заходили на бомбежку. Низко шли. Яркая вспышка высветила фюзеляж чужого самолета, похожий на большую железную рыбу с крестом на боку. Блеснуло остекление кабины.

Михаил Никитич побежал к сараям. Пламя уже лизало крышу. «Воды! — кричали: — Воды!» Воды поблизости не было. Симоненко вбежал в сарай, выхватил из крайнего штабеля ящик, прижав к груди, потащил на улицу. Ящики оттаскивали на огороды, в безопасное место. Батарейцам помогали связисты. Симоненко многих своих увидел, узнал, и девчонки учебной роты тоже ящики ворочали, по две на один, тут у них сразу такая расстановка сил произошла. Старались. Скорей! Скорей! Вот ведь тоже, быка боятся, а о том, что сейчас на воздух можно запросто в один миг взлететь, не думают.

Взрывной волной комиссара свалило с ног. Он встал, в ушах звенело. «За мной!» — и снова — в сарай.

Трудней всего пришлось линейщикам. Им всегда при бомбежках больше других доставалось. Повреждены линии проводов, идущих на узел. Под разрывами бомб пришлось лезть на столбы. Рядовой Афанасий Козлов находился на столбе, когда бомба разорвалась посредине пролета. Его оглушило, обожгло лицо, захлестнуло оборванными проводами. Козлов удержался, устранил повреждение, слез на землю и повалился. Ему обмывали лицо, когда подошел Симоненко.

— Связь есть?

— Все в порядке, товарищ комиссар! — Ему кричали, но он почти и не слышал, понимал по губам.

Новая волна бомбардировщиков накатывалась.

— А нам бомбы-то не страшны,— смеялся молоденький красноармеец-линейщик с мотком проволоки на плече. Это он перед девчонками храбрился, смеялся и все голову закидывал, глядя в небо, расцвеченное огнями.— Ракеты помогают работать: лучше видать поврежденные участки. Вот ведь кроет герман, лютует.

— Насолили мы ему...

— Товарищ старший батальонный комиссар, а где ваш сапог?

— Чего?

— Сапог где? Сапог ваш?

Тут-то Симоненко и заметил, что одна нога у него разута. И где он мог потерять сапог, так и осталось для него загадкой.

С той ночи связистов перевели в лес за два километра, там развернули палаточный лагерь. И каждую ночь тушили пожары, восстанавливали связь, помогали раненым и обожженным. Эти дни и ночи смешались у Симоненко в одну непрерывную бомбежку без начала, без конца.

Наконец 30 июня, в ночь, батальон, поднятый по тревоге, получил приказ следовать вместе со штабом ВВС Юго-Западного фронта в город Россошь, куда несколькими днями раньше отправили передовую команду во главе с расторопным лейтенантом Демченко. Деловым очень лейтенантом. «На вас вся надежда»,— говорил ему Симоненко. Эта команда должна была подготовить запасный узел, который бы принял на себя работу по обеспечению связью, пока караван машин с оборудованием 109-го отдельного батальона в полном составе прибудет в Россошь. Россошь — тихий городок в двухстах километрах от Воронежа, дремавший в садах и огородах на левом берегу безвестной речки Черная Калитва, на железнодорожной линии Москва — Ростов-на-Дону. Курортный поезд стоял там две минуты.

Все авиационные части фронта находились в движении, а потому основная тяжесть обеспечения управления легла на радио-

7 Заказ 4702

связь. Работа шла непрерывно, с большой нагрузкой. Шифровки передавались ключом, а принимались на слух под карандаш. Не дело без проводной связи, без телеграфа, но выхода не было...

Узел связи в Россоши просуществовал меньше недели, всего каких-нибудь шесть дней. Немцы заняли Валуйки и продолжали наступление. И опять был приказ сняться ночью и двигаться по дороге, на этот раз — на Калач. Батальону предстоял тяжелый марш с переправой через Дон, наверняка под бомбами, так что шесть дней в Россоши не запомнились. Сразу же возникли опасения: не пропустят такого момента, ни за что не пропустят, если с воздуха заметят, бомбить будут досыта. А потому название реки — Черная Калитва — с самого начала звучало для старшего батальонного комиссара зловеще.

Накануне марша комбат решил разведать с воздуха дороги, идущие от Россоши на Задонск и Калач.

Небо было безоблачным. Ярко сияло летнее солнце; степь, еще не выжженная зноем, безмятежно благоухала свежим разнотравьем.

— Ты смотри, ежели что — прямо иди на вынужденную. «Мессера» за штабными самолетами шибко охотятся. Им за «У-2» сразу награду дают. Крест железный. Так что ты ниже держись,— советовал Симоненко своему командиру.— И лети потише. Тише едешь, дальше будешь.

— Спасибо за заботу,— усмехался тот.

Он вернулся к вечеру усталый, сосредоточенный. Ему вытянули из колодца ведро воды. Комбат снял пыльную гимнастерку, вымылся по пояс, пригладил рукой мокрые волосы, сказал:

— Двигаться будем на Черную Калитву и далее на Калач. Немец выходит к Задонску, так что второй путь уже перерезан. Теперь одна дорога остается,— комбат развернул карту. Некоторое время сидел молча, затем, неожиданно улыбнувшись, продолжил: — Знаешь, комиссар, удивительная вещь: отступаем, а тревоги на душе, как бывало раньше при отступлении, нет.

— Это как же понимать, нет тревоги? Это почему такой вывод?

— А так и понимай. Сверху все отлично видно. Части отходят в полном порядке, с техникой идут, Михаил Никитич. Это на сорок первый не похоже, тогда иначе все выглядело. Посмотришь, скоро им достанется... Нам бы сейчас на рубеж встать.

В ту же ночь передовые немецкие части подошли к Россоши. Батальон уже ушел, последние машины без огней скрылись за поворотом в 22.00.

Слышались отдельные выстрелы, рев танковых моторов. Линейщики, разделившись на команды, снимали кабель. Всего надо было смотать двести километров, погрузить на машины. К ночи

стрельба стала слышней. Пролетел фашистский самолет, выпустил несколько осветительных ракет. В их белесом, неживом свете притих опустевший городок. Горела нефтебаза, шли люди с узелками, с маленькими детьми на руках. Беженцы. Проскакал всадник. «Стой!— крикнули ему.— Порвешь кабель!» — «Бросай к черту свою паутину,— огрызнулся он,— немцы здесь!» — и пришпорил коня. Смотанный кабель надо было дотащить до машины, стоявшей за два квартала в укрытии. Это оказалось самым трудным. На ночных улицах рвались мины. Фашисты заняли вокзал, на привокзальной площади поставили минометную батарею, автоматчики группами по три — пять человек прочесывали улицы, постреливая короткими очередями. Переползая от забора к забору, огородами связисты дотащили кабель до машины. Ехать мимо вокзала по шоссе не рискнули, свернули на окраину, двинулись степью, ориентируясь по компасу. В балке, уже за городом, наткнулись на немцев. Темно-зеленые тени метнулись навстречу: «Хальт! Хальт!» Отбились! Стреляли из кузова, из кабины. Это был самый настоящий бой, бой с видимым, реальным врагом. И враг отступил. Через час выехали на укатанную дорогу. Осмотрелись. Позади была Россошь, занятая фашистами. Черный столб дыма поднимался в неподвижном предутреннем воздухе.

Издали стрельбы не было слышно, тишина стояла, будто кончилась война. Мирная степь простиралась на сколько хватало глаз. Но покоя не было. Опять отступали.

Впереди еще предстояли непростые испытания, но имя города, которое скоро станет известно всему миру, где они должны будут встать насмерть, еще названо не было — Сталинград. Впереди ждала речка Черная Калитва, а перед ней — заболоченная пойма, совершенно непроходимая в это время года.

Когда линейщики догнали основную часть батальона, комиссар Симоненко спал в кабине. Он заснул как выключился, и тяжелое это забытье длилось не больше часа — его разбудил гул моторов, шум громких голосов.

Странное положение, загадка природы: никакая бомбежка не в состоянии разбудить связиста после боевого дежурства, а в головах телефон полевой звякнул, и сразу — подъем! Связист на ногах.

Комбат пытался как-то научную базу под этот факт подвести, но дальше собирания подобных примеров дело у него не тронулось. Вспомнил, что мать, не спавшая несколько ночей, просыпается от неровного дыхания ребенка. И еще вспомнил мельника, который спит себе и спит на белой мельнице над речкой, но только жернова на другой раструс пошли и звук изменился, он сразу же и проснется, глаза откроет.

Комиссара не гул моторов сам по себе разбудил и не голоса. Он беспокойство почувствовал. Тревога возникла. Колонна стояла.

— Теперь без тягача ни в жисть не вылезем,— сказал кто-то.

— Тягача,— передразнил другой,— танковый полк надо вызывать, вон сколько машин сгрудилось. Тягача, скажешь... Болото.

Симоненко протер глаза, открыл дверцу, спрыгнул на землю. Впереди, сзади, сбоку — везде были машины — грузовики с пехотой, с армейским, наспех собранным скарбом, полевые кухни, артиллерийские орудия, зарядные ящики. Тут же беженцы с ручными тележками, двуколки, телеги, санитарные автобусы, штабные легковушки, выкрашенные в защитный маскировочный цвет и потому еще более заметные: красили их весной, а теперь вовсю горело лето.

Была пробка: гул моторов, ругань, отрывочные команды. Кипела вода в радиаторах. Симоненко пошел вдоль батальонной колонны вперед. Рядом туда-сюда сновали люди, после сильных дождей под ногами хлюпала жидкая грязь. Колонна явно увязла. И не просто колонна, а гудящий поток, расплеснувшийся на несколько рядов влево и вправо от дороги, едва угадывающейся в сырой чавкающей трясине. Легкие танки, тягачи, бронемашины, грузовики с цепями на задних скатах пытались как-то выбраться, а потому выезжали кто влево, кто вправо и застревали уже там. Трясина медленно, но верно засасывала в себя все это скопление людей и техники, и Симоненко понял: если сейчас же, немедленно не предпринять мер, то беды не миновать. Прежде всего нужно найти хотя бы трактор. В батальонной колонне был свой «ЧТЗ» с прицепом, но он, как потом выяснилось, отстал.

Утро только начиналось, но уже парило. День обещал быть жарким, и надеяться на то, что фашистский летчик не заметит такое скопление в заболоченной низине у Черной Калитвы, было бы с военной точки зрения совсем непростительно.

Симоненко развернул на коленях карту. Выходило, что через полтора-два километра должно начаться сухое место. По карте так получалось. Значит, следовало во что бы то ни стало это расстояние преодолеть. Иначе... Он не хотел думать о том, что будет иначе. Понимал: будет бомбежка и, может быть, окружение. Война — она везде война; окружение — война без флангов и тыла, но по опыту Михаил Никитич знал, что сохранить сложную технику батальона в окружении не удастся: спецмашины не танки. Что такое спецмашина? Грузовик «ГАЗ-АА» или «ЗИС-5» с радиостанцией, смонтированной в кузове. Грузовик одной пулей поджечь просто, если в бензобак, а сколько труда вложено, чтоб станцию на нем смонтировать, отладить, обжить. Машины можно взорвать, имущество уничтожить, но это в самом крайнем случае, а сейчас надо действовать.

Под кустом возле танка четыре танкиста мудрили над нехитрым костерком. Котелок повесили, собираясь подхарчиться, потому один сыпал в воду пшенный концентрат, другой финским ножом крошил

сало и с руки тоже сбрасывал в кипящую воду. На тряпице хлеб у них крупными ломтями порезанный лежал, лук и фляжка. Хорошо устроились. Надолго! А ну как налет?

— Кто командир танка?

— Ну я,— неторопливо ответил чумазый танкист в темном, наглухо застегнутом комбинезоне,— ну я командир.

— Встать, когда с вами старший по званию говорит!

Танкисты притихли. Командир танка встал, отряхивая мусор с колен.

— Через час взойдет солнце, фашистские самолеты начнут летать. Может, раньше. И за десять минут здесь ничего живого не останется. Вы это понимаете? Я — военком отдельного батальона связи, у меня спецмашины.

— Да уж поняли,— просто сказал командир и кивнул в сторону, где стоял грузовик, а там на ящиках сидели девчонки и как раз та глазастая, что на начальника станции в Валуйках собиралась жалобу подавать, была там, смотрела на танкистов с интересом, а рядом ее подружка неразлучная сидела, устроилась, свесив ноги в пыльных сапогах.

Женщина на войне — еще и повод к нарушению уставных положений и дисциплины как таковой. Некоторую расхлябанность танкистов и тон, с каким отвечал ему командир танка, Симоненко именно этим фактом объяснил.

— Приказываю вам немедленно взять на буксир первую машину нашей колонны...

— Слушай, комиссар,— командир танка улыбнулся, расстегнул ворот комбинезона,— мы сутки из боя не выходили.

И тут Симоненко увидел петлицы с двумя шпалами.

— Товарищ майор, иначе время потеряем. Поздно будет. Вот и горячусь.

— Да уж чего,— отмахнулся танкист,— все ясно. Петров, Цимайло, свертывайте бивуак, фрюштукать позже будем. Прав комиссар, если сейчас налетят... Заводи мотор. У меня механики покладистые.

Шесть машин вытащил танк, остальные — чужой трактор. Там трактористы поначалу не совсем задачу поняли. Симоненко пистолет из кобуры достал, грозился пристрелить на месте.

Приблизительно то же самое происходило в голове колонны — с той только разницей, что там кричал, грозил оружием и бомбежкой комбат. Они с Симоненко впечатлениями позже обменялись, когда колонна батальона воссоединилась у станции Казанская, перед взорванным мостом через Дон.

Палило солнце. День выдался ослепительным, солнце и река сверкали так, что глазам больно. Над головой висела немецкая «рама», предвещая скорую бомбежку. И вся дорога до Сталинграда

откладывалась в памяти, запоминалась на всю жизнь, как одна нескончаемая бомбежка. Утром, днем, ночью. Тревожный крик: «Воздух!» Непреходящий горький привкус во рту. Степь, раскаленная летним зноем. Причалы, забитые техникой, беженцы. Белые станицы тихие,— и снова вой «юнкерса», выходящего в атаку на паром, где битком грузовики, телеги с поднятыми оглоблями, словно зенитки — если бы и вправду зенитки! — люди плечо к плечу, серые солдатские скатки... Женщина рукой прикрывает лицо ребенку, чтоб не видел, как от самолета отделяется бомба. Это на всю жизнь — высокий всплеск там, где только что был паром, и снова тишина, удаляющийся, замирающий вдали надсадный вой чужого самолета и пустая, слепящая река перед глазами. Тихий Дон.

На окраине безымянной станицы, в белой хатке, чистой и прохладной, девочка в красном пионерском галстуке читала книгу. Сказала: «Здрасьте. Заходите, товарищ командир». Кошка сидела на подоконнике. Фикус стоял в кадке у окна. Симоненко взглянул на себя в зеркало — и не узнал. Из резной деревянной рамы, за которую по углам были заложены фотографии, настороженно смотрел на него худой, насквозь пропыленный человек. Глаза незнакомца ввалились. Брови и волосы выгорели от солнца. На гимнастерке выступила соль. Он не узнал себя.

...Ехали, шли, шагали по пыльным обочинам, пропуская мимо колонны грузовиков. Связь — всегда работа. Разворачивали радиостанцию в селе Гороховка, потом в Калаче — там узел связи в полном составе, но телеграф не работал: невозможно было установить проводные связи с частями. Единственным средством оставалось радио. И самолет «У-2». Старик крестьянин в доме, где пришлось ночевать, рассуждал: «До коренных наших мест немец дошел. Конечно, техники у него много».— «Сдюжим, отец. Нам бы только на подходящем рубеже закрепиться».

Передовая колонна батальона из двадцати восьми машин была направлена в станицу Ново-Анненская для организации запасного командного пункта. Она была уже в пути, когда стало известно о перемене места дислокации штаба ВВС фронта. На самолете «У-2» на розыски вылетел техник-лейтенант Рыжанов, чтоб перенацелить колонну. Приземлился, стал на дороге, поджидая первую машину. Симоненко — он вел колонну — узнал Рыжанова, велел остановиться и получил приказ о том, что теперь их путь лежит в Сталинград.

Определились по карте и по дороге, укатанной до каменной твердости, двинулись прямо на Сталинград, намереваясь к вечеру быть на месте.

Их задержали два «мессера» — вынырнули из-за леса со стороны солнца, ударили из пушек и пулеметов, сбросили бомбы. Все свернули на обочину, в сторону, и рассредоточились...

Скомандовали отбой. «Наших задело, Михаил Никитич,— доложил ротный.— Одного легко царапнуло, другого — тяжело». Другого. Он так и понял: другого, подошел, наклонился. На дороге рядом с откатившимся тележным колесом лицом вниз лежала девушка-красноармеец. Ее приподняли. Гимнастерка на груди была порвана и в крови. «Это он разрывными,— сказал кто-то,— смотри, входные отверстия совсем как точки, а на выходе все разворотил...» Симоненко отвернулся. Подружка опустилась рядом, неуклюжая такая подружка, и платочком, платочком совсем уж не армейским, беленьким с синими кружавчиками — фантазии! — лицо ей стала вытирать. «Санинструктора сюда!» Подбежала санинструктор, на бегу сумку свою с красным, масляным крестом расстегивая, достала индивидуальный пакет, но не надорвала... Поздно.

«По машинам! — была команда и снова: — Воздух!» Немцы, оказывается, не улетели, прошли вперед, там где-то развернулись и теперь заходили с другой стороны. Но на этот раз не стреляли. То ли боекомплект у них кончился, то ли подходящую цель высматривали, патроны экономили и забавлялись, глядя, как внизу шарахаются в стороны, бегут, падают на землю люди.

Совсем низко неслись два самолета. Его горячим ветром обдало, запахом чужого бензина, жар германского мотора совсем рядом почувствовал, увидел лицо летчика — молодое, в пилотских слюдяных очках, как глаза стрекозы,— и показалось ему, что немец смеется, упоенный молодостью, силой своей, победой. Потом, с годами лицо это конкретность начало приобретать: родинка появилась на подбородке, волосы оказались гладко зачесаны на прямой пробор. Но это потом, много позже. Лицо возникало вдруг, будто плыло, как отражение в глубоком, темном колодце.

— Ты ее убил! — сказал Симоненко.

Немец молчал.

— Ты ее убил!

— Была война,— отвечал не сразу.

— Ты смеялся, я видел! — крикнул Симоненко.— Тебе это нравилось!

Немец пожал плечами.

— Война. Я не выродок. Я как все. Почему мне это должно было нравиться? Был приказ.

С годами они стали беседовать чаще. И как-то даже откровенно.

— Я не был фашистом. Мне не по душе все эти расовые теории и прочие злые глупости,— говорил немец,— а вот мой ведомый, он был убежденный фашист. Я не снимаю с себя вины, но, может быть, ее убил Гюнтер, так его звали, моего ведомого. А к тому же, если серьезно, в современной войне разве скажешь точно, кто убивает? Вы ее любили, ту девушку? Простите, у меня взрослая дочь, я все понимаю.

— Я ею любовался. Она светлая была, гибкая удивительно. Сама юность. Когда ее в разодранной гимнастерке тогда перевернули, я удивился, какая у женщин белая кожа. Я отвернулся. Я не мог смотреть. Совсем девчонка, вся жизнь впереди, и ничего не сбылось.

Но это мысленно, через много лет он так беседовать будет, а тогда — «Не уйдешь, сволочь!» — крикнул, обеими руками обхватив рифленую рукоятку своего ТТ, и выстрелил вдогонку. Раз, два...

Позже об этом времени напишут. Батальону, связавшему наше небо и нашу землю, будут поставлены новые задачи. И когда 17 августа немцы начнут форсировать Дон, 8-й воздушной армии придется переключаться на уничтожение их переправ. Командующий ВВС Красной Армии А. А. Новиков потребует все силы авиации — штурмовики «Ил-2», бомбардировщики «Пе-2», которых прикрывали «Яки» и «Лавочкины»,— нацелить на переправы через Дон. С 17 по 23 августа летчики 8-й и 16-й воздушных армий произведут более тысячи вылетов.

Но этих сил было явно недостаточно. Противник прорвался к Волге севернее Сталинграда. Начинались тяжелые дни для авиаторов, прикрывавших город и наносивших удары по наземным войскам, рвавшимся к Сталинграду...

Это чуть позже. Всего несколько дней спустя. А тогда «мессеры» на новый заход шли, развернувшись, и он, комиссар батальона Симоненко, стрелял, как положено, на четыре силуэта вперед, стрелял и плакал, и скрипел зубами: «Не уйдешь, не уйдешь!..» И впереди был Сталинград — его новый рубеж.

Владимир
НАГОРНЫЙ

«ПОКА В РУКАХ ДЕРЖУ ШТУРВАЛ...»

Анкетные данные Николая Федоровича Лободы, пожалуй, ничем не примечательны. Год рождения — 1912. Украинец. Уроженец села Годуновка Яготинского района Киевской области. Вырос в крестьянской семье. В 1935-м окончил летное военное училище, был принят в ряды Коммунистической партии. Когда началась война с белофиннами, с первого и до последнего ее дня находился в действующей армии, удостоился первой своей боевой награды — ордена Красного Знамени.

Остальное о нем — в письмах и документах...

Погожим осенним днем сорок первого получила Александра Яковлевна Лобода первую фронтовую весточку от мужа. Потом они стали приходить часто, и молодой женщине уже виделся победный день,— ведь короткие строчки писем родного человека дышали горячей верой в наше правое дело и несокрушимую мощь. Теперь вместе с Александрой Яковлевной эти опаленные порохом листки уже читают и перечитывают в семье комиссара Лободы его дочь Людмила, внуки Света и Саша. Вчитываются в них и всякий раз дивятся силе духа своего отца и деда. И веет на них с пожелтевших страниц грозным дыханием военной поры.

«Здравствуйте, мои дорогие!

Сообщаю, что я жив и здоров и что со своими боевыми друзьями бью противника беспощадно. Мой «конек-горбунок» (так комиссар полка называл легендарный штурмовик «Ил-2».— *Авт.*) задает фашистским извергам такого жару, что нет у них никакого спасения. Не стану, однако, скрывать — враг жесток и коварен, он еще очень силен... Но мы чувствуем, видим, что фашисты с каждым днем теряют былую уверенность. И каждый из нас, идя в бой, мысленно клянется: «Мы отстоим тебя, Родина! Даже если во имя этого придется пожертвовать собственной жизнью».

Очень скучаю по вас, родные мои, очень хочется с вами повидаться... Думаю, скоро, очень скоро получит фашист крепкий удар... Целую вас горячо, Коля».

Потом шли все новые и новые фронтовые треугольнички. И, как прежде, в каждой строке — горячая вера в светлый день победы, который комиссар приближал со своими боевыми друзьями.

«Фронтовой привет!

Мой «конек-горбунок» работает удивительно четко и безотказно. Я его так люблю, так жалею. А фашисты называют его «черной смертью». Видишь, как страшен он для них.

Знаешь, Шурочка, не передать чувства ненависти, которое охватывает при виде гитлеровских бандитов... Радуюсь силе нашего советского оружия и верю, бесконечно верю — нет, никогда и никому нас не сломить!..»

«Спешу сообщить тебе, Шурочка, что начинают фрицы смазывать пятки — отступают и оставляют за собой орудия, танки и прочее вооружение. А наша славная Красная Армия становится все большей грозой для врага. Так что приеду я с победой домой...»

«В моей жизни изменений почти никаких нет. По-прежнему угощаем фашистов свинцовыми конфетами и пряниками. Одним словом, все идет своим чередом. Разве вот вырос немного в воинском звании — на одну ступеньку, да наградили меня вторым орденом Красного Знамени. Получил, выходит, я закалку в борьбе с фашистской сволочью. Скоро, очень скоро будет и на нашей улице праздник».

По вполне понятным причинам тридцатилетний комиссар полка Лобода не мог сообщить в письме о том, что «смазывают пятки» — это, значит, фашисты отступают под Москвой; что «праздник на нашей улице» — близившаяся победа под Сталинградом. Ничего, в сущности, не писал Николай Федорович и о своих боевых делах.

В большей мере доносят подробности тех сражений публикации во фронтовой газете. А газета рассказывала об отваге батальонного комиссара Лободы не один раз. По сей день хранятся у его родных вырезки из нее.

Первая короткая корреспонденция озаглавлена «Смелые действия». Вот она:

«Плохая видимость и низкая облачность сильно затрудняли полет двух штурмовиков. Сплошная стена снега через несколько минут совсем осложнила полет. Однако отважные экипажи, не видя друг друга, продолжали его. Потом ведомый, молодой летчик, не совладав со стихией, уходит на свой аэродром. Только ведущий — комиссар полка т. Лобода сквозь снегопад настойчиво ведет самолет к цели. Дается это ценой огромных усилий, потому что чрезвычайно трудно ориентироваться в непроницаемой круговерти. Кажется, и небо, и заснеженная земля смешались в сплошную белую массу.

Вот уже должна быть цель, но ничего не видно за плотной белой завесой. Однако отважный комиссар продолжает углубляться в тыл врага. Наконец, в одном из районов он обнаруживает скопление

фашистских войск и обрушивает на них весь огонь своего штурмовика. Сброшенные бомбы, выпущенные снаряды уничтожили не один десяток фашистских захватчиков. Два танка и девять автомашин вывел т. Лобода из строя».

Название второй корреспонденции — «Боевой комиссар», автор А. Журавлев. Видно по всему, фронтовой журналист готовил ее по горячим следам только что отгремевшего, неимоверно тяжелого боя. И конечно, понимаешь, что не случайно оказался Лобода в группе, на которую возлагалось особо сложное и ответственное задание. Боевой строй должен был возглавить именно такой — опытный, отважный и решительный авиатор.

«...В углу землянки, потрескивая, горела «молния» — бензиновая лампа, сработанная из артиллерийской гильзы. Командир штурмового авиаполка, склонившись над топографической картой, отмечал синим карандашом прохождение мотомеханизированных колонн противника, которые под натиском наших войск откатывались на запад... Шоссе, проселочные дороги и даже тропки забиты бронемашинами, автомобилями, обозами, живой силой. И по этому скоплению врага следовало нанести бомбовый удар. Да не один!

— Сложное задание,— проговорил командир и обратился к начальнику штаба.— Кому его доверим?

Тот, не раздумывая, отозвался:

— Считаю, без старшего политрука Лободы тут не обойтись. Нужно действовать наверняка.

— Согласен. Быть по сему. Лобода возглавит группу.

...Облака плыли низко над аэродромом... Летчик не думал об опасности, которая будет подстерегать его за передним краем ежеминутно. Тревожило другое: «Неужели облачность помешает найти цель?»

Вскоре «Илы» вырулили на старт. Руководитель полетов взмахнул флажком, и несколько самолетов, взвихрив облака снежной пыли, один за другим начали разбег. Через мгновение они скрылись за серой мглой горизонта.

...Лобода первым перевел свою машину на бреющий полет. За ним, повторив маневр ведущего, устремилась вся группа. Шоссейная дорога словно бросилась под плоскости стремительных штурмовиков. Было отлично видно, как там, внизу, заметался враг.

— По фашистам — огонь! — скомандовал Лобода, и на гитлеровцев посыпались бомбы.

Взрывная волна тряхнула самолет Лободы: видно, пришелся первый удар по колонне с боеприпасами. Рвались бензоцистерны, вверх летели куски металла. Небо стало заволакиваться черным дымом. А ведомые, построившись в замкнутый круг, вновь пошли в атаку. В сплошном грохоте потонули звуки выстрелов самолетных пушек. Но не дремали и гитлеровцы.

Когда Лобода выходил из второй атаки, снаряд вражеской зенитки ударил прямо в кабину... Брызнула кровь, заливая глаза. Но Лобода остался в строю, снова и снова штурмовал фашистскую колонну.

Выполнив боевое задание, вся группа возвратилась на свой аэродром. А вечером Лобода, улыбаясь, принимал от командования полка в знак поощрения посылку от рабочих артели имени 20-летия комсомола. В ней оказалось теплое белье, бритва, шерстяные перчатки, туалетное мыло, папиросы и письма...»

В семейном архиве Александры Яковлевны сохранилась вырезка из газеты об этом бое комиссара с такой его припиской: «Сохрани... Когда-нибудь будем читать и вспоминать эти эпизоды».

И вот последние документы.

Из боевого донесения № 4 штаба 807-го штурмового авиаполка от 19 сентября 1942 года.

«...Взлет в 14 часов 23 минуты. 8 самолетов «Ил-2», ведущий — комиссар полка батальонный комиссар Лобода. В 14 часов 40 минут группа провела атаку по скоплению танков, артиллерии, автомашин и живой силы северо-западнее Зеленой Поляны. Отмечены 6 взрывов в танках, попадания хорошие, все бомбы сброшены по скоплениям танков в балке... Уничтожено или повреждено не менее 7—8 танков. Всего по цели было проведено 3 атаки... С задания не вернулся батальонный комиссар Лобода Н. Ф.»

Из исторического формуляра 807-го штурмового авиационного полка:

«19 сентября 1942 года комиссар полка батальонный комиссар Лобода повел группу штурмовиков в составе 8 самолетов на уничтожение танков противника юго-западнее Сталинграда. Над полем боя самолет тов. Лободы от прямого попадания зенитного снаряда загорелся. Следуя примеру капитана Гастелло, тов. Лобода направил свой горящий самолет на группу вражеских танков, погиб смертью храбрых за нашу Родину...»

Об этих коротких страницах боевой биографии комиссара авиаполка Лободы я рассказал в марте 1983 года в газете «Красная Звезда». Вскоре на рабочий стол лег первый читательский отклик. Тот самый корреспондент А. Журавлев спешил поделиться своими воспоминаниями:

«Я хорошо знал Лободу,— написал Александр Матвеевич Журавлев, бывший комиссар 15-го истребительного авиационного полка, а ныне пенсионер, майор в отставке.— Впервые встретился с Николаем Федоровичем в январе 1942 года в Красном Куте Сара-

товской области. Здесь тогда были организованы краткосрочные курсы по подготовке и переподготовке летчиков-комиссаров эскадрилий на должности комиссаров авиационных полков.

Собралось примерно 50—60 человек. Я тогда познакомился и сдружился со многими слушателями. В большинстве своем они уже понюхали пороха на фронте, совершили не один подвиг, но держали себя очень скромно. У меня с той поры сохранился блокнот, где иной раз делал записи об увиденном, пережитом. Оказались в нем строчки и об огненном комиссаре, написанные в 1942 году».

Вот эти скупые строки из блокнота военного корреспондента комиссара Журавлева.

«Мне особенно нравится старший политрук Николай Лобода. Он мал ростом, застенчив, как девушка. Но крепок телом и кажется гранитным... Когда рассказывает о своих товарищах, весь преображается, зажигается, словно костер. Что-то истинно комиссарское всегда отличает его в обращении с людьми. О себе же предпочитает больше молчать, хотя уже не раз отличился в боях с фашистами.

Вчера, 7 марта, был великолепный весенний день. Мы с Лободой гуляли за городом по сухому, но еще бестравному берегу неширокой речушки с поэтическим названием Еруслан. Говорили о многом... Николай тогда негромко, но твердо сказал: «Часто думаю я — вот сложатся в бою обстоятельства так, что задание придется выполнить ценой собственной жизни. Как поступлю тогда? И отвечаю себе: не дрогну!»

Александр Матвеевич еще вспоминает:

«После курсов разошлись наши судьбы. И вот только теперь из публикации «Красной Звезды» я узнал о героической гибели Николая Федоровича Лободы. И с особой силой вспомнились его слова — «Не дрогну!..»

В другом отклике политработник майор А. Цуприй сообщал вот о чем: авиационная часть, в которой он служил, прошла огненное испытание в сталинградском небе. И воины, уже в основном внуки ветеранов войны, решили разыскать и сохранить боевые реликвии как память о подвигах героев-сталинградцев. Они располагают теперь многими уникальными документами военных лет. Есть среди этих бесценных свидетельств приказ № 80 по 807-му штурмовому авиаполку от 12 октября 1942 года. Подписан он командиром полка полковником В. Васильевым.

«Товарищи! — говорится в приказе.— Мы с вами защищаем любимый город на Волге. Здесь, на этом участке фронта, мы оказываем большую помощь нашим наземным войскам. Чем больше уничтожим танков, артиллерии, пехоты противника, тем скорее подорвем его силы, тем скорее будет разгром ненавистного врага... Я принял решение создать в части журнал боевых воспоминаний.

Он должен помочь нам в накоплении опыта, передаче его молодым летчикам, техникам, мотористам...»

Вот какой необычный приказ! Анатолий Иванович Цуприй замечает: «Невозможно без волнения держать в руках пожелтевшую, пропахшую пороховым дымом и временем, с огромной любовью оформленную эту военную реликвию, на обложке которой слова: «Журнал боевых воспоминаний 807-го штурмового авиационного полка». Пусть выцвели чернила, стали нечеткими карандашные записи. Но именно этот документ военных лет донес до нас подвиги героев-фронтовиков. В который раз перелистываю страницы, перечитываю заглавия: «Взаимная выручка в бою решает успех», «Распознавай врага во всех его хитростях», «Сотый боевой вылет», «Удар по резервам противника»... А вот и особая страница: «Будем мстить бандитам!» Это рассказ старшего техника-лейтенанта Корнеева о Николае Федоровиче Лободе.

«Погиб комиссар. Нет больше отважного воздушного бойца» — с этими словами люди шли на митинг, чтобы почтить память бесстрашного летчика Лободы. Он был близким и родным для нас. Он умел воспитывать и согревать отцовской заботой каждого из нас. Он учил ненавидеть врага и беспощадно уничтожать его... Он летал сам истреблять вражеские гнезда, своим примером воодушевлял летчиков.

Так было и 19 сентября, ставшего особым днем для воинов полка... Это был первый день боевой работы под Сталинградом. Начался он партийным собранием, на котором коммунисты поклялись умереть за Родину, но не сдать город на Волге ненавистному врагу. Первым об этом заявил батальонный комиссар Лобода. Он с честью выполнил свой долг перед Родиной...

— Тяжелая утрата для нас,— говорит летчик старший сержант Головков.— Мы потеряли любимого комиссара, своего отца. Он призывал нас сражаться до последнего вздоха. Мы отомстим фашистам...»

Однополчане погибшего комиссара, коммунисты С. Лобанов, М. Рябчевский, В. Васильев, В. Чочиев, Г. Данилов, комсомолец Г. Обуховский беспощадно громили врага. Только в боях за Сталинград 807-й штурмовой авиаполк, по неполным данным, уничтожил 22 вражеских самолета, более 200 танков, около 500 автомашин, много другой техники, до двух полков живой силы противника. И во всех боях огненный комиссар Лобода оставался в строю отважных штурмовиков.

Проходят годы, заканчивает письмо майор Цуприй, но не угасает память о тех, кто отдал свои жизни за Советскую Родину.

Татьяна
СЕЛИВЕРСТОВА

БОЛЬШАЯ БУДЕТ РАБОТА!

Самое тяжелое из фронтовых занятий — отступать.
Ратный труд вообще не из легких, но нет ничего тяжелей, чем отходить, оставляя то, что в военных сводках сухо именуется «своей территорией». Еще Суворов требовал от командиров всех степеней и рангов понимания непростых тонкостей «ретирады», а Наполеон сказал как-то своим маршалам: «А сейчас, господа, вы увидите самое сложное, что есть в военном искусстве, — отступление».

...13 июля сорок второго года штаб ВВС Юго-Западного фронта получил новый приказ. Приказ был получен ночью. Шифровкой по радио под карандаш. И первыми узнали о нем бессонные радисты на узле связи: штаб перебазируется в Сталинград.

По решению Ставки Верховного главнокомандования перед Сталинградом на направлении главного удара противника выдвигались две общевойсковые армии — 62-я и 64-я, их поддерживала 8-я воздушная армия, созданная еще в мае на базе ВВС Юго-Западного фронта. В ее состав входили четыре истребительные, две штурмовые дивизии, две бомбардировочные, одна ночная бомбардировочная дивизия, части разведки и связи, в том числе 109-й отдельный батальон, который преобразовывался в полк, 8-й отдельный полк связи.

В штабе Сталинградского военного округа, находившегося на площади напротив серого здания Центрального городского универмага (в подвалах которого скоро разместит свой командный пункт, а потом подпишет капитуляцию генерал-полковник Паулюс, накануне полного краха произведенный фюрером в фельдмаршалы: «Фельдмаршалы не сдаются!»), командир полка Борис Павлович Белоус узнал о том, что авиация как род войск должна претерпеть ряд организационных изменений и изменения эти поставят перед ним и его полком новые задачи.

— Год войны многому нас научил,— вспомнились слова командарма 8-й воздушной генерала Хрюкина,— уже само формирование авиационных армий открывает путь к тесному оперативному взаимодействию с наземными войсками. Пехоте надо помочь. Наша святая обязанность поддержать бойца. Он не на жизнь — на смерть

бой ведет, некогда ему вверх смотреть. Снимите с него эту задачу!

Генерал-майору Тимофею Тимофеевичу Хрюкину к началу Сталинградской битвы исполнилось тридцать два. Это был решительный, энергичный военный человек. Высокого роста, могучего телосложения, в ранней молодости он работал грузчиком и молотобойцем, мечтал быть матросом, потому что родился в городе Ейске на берегу Азовского моря, где все мальчишки мечтают быть матросами. Мечта не сбылась. Закончил летное училище, первый бой принял в Испании, воевал против японских милитаристов в Китае, в феврале тридцать девятого года удостоен звания Героя Советского Союза. В трудные минуты командарм Тимофей Хрюкин мог вспылить, слов особенно не выбирал, но все его требования всегда, даже в самой сложной обстановке бывали обоснованны. Его уважали. Он воевал с первого дня войны и, прежде чем стать командармом, возглавлял ВВС 12-й армии на юге, командовал авиацией Карельского фронта, отражал атаки фашистских самолетов на Мурманск и железнодорожную магистраль, связывающую этот незамерзающий порт, приобретший с началом войны стратегическое значение, со всей страной. Так что к июню сорок второго года боевой опыт у командарма накопился немалый.

— Сейчас для нас связь приобретает небывало — я это слово, товарищи командиры, подчеркиваю — небывало важное значение,— говорил командарм, положив руки на карту, разостланную на широком столе.— Надо искать новые формы взаимодействия. Это сейчас главное. Искать и внедрять. Дальше отступать мы не имеем права!

Тогда впервые на дальних подступах к Сталинграду истребители прикрывали переправы через Дон с помощью станций радионаведения. Попробовали, как получится, если самые болевые точки обеспечить радиостанциями с командирами-авианаводчиками (так эту новую военную специальность тогда и назвали — авианаводчик), чтобы вызывать истребители для прикрытия переправ, на перехват бомбардировщиков. Да мало ли еще какие боевые задачи могли возникнуть вдруг, совершенно неожиданно! Заместитель командующего генерал Руденко докладывал из Калача: «Я здесь организовал наведение на цель двумя радиостанциями, одна у меня на КП, другая за Доном. Даем открытым текстом... Прошу с Вашей стороны приказания всем истребителям и штурмовикам слушать меня на волне 172, мой позывной «Дон». А позывной в воздух даю — «Чайка».

Так что, говоря о тесном взаимодействии, командарм имел в виду вполне конкретный опыт, который надо было распространить еще и потому, что мало оставалось самолетов в 8-й воздушной армии, чуть более 300 боевых машин разных типов. Под Сталинградом вражеская авиация превосходила нашу втрое. И самолеты наше командование могло использовать лишь на главных, самых опасных

направлениях, а летчикам приходилось делать по три, по пять боевых вылетов в день.

— Без надежно работающей связи нам не обойтись,— сказал командарм.— Надо уничтожить переправы, подходящие к ним фашистские мотомехчасти и живую силу. У нас сил мало. Каждый самолет считаем. Кто поможет? Связь! В первую очередь наносим удары по дорогам, препятствуем движению войск противника на юго-восток. Задача ясна?

Военинженер Борис Павлович Белоус привык, да и в академии его учили, что авиация имеет смешанные соединения. В авиадивизию входили полки истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков. Считалось, так легче достигается взаимодействие на поле боя, так оно компактней да и надежней: сами бомбим, сами штурмуем, свои истребители прикрывают. Командир дивизии — хозяин, а на уровне дивизии все тактические задачи проще решаются: не надо у кого-то что-то просить, организовывать взаимодействие на более высоких уровнях. О том, что со временем потребуется бóльшая концентрация, бóльшая авиационная насыщенность на поле боя, причем с четко обозначенной задачей — бомбить, штурмовать, прикрывать свои наземные войска от ударов вражеской авиации, не задумывались. Того, что воюющие армии одновременно поднимут со своих полевых аэродромов тысячи боевых машин и война за господство в воздухе примет такой масштаб, не представляли.

Через много лет майор-инженер в отставке, кандидат технических наук, доцент Борис Павлович Белоус у себя в Перловке, под Москвой, будет читать книгу «Крылья победы», которую напишет бывший заместитель командующего 8-й воздушной армией маршал авиации Сергей Игнатьевич Руденко.

«Для управления истребителями была поставлена станция наведения в районе Калача Донского,— писал маршал.— Вверх по течению Дона в трех-четырех километрах от расположения КП фронта действовал крупный узел связи. А я со своей радиостанцией кочевал вокруг переправы и наводил истребителей, вызывал с аэродромов «ястребков» при появлении «юнкерсов» и «хейнкелей», которые пытались бомбить мосты и сосредоточения 4-й танковой армии. Данные о приближении самолетов противника мы получали от постов ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи). Я имел возможность по радио быстро вызывать с аэродрома своих истребителей. Это была первая такая радиостанция в 8-й воздушной армии. Она обеспечивала наведение, разведку, передачу распоряжений командования».

Все верно, это была самая первая такая станция... Самый первый опыт. Доцент Белоус прочитает и вспомнит то давно прошедшее лето. Пыльное лето сорок второго. Путь к Сталинграду. И Сталинград...

Ставка Верховного Главнокомандования принимала самые экстренные меры по усилению их воздушной армии. Только с 20 июля по 17 августа они получили 23 авиаполка — всего 447 самолетов — и радовались, что большинство было новой конструкции — «Як-1», «Як-7б», «Ил-2», скоростные пикирующие бомбардировщики «Пе-2». Но уже очевидным становилось, что для успешного использования авиации вообще нужны новые средства управления и, конечно, радиостанции наведения.

Новый метод сразу же нашел своих приверженцев: во-первых, не надо постоянно держать самолеты в воздухе, когда их можно вызывать только при необходимости. Во-вторых, авиацию можно буквально наводить на цели: с земли бывает гораздо лучше видно, где враг сосредоточивает свои силы и средства, чем с воздуха. Рисовались картины самого тесного взаимодействия с войсковыми разведчиками, с партизанами, с пехотой переднего края. Но дело сдерживалось отсутствием опыта, к тому же не на всех самолетах тогда были радиостанции. Уже никто не считал, как до войны, что это слишком дорогое удовольствие; все понимали: потеря связи в бою если и не поражение, то победа слишком большой ценой. Однако промышленность, эвакуированная в тыл, еще не могла удовлетворить все потребности фронта.

Есть точная дата в истории полка связи, сформированного при 8-й воздушной армии и перебазированного в Сталинград. Дата и адрес: «В 20.00 15.7.1942 года узел связи развернут на углу Донской и Невской улиц на северо-западной окраине Сталинграда в районе дислокации штаба армии». Все точно. Но если с оперативной стороны такое соседство можно было считать удобным, то даже с минимальными удобствами фронтовой жизни это не вязалось. Личный состав удалось разместить или, говоря по-военному, расквартировать только на противоположной, юго-западной окраине: на Садовой, в Питомнике, на Даргоре — в местах, где скоро развернутся самые жестокие уличные бои, определявшие накал и неистовство Сталинградской битвы. Это через несколько недель, а сначала возникнут бытовые, вроде бы совсем не армейские трудности с доставкой людей на боевое дежурство. И это будет главным.

— Видишь, троллейбус им нужен! Да откуда я вам троллейбус возьму! — кричал транспортный начальник в штабе.— И бензина у меня в обрез, сами доставайте, выкручивайтесь! Мы для самолетов экономим!

— Связь тоже не просто так! — приходилось доказывать.

Машины надо было гонять через весь город, и всю работу строить по двум основным адресам. А тут еще выяснилось: вблизи узла никаких подвалов, годных под бомбоубежища, нет, а щели да блиндажи рубить в каменистом городском грунте по дворам тяжело. Тогда запасной узел начали подготавливать в глубоких катакомбах

в отвесном берегу реки Царицы, у парфюмерной фабрики, которая к тому времени то ли эвакуировалась, то ли выпускала другую продукцию, но большой интерес у личного состава вызывала, и понятно: тема женщинам-связисткам знакомая и опять же повод для воспоминаний в короткие минуты отдыха — кто какими духами душился.

В катакомбы были подведены провода и налажена телефонная связь с аэродромами и радиостанциями. А лето стояло жаркое, сухое. Запомнилась палатка с газированной водой и пыль по мостовой. Работали, можно сказать, бессменно. В расположение части приезжали с дежурства на несколько часов, чтоб поспать только, и снова ехали через весь город, а то отдыхали прямо на узле, что еще недавно уставными положениями категорически запрещалось.

Запомнилась бомбежка Сталинграда вечером 23 августа. 400 вражеских самолетов, волна за волной... Взрывы в центре, пожары за рекой Царицей. Над городом поднялось тогда зарево, не затухавшее потом до ноября, до первого снега, который неохотно лег на почерневшую от огня сталинградскую землю. Наши истребители уничтожили в тот день 90 бомбардировщиков, еще 30 сбили зенитчики, но враг продолжал остервенело рваться к Сталинграду.

Немцы бросили на город весь свой 4-й воздушный флот — более тысячи самолетов. У поселка Латошинка фашистские танки прорвались к Волге. Город горел, превращенный в груды закопченных развалин. Шли бои у тракторного. Там стояли насмерть рабочие батальоны.

— Нахождение штаба воздушной армии в городе становится уже неоправданным, авиация должна перебазироваться за Волгу. В Сталинграде остается передовой командный пункт фронта, где приказано находиться мне,— говорил командарм Хрюкин своему начальнику штаба. Горела коптилка на дощатом столе, и густые тени метались по стенам.

Голос молодого командарма звучал устало, но спокойно.

— Вас понял,— отвечал ему начальник штаба и делал пометки у себя в блокноте,— вас понял, Тимофей Тимофеевич.

Штаб и батальон связи, который окончательно в полк так и не развернулся, хотя уже и новая техника, и пополнение прибывало по новым штатам, получили приказ немедленно перейти на левый берег Волги, в село с совершенно разбойничьим названием — Верхне-Погромное. И когда перед школьниками, перед сегодняшними воинами-связистами приходится выступать Борису Павловичу Белоусу, кто-нибудь непременно спрашивает, откуда такое название? Уж не с разинских ли, с пугачевских времен?

— Не знаю,— отвечает майор-инженер в отставке,— но мне лично это название потому еще запомнилось, что с этого места наше наступление началось. Мы его позже в Верхне-Разгромное

переименовали. Сейчас это город Волжский, точнее, не сам город — пригород.

И опять выдержка из истории полка:

«Вечером 23 августа узел связи в Сталинграде свернут. Ночью поехали к переправе. Противник эшелонами по 10 и более самолетов аккуратно через каждые 10—15 минут бомбит переправу и город. Все окутано дымом. Языки пламени высоко взвились вверх. На железнодорожных путях у пристани рвутся бомбы. Кажется, на правом берегу Волги сплошное море огня... Командир инженер-капитан Белоус, спасая технику, отдает приказание спецмашины переправлять в первую очередь».

Переправы были забиты, на берегу скопилось огромное количество машин, войск, гражданского населения. На железнодорожных путях горел состав с боеприпасами. С треском рвались патроны, гулко, раскатисто — артиллерийские снаряды в ящиках. Фашистские самолеты заходили со стороны города и пикировали на переправу, на пристань. Бомбы отделялись от самолетов и взрывались внизу, под откосом, по которому тяжело, не в ногу поднимались маршевые роты, только что переправившиеся с левого берега, чтобы сразу принять бой. Осколки пролетали над крышами машин, стоявших на спуске. Вода в Волге кипела от взрывов, действительно кипела: густо ложились осколки снарядов, а уж когда бомба попадала в реку, вверх вздымался фонтан воды и пламени, летели обломки лодок, барж... Хотелось пить, но по воде растекалась плотная радужная пленка нефти.

«Ночью переправа закончена,— значится в полковой истории.— Героическими усилиями спасена вся техника, вырванная из огня и пламени».

На следующий день, 24 августа, в течение четырех часов была установлена радиосвязь с основными подчиненными авиачастями, но в первую очередь с Москвой, со штабом ВВС Красной Армии. Со своего только что развернутого узла связисты 8-й армии обеспечивали связь в семи радиосетях и на четырех направлениях, с двадцатью шестью абонентами. Белоус помнит: на самом берегу в кустарнике развертывали радиостанции, зарывались в землю, строили блиндажи и землянки, ставили палатки — на первое время. Тогда-то, именно в тот первый день, он и познакомился с новым своим комиссаром.

Комиссар был высок ростом, по-военному подтянут, сразу видно — из кадровых, не первый год служит. Русый, с неторопливым пристальным взглядом, он представился и пошел знакомиться с положением на месте, не стал приставать с расспросами, и Белоусу это понравилось.

Первый разговор у них состоялся той же ночью на берегу, у самого уреза воды. Горький дым стлался по реке, и в горле першило.

— Ты где служил, товарищ Добровский? — спросил Белоус.

— В батальоне аэродромного обслуживания, полеты обеспечивали. И до войны, и вот теперь...— он усмехнулся невесело.— Не думали мы тогда, что до Сталинграда его допустим. Все хотелось малой кровью обойтись. У меня комбат решительный был, каждый день один и тот же вопрос задавал, от Перемышля до Сталинграда: «Скажи, комиссар, когда мы его назад погоним?»

— А ты что? Как говорил?

— Погоним, говорил. Когда? Точной даты назвать не могу, не ясновидец, но погоним.

— Ладно, давай спать устраиваться,— сказал Белоус новому своему комиссару,— утро вечера мудреней.

— Вы спите,— сказал Добровский,— а я по делам отправлюсь. Я выспался, пока вы переправлялись. Здесь на бережку и отдохнул на трое суток вперед.

Он поднялся, поправил ремень, неслышно исчез в темноте. Первое впечатление от знакомства с новым комиссаром было приятное: бывалый человек, скромный, на войне это немаловажно, война гонористых не любит. А о том, что они станут друзьями на всю жизнь, до победы вместе дойдут, после войны в мирной жизни встречаться будут, Белоус тогда догадываться не мог. Горел Сталинград, и враг в неистовой ярости бомбил переправу через Волгу.

Единственным средством связи у командарма 8-й воздушной с его штабом, перебазировавшимся на левый берег, оставалась автомобильная радиостанция, которой командовал старший сержант Борис Данилович Крикун.

Радиостанцию в катакомбы не спрячешь. Укрыть или как-то замаскировать ее в горящем Сталинграде тоже не представлялось возможным. Рацию развернули прямо посреди улицы, возле разрушенного цирка. Расчет строился на том, что рядом нет высоких стен, которые могут рухнуть прямо на машину. Линейщики подали телефонный кабель на КП командующего, телефон установили в кабине шофера. Связь есть! И пошла первая радиограмма.

Части 8-й воздушной армии понесли большие потери, самолетов оставалось мало, по пять — десять машин на полк, а в некоторых и того меньше, защита Сталинграда и войск, обороняющих город с воздуха, была сложной задачей. Летчики вели бои в условиях, когда противник господствовал в воздухе.

«Защитники Сталинграда, находясь под беспрерывным воздействием авиации противника, героически отбивают ожесточенные атаки врага,— писал командарм Хрюкин в одной из своих сталинградских директив.— Надо видеть, с каким восторгом бойцы и командиры встречают над фронтом появление нашей авиации. Войска воодушевляются, раздается «ура!», и в этот момент немцы несут большие потери в живой силе и технике от ударов советского

штыка...» Молодой командарм любил выражаться решительно. Да и время такое было. Решающее! Судьба страны решалась в Сталинграде. И это каждый его защитник понимал. И командарм, и рядовой. «За Волгой для нас земли нет!» — в те дни прозвучало.

Батальонный комиссар Добровский пришел в авиацию по комсомольскому призыву еще в тридцатые годы. Хотел летать. «Комсомолец, на самолет!» Но летать не пришлось: первая же медкомиссия забраковала подчистую. Доктор сказал: «Летать не будешь, а хочешь петь — пой». Веселый был доктор, он его с улыбкой вспоминал.

За десять лет службы в авиации Добровский во многом научился разбираться. Всякое с ним бывало, и круто ему приходилось. Служил на западе, потом на востоке, потом опять на западе... Военной карьеры не сделал, хотя мог. У себя в батальоне аэродромного обслуживания за год войны он получил бесценный фронтовой опыт, и было в нем одно редкое качество, которое командир полка Белоус заметил. Заметил и оценил. Из множества вопросов, безотлагательных решений, приказов, распоряжений, просто сообщений, которые должен учитывать командир в военной обстановке, Добровский помогал ему безошибочно выбирать главное.

Неторопливый, доброжелательный, он в корень глядел. Это талант. И через много лет после войны, вспоминая друга, Борис Павлович всегда отмечал эту его способность — безошибочно видеть главное, и студентам своим, и сотрудникам в Московском энергетическом комиссара в пример ставил: вот человек, всегда видел цель. И вот такой целью для него стала тогда радиосвязь. И конечно, радиостанции наведения.

Опыт боев показывал, что основным видом связи большинство командиров по традиции еще с первой мировой, с гражданской войны продолжало считать проводную связь. Управление войсками было возможно до тех пор, пока существовала именно проводная связь, но как только она нарушалась — осколком ли кабель перебивало, или телефонный аппарат выходил из строя,— сразу же терялось управление. В директиве Ставки отмечалось тогда, что радиосредствами в войсках пользуются неохотно, вынужденно. О радиостанциях не заботятся, держат их далеко от командных пунктов, а иногда и при вторых эшелонах штабов. А потому под личную ответственность командиров и комиссаров всех степеней Ставка приказывала в кратчайший срок «устранить недооценку радиосредств и отныне уделять ей первостепенное значение при организации любого вида боя или маневра»!

Опыт с применением радиостанций наведения на Дону, у Калача новому комиссару понравился. Глаза его вспыхнули. Он потер руки:

— Очень хорошо. Очень разумно. Надо будет посмотреть, как у нас это осуществляется. Тут есть над чем голову поломать. Дело архиважное.

— Думаю, долго ждать не придется, посмотришь,— сказал Белоус.

И в самом деле, на следующий же день Добровский стал свидетелем воздушного боя. Два наших истребителя были вызваны сбить надоевшую «раму» корректировщика «фокке-вульфа». Как же они донимали! Повиснет такая над позициями и передает данные для своей артиллерии, стреляющей издалека. Или смотрит, высматривает, когда и как вызвать бомбардировщики, есть ли для них подходящие цели.

Два «ястребка» поднялись с ближайшего аэродрома, набрали высоту, развернулись, чтобы атаковать «раму» с запада — с той стороны, откуда немецкие летчики не ждали опасности. Вот уже и метод борьбы сложился. С радиостанции наведения передали:

— Маленькие, маленькие, «рама» слева ниже... Атакуйте!

— Вас понял. Атакую,— раздался в динамике голос летчика.

Один из самолетов вырвался вперед, совсем близко подлетел к «раме», почти клюнул ее, раздался сухой пулеметный треск. «Рама» рванулась в сторону, но снова была поймана в прицел, задымила, свалилась на крыло и, оставляя за собой жирный черный след, пошла вниз. Один из «ястребков» проводил ее чуть ли не до самой земли, сделал победный круг над местом падения и взрыва. Второй кружил высоко, прикрывая командира от возможной атаки «мессершмиттов», которые в тот раз так и не появились. Солнце вспыхивало на его плоскостях. «Ура!» — кричали на земле связисты, наблюдавшие за этим скоротечным боем. Ура!

Возвращаясь назад, самолеты приветливо помахали крыльями, и опять прозвучал заглушаемый помехами голос летчика:

— Благодарю вас. Спасибо!

Обо всем этом в ротную стенгазету «Часовой эфира» была написана статья. Она так и называлась: «Спасибо от летчиков».

Сколько раз за войну пришлось им потом слушать переговоры между станцией наведения и самолетами, идущими на задание и возвращающимися домой! Постепенно свой радиожаргон сложился: истребителей называли «маленькими», штурмовиков — «горбатыми», а прославленные наши асы помимо официальных позывных имели свои, личные. Покрышкин называл себя «Сашка», и если в воздухе раздавалось: «Я — Сашка. Я — Сашка...» — значит, летел сам Покрышкин, и тут же следовало ждать немецкое: «Ахтунг, ахтунг...» У Савицкого был позывной «Дракон». «Дракон, Дракон,— вызывали его радистки со станций наведения,— передаю воздушную обстановку». Прославленные братья Глинки, те называли себя один — ББ, другой — ДБ. И было ясно, кто в воздухе: Борис Бори-

сович или Дмитрий Борисович. Оба брата веселые. Возвращаясь с победой, радистку благодарили: «Молодец, девушка! Спасибо. Как зовут? Скажи, посватаемся после войны...» К концу сорок третьего года пришлось принимать строгие меры, чтоб не засоряли эфир лишними словами, но как определить, какие лишние? А господство в воздухе тогда уже наше было, можно и шутку себе позволить. Да и действительно молодцы радисты: к концу войны на счету некоторых экипажей на станциях наведения количество вражеских самолетов, сбитых с их помощью, переваливало за двести!

Герой Советского Союза генерал А. Ф. Семенов, в те годы инспектор ВВС, сам известный летчик-истребитель, напишет в своей книге «На взлете», что станции наведения сразу расширили возможности авиации.

«Авиационный командир стал гораздо больше влиять на ход и исход каждого воздушного боя, получил возможность осуществлять наращивание сил. Возросла эффективность боевых действий, уменьшились потери из-за неорганизованности и разобщенности в действиях как боевых групп одного и того же полка, так и разных родов авиации».

Но, между прочим, фашисты почувствовали, что у нас появились такие станции именно под Сталинградом. Они стали вмешиваться в разговоры, старались сбить с толку наших летчиков, технические помехи устраивали, из-за чего приходилось менять волну. Позже летчики 8-й воздушной узнавали своих радионаводчиков по голосам. Но это позже, а тогда под Сталинградом, на другом берегу Волги в капонирах стояли замаскированные машины, только штыри антенн торчали. Связисты жили в землянках, спали на нарах из дерна. Каждый день начинался с бомбежки, и по ночам ветром с другого берега приносило тошнотворный трупный запах. Пить воду из Волги было строжайше запрещено.

Полк принимал пополнение, технику, развертывал, обустраивал резервный узел связи. Это всегда так: связь должна дублироваться на всякий случай, который надо предусмотреть.

Стояли все так же лагерем в волжских плавнях — в двух километрах от Верхне-Погромного, где размещался штаб армии, о чем немцы узнали довольно скоро, поэтому и начали бомбить. Велено было зарыться в землю. Замаскировались так, что, случалось, в ночное время некоторые связисты, возвращаясь с дежурства, блуждали вокруг своих землянок и никак не могли их найти. Комиссар позаботился специально протянуть провод, чтоб по нему ориентировались. Сейчас почти неправдоподобным кажется, но в октябре сорок второго у них в полку смотр художественной самодеятельности прошел, праздничный вечер устроили с песнями до полуночи.

— Так у нас положено,— говорил комиссар,— советские мы люди, по-своему привыкли праздник встречать, да и ясно: выдыхается немец. Еще не выдохся, но скоро ему капут.

Уже многие тогда почувствовали, что выдохся. Не было пунктуальности в бомбежках, иногда пропускали день, два. Сил у немцев заметно поубавилось: их отнимал Сталинград, взять который они никак не могли. Танковый гул притих, и артиллерия потеряла половину стволов.

В октябре в интересах укрепления единоначалия в Красной Армии был упразднен институт военных комиссаров, для политсостава введены единые с командным воинские звания. Добровский стал майором, но его по-прежнему называли комиссаром.

— Товарищ комиссар!

— Аиньки? — отзывался он совсем по-граждански, если предстоял разговор по душам.

Жизнь в землянках на берегу была непростой, нелегкой для женщин, это надо было понимать. Баню начали для них строить. Девчонкам своим. Построили. Капитальная баня получилась, в три наката. И уж совсем неожиданное решение возникло — дом отдыха организовать.

— Ну, во-первых, не дом, а блиндаж отдыха,— улыбался Добровский.— Почему не устроить нам такое учреждение, командир? Есть блиндаж на семь мест. Лично осмотрел, годится вполне. Выделим усиленное питание. Витамин «ша» — шало, шпирт, шоколад.— Это он шутил, потому что ни сала, ни спирта, ни шоколада в помине не было. Сидели на концентратах, на мороженой картошке.

— Ты мне наших дам споишь.

— Если бы. Нам наступать скоро, силы нужны. Направлять будем по медицинским показаниям и в порядке поощрения.

А потом добавил, но не сразу:

— Мы своих женщин жалеть должны не на словах только. Знаешь, им воевать трудней нашего, но это не просто понимать надо, а работать так, чтоб им легче было в самом деле...

Блиндаж отдыха открыли и строгую сестру-хозяйку к должности приставили — рядовую Майбогину,— чтобы «отдыхающим» уют создавала.

Холода в тот год наступили много раньше обычного. Тыловые части еще не успели переправить на правый берег нужное количество грузов, как река встала, подернулась льдом. 8-я воздушная осталась без горючего и боеприпасов, а уже шла вовсю подготовка к контрнаступлению, хотя об этом и полслова не было сказано открыто, но опытный человек, тем более связист, должен был чувствовать приближение торжественного дня. И чувствовал. Интенсивно велась воздушная разведка. Упорно уточнялась метеорологическая обстановка. Прибывали резервы.

На левом берегу в режиме радиомолчания развертывались вновь прибывшие части и целые соединения и ждали, готовые в любую минуту переправиться через Волгу.

Слушая передачу из Москвы о торжественном заседании, посвященном двадцать пятой годовщине Октября, телеграфистки на узле связи обратили внимание на то, что больно голос у Левитана праздничный, а потом, зачитывая приказ Верховного Главнокомандующего, уж очень выразительно он сказал: «Будет и на нашей улице праздник!» Какой праздник? На что намек? Не иначе вот-вот должна начаться, как говорили, «большая работа». И к этой большой работе каждый себя готовил.

В полку приводилась в порядок материальная часть, машины готовили к маршу. В эти дни как раз прибыла из Казахстана группа девушек, получивших первоначальную подготовку связистов. Их надо было принять, устроить, поставить на довольствие. В землянке оборудовали для них учебные классы. Шла боевая подготовка. Проводились учебные тревоги. И вот настал день, когда в полку был получен приказ с предписанием политотдела армии: «Зачитать всему личному составу в 06.00... Всеми формами работы довести до глубокого сознания летно-технического состава, бойцов, командиров и политработников об исторической миссии, выпавшей на нашу долю по решительному разгрому врага. Начавшееся наступление на нашем фронте должно стать началом полного истребления немецко-фашистских мерзавцев, пробравшихся на нашу Родину в качестве ее оккупантов...»

— Ну, дождались, командир! — сказал Добровский, и голос его дрогнул.— Вот она начинается, наша большая работа.

Стояла глухая ночь. Морозное, стылое предзимье. Ни огонька вокруг, ни шороха. Над замаскированным расположением полка ветер гнал колючую поземку. В командирском блиндаже горела помятая керосиновая лампа, заправленная бензином, и потому сверх всякой меры чадящая. Добровский встал, застегнул ворот гимнастерки. Лицо его было тревожным и решительным. Глаза сияли. Накинул полушубок. Крючки застегнул. Ремень надел, все по форме. И вдруг, обернувшись, улыбнулся, ушанку на стол положил.

— Дай я тебя, Борис Павлович, поцелую. Началось! Честное слово, вот он и наступает, праздник на нашей улице.

Личный состав полка был поднят по тревоге. В предутренней тишине там и здесь раздались отрывистые команды:

— Тревога! Тревога! Стройся!..

И все занесенное первым снегом пространство на много километров вокруг наполнилось сразу танковым и автомобильным моторным гулом, шумом бегущих солдатских ног, характерным клацаньем

оружия. Армия, приготовившаяся к бою, пришла в движение. И вот эта сразу же определившаяся готовность, многомиллионная воля потрясла Добровского. «Это, наверное, и есть величие минуты»,— подумал комиссар, проходя вдоль строя полка.

Стояли с карабинами к ноге бывалые связисты, воевавшие с первого дня войны, шоферы, линейщики, телефонисты, сотни раз — кто считал, сколько? — восстанавливавшие связь под бомбежками и обстрелами на всем пути до Сталинграда, стояли девушки-телеграфистки в шинелях и ушанках. Конечно, это был не тот безукоризненный строй, который бывает на военных парадах. И оркестра не было. И музыка не гремела. Но торжественность той минуты осталась.

— Полк, смирно!

Инженер-майор Белоус зачитал приказ о наступлении.

— Ура!

И вдруг, приглушенное расстоянием и шумом так неожиданно ожившего утра, слева и справа раздалось совсем такое же «Ура!». Это у соседей зачитывали тот же приказ о наступлении.

Через Волгу переправлялись по временной переправе, по вмерзшим в лед бревнам,— и тут же на правом берегу открылась страшная картина войны: обгоревшие остовы домов, искореженные рельсы, сожженные танки, орудия, развернутые стволами на запад и на восток. Потянулись дороги и балки, заваленные многотонной военной техникой, уже припорошенной белым снегом.

О масштабах нашего наступления можно было тогда только догадываться, но по той нескрываемой радости, которая гремела в эфире, ясно было, что враг сломлен, бежит. Фронт прорван, и в прорыв пошли танковые и механизированные корпуса, сопровождаемые станциями наведения для взаимодействия с авиацией. Тянулись навстречу колонны пленных — замерзших, голодных. Тащились по снегу, обмотанные старушечьими платками, еле передвигая ноги в соломенных эрзац-валенках. Непобедимые гренадеры. «Сверхчеловеки».

Летчики 8-й воздушной рвались в бой, каждый хотел принять участие в контрнаступлении, но погода выдалась скверной, совсем нелетной, от метеорологов требовали новых и новых сводок, будто от их «колдовства» и в самом деле зависело что-то и по их воле могла уменьшиться облачность. «Как погода? — кричали нетерпеливые авиационные начальники.— Погода!» Немцы в воздухе совсем не показывались. А наши поднялись.

23 ноября войска Юго-Западного фронта заняли Калач и в районе поселка Советского соединились с войсками Сталинградского фронта. В кольце оказалось 22 фашистских дивизии. Шесть советских армий получили возможность наступать в общем направлении на Сталинград, все туже сжимая кольцо. По радиосводкам становилось понятно, что наши подвижные части продолжают от-

брасывать противника на запад, отодвигая внешний фронт окружения. Стояла задача укрепить кольцо. Надо было блокировать аэродромы в районе Сталинграда, чтобы в небе духа фашистского не было.

Это как раз в те дни обрюзгший рейхсмаршал, министр авиации Геринг пообещал своему фюреру, что воздушные силы рейха начнут немедленно доставлять в Сталинград в достаточном количестве продовольствие, боеприпасы, горючее, медикаменты. Для этого в самом спешном порядке собраны были со всех фронтов лучшие транспортные и бомбардировочные эскадры, самолеты гражданского флота. В сталинградские степи перегонялись опытные машины с испытательных аэродромов авиационных заводов. И чтобы разрушить этот воздушный мост, надо было максимально приблизить авиацию к границам огромного котла, организовывать взаимодействие; по данным станций наведения, сопровождавших наши подвижные корпуса, нацеливать истребителей на транспортные самолеты. Вот когда драгоценный опыт, по крупицам накопленный на Дону и в обороне под Сталинградом, пригодился в полном объеме!

— «Соколы», «Соколы»,— гремело в эфире,— я — «Кольцо»,— вот уже и новый наступательный позывной! — Я — «Кольцо». Как слышите меня? Справа, ниже вас, группа противника. Семь машин. Атакуйте!

— «Горбатые», «горбатые», в балке, в квадрате № ... скопление танков.

— Я — «семнадцатый», вижу цель...

И вдруг совсем неожиданно на той же рабочей волне:

— Ахтунг! Ахтунг!

Перед вражеской авиацией был поставлен надежный заслон, предусматривающий четыре зоны уничтожения. Первая начиналась сразу за внешним обводом кольца, отсюда били по аэродромам, с которых летали к окруженным фашистские самолеты. Следом шла вторая зона, в каждом секторе которой истребители и штурмовики работали по командам со станций наведения: постоянно патрулировали в воздухе или находились на аэродромах в готовности номер один, ожидая цели. Затем шла зона зенитных средств, примыкавшая непосредственно к району окружения; и четвертая — включала сам этот район. Там задача была — не дать взлететь со сталинградских аэродромов ни одному вражескому самолету.

Отчаявшись, противник решился поднимать в воздух сразу караваны транспортов в сопровождении истребителей, рассчитывая на то, что из такой массы хоть несколько самолетов да прорвутся. Из этой затеи тоже ничего не получилось. Генерал Дерр, военный исследователь битвы на Волге, в своей книге «Поход на Сталинград» напишет: «Немецкая авиация понесла в этой операции самые большие потери со времен воздушного наступления на Англию, так как для выполнения поставленной задачи использовались в большин-

стве своем боевые самолеты. (Транспортных не хватало.) А потому не только сухопутные силы, но и авиация потеряла под Сталинградом целую армию». Другой военный историк, полковник Зелле, констатировал: «Доставка по воздуху с самого начала была недостаточной. В конечном итоге это стало фарсом».

Редкий фашист прорывался к Сталинграду, но требовалось еще ужесточить борьбу. В армию пришла строжайшая директива командующего ВВС о том, что уничтожение транспортных самолетов врага должно считаться основной задачей нашей авиации.

Запомнился серый декабрьский день, когда фельдмаршал Манштейн с тремя танковыми, четырьмя пехотными и двумя кавалерийскими дивизиями двинулся вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград в наступление на выручку окруженным. Потеснил наших, и всего только сорок километров оставалось ему пройти. «Держитесь! Манштейн вас выручит»,— радировал Гитлер в Сталинград, и генералы, склонившиеся над картами в подвале разрушенного универмага, видимо, еще не понимали, не верили, что это начало конца: Манштейн не выручит...

Как-то собрались ветераны полка, все связисты, поговорили о своих ветеранских делах, само собой — о здоровье, самочувствии, войну вспомнили, Сталинград, боевых друзей и, конечно, майора Добровского, своего энергичного замполита. Это было первый раз, когда замполит на встречу не приехал.

— Время... Время беспощадное,— сказал Белоус и вздохнул.— Мало нас уже осталось, ребята. Уходят ветераны.

И сам себе не поверил. Неужели никогда больше не увидит он друга, его доброй, чуть застенчивой улыбки, не услышит глуховатого голоса и характерного короткого смешка?..

Вспомнилось Котельниково. От города мало что осталось. Какой уж тут город, если он несколько раз из рук в руки переходил. Узел связи решили развернуть в бывшей школе, там у немцев казарма была, а потом тюрьма для военнопленных. Одна надпись, на стене выцарапанная, его тогда обожгла: «Отомстите за меня, родные!»

Ни окон, ни дверей, пол в коридорах разобран на топливо. Пришлось за ремонт браться. А зима в сталинградских степях стояла суровая, с крепкими морозами, сильными ветрами.

Прибыла передовая команда, остановились за рекой. Надо разгружаться, а куда? Кроме разрушенных землянок, ничего нет. Они с Добровским в одну такую заглянули, там была немецкая конюшня, длинная-предлинная. Запалили костры. Навоз вынесли, грязь. В первой половине разместили ребят, посередине поставили печку-буржуйку с коленчатой трубой. Дальше разместились девушки. Поочередно грелись у огня. И никаких жалоб, кажется, даже

не простудился никто. Работа закипела. Какие удобства, в землянку приходили только спать, а там снова — на боевое дежурство. Подъем! Экипажи станций наведения жили в кузовах своих машин, в фургонах и сами себе еду готовили в солдатских котелках.

На второй день трех человек из передовой команды принимали в партию, политрук роты Андреев повел их в землянку к начальнику политотдела и, беспокоясь, чтобы все трое были не только подготовлены политически, но и имели подобающий внешний вид, каждому по очереди давал свою шапку-ушанку — она у него вроде как поновей выглядела. Начальник политотдела ничего не заметил, а Добровский усмехнулся, вышел из землянки и, чтобы приободрить товарищей, похвалил шапку Андреева и сам ее примерил.

И как это так получалось, что ему на все хватало времени? То встречали его на узле, то видели, как грелся у печки и объяснял, что сейчас самое главное — добить врага в Сталинграде, не дать Паулюсу со штабом улизнуть, а потому в оба смотреть за небом: разведданные проходили, что-де в развалинах Сталинграда спрятаны у фашистов несколько самолетов «хейнкель», взлететь они собираются с городского стадиона и курс возьмут на Ростов. Проводилась аэрофотосъемка. С воздуха город представлял собой груду камня, железа, мерзлой земли, никакой взлетной площадки остаться в Сталинграде не могло. Но тревога возникла: а что, если кто-то вырвется из мешка? Этого нельзя было допустить.

Еще не устроились в Котельникове, узел только разворачивали, землянки в порядок приводили, как вдруг известие пришло: сбит немецкий самолет, летчик выпрыгнул с парашютом и попал в наше расположение, ас — весь в крестах. А сбили же его потому, что на станции наведения с земли заметили, как он крался. Начальник разведотдела армии полковник Сидоров решил пленного связисткам показать, чтоб они важность своей работы почувствовали. А ему сказал: «Вот кто тебя сбил!» Тот в грудь себя начал бить, совсем по-русски рубаху рвал. В самом деле, ас — и вдруг оказывается, женщины его сбили.

Комиссар загорелся, и уже остановить его было невозможно.

— Ты выспись сначала часа три, или сколько, а потом уж поедешь за своим пленным,— пробовал увещевать его Белоус.— Нечего на ночь-то глядя...

— Нет-нет,— торопился друг,— это очень важно, Борис Павлович, дорогой. Очень. Надо этого гитлеровца матерого при всех его регалиях всем нашим показать, чтоб они, особенно новенькие, важность своей работы почувствовали.

— Утра дождись.

— Не беда, я в машине отдыхаю. В пути. Каждый должен видеть результат своего боевого дела. И фотографию, знаешь, хорошо бы сделать с этого фрица... У кого бы «ФЭД» раздобыть?

— И в газету.

— И в газету,— согласился.— В газету тоже неплохо.

Над разрушенным Котельниковым мела пурга. Ни неба, ни земли не видно. Где-то рядом скрежетало под ветром раскореженное железо. Подъехала полуторка. Шофер пожаловался было, что темно, пуржит, дороги не видать.

— Ничего,— влезая в кабину, сказал Добровский,— можешь фары включить. Не сорок первый.

Таким комиссар и запомнился на всю жизнь авиационным связистам — добрым, веселым, решительным, молодым и быстрым на подъем.

Иван
ЧЕРНЫХ

ТАК ДЕРЖАТЬ, КОМАНДИР!

В безоблачном голубом небе пылало яркое июльское солнце. Несмотря на шестой час вечера, жара не спадала. Раскаленный воздух неподвижно висел над аэродромом. Люди с усталыми и потемневшими от загара и пыли лицами, обливаясь потом, трудились у самолетов. Круглые сутки на аэродроме не смолкал шум: гудели бензозаправщики, ревели авиационные моторы. Казалось, здесь забыли об отдыхе.

Шла напряженная боевая страда 1943 года.

Стремясь во что бы то ни стало сохранить за собой богатые районы Донбасса, Украины и Крыма, гитлеровское командование по-прежнему держало здесь лучшие авиационные эскадры. В небе и на земле между советскими и фашистскими самолетами разгорались ожесточенные бои. Наши дальние бомбардировщики, используя накопленный за два года опыт массированных ударов произвели налеты на Сакский и Сарабузский аэродромы, уничтожив на первом 70, а на втором — около 100 самолетов. В небе успешно действовали наши истребители. К началу битвы на Курской дуге советская авиация вырвала инициативу из рук врага и в ходе ее окончательно завоевала господство в воздухе по всему советско-германскому фронту.

Чем мощнее становились удары наших войск, тем яростнее сопротивлялись фашисты. На Таманском полуострове они создали сильно укрепленный многополосный оборонительный рубеж — «голубую линию» протяженностью 113 километров, глубиной 20—25 километров. «Голубая линия» должна была стать, по мнению гитлеровских генералов, неприступным бастионом на пути к Крыму. Через Керченский пролив шло непрерывное снабжение фашистских войск техникой, оружием, боеприпасами; питанием.

Ранним утром 1 июля, возвращаясь из разведывательного полета, экипаж лейтенанта Артемьева обнаружил у косы Чушка приткнувшиеся к берегу баржи. С них съезжали машины, солдаты носили ящики, тюки.

Узнав о прибывшем на «голубую линию» подкреплении, советское командование приняло решение нанести в ночь на 2 июля бомбовый удар по косе Чушка.

Лейтенант Артемьев, завернув последний шуруп в небольшую дюралевую заплатку, поднялся с дышащей жаром плоскости. Слабое дуновение ветерка, долетевшее от работающих на левом фланге моторов, приятно освежило лицо и шею. Лейтенант спрыгнул на землю. Не спеша достал носовой платок, вытер им смуглое худощавое лицо и, взглянув на часы, крикнул:

— Юнаковский!

Из расположенного у пулеметной турели люка высунулась стриженая голова.

— Я! — откликнулся молоденький белокурый солдат.

— Как у тебя дела?

— Все в порядке, товарищ лейтенант, радиостанция работает!

— Отлично,— Артемьев обтер тряпицей свои большие, в ссадинах, руки.— Давай закругляйся да сбегай на КП, узнай, почему до сих пор не явился штурман.

— Слушаюсь! — голова скрылась в люке, и минут через пять Юнаковский, застегивая на ходу ворот гимнастерки, поспешил к видневшейся в полусотне метров землянке.

Артемьев довольным взглядом окинул свою вновь ожившую боевую машину. Еще утром она имела жалкий, потрепанный вид: в плоскостях и фюзеляже зияли рваные отверстия, руль поворота просвечивал как решето.

За день механики и техники полностью восстановили самолет. Бомбардировщик снова был готов к вылету...

Летчик удовлетворенно похлопал рукой по фюзеляжу. Сколько раз поднимался он в небо на этой машине, сколько провел схваток с истребителями, сколько раз прилетал, как говорится, на честном слове! Как бы ни был изранен самолет, Артемьев всегда благополучно возвращался на свой аэродром. Он еще раз ласково провел ладонью по дюралю и взялся за поручни, чтобы влезть и осмотреть кабину изнутри.

— Товарищ лейтенант, замполит идет,— остановил его голос техника.

Артемьев обернулся и увидел приземистую фигуру капитана Казаринова. Пошел ему навстречу.

— Товарищ капитан, экипаж самолета готовится к боевому заданию. Командир лейтенант Артемьев.

Казаринов протянул руку.

— Здравствуйте, товарищ лейтенант. Как дела?

— Нормально. Машина к полету готова.

— Уже? Молодцом. А как самочувствие экипажа?

— Как всегда,— улыбнулся лейтенант,— отличное.

— А сколько вы сегодня отдыхали?

Черные глаза Артемьева лукаво глянули из-под густых бровей. Казаринов понял и предупреждающе заметил:

— Я знаю, можете не придумывать.

— Да я...— замялся лейтенант,— в общем, в такую жару я все равно не заснул бы, а тут хоть немного да помог.

— Помощь — дело хорошее,— капитан положил руку ему на плечо,— но здоровьем своим нужно дорожить. Да, кстати... Вы, говорят, позавчера снова допустили лихачество? — он внимательно посмотрел на Артемьева.

Тот опустил глаза, но тут же, чему-то улыбнувшись, смело взглянул в лицо Казаринова. Теперь его глаза задорно искрились.

— Такая сложилась обстановка, товарищ капитан, что невозможно было пройти мимо. Мы уже возвращались домой, бомб не было, а в районе Таганрога смотрим: внизу вспыхивают лучи. Вспыхнут и погаснут, вспыхнут и погаснут. Присмотрелись — в них мелькают силуэты самолетов. Ясно — аэродром. «Фрицы», видно, с задания возвращались. Ну, я и решил «поздравить» их со счастливым возвращением: приказал стрелку приготовить им подарочек. Убрал газ и начал планировать. Фашисты, наверное, меня за своего приняли, даже прожектор включили. Гляжу — «юнкерсы», много. Ну мы и саданули по ним из пулеметика...

— А потом? — улыбнулся Казаринов.

— Потом? — Артемьев почесал затылок.— Потом прицепились два «мессера», насилу отделался. Руль высоты пришлось заменить.

— Вот видишь. Хорошо, что так кончилось. Теперь, надеюсь, повзрослел?

— Так точно! В тот день мне исполнилось двадцать четыре года,— шутливо вытянулся Артемьев.

Оба рассмеялись.

— Ну а теперь пойдем, покажи свою «ласточку».

Офицеры подошли к самолету. Казаринов внимательно осмотрел моторы, заглянул в открытые бомболюки, потрогал свежие незакрашенные заплатки.

— Сильно вас пощипали.

— Бывало и хуже. Зато и мы наделали им хлопот: видите — сегодня ни один бомбардировщик не появлялся.

Казаринов нахмурился.

Лейтенант понял причину. Два дня назад при бомбежке аэродрома был тяжело ранен семилетний мальчик, усыновленный замполитом в первые дни войны: его мать погибла во время эвакуации. Близких родственников у Казаринова не было, и он взял сына с собой. В то время он был еще штурманом.

Мальчик быстро привык к коллективу, нашел здесь новую семью. А Казаринова полюбил, как родного отца.

Однажды, это было восемь месяцев назад, при выполнении задания Казаринова контузило. Его отправили в госпиталь. Почти полгода ожидал Вова отца. Казалось, ни на минуту не забывал о нем.

Стоило кому-либо из офицеров заговорить с мальчиком, как он начинал вспоминать: «А мой папа говорил...» — или: «А мне папа рассказывал...» Мальчик вставал и ложился с мыслями об отце. С нетерпением ожидал его возвращения. И вот настал счастливый день!

Казаринов вернулся в полк заместителем командира эскадрильи по политической части. Из-за контузии врачи не допускали его к летной работе. Теперь он не расставался с сыном.

Два дня назад, когда Вова, забравшись в старый поломанный самолет, представлял себя летчиком, на аэродром вдруг налетели фашистские бомбардировщики. Казаринов в это время был на совещании командиров. Услышав вой сирены и гул самолетов, он выскочил из землянки и, не обращая внимания на бомбежку, бросился искать сына. Нашел его недалеко от стоянки. Мальчик лежал, раскинув руки. Рубашонка на груди была пропитана кровью. Из рассеченного худенького плечика била алая струйка. Казаринов разорвал на себе нижнюю рубашку и, перевязав рану, понес сына с аэродрома. Мальчик приоткрыл затуманенные глаза, узнал отца и слабо улыбнулся.

А вечером Казаринова снова видели на стоянке. Он, как и прежде, давал напутственные советы перед вылетом.

Лишь сейчас Артемьев заметил, как изменился замполит за эти два дня. Лицо его осунулось, почернело, глубже залегли морщины; прежними оставались только глаза, внимательные, теплые.

— Товарищ капитан, не желаете покурить? — предложил Артемьев.

— Покурить? Что ж, давайте покурим, а заодно поговорим о предстоящем полете.

В это время к ним подошел Юнаковский и доложил, что штурмана увезли в лазарет с приступом аппендицита.

— Аппендицита? А как же быть с полетом? — растерянно повернулся Артемьев к капитану.— Ведь я должен лететь первым.

— Знаю,— помолчав, ответил Казаринов.— И заменить-то некем, летят все экипажи...

— Но мой экипаж должен осветить цель. Мы обеспечиваем работу всего полка.

— Задал нам задачу твой штурман.— Замполит помедлил.— Придется посылать другой экипаж.

— Но у нас уже и осветительные бомбы подвешены,— горячо стал доказывать лейтенант,— лучше взять штурмана из молодого экипажа.

— Из молодого нельзя — вы же летите осветителем, а коса Чушка, пожалуй, посложнее вчерашнего аэродрома. Ведь ее прикрывают тридцать зенитных батарей и сто пятьдесят прожекторов. Осветителем должен пойти опытный и слетанный экипаж.

— Как же быть?

Казаринов бросил окурок на землю, раздавил его носком сапога и решительно сказал:

— Готовь самолет. Я пойду к командиру!

Нехотя догорал день. Уходящее за горизонт солнце пылало кровавым заревом. Сумерки медленно затушевывали небо. Вечернюю тишину временами нарушали рев моторов, гудки автомашин, треск лебедок. Жизнь на аэродроме не прекращалась ни на минуту.

Закончив подготовку к полету, Артемьев нетерпеливо поглядывал на часы. Штурмана все не было. Лейтенант собрался было идти звонить командиру, но в это время увидел Казаринова. Он шел к самолету. В руке у него был шлемофон, через плечо висел планшет.

Бомбардировщик натруженно набирал высоту. Бледная луна слегка освещала землю. На западе небо еще не совсем померкло: у горизонта нежно алела узкая полоска.

Артемьев вел самолет, изредка посматривая вниз. На темно-сером фоне земли выделялись черные пятна лесов, нити шоссейных дорог, извилистые русла узких речек. Пустынной и безжизненной казалась земля. Ни одного огонька не светилось на ней...

— Впереди береговая черта,— доложил Казаринов.

Летчик взглянул вниз и увидел неровный берег Азовского моря. Дальше простиралась однотонная черная гладь, незаметно сливающаяся с темно-голубым небом. Закат погас, размазав черту горизонта.

— Стрелкам усилить внимание! — приказал Артемьев.

В такую светлую ночь вражеские истребители могли заметить самолет и на порядочном расстоянии.

Некоторое время бомбардировщик шел над морем, затем развернулся на девяносто градусов и взял курс на Керченский пролив. Вскоре впереди закачались длинные белесые лучи прожекторов. Они метались из стороны в сторону, скрещивались в одной точке, опускались к горизонту и, снова расходясь, шарили по небу. Самолет приближался к знаменитой «голубой линии», на которой враг еще надеялся удержать наступление советских войск. Сейчас гитлеровцы подбрасывали сюда все новые и новые части. Побережье было усеяно зенитками и прожекторами. Летчики в шутку прозвали это место «рентгеном» — редко какой из прилетавших сюда экипажей не побывал в ослепительных лучах.

— До цели пятнадцать минут,— доложил Казаринов.

Голос его звучал спокойно и уверенно, и на сердце у летчика стало радостнее. Вылетая с замполитом на задание, Артемьев испытывал какое-то непонятное, неловкое чувство. Он винил себя

в том, что не отговорил от полета больного человека, у которого к тому же такое горе... Как он себя чувствует, о чем думает? Артемьев знал, что раньше Казаринов считался хладнокровным, бесстрашным штурманом. Но это было до контузии! Случается же, что летчик, перенесший аварию или катастрофу, боится высоты, при посадке боится земли...

Однако чем дальше летел самолет, тем больше Артемьев убеждался в необоснованности своих сомнений. Казаринов вел себя так, будто они выполняли обычное учебное задание.

— Снижаюсь,— передал пилот и убрал газ.

Гул моторов утих. Лишь слышался шум винтов.

— Командир, вижу берег. Доверните пять вправо,— послышался все тот же спокойный голос штурмана.

Артемьев накренил машину. Слева, совсем рядом, проползла серебристая полоса прожектора.

— Так держать, открываю люк.— Казаринов не отрывал взгляда от береговой черты. Он различал черные точки у берега, чуть заметное их движение, вспыхивающие светлячками огоньки. Они плыли навстречу самолету.

— Сбросил! Разворот вправо! — скомандовал штурман.

Взревели моторы. Круто забирая вправо, самолет устремился от берега. В бледно-желтом трепещущем свете сразу появились земля и море. Осветительная бомба повисла немного правее косы Чушка. Ветром ее относило как раз к центру.

Сотни лучей взметнулись вверх, но было уже поздно: бомбардировщик удалялся в сторону моря, а следовавшие за ним самолеты заходили на цель.

Казаринов прильнул к стеклу. В воздухе, словно отблески зарниц, вспыхивали разрывы снарядов, зенитки открыли ураганный огонь. Лучи прожекторов рыскали по небу. Штурман отчетливо видел длинную колонну машин и танков.

Зенитки продолжали вести огонь. Некоторые из них били по осветительной бомбе, стараясь ее погасить.

«Быстрее подходите,— мысленно торопил Казаринов экипажи бомбардировщиков.— Сейчас самый удобный момент для удара». Но взрывов на земле не было видно. Штурман с тревогой посматривал на осветительную бомбу. Вокруг нее, все ближе и ближе, вспыхивали огненные брызги.

И вдруг среди барж взметнулись красные языки пламени.

Сразу же по всему побережью заполыхали взрывы. Фашисты заметались по берегу, танки поползли в стороны. Бомбы крушили их, смешивая все с землей.

Казаринов ощутил такой прилив энергии, что готов был немедленно развернуть самолет и обрушить на гитлеровцев висящие в бомболюках бомбы. Но он хорошо помнил задание.

Некоторое время самолет летел на север, затем, развернувшись, направился к еще полыхавшей огромными языками огня цели. Впереди путь преграждали щупальца прожекторов. Иногда в них мотыльками мелькали самолеты, и сразу же несколько лучей скрещивались там и, не выпуская добычи, ползли за ней.

— Командир, видишь баржи? — глухо спросил Казаринов.

— Вижу.

— Держи на них.

Вдруг яркий свет хлестнул по кабине. На некоторое время штурман потерял цель.

— Так держать! — крикнул он, прикрывая глаза ладонью.

«Еще немного, еще немного»,— про себя повторял он, боясь, как бы летчик не вышел из лучей прожекторов.

Но Артемьев и не думал выходить. Прищурив глаза и стиснув зубы, он с трудом всматривался в приборы. Знал, что самолет на боевом курсе, что до цели осталось несколько секунд, что ее нужно уничтожить.

Шум моторов перекрывали разрывы снарядов. Осколки стучали по обшивке. Самолет трясло и бросало из стороны в сторону.

— Так держать! — упрямо повторил замполит, следя за целью, ползущей к перекрестию.

Слева со звоном треснуло стекло. Острая боль ударила в руку и током прошла по всему телу. В кабину ворвалась струя воздуха.

— Так держать! — сквозь зубы процедил Казаринов, нажимая на кнопку сброса.

Самолет освободился от груза.

Артемьев накренил машину влево и энергично оттолкнул штурвал от себя. Бомбардировщик скользнул вниз. Стрелка указателя скорости быстро поползла вправо. Еще мгновение — и самолет окунулся в черноту.

Вскоре глаза освоились с темнотой. Казаринов увидел объятую огнем косу. Пылала и баржа, по которой он целился. С нее во все стороны летели огненные брызги, по-видимому там рвались снаряды.

— Это вам за сына! — вслух проговорил замполит.

Артемьев перевел самолет в горизонтальный полет. Но тут же его снова ослепило. Летчик бросил машину вниз. Нужно было выходить из опасной зоны. Однако на этот раз прожекторы цепко держали его.

Снова рядом грохнули разрывы.

— Федя, курс девяносто пять... Я ранен,— услышал летчик слабый голос Казаринова.

— Перевяжи рану! Куда ранило?

— Кажется, в ноги...

— Держись!

Сильный удар не дал договорить. Бомбардировщик вздрогнул всем корпусом. Его швырнуло в сторону и выбросило из ослепляющего потока.

Почувствовав недоброе, Артемьев впился глазами в приборную доску и, едва различив зеленоватые стрелки, потянул штурвал на себя. Но тот не подался.

«Неужели заклинило?»

Артемьев снова потянул штурвал. Он ощутил, как напряглись мускулы, как вспухли вены. По лицу ручьями катился пот. Самолет по-прежнему не подчинялся летчику и стремительно приближался к земле. Стрелка высотомера угрожающе падала: 700, 600, 500...

«Прыгать!»

Артемьев глянул вниз. Цель осталась позади. Впереди была своя территория. Попутный ветер отнес бы к своим.

— Товарищ капитан,— позвал он.

Ответа не последовало.

«Потерял сознание»...

— Стрелки, прыгайте! — приказал он.

— Не могу... ранен,— послышался в наушниках слабый голос Юнаковского.

Холодные мурашки пробежали по телу.

Артемьев чувствовал все усиливающуюся вибрацию самолета. Скорость стремительно возрастала. До земли оставались считанные секунды. Еще немного — и прыгать будет уже поздно.

«Прыгай, прыгай!» — словно твердил кто-то над ухом.

«А экипаж? Бросить его?»

«Но ты имеешь на это право. У тебя нет другого выхода»,— подсказывал тот же голос.

«Имею право? — спросил себя Артемьев.— А замполит разве не имел права не лететь? Но он полетел. И теперь бросить его? Бросить экипаж?..»

Мысли работали с лихорадочной быстротой. Летчик скинул газ и поочередно нажал на педали. Нос самолета заходил из стороны в сторону — значит, руль поворота работал нормально. Это приободрило Артемьева, и он опять взялся за штурвал. Прямо перед глазами зловеще светилась стрелка высотомера: 300, 200, 150 — безжалостно отсчитывала она оставшиеся до земли метры. Летчику казалось, что он ощущает холодное молчание земли, приготовившейся к последним смертельным объятиям.

«Не увидишь ты больше своего сынишку!» — подумал Артемьев о замполите. И вдруг услышал слабый, но твердый голос Казаринова:

— Спокойнее, спокойнее! Держись, друг! Попробуй триммер*...

---

* Триммер — устройство для снятия нагрузки с руля.

Рука летчика мгновенно схватила рукоятку и начала быстро вращать ее. Почувствовав упор, Артемьев рванул штурвал на себя. Невидимая сила придавила его к сиденью. Самолет дрожал от перегрузки, медленно выходя из пике. Стрелка высотомера начала замедлять свой бег и наконец застыла. Летчик плавно толкнул сектор газа. Моторы запели и потянули самолет вверх...

Через сорок минут замполит и стрелок-радист лежали в санитарной машине. Артемьев поехал проводить их до госпиталя.

Машина остановилась у большой, обложенной дерном землянки. Артемьев и девушка-санитарка бережно вынесли носилки, на которых в забытьи лежал Казаринов. Осторожно спустились по ступенькам и вошли в длинный узкий коридор из свежевыструганных сосновых досок. На небольшом расстоянии друг от друга в стенах виднелись фанерные двери: за ними — палаты. Густой запах смолы и лекарств наполнял землянку.

Прибывших встретил пожилой мужчина в белом халате.

— Николай Иванович, в какую палату? — спросила девушка.

Врач подошел к раненому, бегло взглянул на забинтованные руки и живот и, пощупав пульс, скомандовал:

— В операционную!

Потом внесли Юнаковского. Медленно переставляя вдруг отяжелевшие ноги, Артемьев побрел к выходу. Выбравшись из землянки, опустился на траву. Сколько сидел, не помнил. Но когда к нему вышла та самая санитарка, с которой он нес носилки, солнце уже было высоко над горизонтом.

Артемьев поднялся навстречу девушке и, глядя на нее со страхом и мольбой, спросил:

— Ну что? Как они?

Девушка устало улыбнулась:

— Все хорошо. Они будут жить.

— А мальчик? Сын? — в горле что-то застряло.

— И мальчик чувствует себя хорошо.

Артемьев облегченно вздохнул, крепко пожал тонкую маленькую руку и, повернувшись, зашагал к аэродрому. Начинался новый боевой день.

Иван
АРСЕНТЬЕВ,
Герой Советского Союза

«ДУХ СТАЛИНГРАДА»

Командир полка прищурился хитровато в сторону Журавлева.
— Незавидная судьба твоя, Александр Матвеевич: в воздухе стреляй, летай, на земле развязывай всяческие узлы, поддерживай боевой дух коллектива. Тройная нагрузка получается, а?

— Тружусь как умею...

— Не скромничай, комиссар, ты у нас насчет агитации и пропаганды — ас!

— Рязанский... Из «страны березового ситца», как говорил поэт. Что от меня, короче, требуется?

— Агитнуть надо.

— Кого?

— Немцев.

— Фю-ю-ю!..

— Ну да, тех что в «котле» западнее Сталинграда,— пояснил командир, улыбаясь.

— А средства агитации?

— Во-он они, видишь полуторку? Только что доставила. Свеженькие... Полтонны прокламаций с настоятельным призывом сдаваться в плен, пока еще не поздно. Устроишь им посевную с небес?

— Дело нужное. Пойду загружаться «одуванчиками»...

Авиаточка, где базировался истребительный авиаполк, располагалась на левом берегу Волги, наискось от правобережной Дубовки. Александр Матвеевич Журавлев был заместителем командира полка по политической части. По укоренившейся традиции все называли его не иначе как комиссаром. 1 декабря 1942 года комиссару впервые пришлось прополаскивать немцам мозги новым способом. До этих пор Журавлев доказывал, что дело его правое, пушками и пулеметами — своим бортовым оружием. Доказывал это с первого дня войны. Правда, начал не совсем ладно, как и многие. Вспомнит — и шрамы чешутся...

После дальневосточной тайги, где он, выпущенный из летного училища, окрылялся более двух лет, Журавлева назначили вдруг в Белосток. После глухомани, сопок — Европа, культура! 21 июня привез жену с детьми и маму, устроились в просторном особняке,

вокруг сад, не жизнь — курорт. Открыл окна, улегся спать, а с рассветом посыпались на голову бомбы.

Не совсем еще веря, что происходит что-то серьезное, он поднял в воздух свой высотный «МиГ-3» на перехват фашистских бомбардировщиков. Через три минуты был уже в трех километрах от земли, а немцы внизу копошатся, бей на выбор, но у него поначалу рука как-то не поднималась на самолеты, которые год назад германское командование открыто демонстрировало нашим специалистам.

Однако пугающая мысль о фашистских бомбах, под которыми, возможно, гибнут сейчас мать, жена, дети, отрезвила его. Какие там добрые чувства! Поднимаясь в воздух опять, он, человек по натуре незлобивый, теперь уже кипел ненавистью к вероломному преступнику.

А вражеские летчики бомбили аэродромы, железнодорожные станции, мосты, перегоны...

После обеда Журавлева подняли в воздух третий раз. Этот вылет надолго остался в памяти. «Ю-88», скорее всего разведчик, летел из нашего тыла, неся в фотокассетах и памяти летнабов немало свежих и важных сведений. Воздушный разведчик врага — важный объект, он всегда был и будет первостепенной целью. Напоминать об этом Журавлеву не требовалось.

И вот они лицом к лицу: матерый, тельный немец-бомбер и юркий, хваткий «ястребок». Журавлев испытывал гордость бойца, вышедшего на смертное ристалище, и ярый, мстительный гнев. Ему хорошо видны были ореол вокруг винтов врага, блики солнца на плексигласе фонарей, белые кресты и намалеванные на фюзеляже драконы, извергающие из пасти огонь.

Говорят, плохая та рука, что не защитит голову. Безошибочным натренированным движением эта рука вывернула «МиГ» из-под огненных струй «юнкерса», они прошли мимо головы, зато очереди «миговских» пулеметов в ту же секунду вонзились в морду хищника. Блеснули-посыпались осколки плексигласа его кабины...

И тогда к комиссару впервые пришла великая, истинно мужская радость победителя. Но, ликуя, он незаметно для себя забрался в чужие места — линия границы всего-то в сорока километрах западнее аэродрома, а на линии той — стена зенитного огня.

В летном мире считают так: если ты сбит воздушным противником в поединке, ты не боец, а лапоть. Позор тебе! Но если тебя скосила зенитка, это может быть и простой случайностью. Здесь твое боевое умение не ущемлено. Пуляла дура снарядами в небеса, а тебе не повезло: напоролся.

Стеганул Журавлева по бедру случайный осколок, кабину затянуло кровавым туманом, тело размякло. «Только бы не ослабли руки»,— думал с боязнью комиссар. Они становились все тяжелее, они повисали на ручке управления, но, сливаясь с ней, не толь-

ко теряли силу, а сами делались как бы рулями самолета и посадили его на аэродром.

Навоевался... Да, пожалуй, и отлетался вчистую. Впрочем, как говорится, лучше нога босая, чем совсем без ноги... Четыре месяца спустя, выписанный из госпиталя, он осел в тыловом авиагарнизоне — на той же должности заместителя командира по политчасти, то есть теперь «наземного комиссара» эскадрильи. «Наземный комиссар»... Одно название корежило Журавлева. Это ж какую совесть надо иметь! Летчики, штурманы, стрелки-радисты улетают на смерть, а он, с позволения сказать, комиссар, стоит на аэродроме и поднимает им дух. Мол, вперед, ребята! Не пожалеем жизни за Родину! Дадим жару оккупантам!

Возможно, другие могли и так воевать, но Журавлев... Еще острее, чем прежде, стало беспокоить его нетерпение охотника, жаждущего открытой схватки. Он опять был полон жизни и чувствовал воскресшие в теле силы, но врачи... Эх!

Однажды он сказал комэска:

— Вот вы что ни день утюжите воздух вокруг Казбека, а я только и видел горушку, что на папиросной коробке...

Комэска, то ли по наивности, то ли снисходя к невезению летчика-комиссара, покачал сочувственно головой:

— Ладно, дам подержаться за ручку. Так и быть, отведи душу.

Забравшись в кабину тренировочного истребителя «Ути-4» и пристегнувшись ремнями, он ощутил радость человека, вернувшегося наконец в родной дом. Комэска, сидевший в задней кабине, после взлета отдал управление Журавлеву, а тот, истосковавшись по воздуху, выложил все, чем обладал.

На земле доброжелательность комэска точно ветром смахнуло. Покосился на комиссара с хмурой подозрительностью, протянул ехидно:

— По-моему с совестью у вас не того... А еще коммунист!

— Вы давайте себе отчет в своих словах,— покраснел от неожиданности Журавлев.

— Я-то даю, а вот как прикажете понимать ваше поведение? Летаете как бог, а ошиваетесь в тылу, точно недоученный курсант, придуриваетесь на земле.

— Послушайте, вы меня оскорбляете. Ведь меня зарезала медицина! Как летчика, как истребителя, понимаете? Мне закрыта дверь в небо. Напрочь! Чем стыдить, лучше помогите восстановить утраченные навыки: воздушный бой, стрельбу, бомбометание. Черта с два вы тогда увидите меня здесь!

Комэска не имел права допускать забракованного врачебной комиссией к полетам, но, чувствуя перед ним вину, позволил с условием: о подпольных тренировках не распространяться.

В запасном авиаполку имелись истребители старых марок, в том

числе «И-16», с которого Журавлев начинал свою летную жизнь. «МиГов» или «Яков» и в помине не было, их на фронте в боевых полках не хватало. Но не это мучило комиссара. Даже натренированного до автоматизма летчика с такими документами, как у него, в боевой полк не пошлют, значит, все старания насмарку. Ну нет! Надо не проситься в действующую армию, как делают все, а просто удрать на фронт или придумать такое, чтоб самого выгнали из ЗАПа. Только — что? Запить? Не годится. Позорно. А если махнуть в самоволку? Гм... Тоже не находка. Махнешь ненадолго — только выговор схлопочешь, надолго — трибуналом пахнет. И все же, как говорится, голь на выдумки шустра.

Вернувшись как-то с пилотажа в зоне, куда летал без спросу, он на предельно малой высоте сделал тройную «бочку».

Командира ЗАПа чуть удар не хватил.

— Эт-то... эт-то... Хулиганство! — вскричал он, заикаясь.— Какой там сумасшедший так летает?

Комэска деваться некуда, пришлось объяснять.

Вообще-то Журавлев не любит вспоминать неприятности, возникшие в связи с его пилотажным трюком. Не любит вспоминать, но и не раскаивается в содеянном. Жалеет только комэска, тот действительно пострадал, получил дисциплинарное взыскание, а Журавлева изгнали из ЗАПа прямехонько под Сталинград. Поистине верно сказано: дальше фронта не пошлют... Там он и стал летающим комиссаром истребительного полка «ЛаГГ-3».

Летая над Сталинградом, Журавлев — насколько глаз хватало — видел дымящиеся развалины, пепелища. Но эти пепелища и развалины жили. Жили особо: они стреляли. Потому и приказано сегодня комиссару опустить на врагов рой листовок, чтоб наконец одумались, перестали убивать и умирать сами.

Разноцветные прокламации пришлось связывать стопками и укладывать с боков пилотского сиденья. Журавлев поеживался от близости ненадежно закрепленного груза: зажмут, не дай бог, «мессера», хлебнешь лиха из-за этих пачечек...

Но немецкие истребители будто вымерли, не подавали голосов и зенитки, и от их молчания Журавлеву было не по себе. Неужто на самом деле выдохлись окруженцы? Он спокойно пролетел туда-сюда, меняя курсы; «агитпосевная» близилась к концу, когда вдруг залп крупного калибра испещрил вокруг него небо дымной рябью. Самолет заболтало взрывными волнами.

«Вот это другое дело! — обрадовался комиссар.— Коли так, пожалуйста, поагитирую вас старым способом...» И, присмотревшись, откуда стреляют, спикировал на батарею. Две осколочные полусотки, подвешенные предусмотрительным оружейником, при-

шлись в самый раз. Испытанный способ пропаганды подействовал безотказно, батарею словно прихлопнули крышкой. И тут... Нет, комиссар не поверил своим глазам. Не будь его руки заняты, он принялся бы протирать очки. Прямо на него, лоб в лоб пер немец. И какой! Трехмоторный брюхатый транспортник, набитый боеприпасами или другим чем-то для окруженцев. Журавлева обдало жаром. «Попа-а-л-ся, голубчик...» Он бросил «ЛаГГ» в боевой разворот и в момент оказался выше фашиста. От того потянулась жиденькая струйка — трасса пулеметной очереди. «Пугает, хе-хе!..» Журавлев поймал цель и нажал на гашетки. Если внутри боеприпасы, «Ю-52» взорвется. Но ожидаемого фейерверка не случилось. Тогда, приблизившись, он ударил по пилотской кабине и понял, что летчик убит.

Когда пилот погибает, руки его конвульсивно прижимаются к груди. А в руках — штурвал. «Юнкерс» резко взмыл, потерял скорость и рухнул на землю, мелькавшую в ста метрах. Журавлев — свечой в небо, подальше от греха... У него опыт, его уже щекотали зенитные осколки. И правильно сделал; секунду спустя воздух вокруг опять запузырился от разрывов: обозленные артиллеристы расходились не на шутку.

«Политработа проведена удовлетворительно,— поставил себе оценку комиссар,— теперь и домой можно».

Я, рассказывающий сейчас о комиссаре Журавлеве, вернулся из госпиталя в свой штурмовой полк весной 1943 года, когда бои уже гремели на Кубани. Мне часто приходилось водить группы на штурмовку фашистских укреплений пресловутой «голубой линии». Однажды утром начальник штаба сказал:

— Сегодня будет тебя прикрывать «Дух Сталинграда».

— А это еще что такое?

— «Дух Сталинграда»? Так зовут за глаза нового комиссара истребителей сопровождения. Его фамилия Журавлев. С ним можешь работать спокойно, учти только: ведомые у него всегда молодые, необстрелянные.

Я пожал плечами. Очень мило! Мало того, что всего два истребителя прикрытия, так один из них еще и молокосос какой-то. Не маловато ли в небе, кишащем асами эскадр «Удэт» и «Мельдерс»?

Весь маршрут до цели меня не оставляли опасения, но на месте, в районе станицы Молдаванской, я понял, что тревожился напрасно. «Дух Сталинграда» с его «зеленым» напарником стоили иной шестерки. Этот «Дух» не только прикрывал заданную сферу, он, казалось, оберегал меня лично. Я все время видел его рядом: то наверху, то у самой земли, когда он давил своим огнем зенитные точки, густо обстреливающие мою группу. А ведь «ЛаГГ-3», не то что мой бронированный «Ил-2», любая шальная пуля прошьет насквозь. Значит, умеет комиссар не подставлять себя зря под

щупальца трасс. Его самолет появлялся и справа и слева, как охраняющий щит, но лица комиссара я не видел даже мельком.

Захотелось познакомиться, однако в тот день не получилось, невозможно было поймать его. Он был везде — и нигде. Когда летчики отдыхали, а техники заканчивали подготовку машин на завтра, Журавлев только приступал к очередному акту своей деятельности. О смысле ее я услышал непосредственно из его уст чуть позже, на инструктаже политруков эскадрилий. Поставив задачи на ближайшее время, он подчеркнул:

— Еще друг-приятель Юлия Цезаря Саллюстий говорил, что прекрасно служение родине хорошими делами, но неплохо и служение ей хорошими речами. Разумеется,— продолжал Журавлев,— это не значит, что я призываю вас к пустопорожней болтовне, в многословии теряется правда. Изреченные идеи не стоят ломаного гроша, если их не воплощать... Так что за дело, товарищи, по эскадрильям!

И сам отправлялся на стоянки проверять, а понадобится — помогать техникам приводить в готовность материальную часть, решать бесчисленные проблемы и дела — от своевременного обеспечения личного состава исправным обмундированием, а женщин оружейниц и прибористок, в частности, бюстгальтерами нужных размеров, от чтения лекций о событиях на фронтах, организации самодеятельности и спортивных состязаний, писания писем в госпитали раненым летчикам, уничтожения мух в столовых до составления политдонесений и подготовки к партсобраниям, летно-тактическим конференциям...

А утром — опять в воздух, притом с новым ведомым.

Познакомился я с Журавлевым суток двое спустя поздно вечером. Мы тогда базировались на одном аэродроме возле станицы Тимашевской, только самолетные стоянки размещались в разных концах. Я перешел поле и наткнулся на комиссара, он что-то запальчиво высказывал техникам, которые, подсвечивая ручными электрофонарями, корпели возле разобранного самолета. В словах, возгласах чувствовалась нервозность. По не очень связным замечаниям я уловил, что вышел моторесурс двигателя, подносились и другие детали, а запчастей нет.

— Хорошо, я сам добуду вам запчасти, и не на один этот самолет! — погрозил комиссар.

«Поедет в штаб армии или в политуправление брать за горло техснабженцев»,— подумал я. Поутру он действительно забрался в свой самолет и улетел. Вернулся часа через полтора. Пушки и пулеметы в смазке, значит, не стрелял. Заправился и опять исчез. А вернувшись вторично, собрал технический состав и сказал:

— Прошлый год под Сталинградом нам было потруднее, но и тогда находили выход. Смотрите,— он развернул полетную карту и показал кружки, сделанные красным карандашом.— Здесь и здесь — подбитые самолеты нашего типа, я нашел их и осмотрел с воздуха. Теперь ваша очередь. Собирайтесь в путь-дорогу и раскручивайте их побыстрее, пока другие не додумались! Отбирайте все, что нужно.

Так и сделали, но все равно два самолета простаивали, не было сменных лопастей воздушных винтов.

— Выправьте старые погнутые лопасти молотком и — с богом!..

— Ну, это вы шутите, товарищ комиссар...

— Хороши шутки, когда я сам под Сталинградом испытывал в воздухе отрихтованные винты. Нужда заставит, так без винта полетишь!

Утром Журавлев появился в воздухе на чужом самолете. Спрашиваю шутя:

— Своя телега надоела или поломалась?

— Ни то, ни другое,— отвечает.— Просто эта потеряла доверие в массах.

— Почему?

— Выправлять лопасти — моя затея, а раз заварил, надо расхлебывать.

«Н-да...— подумал я.— Кого не покоробит опасение, что в бою отвалится лопасть винта, восстановленная по рацпредложению комиссара... Но неужели и у ведомого Журавлева самолет с рихтованным винтом? Бортовой номер тоже незнакомый».

Справляюсь по радио.

— У меня вообще нет постоянных ведомых,— заявляет комиссар.

Вот-те на! Ни черта себе парочка!.. Летчики в бою стремятся к взаимопониманию без слов, что достигается лишь после длительной совместной работы в воздухе. Скоротечные схватки не оставляют времени для долгих радиопереговоров, нужна идеальная слетанность, чтобы за долю секунды понять намерения напарника, осмыслить его информацию. Почему ж этот странный комиссар не имеет постоянного ведомого?

— Завоевать сердце подчиненного под силу лишь тому,— пояснил Журавлев,— кто делит с ним повседневно и радости, и горести, и сомнения. Тогда открывается то, что обычно прячут за семью замками. Я потому и летаю с молодыми, что хочу знать их достоинства, отрицательные черты и как они воюют. Иначе зачем я здесь нужен? Достаточно сделать десяток боевых вылетов с человеком, чтобы увидеть, можно ли, скажем, его принять в партию или дать ему поворот от ворот.

— А не кажется ли вам, что вы тут выступаете в роли армейско-

го инспектора по технике пилотирования? Или проверяющего, так сказать?

Журавлев по моему тону уловил, очевидно, как я отношусь к его тактико-психологическим экспериментам, усмехнулся.

— Инспектор — это ревизор, зафиксирует в акте плюсы-минусы, и привет! Для него неважно, как вы будете устранять недоработки. Летчик как личность его мало интересует.

— А вы-то сами ставили себя хотя бы мысленно на место напарника своего? Приятно ли будет сознавать, что вам не доверяют, что за вами следят исподтишка?

— Зачем же мысленно? — ответил Журавлев и на следующий день прямо-таки огорошил всех. Еще бы! Комиссар полка полетел в бой в е д о м ы м, и у кого? У только что прибывшего в полк неоперившегося сержанта.

«Ну и ну!.. Чудачит комиссар...» — говорили мы неодобрительно.

В тот раз пара «мессеров» атаковала мою группу «Илов» прямо над передовой. Журавлев с сержантом затеяли с ними возню. Комиссар сковал ведущего, а сержантик вцепился клещом в его напарника. Тот, как видно, тактической мудростью не блистал, втянулся в невыгодный для себя бой на виражах и был вынужден опускаться все ниже и ниже. Напористый сержант «дожал» его так лихо, что «мессер» буквально ввинтился в земную твердь. А минуту спустя разделался со своим противником и комиссар.

Дело происходило при ясной погоде на глазах тысяч людей. Финал представления привел передний край в такой восторг, что солдаты стали подбрасывать каски и салютовать в честь победителей. Я тоже не выдержал, отбросил фонарь кабины и показал журавлевской паре большой палец.

Между тем истребителям прикрытия не обязательно сбивать самолеты противника, задача у них более важная: сохранить своих подопечных, отсекать вражеские истребители от наших штурмовиков. Конечно, ежели подвернется недотепа вроде попавшегося сержанту — тут ловкий боец не даст маху. В остальных же случаях требование одно: сам умри, но противника к сопровождаемым не подпусти.

В тот день отличившаяся пара совершила еще три боевых вылета, а вечером под крылом еще не остывшей машины сержанта, на кабине которой появилась белая звездочка — знак первой личной победы,— собрались члены партбюро эскадрильи. В протоколе записано:

«Как отличившегося в боях за освобождение Северного Кавказа принять летчика-комсомольца В. П. Антонова (это фамилия сержанта.— *И. А.*) в кандидаты ВКП(б) с месячным испытательным сроком».

Первую рекомендацию дал его ведомый, комиссар полка Журавлев.

Хочется снова упомянуть о неискоренимой привычке «Духа Сталинграда», за которую бог знает сколько выговоров влепило ему начальство различных рангов. Сам он помалкивает об этом по сей день, а я знаю только, что впервые его наказали в Баксанах — выгнали из ЗАПа на фронт, однако наука впрок не пошла. Короче, возвратившись с задания, комиссар распускал группу на посадку, а сам, оставаясь над аэродромом в «сторожах» на случай появления непрошеных «гостей», разгонял свой самолет и делал на малой высоте несколько «бочек» или проносился боком на крыле.

Такой его трюк и наблюдал однажды сам комдив, оказавшийся на аэродроме.

— Это что за архаровец бесчинствует там? — взвился генерал.

Командиру полка ничего не оставалось, как доложить, кто это. Комдив завелся еще больше, вызвал Журавлева.

— Безобразие! Это вы подаете подчиненным такой пример?

— Именно подчиненным, товарищ генерал. Воздушные бои зачастую приходится вести на предельно малых высотах, ведь мы конвойные! А молодые летчики не приучены, боятся земли, не верят в возможности самолета. Вот я и показываю на практике, что можно делать при нужде и как делать. Лучше раз увидеть, чем...

— Вас никто не уполномочивал на это. Вы замкомандира по политчасти, извольте заниматься своим делом.

— Показ и проверка в бою — мое наипервейшее партийное дело.

— Так то в бою! А на аэродроме шальные гробы мне не нужны! Замечу еще раз — получите строгое взыскание, а сейчас объявляю вам выговор.

— Есть выговор! — козырнул Журавлев и уже через два часа пронесся низко над землей вверх колесами при бурном восхищении всего аэродрома.

После этого уж и командир полка стал ворчать...

Мы говорили с Журавлевым, сидя вечером на берегу Ахтанизовского лимана. Погода стояла ясная, звезды высыпали, серебрилась водная гладь. Как всегда при антициклоне, потягивал сиверок, любимый ветер Журавлева. Он говорил: «Мой родной, рязанский...»

Понятно было его настроение, но уж очень угнетенным показался он мне. Чтоб рассеять невеселые раздумья, я пробовал шутить.

— В общем-то,— говорю,— комдив желает тебе добра и долгой жизни. Из-за чего сыр-бор? Что ты летаешь не по чину много? Так товарищи хотят спасти тебя от смерти, и только. Логично?

Журавлев хмуро покосился на меня, затем все же улыбнулся, и его округлое лицо стало удивленно-простодушным.

Логика, которую я подсовывал, была ему чужда. Такие, как он, обиду не глотают, не таят ее, они ею мучаются.

— А погода вроде меняется,— вздохнул Журавлев.— Нога заныла — спасу нет.

«Барометр» комиссара не ошибся, погода действительно стала хуже некуда. Ветер повернул из «гнилого угла», нагнал какого-то странного тумана не сплошняком, а полосами: то аэродром намертво запечатает, то перегородит Керченский пролив. Но летать все равно нужно, крымскому десанту без авиации крышка. И летали. Как? Сам не знаю. Летали, не видя ни воды, ни земли, с единственной, пожалуй, надеждой, что земля родная не захочет до срока принять нас в свое жесткое лоно.

О каком прикрытии могла идти речь в такую погоду! Тут дай бог нам, «горбатым», не порубать друг друга винтами. Зато немецкий аэродром рядом с Керчью. Сунется наш брат без прикрытия, они тут как тут.

Вот и прихватили меня, одинокого, над морем, и, как я ни увертывался, ни отбивался, все же подожгли. Опять ранение, опять госпиталь. Только весной вернулся в полк. Освободили Крым и — в Белоруссию. Прилетел на полевую авиаточку перед самым началом «Багратиона» и опять встретился с «Духом Сталинграда».

В белорусских лесах работы летчикам было невпроворот. Едва успевали полетные карты подклеивать, прыгали с аэродрома на аэродром кузнечиками.

В районе Минска в окружение попала большая вражеская группировка. Передовая команда истребительного полка — человек десять во главе с начальником штаба, захватив с собой рацию и полковое знамя, отбыла на новую точку базирования, где уже находились представители БАО *. Им надлежало подготовить площадку для приема истребителей. Подготовили, ждут прилета своих. Возле посадочного знака установили рацию, рядом колышется полковое знамя с орденом на полотнище, стоят финишеры, аварийная команда.

Вокруг летного поля — густой лес, в зеленом полумраке торчат замшелые пни, поваленные стволы напоминают фигуры великанов, прикорнувших на толстом слое прелых листьев. Птицы щебечут в гуще, пищат какие-то зверюшки, в общем, идиллия... Кому пришло бы в голову, что именно оттуда грянет беда. А она тем временем уже выползла из чащи — в широких касках, блестя оружием, урча двигателями бронированных вездеходов.

Отряд немцев с ходу открыл огонь. Пуля раздробила челюсть

* БАО — батальон аэродромного обеспечения.

начальнику штаба. Неспособный говорить, он только стрелял и указывал рукой на рацию. Кто-то заметил и быстро сообщил в полк о нападении гитлеровцев. Оттуда передали: продержитесь хотя бы минут тридцать, вылетаем на выручку.

Штабники и технический состав заняли круговую оборону. Парторг полка сорвал с древка знамя, спрятал у себя на груди. А немцы напирали, как бешеные. Ведя огонь, оборонявшиеся не могли никак понять: зачем им понадобился пустой аэродром?

Неожиданно над площадкой появилась пара «Ла-5». Это «Дух Сталинграда» со своим напарником, выполнив боевое задание, прилетел на новую точку. Не увидев посадочного знака «Т», Журавлев запросил по радио, но ему не ответили: рация была разбита.

«Что за чепуха? — возмутился ведущий.— На старте куча людей, разлеглись средь бела дня, как на пляже, неужели дрыхнут на службе? Ну, ладно, черти, я вас сейчас разбужу...»

И, разогнав скорость до предела, пронесся с ревом в каком-то метре над головами команды. Снизу замахали руками, поднялся переполох. Летчик почувствовал: дело неладно — и крутнул восходящую «бочку». Крутнул в самый раз, ибо рядом с кабиной уже тянулась пулевая трасса. Вот когда пригодилось ему искусство высшего пилотажа на малой высоте!

«Неужто я заблудился? Неужто попал к немцам?» — засомневался он. Но когда из середины площадки, указывая в сторону леса, взметнулись красные ракеты, сомнения исчезли. На аэродром вышел он правильно, да только аэродром, кажется, захвачен противником. «Быть такого не может!» — загорелся Журавлев. Снарядные коробки у него почти пустые, но он так разозлился, что готов был рубить врага винтом, давить голыми руками.

К счастью, этого не понадобилось: по опушке, где застряли недобитые фашисты, пронесся шквал огня: прилетевшая по вызову восьмерка «Ла-5» разнесла в пух и прах отряд гитлеровцев, состоявший, как выяснилось позже, из офицеров. Стало известно также, что им нужна была именно эта глухая посадочная площадка, откуда они сами намеревались улизнуть на вызванном по радио транспортнике.

Спустя несколько часов летный состав перелетевшего полка разбрелся по опушке. Рассматривали результаты недавней схватки, хмурились.

— Так вот можно и на собственном аэродроме — того...— говорили летчики с кривой ухмылкой.

Слова и настрой, с каким они были говорены, прозвучали для комиссара настораживающе. Они свидетельствовали о том, что у летчиков пошаливают нервы. Много летают, переутомились. Так недалеко и до моральной подавленности. Надо что-то предпринимать, а что? Будь он комиссаром в пехоте, он поднялся бы из окопа

первый и пошел бы под выстрелами на врага, подавая пример остальным. Он всегда ценил силу личного примера в бою. Без мужества, смелости, отваги человек — не человек. А уж комиссар — и вовсе не комиссар. Так что же предпринимать? А тут Америку открывать не нужно: будь еще ближе к тем, чьи души надлежит тебе опекать не в силу должностных требований, а по велению собственной совести. Говори всегда людям правду, какой бы суровой она ни была, и требуй от всех только правду. Лишь тогда тебе будут верить всем сердцем.

Служил под началом Журавлева хороший истребитель, командир звена по имени Виктор. Мы с ним не дружили, просто знали друг друга. Меня он прикрывал редко, однако голос его в эфире слышался почти каждый день. Лишь когда мы перелетели в Польшу, Виктор куда-то исчез, перестал появляться в воздухе. Конечно, это ничего не значило: могли послать за самолетом, за пополнением, мог заболеть. Меня удивило другое: напарник Виктора, опытный, знающий дело, начал летать с комиссаром. Что за новости? Обычно Журавлев натаскивает молодых, а этот сам может учить других. Не иначе как проштрафился, раз попал под опеку комиссара. Встретились как-то с ним на совместном разборе полетов.

— Виктор? Фью-ю-ю! — присвистнул ведомый.— Он по Сибири в отпуске гуляет.

— Не морочь голову,— отмахнулся я.— В отпуске! С каких это пор на фронте стали отпуска давать?

— А вот дают. Ежели приложит руку комиссар.

Непонятно. У Журавлева, кажется, любимчиков нет, так почему такое неслыханное исключение для Виктора? Не имея других источников информации, я обратился непосредственно к Журавлеву.

Отзывчивость, доброта — едва ли не главные качества настоящего политработника. Уловить тонкие изменения в настроении подчиненных, по незначительным штрихам в поведении определить духовное состояние каждого воина и, обобщив, создать верное представление о морально-политическом климате в коллективе дано не каждому. В кутерьме войны, в боях, полетах нет времени заниматься психологическими исследованиями, а надо. Но это под силу только тому, кто обладает особо острым зрением, душевным чутьем — важнейшими составными великого искусства человекознания.

Первое, что бросилось в глаза комиссару, это странности поведения Виктора в воздухе, над целью. Он не просто лихачествует, он сознательно лезет черту на рога. Куда девалось у человека разумное чувство самосохранения? Кидается на противника сломя голову, будто кроме него никто не воюет. Похоже, не его смерть

ищет, а он ее... Журавлев стал присматривать за ним на земле, оказалось и того хуже: то бродит одиноко сам не свой, отвечает вяло «да», «нет», отчуждается, словно товарищи ему в тягость, то сидит истуканом, уронив руки на колени, отягченный глыбами каких-то дум.

Товарищи спрашивали его, что случилось, какая забота гложет его сердце, но он угрюмо отмахивался, молчал.

Журавлеву были известны случаи, когда на людей находила «полоса» и человек без видимой причины становился «летающим трупом». Не выявишь причину, не придешь на помощь вовремя, и человек очень скоро превращается в труп нелетающий... Вступать в контакт с подобными замкнувшимися людьми ох как трудно. Но Виктор — коммунист, и это, считал Журавлев, должно облегчить беседу с ним.

Какие слова нашел комиссар, не знаю. Сам он тоже не помнит. Помнит лишь, что разговор был коротким. Колеблясь и стесняясь, Виктор отдал комиссару полученное недавно письмо.

— Читайте мою беду, мой позор...

Письмо пришло из поселка, где жили эвакуированные родные Виктора, но писал чужой человек, соседская девчонка. Под чью-то диктовку она обстоятельно рассказывала, что жена Виктора Серафима месяц тому назад оставила пятилетнюю дочь Люську бабушке, матери Виктора, и убыла со своим новым мужем в неизвестном направлении. Бабушка так переживала, что совсем было умерла и вот уже три недели не встает, поэтому соседи передают Люську друг другу, чтоб она не померла от голода: тетя Сима увезла с собой денежный аттестат. Хотя бабушка и запретила писать дяде Вите на фронт о том, что у них случилось, но соседи просят его забрать поскорее Люську, а если он не хочет, то сообщить, и тогда они сдадут ребенка в детский дом.

А в конце письма приписка:

«Товарищи командиры дяди Вити, если это письмо не застанет его в живых, все равно напишите нам, чтоб мы знали. Авось кто-нибудь удочерит Люську».

Веселенькое письмецо... Даже в бреду не выдумать такое. Но, к сожалению, не только в мирные дни — и во время войны попадались «боевые подруги» такого сорта...

Все это свалилось на Виктора, как бомба с чистого неба. Плакаться начальству в жилетку, писать рапорты, просить отпуск — не в его характере. Это какую ж совесть надо иметь! Товарищей будут каждый день убивать, а он — устраивать свои семейные дела за горами за морями?

Виктор выхода не видел и, мучаясь, довел себя до крайности. Лишь в яростных схватках с врагом находил облегчение, и то минутное.

Познакомившись с письмом, Журавлев в тот же день поговорил с командиром полка. Тот искренне посочувствовал летчику, но выхода тоже не видел.

— Выход один: отпустить его хотя бы на неделю. Устроит семейные дела, вернется в другом настроении, еще активнее воевать станет.

— Опомнись, комиссар! — воскликнул командир.— Какой отпуск?

— Давай сделаем так,— заговорил Журавлев миролюбиво.— Приложим наши соображения к его рапорту, и я сам повезу в дивизию. Надо же думать и о будущем! Разве мало погибло наших детишек на фронтовых дорогах? Как же можно допустить, чтоб дети наших солдат умирали в тылу, когда до конца войны остается немного?

— Александр Матвеевич, подумай сам, у нас и так летного состава раз-два и обчелся, а мы будем ходатайствовать об отпуске ведущего. Кто воевать будет?

— Я! Я за него буду воевать, пока не вернется от матери. Не дави на меня, командир, пятна могут быть на чем угодно, даже на солнце, но только не на совести коммуниста.

Утром комиссар отправился к комдиву, и тот вопреки ожиданиям предоставил Виктору двухнедельный отпуск. И что же, вы думаете, было дальше? Журавлев как сказал, так и сделал: две недели летал вместо уехавшего Виктора. Мало того, пытался даже записать на его счет сбитый фашистский самолет. Как принято сегодня говорить, «работал за того парня». Но командир полка довольно ехидно осадил его:

— Теперь у меня не жизнь, а малина! Отправлю летный состав в мазовецкий костел, пусть наслаждается органной музыкой, а ты тем временем будешь молотить фашистов и распределять среди летчиков боевые трофеи. Здорово?

— Ну, это ты утрируешь...

— Да? Так вот, услышу еще раз такое, отстраню от полетов напрочь! Это еще, надеюсь, в моей власти.

— В твоей, в твоей...

Виктор вернулся ровно через две недели, и мы узнали, что он похоронил мать, дочурку же приодел, как смог, переписал на нее аттестат и отвез в Москву к двоюродной сестре, чтобы она там жила до окончания войны. Виктор выглядел спокойным, сдержанным, вроде бы прежний и вместе с тем не тот. Заразительная жизнерадостность, ироничность, насмешливость слиняли, будто смыло их жесткой волной напасти.

Летал, как и прежде, умело, решительно. Что ни день, встречаемся в воздухе, аж надоел мне. Однажды выругал его:

— Чего ты мотаешься перед носом в каждом вылете?

— Спрашиваешь... Наверстываю упущенное. Ведь я должник комиссара, а долг, сам знаешь, платежом красен.

Уже просматривался на западной стороне небосклона четкий контур подступающей победы, уже военные женщины, топая кирзачами, шушукались о фасонах выходных платьев, уже фашистские истребители стали все чаще демонстрировать нам свои удаляющиеся хвосты,— это означало, что близок конец войны. И вот те, кто до этого находился как бы в тени, у кого не было на счету интересных тактических замыслов и решений, удачных боевых операций и личных подвигов,— они загорелись желанием отличиться хотя бы под занавес.

И на нашем участке было спланировано уничтожение штаба германского танкового корпуса силами одних истребителей. Задачка, что и говорить, ой-ой-ой! А выполнить ее доверили персонально комиссару Журавлеву.

На войне нередко так бывает: надо — значит надо. От боевого задания не откажешься. Но и вести на смерть своих товарищей в последние дни войны ох как тяжело! Ведь вражеский корпус окружен, он в нашем тылу, баки фашистских танков сухие. Повременить неделю, гитлеровцы сами прибегут в плен. Зато у этих окруженцев боеприпасов — тьма и зенитные стволы не обычные армейские, а ПВО Германии, умеют в «яблочко» попадать. Страшно подумать, что ждет над целью легкокрылых «Лавочкиных».

Удар авиации на рассвете стал в конце войны трафаретом. Противник в эти часы начеку, а днем отсыпался. Журавлев предлагал изменить время налета, но получил отказ. Молодые летчики рвались в бой, и Журавлев мучительно думал, как разбить проклятый штаб, отмеченный крестом на карте крупного масштаба. На малой высоте к нему не подобраться, промелькнет — не заметишь. С высоты трех-четырех километров вообще не различишь его, а на средних пристреленных высотах не долетишь до цели, собьют. Решил для начала подавить зенитные установки, атаковать с трех тысяч, выпустив щитки, чтоб не особенно разгонять самолеты при пикировании. Надо внушить зенитчикам врага, что советские истребители прилетели штурмовать именно их, и только их. Если мистификация удастся, противодействие резко ослабнет, многие орудия прекратят огонь, чтоб не выявлять своего местонахождения.

«Допустим,— рассуждал Журавлев,— номер пройдет. Тогда мы боевым разворотом — на море, а оттуда — по главной цели. Если же что-то помешает ударить по штабу, снова обстреливаем зенитки. Короче, будем утюжить, пока не попадем». Журавлев всегда старался рассчитывать все так, чтобы, как говорится, и рыбку съесть, и в лужу не сесть. Так и в этот раз.

Румянился горизонт, весенняя заря накинула на пятнистую землю нежно-розовую кисею. Истребители летят, понукаемые хлесткими лучами взошедшего солнца. Капризная природа строго по курсу группы повесила одинокое облачко, словно обозначая лежащую под ним цель. Дальше раскинулась режущая зеркальными блестками балтийская вода, окаймленная с юга бурыми берегами. Еще минута, другая — и... Журавлев зло усмехнулся. Выражения лица его никто не видел, но если до этой минуты он заставлял себя смотреть туда-то и делать то-то, то теперь будто кожей стал видеть и чувствовать все вокруг.

Вспышки разрывов не просто окружили группу, они ее проглотили. Вот это был огонь! Надо же было немцам девать куда-то боеприпасы, которых еще оставалось много. Но он все равно прорвался сквозь стену огня и атаковал, как рассчитывал. Мать честная, что поднялось! Рев форсированного двигателя, грохот пушек и пулеметов — это само собой, самолет сотрясался, лязгал, дергался от прожигающих осколков,— и подошло главное: он стремительно низвергся на врага, неся возмездие.

Вот оно, мгновение, знакомое истинным воинам, последний миг перед атакой, когда победы еще нет, но ее предчувствуешь, она почти в руках.

Журавлев не стрелял на авось, лишь бы пугать врага, он тщательно выцеливал под собой оранжево мерцавшие жерла орудий, и лишь зафиксировав их в перекрестии, жал на гашетки. И те, внизу, то ли убитые, то ли от страха прекращали стрельбу, но Журавлев знал их повадки досконально. Выводя самолет из крутого пикирования, применил верный, отработанный до автоматизма маневр.

Левый боевой разворот... взгляд назад... Сосчитать своих времени нет, но вроде все на месте, вытягиваются друг за другом, вот-вот замкнется «вертушка». Зенитный огонь резко спал. Неужто зенитчики поймались на удочку? Вот здорово! Журавлев скомандовал по радио:

— Бомбы и все стволы — по основной цели!

С трехсот метров жирно перекрещенный на карте штаб смотрелся отлично. Среди машин метались люди, огонь истребителей решетил, крошил черепичные крыши строений, краснокирпичные стены курились багровыми дымками.

Сбросив бомбы, Журавлев скользнул влево, тут же — вправо, поставил самолет на крыло, посмотрел на землю. Во дворе рвались бомбы ведомых, пыль и дым накрыли цель. Лишь теперь зенитчики поняли, что произошло, дали раздирающий небо залп. Самолет комиссара содрогнулся, как от крепкого удара колуна, острый шип впился в ногу. «Ах, сволочи! Опять, как в первый день войны... И в то же место»,— мелькнуло досадливо в голове. Тело вмиг охватило жаром, а из пробоины в фюзеляже прошлась по лицу острая

ледяная струя. Напрягаясь, он приказал себе: «Не вздумай потерять сознание — земля рядом!»

Внезапно впереди возник горящий самолет. Вращаясь в бешеном штопоре, пронесся мимо. Журавлев успел заметить: это его молодой ведомый. Крик вырвался из груди комиссара, в нем и боль, и жалость, и протест. До этого он не потерял ни одного напарника, ни одного доверенного его прикрытию штурмовика.

А до победы оставались считанные дни...

* * *

Может быть, к этому рассказу, по принятым стандартам, надлежит пристегнуть велеречивую информацию-концовку. Я этого делать не стану. Мы, друзья-ветераны, глубоко уважаем нашего комиссара и не позволим обижать его комплиментами, дескать, «он и поныне бодр, полон сил... активно участвует в общественной жизни... проводит большую воспитательную работу с трудными подростками в ЖЭКе... передает свой боевой опыт...» и т. д.

Ничем подобным он не занимается, ибо «не до жиру, быть бы живу...». И мы рады, что среди нас живет этот человек нелегкой судьбы, коммунист с более чем полустолетним стажем, настоящий комиссар, бесстрашный воздушный боец.

НАВСТРЕЧУ ПОБЕДЕ

Сводка Совинформбюро за 21 июля 1943 г.

„В течение 21 июля наши войска на Орловском направлении, преодолевая сопротивление противника, продолжали наступление и продвинулись вперед от 6 до 15 километров... В течение 20 июля наши войска на Орловском направлении подбили и уничтожили 77 немецких танков. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбит 131 самолет противника.

...На Белгородском направлении наши войска, преодолевая контратаки противника, продолжали продвигаться вперед. ...Группа летчиков-штурмовиков... нанесла сильнейший удар по скоплению войск противника. Наши летчики уничтожили до 200 немецких автомашин с войсками и грузами".

Игорь
ЧУТКО

ОТ ЗАПОЛЯРЬЯ ДО ЮЖНОГО ТРОПИКА

За четыре года до войны на Кольский полуостров приехал продолжать службу морской летчик Николай Пискарев. Вскоре он стал комиссаром 45-й отдельной ближнеразведывательной эскадрильи Северного флота.

У Николая Федоровича сохранилось множество драгоценных документов, в том числе его «Дневник военного комиссара-летчика», где описание дел, обычных для любого политработника: собраний, культмероприятий, забот о быте личного состава эскадрильи,— соседствует с записями, любая из которых может стать основой приключенческой повести. Однако по сдержанности записей, их торопливой суховатости и по тому, что в дальнейшем комиссар ни об одном из тех событий больше не вспоминает в дневнике (миновало — и идем дальше!), чувствуется, что для него происходившее тоже было повседневностью.

«...В 3.00 звонок из штаба Северного флота. Говорил член Военного совета Масалов. Передал задание командующего о срочном вылете на поиски потерявшихся пограничников. Лететь приказано мне как хорошо знающему район. Пограничники были обнаружены, им сброшены продукты и вымпел, указано направление движения».

«...В 12.30 краснофлотцы патрульной службы гарнизона доставили ко мне неизвестного мужчину в потрепанной одежде и обуви. Беседовал с ним возле штаба... Улучив момент, незнакомец набрал в руку табачной пыли и, бросив ее мне в лицо, побежал к заливу. Его поймали, катером доставили в органы контрразведки».

«...Сегодня температура воздуха минус 15°С. Поднялась метель, залив сковало льдом, покрыло снегом... Метель усиливается... Грузовой автомобиль, отправленный с женами комсостава в Мурманск за продуктами, на обратном пути застрял в заносах. Выслана помощь».

И конечно, полеты, полеты почти в любую погоду. Проверка состояния материальной части, подготовка экипажей, изучение оружия, тактики. При этом самое пристальное внимание к таким деталям службы, техники, которые гражданскому человеку пока-

зались бы если не пустяками, то уж во всяком случае входящими в круг обязанностей не комиссара, а командира, уместными в командирском дневнике.

«У Павлова в лодке заморожена не откачанная вовремя вода — больше ведра». «Старший лейтенант Сечкин не смог развернуть машину на воде: при усиленном ветре не справился, выключил мотор». «Трактор отказал во время спуска самолетов на воду».

Но в эскадрилье не может быть двух командиров — только один! Это незыблемый принцип в армии!

В дневнике Пискарева есть одна зашифрованная запись. Комиссар нарочно ее затемнил, как чересчур критическую, чтобы она только ему и никому больше напоминала бы при случае кое-какие его мысли.

Пискарев, «военная косточка», хотел тогда четко, по-уставному определить свои новые обязанности. Эталоном для него был, естественно, Фурманов, чапаевский комиссар, однако он понимал, что ему предстоит иметь дело с людьми куда более грамотными, чем бойцы времен гражданской войны. И командир у него будет скорее всего такой, которому не придется горевать о недостатке образования, как горевал Чапаев.

Значит...

А что, собственно, значит?!

И тут как раз один бывалый моряк рассказал Пискареву про свою службу в финскую войну, прикомандированным политруком на корабле. Ну, многотиражку редактировал, беседы проводил... А вот в бою (по устной, правда, инструкции) единственным его занятием было — стоять на корме возле матросов и улыбаться, да еще, видите ли, «по возможности безмятежно». Ничего другого, посерьезнее, для него не было предусмотрено.

В авиации это не пройдет! Во-первых, просто не пройдет — на самолете негде стоять столбом! — а во-вторых, лично Пискарев поведет машину в бой, и ее экипаж должен будет прежде всего видеть действия пилота, а уж потом, и то в самом деле лишь «по возможности», его безмятежные улыбки.

Комиссар Пискарев обязан в первую очередь стать лучшим или, по меньшей мере, одним из лучших летчиков в эскадрилье, его экипаж — лучшим в эскадрилье, а эскадрилья — лучшей в полку. Вот главная мудрость, для начала!

Очень скоро жестокая практика показала, насколько зрелым, несмотря на свою молодость, был летающий комиссар Николай Пискарев.

В дни месяцев первых военных
Увидели в летчике толк
И двадцать четвертый торпедный,
И сто восемнадцатый полк...

(Из посвященной Н. Ф. Пискареву поэмы его однополчанина Леонида Барастова «Баллада о морском летчике», 1982 год)

Из архивной справки: «Летчик — лучший комиссар эскадрильи в полку, своим личным примером, участвуя в специальных вылетах, воспитывает мужество и настойчивость у летного и технического состава в выполнении поставленных задач».

Задание на один из таких специальных вылетов было получено вечером 31 декабря 1941 года. Двум экипажам скоростных бомбардировщиков «СБ» — капитана Пискарева и старшего лейтенанта Стоянова — командующий флотом приказал: разбомбить в норвежском порту Киркенесе гостиницу, в которой собрались встречать Новый год гитлеровские офицеры. Причем разбомбить ровно в 24 часа 00 минут. Бомбы — по две пятисоткилограммовые, такие, чтобы пыль от гостиницы пошла... До поры до времени знать об операции не позволялось никому, кроме ее участников. Она имела прежде всего пропагандистское значение, поэтому провести ее поручили не просто одному из умелых летчиков, каких в части было немало, а комиссару в паре с его давним ведомым Андреем Стояновым — соратником еще с довоенных времен.

...Успели даже отдохнуть, поспать в землянках. И никто в предновогодней суете, в предчувствии какого-никакого, а все же праздничного застолья их не хватился.

Стартовали без огней. Напрямую до цели было всего-то километров двести, но шли к ней, чтобы не быть обнаруженными, по большой дуге над морем и вылетели за два часа до полуночи. В безоблачном светлом северном небе сияли звезды, и это затрудняло полет: Стоянов, ведомый, ориентируясь на синеватые выхлопы моторов пискаревского «СБ», мог принять за них мерцающие звезды. Такое уже случалось с другими летчиками. А внизу глазу не за что зацепиться. Сплошь тьма, за которой лишь угадывались волны и льды... Еще плохо, что машины не морские, непривычные для капитана и старшего лейтенанта. И даже не в том дело, что непривычные, а в том, долго ли сможет сухопутный самолет продержаться на воде в случае вынужденной посадки? Не пойдет ли камнем ко дну, даст ли выбросить и надуть спасательную лодку?

Летишь!.. А внизу ведь не поле,—
Подбитый уходит до дна.
Над бездной полярного моря
Низка парашюту цена...

Отогнав тревожные мысли, капитан вызвал по СПУ — самолетному переговорному устройству — штурмана Облогина.

Не отвечает! Этого еще не хватало, нервы и так натянуты! Только разряды шелестят в наушниках.

— Штурман! — закричал во весь голос.— Штурман! — Зажег свет в кабине и резко двинул рулями, тряхнул машину. Может, заснул Облогин — так пусть проснется!

Но нет, штурман приник к окошечку в перегородке между кабинами:

— Я понял, командир, прости, не волнуйся! Задумался тут малость, забыл включить СПУ.

Успокоившись, Пискарев глянул в боковое окно — на месте ли Андрей Стоянов? Все в порядке, идет точно следом, как привязанный. Выучка! Недаром комиссар с командиром эскадрильи еще перед войной до седьмого пота гоняли экипажи на занятиях. Об Андрее в комиссарском дневнике то и дело похвальные записи: и задания выполняет отлично, и в концертах участвует в клубе подводников...

Ну, сейчас-то, над морем, дистанцию можно и не очень строго соблюдать. Хотя нет, пожалуй, пора соблюдать. Судя по часам, скоро будет берег, а там и до цели рукой подать, и уж тогда — смотри, ведомый, не зевай! Замешкаешься, опоздаешь на минуту-две — угодишь под зенитный огонь!

Время поворачивать к берегу... Вдруг в небе бесшумно разгорелась гигантская бледно-зеленая дуга — северное сияние. В машине стало светло, будто наступило утро.

— Быть удаче! — обрадовался вовсе несуеверный комиссар.— Добрый знак!

И тут же вновь стало темно, еще темнее, чем было.

— Погасла, умница,— раздался в наушниках голос штурмана.— Встретила и погасла, решила нас не демаскировать!

Быть удаче, раз настроение хорошее!

Показалась суша. Она чуть светлее моря, отделяется от него четкой извилистой линией берега. Пора снижаться. Предстоит сбросить высоту со сравнительно безопасных пяти тысяч метров до очень опасных тысячи двухсот и ни в коем случае не дать себя обнаружить; иначе среди зенитных разрывов пройти над малой целью боевым курсом, не отклоняясь, будет крайне трудно. Поэтому Пискарев и Стоянов, снизившись, максимально сбавили обороты, приглушили моторы, как было условлено.

Последний ориентир перед целью — крошечный островок на реке.

— Боевой! Так держать! — скомандовал Облогин.

— Есть боевой!

Цель — не просто маленькая, а так называемая точечная. Чтобы

ее поразить, надо пройти над ней по прямой с неизменной скоростью и высотой. Это и есть боевой курс, на котором все подчинено командам штурмана. Он сбросит бомбы.

Ноги уперлись в педали, сильными руками зажат штурвал, стрелки приборов замерли — не дрогнут.

Секунда... вторая... десятая... Вот оно! Машина подпрыгнула в воздухе, «вспухла», освободившись от тяжелого груза.

— Бомбы пошли, командир!

И в тот же момент — перезвон Кремлевских курантов! Это стрелок-радист Зайцев догадался подключить Москву к переговорному устройству.

— С Новым годом, товарищи!

Когда ошеломленные гитлеровцы открыли огонь, было уже поздно. Оба бомбардировщика на максимальной скорости ушли к морю.

Домой долетели без приключений. На аэродроме их встретили командующий Северным флотом вице-адмирал А. Г. Головко и командующий авиацией флота генерал-майор А. А. Кузнецов. На земле все уже было известно: о результатах вылета донесла разведка. Прямо у самолетов Головко поздравил летчиков, вручил им ордена, а потом, отбросив официальный тон, воскликнул:

— Ну какие же вы молодцы! Летайте и впредь так же, до самой победы!

...Успели и за праздничные столы. Друзья ждали героев.

Маршрут был длиной в половину кругосветного: более двадцати тысяч километров. Городок Элизабет-Сити в США — Пуэрто-Рико — остров Тринидад — Бразилия — Гамбия в Африке — Марокко — Средиземное море — Красное море — Ирак — Баку — Севастополь. Маршрут получился изломанный, чтобы пройти в стороне от районов боевых действий. Лететь предстояло днем и ночью, в тропическую жару, при возможных ливнях и грозах. Ориентировка — по радиомаякам и астрономическая. В астрономической нашим штурманам пришлось особо потренироваться, пока звезды южного неба не стали им знакомы так же хорошо, как родного, северного.

Прокладывать маршрут командующий военно-воздушными силами ВМФ маршал авиации С. Ф. Жаворонков приказал майору Н. Ф. Пискареву. Стартовали вечером 9 октября 1944 года. До предела загруженная, залитая бензином «под пробки» американская летающая лодка PBN-1 «каталина» долго не хотела отрываться от воды, бежала и бежала по заливу, разгоняясь. Взлетела с пере-

гретыми маслом и головками цилиндров. Ничего! Остынут на высоте, ветерком обдутые... Полет обещает быть спокойным, во всяком случае на первом перегоне, а это семь-восемь часов. И вокруг благодать — ни тебе «мессершмиттов», ни зениток. Можно расслабиться в кресле, кое-что вспомнить, приятно помечтать.

Сзади опустились за горизонт огни покинутой американской базы, впереди слева слабо засветились Бермудские острова. За проведенные в Америке месяцы майор снова привык к незатемненным городам, к подсвеченным облакам над ними, к уютным, мирным электрическим заревам. Осваивал технику, тренировался, готовясь к дальним перелетам, а весной уже провел отсюда партию «каталин» в Мурманск — через Канаду и Исландию.

С бомбардировщиками майору пришлось расстаться в начале года, после госпиталя. И то спасибо, что вчистую не списали, по инвалидности. Новое назначение было — в группу по перегонке из США в СССР самолетов, предоставленных нам по ленд-лизу. По этой системе (ленд-лизу) американцы во время войны передавали своим союзникам взаймы или в аренду вооружение и другие материальные средства. Советский Союз мог и сам наладить производство гидросамолетов, число которых, естественно, сократилось за два с половиной года войны. Однако таких самолетов требовалось сравнительно немного, строить их малыми сериями просто не было расчета. Выгоднее, решили, получить их по ленд-лизу в США.

В группу по перегонке самолетов были собраны наиболее опытные экипажи морской авиации Северного, Тихоокеанского и Черноморского флотов. Пискарев стал заместителем командира группы по летной службе и по политической части.

В Америку они попали зимой, в сильные холода. Прилетели промерзшие, усталые. Встреча была радушная, но поначалу все же наши летчики чувствовали себя стесненно, видели, что у американцев свои обычаи, свои привычки, иные понятия. «Расковаться», впрочем, пришлось довольно скоро, прямо в день прилета: советский военно-морской атташе попросил летчиков ради укрепления международного сотрудничества забыть об усталости и «обтанцевать американок до упаду». Дамы дивились галантности русских офицеров, а также тому, что они — в ботинках. (Чего ожидали — лаптей?) Спрашивали, чьи ботинки: американцы их прислали в Россию, англичане? Советские? Фабрики «Скороход»? Не верили, задирали у летчиков брючины.

Уже ночью, в гостинице, кто-то назвал американок наивными провинциалками.

— Нет! — встрепенулся совсем было заснувший Пискарев.— Вы, ребята, недооцениваете силу пропаганды в классовой борьбе. Дамам этим когда-то накрепко внушили, что русские — дикари, и теперь, хотя мы и в дружбе наконец-то, а представление о нас

никуда не делось. Вот и со мной... одна там... погладила меня по щеке... Да будет вам! Просто проверила, хорошо ли я выбрит.

Ну а ему, Николаю Пискареву, откуда была известна сила пропаганды? Какие такие морально-политические преимущества у него имелись перед другими летчиками?

Исчерпывающе на это едва ли ответишь. Так же как на вопрос, почему его, тридцатичетырехлетнего майора, не самого старшего среди летчиков и по возрасту, и по званию, назначили комиссаром группы? Ответить можно лишь предположительно. Есть такие поступки, эпизоды в биографии человека, которые не вписываются в служебную характеристику или в аттестацию. О них не всегда говорят вслух, потому что оценка этих поступков может оказаться неверной, подчас несправедливой.

Были такие эпизоды и в неписаной биографии Пискарева. Однажды, еще на Севере, его чуть не сбили свои же зенитчики,— оказалось, дежурный забыл им сообщить, что возвращается свой бомбардировщик. Наткнувшись на стену зенитных разрывов, уходя от них, Пискарев нырнул к самому заливу (и зенитчики решили, как потом выяснилось, что он сбит, раз упал «утюгом»), выровнял машину над самой водой, ухитрившись все же не задеть ее, и так пришел на базу. Дежурный встретил летчиков помертвевший, однако никаких служебных последствий для него не было. Пискарев никому ничего не сообщил, понимая, что все выводы дежурный сделал для себя сам. Командование в конце концов узнало об этом происшествии — слухами земля полнится! — но тоже решило не давать хода этому делу.

И в перегоночную группу майор не должен был попасть, если бы подчинился нормам. Он был перед этим так изувечен в катастрофе, что встретившийся в госпитале однополчанин не сразу его узнал. Разбился Пискарев на английском бомбардировщике, плохо управляемом (потом мы от этих бомбардировщиков отказались), а в строю остался только с помощью старых сослуживцев, «нажав на связи» в штабах. И об этом командование тоже знало, и на это закрыло глаза... Не все в жизни делается строго по правилам, тем более в необычных обстоятельствах — на войне. Людей надо чувствовать, стараться понимать мотивы их поступков. Это умел Пискарев, это сумели сделать и по отношению к нему.

Комиссарство Пискарева в группе оказалось в некотором смысле сложнее даже, чем на фронте,— граничило с дипломатией. Например, утром 4 июля 1944 года наши летчики, нагладившись, приодевшись, собрались поздравить американцев с Днем независимости за общим с англичанами завтраком. Хорошо, комиссар их вовремя остановил: независимость-то Соединенные Штаты завоевали — от Англии!.. Или вот в Нью-Йорке был случай: советские летчики пригласили американцев в русский ресторан, решили пора-

довать союзников нашей кухней. Да и сами по ней стосковались. Надеялись хорошо посидеть: в городе жара, асфальт плавится, а тут — свежесть под высокими сводами, на эстраде балалаечники, на столе — борщ, отбивные, салаты, на закуску селедочка с луком.

— Вы, русские, хорошие люди, но еще дикие,— усмехнулся один американец,— едите сырую рыбу, как эскимосы!

Надо было не просто объяснить, почему селедку едят сырой, а, что называется, отбрить собеседника. Пискарев понимал, что слова американца хоть и слабо, но заряжены провокацией.

— А икру, которую привозят из России, вы любите? — нашелся он.— Красную икру, черную?

— All right! Любим, очень!

— Ну так ведь она же — сырая!

...Огни слева по курсу означали, что самолет приближается к «Бермудскому треугольнику». Что это за «треугольник», никто Пискареву заранее не объяснил. Метеосводка предупреждала лишь о возможной встрече с мощным теплым фронтом на подходе к Пуэрто-Рико.

«Бермудский треугольник» — сравнительно небольшой район Атлантики между Бермудами, Майами на Флориде и Пуэрто-Рико — одно из самых страшных мест на земном шаре для моряков и летчиков. По заблаговременно составленным прогнозам погоды, даже по сиюминутным данным, полученным со спутников, в этом треугольнике может быть тишь да гладь, а на самом деле в эти же самые минуты бесследно исчезают корабли и самолеты. Причины бедствий называют самые разные — от вмешательства инопланетян и вообще потусторонних сил до неизученных природных аномалий,— но того, что там происходят какие-то пока не объясненные явления, никто не отрицает. Сошлюсь на вполне объективное выступление «Литературной газеты» 5 января 1983 года. При полном штиле в районе «треугольника» на гладкой поверхности воды вдруг вырастают гигантские волны, переламывающие суда, или образуются колоссальные впадины, водовороты. Полностью теряется радиосвязь, катастрофически падает атмосферное давление, отказывают компасы. Или раздается пронзительный звук, «голос шторма», и от одного этого, рассказывают моряки, можно сойти с ума...

Очень трудно, несмотря на авторитет «Литературной газеты», отделаться от ощущения, что все это — в большой мере выдумки. Поэтому обратимся опять к дневниковым записям Н. Ф. Пискарева и другим его материалам, опубликованным в военно-исторических изданиях.

«Вышли по плану курсом на Сан-Хуан (о. Порто-Рико). При пересечении ночью мощного теплового фронта испытали немалые неприятности. Достаточно сказать, что полет в грозовой облачности продолжался свыше 6 часов».

Пискарев Н. Неизведанными маршрутами.— Морской сборник, 1978, № 8.

Синоптики предсказали Пискареву также и «сильную грозовую деятельность» 9 октября на пути к Сан-Хуану. Но то ли прогноз был недостаточно детальным и настораживающим, то ли «атлантического опыта» у наших летчиков еще не хватало... Изучив сводку, пришли к выводу, что через грозовой фронт можно будет перелететь на каком-либо его фланге и тогда все «неприятности», как их назвал потом, через тридцать четыре года Пискарев, останутся внизу. Да и далеко ли он мог распространиться, этот фронт?..

Начало полета было и в самом деле спокойным. Настроение у экипажа превосходное — летим домой! Штурман майор Водяник еще добавил радости: выгадал несколько миль, уточнив курс. Вошел к пилотам, улыбаясь, и задал новый. Второй пилот, лейтенант Дорофеев, размечтался, как бы ему заполучить в свои руки управление, чтобы время пошло живее. Радист Макаров, мальчишка, от нечего делать ловил заграничные «пеньё и танчик», перемежаемые эфирным свистом.

Отраднейшая картина и на приборах. Все, чему следовало работать, действовало исправно, в стабильных режимах.

И слой туч, постепенно закрывавший звезды, казался издали совсем мирным. Пробить его решили впрямую, для сбережения времени, не сворачивая ни к каким флангам.

В облачность вошли снизу, на трехстах метрах, с набором высоты. Слегка заболтало, и вскоре же последовало первое предупреждение о возможности явлений совсем неведомых: самолет вдруг вспыхнул жар-птицей, на обшивке заиграли странные блики — яркие, всех цветов радуги, и под их пляшущим светом потускнели синие лампы в кабинах.

Впрочем, это был только минутный испуг, но еще не беда, так как причина иллюминации вскоре выяснилась — аэронавигационные огни. На обшивке играли собственные бортовые огни самолета, многократно отраженные в облаках, выстроившихся здесь как бы в ряды параллельных зеркал из мириад водяных капель.

— Погасить огни!

От этого происшествия остались только тревожное, знакомое всем, кто постоянно рискует, предчувствие новых «неприятностей» и утихающая резь в глазах — порождение заоконных световых фокусов.

Связь с аэродромом сделалась неустойчивой, все больше мешали разряды. Усилилась болтанка. Некоторое время с ней боролись, управляя самолетом вручную, но потом так устали, что пришлось включить автопилот. Пусть поведет машину, покажет себя... А там, если обстановка осложнится, можно будет снова взять управление,— только бы не пропустить момент.

Усомнился в курсе штурман: не снесло ли машину в темноте в сторону? Сидя в астролюке, Водяник ловил луну. Она, конечно, давно поднялась над горизонтом, но какой там горизонт! Тьма кромешная, неба не видно, хотя высота уже три тысячи метров — уши закладывает.

— Штурман,— попытался ободрить Водяника Пискарев,— плюнь, штурман, на луну! Вспомни наставление: лучший способ определиться на местности — опросить местных жителей...

Водяник спустился к пилотам. Ему не до шуток. Поправку он установил по радиопеленгам, но уверенности в ней нет. Ему бы — небо, звезды, они надежнее.

— Погоди, сейчас добудем тебе звезды... Парочку, зато пожирнее!

Высота четыре тысячи метров — нет просвета в тучах. Еще немного выше, и... недаром все-таки в группу были отобраны самые умелые экипажи! Водяник пулей уносится в астролюк и успевает поймать луну, на мгновение мелькнувшую в разрыве облаков.

— Режим! — кричит.

Это означает, что Пискарев должен провести машину точно по прямой, горизонтально и без кренов, как на боевом курсе над гостиницей в Киркенесе.

— Готово, командир, теперь определимся!

Луна скрылась. Опять из темноты несутся навстречу, разбиваясь об остекление, плотные хлопья облаков, и будто слышно, как они трутся о борта. Похоже, командир со штурманом сумели подбодрить молодежь. А их, «стариков», кто подбодрит? Никто. Надеяться им — только на себя. И снова Пискарев берется за управление, тянет машину вверх, к невидимому чистому небу.

Высота дается все труднее,— моторы теряют мощность в разреженном воздухе. Впереди начинают проблескивать молнии, и по ним, по их расположению видно, что грозовой фронт непреодолимо высок... Вот она, настоящая беда! В этом уверены и командир, и второй пилот. Они молча переглядываются, но и сами еще не понимают, что главная беда — не гроза, а все учащающиеся самовольные попытки самолета то взмыть вверх, то провалиться. Его попеременно подхватывают кратковременные, однако сильные восходящие и нисходящие воздушные потоки.

Молнии сверкают ближе и ближе, пока не превращаются в сплошную ломаную сеть вокруг, их разряды тоже бросают машину

вверх, вниз, в стороны. Полет — точь-в-точь как сквозь зенитный огонь. Но разрывы снарядов опытный летчик хуже ли, лучше, а предугадывает и порой может от них увернуться, сманеврировав; от молний же деваться некуда, они непредсказуемы. И возвращаться уже поздно: обстановка изменилась быстро, не заметили, как гроза обступила со всех сторон. Видимо, где-то здесь был центр грозового фронта.

При очередном броске вниз Пискарева оторвало от кресла, он больно стукнулся головой.

— Николай! — крикнул Дорофееву.— Возьми управление, пока я ремни подтяну!

Но не успел майор выбрать слабину ремней, на что нужны секунды, как новый бросок, сильнее всех прежних, вывел из строя автопилот. На ходу его исправить невозможно, значит, теперь обходись без автоматики...

Сетка молний еще сгустилась, они сверкали, перекрывая одна другую, и каждая могла ударить в самолет. Мало того, из-за них летчики плохо разбирали показания приборов. Пискарев и Дорофеев задернули черные светонепроницаемые шторки на боковых окнах (эти шторки спасали пилотов от слепящих прожекторных лучей), но молнии вспыхивали и впереди, а на лобовом стекле шторок не было.

Радист доложил, что замолчала станция.

— Немедленно исправить!

Без радиосвязи остаться нельзя, без нее и сам не сориентируешься во тьме и облаках, и с земли самолет не запеленгуют. Идти по компасу? Рискованно. Магнитные дурят, их стрелки мечутся, потеряв север и юг. Остается гирокомпас: он пока держится, не поддается свистопляске, да надолго ли?

— Немедленно исправить! Макаров, слышишь?

Исхитрился радист, нашел и заменил поврежденный блок. Связь восстановлена, хотя земля сквозь помехи еле улавливается.

Высота около пяти тысяч метров. Небо по-прежнему закрыто облаками. Уши болят, дышать так трудно, что Пискарев решает снижаться.

А внизу едва ли не хуже. Молнии гуще, их треск оглушительнее, к тому же тропический ливень. Потоп, всемирный потоп, ничего подобного Пискарев в жизни не видывал. Под тугими ударами струй лодка гудела котельным гулом, ее фюзеляж, считавшийся герметичным, «потек». Вода проникала в кабину сквозь какие-то микрощели, не обнаруженные заводским контролем, сквозь резиновое уплотнение пилотского фонаря, струилась внутри по стеклам...

Снова замолчала радиостанция. И в тот же миг, словно бы его только и дожидаясь, самолет буквально стал на хвост — под углом, как потом прикинули по памяти, градусов в шестьдесят. Летчики

не видели этого, а почувствовали, опрокидываясь на спину. Определить что-либо они могли только по приборам — по тем, которые еще работали. Авиагоризонт вышел из строя: его зашкалило, на такие углы он не был рассчитан.

Теряя скорость и почему-то грубо вибрируя, ставшая дыбом машина поползла вверх... Вернее, так: если верить указателю скорости, еле ползла, и все медленнее,— стрелка указателя возвращалась влево, к нулю; судя же по высотомеру, неслась с огромной, недопустимой скоростью,— стрелка прибора обегала круг за кругом. Очевидно, лодка попала в могучий восходящий поток, он ее и поставил на дыбы. И если машину сию минуту не вытянуть из этого потока, не вернуть в более или менее нормальное положение, она вот-вот сорвется в штопор или развалится на куски.

Моторам дан полный газ, форсаж... Не помогло,— поток был намного сильнее.

Как они тогда уцелели, до сих пор не очень ясно. Ничего подобного авиационная наука не предусматривала, летная практика не знала. Видимо, это был случай, когда выручают не столько знания и мастерство (хотя и без них, понятно, пропадешь), сколько умение не опускать руки ни в каких крайних обстоятельствах. Это можно, пожалуй, назвать храбростью: храбростью обреченных, храбростью очертя голову. Но точнее, наверное, стойкостью. Математик и философ Блез Паскаль справедливо сравнил человека с тростником: человек — только тростник, но это мыслящий тростник. Капля воды может его убить, но даже если вся вселенная на него ополчится, он все же будет выше своих убийц, ибо он может осознать смерть, а слепые силы лишены сознания.

По сути дела, именно к этому — к стойкости — призывал людей комиссар Пискарев, в этом старался сам подавать пример. Никаких других рецептов, на все случаи солдатской жизни, он дать не мог. Воспитательные средства у него были, а цель на ближайшие, военные годы одна — сознательная стойкость. Страх же — загнать на самое дно души.

Разных смельчаков успел к тому времени повидать комиссар Пискарев. Отличались они чрезвычайно важным признаком — нервной основой смелости. Один храбр от природы, опасности просто не чует, как бывает, когда человек лишен предупреждающего ощущения боли. Такой на месте в группе, рядовым бойцом, а людьми пусть лучше не командует. Для иного опасность — что-то вроде сцены: на глазах у зрителей он совершит подвиг. Очень многие на этой войне сжигаемы ненавистью к захватчикам — она движет их поступками. Есть падкие до наград; а есть считающие, будто их храбрость — невиданная жертва в истории человечества. Одного такого в госпитале мягко остановила пожилая сестра, умница: «Милый, ты молодец, но уж слишком-то не заносись... Ты ведь не

старый, не хворый, не дитя, кому ж, если не тебе, и быть на фронте, раз пришло время?»

Ни вслух, ни мысленно майор не относил себя к смельчакам, но был уверен, что в трудную минуту не растеряется, будет знать, что и кому должно делать. Гордился, что другие тоже видят в нем эту способность,— не потому ли он и стал комиссаром? И был случай, отмеченный в его памяти особой радостью: когда за финскую войну получал Красную Звезду. После вручения орденов награжденных фотографировали в Кремле вместе с Калининым, так среди них Михаил Иванович сам отыскал старшего политрука Пискарева, чтобы усадить его перед фотографом рядом с собой...

Косясь на Дорофеева — как держится лейтенант? — прислушиваясь к тому, что делают остальные на борту, Пискарев давил и давил на штурвал. И лейтенант давил, молча, упорно. Пока рули на машину не действовали, и все же ощущалось, что еще немного — и подействуют. Ведь где-то, на какой-то высоте поток должен ослабнуть!

Ослаб он только после четырех тысяч метров. А на пяти самолет наконец выровнялся.

Короткая передышка, всего в несколько минут, позволила экипажу прийти в себя, осознать случившееся, собрать силы для дальнейшей борьбы. «Ничто не ново под луной»... А такое — бывало ли с кем-нибудь раньше?

Все сразу, всем букетом «неприятностей», пожалуй, нет, а по частям бывало. Профессия такая. Чкалов однажды на севере уходил от грозового фронта и ушел, задыхаясь в разреженном воздухе, только на шестикилометровой высоте. Владимир Коккинаки до войны по пути в Америку, в районе Гренландии, попал в такую облачность, что был вынужден набрать высоту в семь, потом в девять тысяч метров, и все равно вел машину вслепую, ориентируясь только по приборам. Кабина была негерметизирована, кислородные маски не снимали несколько часов...

С известными всему миру летчиками Пискарев себя не сравнивал, и, может быть, напрасно, потому что тоже успел кое-что повидать, испытать. В последний раз весной было: его отряд «каталин» во время перелета из Элизабет-Сити в Мурманск пробивался сквозь облака, спасаясь от обледенения. Связь с землей была потеряна — на всех машинах лед оборвал антенны. Их заменили только на аэродроме в Гандере, на Ньюфаундленде, сами укрепили подручными средствами. Через несколько дней в тумане над Норвегией врезался в сопку самолет командира перегоночной группы: была ошибка в курсе, хотя прокладывал курс и летел вместе с командиром один из опытнейших штурманов морской авиации. Остальные «каталины», с которых видели их гибель, сумели тогда отвернуть от сопок, уйти к морю...

И учеников майор Пискарев имел. Мыслящих, отважных. В очерке, опубликованном в газете «Красный флот» 12 июля 1949 года, Николай Федорович рассказал об одной боевой операции. Кстати, подчеркивая заслуги своих учеников, себя комиссар упоминает лишь попутно: «Мне доложили летчики, вернувшиеся с задания...» Между тем он сам тогда вернулся с того же задания, только чуть раньше.

Операция прошла успешно, летчики нанесли удар по фашистскому конвою. Но на обратном пути один из бомбардировщиков, прорываясь сквозь зенитный огонь, отстал от группы, и его сбили «мессершмитты». Горящую машину удалось посадить на воду. Стрелок был убит, радиста, когда он плыл к надувной шлюпке, схватили касатки (хотя почему-то считается, что на людей они не нападают). Спаслись летчик Керницкий и раненный в голову штурман Орлов.

На них спикировали два «мессера», но ушли, решив, видно, что лодчонка и так обречена. И вот, когда они пикировали, штурман не выдержал: глаза его закатились, залитое слезами и кровью лицо исказилось. Что было делать? Керницкий нашелся — применил старый, простой, тем не менее эффективный прием северных охотников: могучую встряску. Какую? Пискарев пишет: сильно накричал на Орлова и «даже замахнулся на него веслом...». Ну, пусть будет так.

Стреляли из пистолетов по нырявшим вокруг лодки касаткам,— они могли прорезать резину острыми спинными плавниками. Но патронов оставалось мало, и еще неизвестно, на чей берег вынесет лодку, кем занятый. Гребли почти наобум. Часы остановились и у Керницкого, и у Орлова, в компас попала вода. Его разобрали, продули, и он кое-как заработал. С этим единственным прибором можно было определиться, но лишь приблизительно. Они не знали, сколько суток продолжалось плавание, так как солнце не заходило, стоял полярный день. Кончился захваченный бортовой паек, но гораздо сильнее, чем голод, их мучила жажда. Опять потерявший над собой власть Орлов потянулся к соленой воде, и снова пришлось на него «кричать и замахиваться». У обоих началась морская болезнь, а окоченели они так, что, когда наконец добрались до берега, промерзшие камни показались им обжигающими. К счастью, берег оказался нашим.

Но вернемся к «каталине», летящей ночью с 9 на 10 октября 1944 года над «треугольником дьявола». Наиболее полный из известных разборов этого полета состоялся уже после войны, на научно-практической конференции в Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ), посвященной необыкновенным летным «случаям». Выступали летчики-испытатели, специалисты по

устойчивости и управляемости самолетов. Полет разбирали почти без математических выкладок,— никаким формулам он не поддавался, не укладывался в них. Было решено, что спасти экипаж и машину помогли не столько следование инструкциям, сколько способность не теряться во внезапно возникающих критических ситуациях и высочайший, артистичный профессионализм Пискарева и Дорофеева.

Сказано было примерно вот что.

Выровнявшись, лодка летела некоторое время горизонтально, но, как это называется в авиации, в неспокойном воздухе. Началась боковая качка, усилился крен — то вправо, то влево. Летчики старались от него избавиться, отклоняя элероны (рулевые поверхности на концах крыльев) и попеременно увеличивая и сбавляя обороты то правого, то левого двигателей. В общем, какое-то время все шло нормально, «по инструкции», хотя и в этой привычной ситуации уже требовались немалая тренированность, чутье машины, умение, вошедшее в плоть и кровь, в мозг, в нервы. Если тренированности не хватает, самолет в результате неосторожных манипуляций не успокоится, а еще сильнее раскачается и, чего доброго, перевернется через крыло.

Кроме того, к стандартной, изучаемой в летных школах ситуации — к раскачке машины сравнительно несильными порывами, неспокойным воздухом — в этом полете добавилась другая, гораздо более тревожная, о которой уже говорилось: ясное, тоже лишь с опытом приходящее предчувствие, что вот сейчас, сию минуту вам будет преподнесен очередной сюрприз, очередная «неприятность»... И единственное против нее средство — готовность к любым сюрпризам.

И вот на измотанных людей, на измученную машину, оставшуюся без автопилота и связи, обрушился новый вертикальный воздушный порыв, на этот раз какой-то сумасшедшей силы, опять поставивший лодку на хвост и за несколько секунд подбросивший ее вверх еще на семьсот метров. То есть бросок этот совершился со скоростью, видимо, близкой к скорости звука, в те времена мало изведанной.

Самолет должен был рассыпаться. Но то ли не успел рассыпаться (для разрушения конструкции все-таки нужно время), то ли запас прочности имел больший, чем предусматривалось нормами... Вероятнее же всего, как было предположено на конференции, машина уцелела потому, что, несясь в потоке, вместе с ним, не очень ему сопротивлялась. Так ураган ломает и с корнем вырывает могучие деревья, но ничего не может сделать подхваченному им листку.

И все же непонятным остается, почему внутри самолета ничто не сорвалось с мест крепления. Как люди выдержали инерционные перегрузки?

Естественно, майор Пискарев не предполагал тогда, что полет этот заинтересует ученых, да еще и в высшем авиационном научном центре страны. Но, как любой опытный летчик, запомнил мельчайшие детали полета. А как человек, которому доверено политическое руководство, понимавший, что доверие это надо оправдывать ежедневно, задумался: сумеет ли он, отдышавшись,— завтра же, допустим, если его спросят,— логически объяснить не только фокусы природы, машины (это спросят непременно!) — на то он и командир, но и поведение экипажа, каждого участника перегона? Какие выводы на будущее сделает он из пережитой ситуации — выводы комиссара?

Майор помнил наставления из уважаемого им еще с довоенной поры «Морского сборника»: «Штурманская служба слагается из мелочей, учета весьма малых величин: 1 градуса склонения, 2 градусов девиации *, нескольких метров высоты, 1—2 километров скорости, имеющих, однако, весьма существенное значение для точного самолетовождения». Что ж, верно... А для комиссара писано ли какое-либо наставление? «Штурман человеческих душ»,— повторил он мысленно, слегка усмехнувшись, чьи-то слова. Да! И значит, обязан улавливать градусы человеческого поведения, степень душевной собранности, сверять их с истинным курсом, осторожно направлять по нему...

Пилоты овладели машиной всего на несколько мгновений, вслед за которыми почувствовали, что она вновь выходит из повиновения, что ее нос неудержимо опускается, а их самих отрывает от сидений. В наушниках СПУ раздался крик — это радиста Макарова перегрузка выбросила из кресла. Пискарев еще успел увидеть, что планка авиагоризонта опять скрылась, на этот раз за нижней рамкой прибора,— и в глазах потемнело, кровь прилила к голове.

Самолет, став теперь на нос, хвостом кверху, устремился сквозь облака к земле — попал, очевидно, в нисходящий воздушный поток.

Теперь действия летчиков — прямо противоположны тем, что при броске вверх. Штурвал — на себя, чтобы при малейшей возможности рули высоты опустили хвост самолета и подняли нос. Возникнет ли такая возможность, или машина раньше врежется в «шарик»? Об этом лучше не думать. Хорошо хоть зрение восстановилось быстро. В подсознании брезжит, что если это в самом деле нисходящий поток, а не что-то неведомое, то вблизи поверхности земли, «упершись» в нее, разбившись, поток должен ослабнуть и тогда из него удастся вырваться. Только вот что там, внизу, если придется идти на вынужденную?.. Море или твердь, равнина или скалы? Куда занесло ослепший самолет, неизвестно.

---

* Постоянная, учитываемая ошибка компаса.

Газ сброшен до минимума, только чтобы моторы не заглохли. Скорость, однако, продолжает нарастать, значит, тяжелая машина, разогнавшись, опережает поток. Плохо, что опережать его она может до конца: поток остановится, а машина по инерции пойдет дальше, пока не рухнет. Но есть в этом опережении и хорошая сторона: воздух начинает обтекать машину, как в нормальном полете, и рули вот-вот подчинятся пилотам, перестанут болтаться беспомощно. Самолет станет управляемым, и тогда его, может быть, удастся вывести из пикирования.

Однако скорость быстро увеличивается, за какие-то секунды выросла настолько, что крылья начали подрагивать. Что это за вибрация? Бывает такая, что пиши пропало! Она сродни резонансу: попав в нее, самолет словно взрывается и сыплется с неба обломками. Гасить ее надо незамедлительно, для этого необходимо сбросить скорость, а как?..

Напомнил о себе пассажир, прихваченный в Элизабет-Сити,— подполковник Терциев. Собственно, Пискарев о нем и не забывал. В своем экипаже, даже в мальчишке Макарове комиссар был уверен: ко всем давно присмотрелся, со всеми поработал, недаром их и отобрал для прокладки маршрута, а каков этот подполковник? Он не летчик, поэтому, возможно, не вполне понимает происходящее. Страдает физически вместе со всеми, но молча, вопросов не задает, никого не отвлекает. Умен, смел... Джигит! Однако тут все же не выдержал, спросил по СПУ, стараясь говорить без дрожи в голосе:

— Никак падаем?

— Пока еще нет,— улыбнулся про себя Пискарев.— Пока пикируем... Вот что, подполковник: перебирайтесь-ка побыстрее в хвост и тащите туда все, что сможете, все грузы. Хвост перевесит — легче будет выйти из пике!

Неуправляемый полет носом вниз вместе с потоком занял, судя по высоте и средней скорости снижения, всего около минуты. Не так уж много, а по ощущению, как всегда в моменты большой опасности, бесконечно долго. Затем оправдалось ожидание: поток ослаб. Штурвалы стали вырываться из рук, значит, на рулях появилась нагрузка. Они заработали, и нос машины постепенно пошел вверх.

Из облаков вырвались на высоте триста метров, на той же, с какой вошли в них впервые. Еще чуть-чуть — и врезались бы в «треугольник». А там — Гольфстрим унес бы обломки. И лишь статистика отметила бы очередную катастрофу, одну из многих в этом архискверном районе...

По-прежнему гремела гроза, лил дождь, казалось, над всей землей. Но все это были сущие пустяки по сравнению с пережитым. Когда наконец пробились к чистому небу, проверили время: сражение со стихией продолжалось больше шести часов.

Дальнейшие перипетии по сравнению с этой тоже показались ничтожными. Сан-Хуан в Пуэрто-Рико был затоплен после ливня, но «каталина» — морской самолет: села на воду и взлетела с воды. От Натала в Бразилии до Батерста в Гамбии летели больше восемнадцати часов, опять сквозь ливни и грозы, только уже без бешеных бросков вверх и вниз. В Порт-Лиоте, в тогдашнем Французском Марокко, садились в густом тумане на узкую и быструю реку. При перелете в Тунис задыхались в кабинах, раскаленных африканским солнцем. Еще труднее было над средиземноморским побережьем Африки: там в воздухе висела, скрыв горизонт, желтая пыль... На участке от Ирака до Баку моторы, потерявшие мощность в разреженном воздухе на высоте, еле вытянули машину. Высоту набрали, чтобы перевалить через горные хребты, сберечь время, потому что самолетов ждал фронт. И сберегли: вместо запланированных двенадцати часов летели только пять.

Перелеты «каталин» и «амфибий» южным маршрутом, проложенным экипажем майора Пискарева, завершились в конце марта 1945 года. Несколько десятков этих гидросамолетов приняли участие в последних боях Великой Отечественной войны. Затем машины были возвращены в США.

Родина отметила заслуги Николая Федоровича Пискарева, ныне полковника в отставке, высокими наградами: орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Людмила
ЖУКОВА

КРЫЛАТЫЕ ПАРТИЗАНЫ

Сколько себя помню, видела в нашем доме однополчан отца: в синей — цвета вечернего неба — аэрофлотовской форме с золотыми нашивками, веселых, шумных, громкоголосых, щедрых на доброе шутливое слово и охочих до рассказов о войне и о геройских подвигах товарищей.

И еще помню с детства рассказы о комиссаре. «А тут появляется наш комиссар со своей неизменной улыбкой...» — именно так начинались многие воспоминания о нем.

И когда наконец в нашей квартире в далеком Красноярске появился улыбчивый человек и с порога сказал: «А это, конечно, маленькие Жуки? Узнаю знакомые черты. А где сам батя?» — я, семиклассница, сразу догадалась, что это комиссар Евгений Григорьевич Абрамов. На одной из традиционных встреч полка — в праздничный день 9 мая — бывший замполит отцовской эскадрильи Георгий Иванович Синиченкин сказал: «В нашем полку было много геройских ребят, и самое важное — многие из них вернулись с войны, хотя кто по сто, кто по двести и более раз садился в тылу врага, хотя налетали тысячи часов во фронтовом беспокойном небе. А почему полк сохранил свой личный состав? Благодаря уменью летчиков? Да. Благодаря искусству инженеров и техников? Тоже да! Благодаря мудрости командиров? Конечно! Но еще потому, что был у нас душевный, веселый комиссар! Так ведь?»

И все шумно подтвердили, зааплодировали, обратившись в сторону улыбающегося комиссара.

По рассказам ветеранов 105-го гвардейского Паневежеского ордена Александра Невского отдельного авиаполка ГВФ, по воспоминаниям самого комиссара Евгения Григорьевича Абрамова и написан этот очерк.

От первой встречи зависит многое — это понимал комиссар, готовясь к знакомству со 2-м отдельным авиаполком ГВФ. Изучил личные дела летчиков — орлы! Кое-кого, оказалось, он знал по довоенной поре: комиссар долгое время работал помощником начальника Политуправления ГВФ по комсомолу.

В полку 29 летчиков, 71 техник. Коммунистов — 69, кандидатов в члены партии — 52, комсомольцев — 74. Большинство подали заявление в ВКП(б) в тяжелом сорок первом году.

...Личное дело коммуниста Дмитрия Петровича Кузнецова. Петрович — так уважительно звали летчики этого могучего рыжеусого сибиряка и за возраст (ему под тридцать), и за летное мастерство. Комиссар встречался с ним в Омске, когда тот был еще бортмехаником и рвался в летчики. Машину свою сам и разберет и соберет играючи, а выносливость — удивительная, сибирская. Когда войска Западного фронта вели тяжелые бои на Минском направлении и несколько частей попали в окружение, самолеты доставляли им боеприпасы и медикаменты, вывозили раненых. За один только день 10 июля Дмитрий Петрович совершил 8 полетов через огрызающиеся огнем вражеские позиции. Почти 20 непрерывных часов в воздухе! Без малого сутки... В личном деле сухо констатируется: награжден орденом Красного Знамени.

...Коммунист Александр Яковлевич Волхонцев, в юности машинист паровоза, теперь — изобретательный инженер. Судя по личному делу, в кратчайший срок организовал переоборудование мирных «У-2» в боевые машины.

Конструктор Н. Н. Поликарпов создал этот самолет как учебный, и хотя завоевал он на международных выставках призы за легкость в управлении и маневренность, был сугубо штатским — выполнял санитарные задания, обрабатывал поля, перевозил почту. Летал, весело стрекоча, на малых высотах над кукурузой, садился на любом пятачке, за что был прозван «стрекозой», «кукурузником», «небесным тихоходом». Брал всего одного пассажира или груз до 200 килограммов. Оружия на борту никакого, кабина — открытая всем ветрам, снегам и дождям, от чего летчик защищен лишь шлемом да старомодными летными очками.

В канцелярии шефа люфтваффе Геринга, определяя перед войной число советских самолетов, вовсе не брали в расчет «русфанер», но этот аэроплан в первые же месяцы войны показал себя таким удальцом, что врагам пришлось особым циркуляром установить за сбитый «У-2» награду в две тысячи марок — вдвое большую, чем за истребитель,— да Железный крест в придачу.

А сделали опасным для врага этот деревянный — из сосны и фанеры, обтянутых полотном,— самолет летчики-герои и руки фронтовых инженеров и техников, такие, как у мастеровитых Волхонцева, Победимова, Грошикова, Шапошникова, Лысковцева, Балакина...— «технарей» полка. Они по чертежам НИИ, а то и по собственным сняли с него лишнее оборудование, облегчив вес, чтоб можно было брать больше боеприпасов; смастерили бомбодержатели, фотооборудование на случай аэрофотосъемки и, главное, приладили к «У-2» две гондолы, куда можно было прямо на носилках

помещать двух раненых. Круглосуточно действующие ПАРМ — походные авиаремонтные мастерские — на ходу подлечивали раны в теле машин, ставя латки, заменяя пропеллеры, шасси или лыжи, мотор.

...Личное дело кандидата в члены ВКП(б) Николая Ивановича Жукова. Этого пилота комиссар не знает, но газетную статью «Подвиг Николая Жукова» читали все тыловые подразделения ГВФ. Вот она, в деле.

«Стало известно, что серьезно ранен командующий армии, действующей в тылу врага. Где точно находится командир, никто толком не знал. Тогда вызвали лучшего пилота Энского отряда Николая Жукова.

— Разыщу! — коротко и уверенно сказал пилот.

Ночь оказалась темная, тяжелые облака обволокли деревья, накрапывал дождь.

— Повезло, ребята, погода самая для разведки...»

Сердцу комиссара были близки такие вот ребята, с шуткой уходящие на опасное задание, но он читал статью внимательно еще и потому, что хотел понять психологию человека, летящего на безоружном самолете над занятой врагом землей, сквозь разрывы снарядов, вперед и вперед... Пять ночей с аэродрома близ Адриаполя взлетал «У-2» пилота Жукова. Пересекал бьющую огнем линию фронта, утюжил воздух над лесными сторожками и хуторками, но, дождавшись лишь вражеских выстрелов, уходил со словами: «Отваливай, товарищ Жуков, не туда приехал...»

Нашел. Вывез. Награжден орденом Ленина.

А за 15 сентября этого же, 1942 года — вторая запись в его личном деле. По заданию командующего 3-й воздушной армией Героя Советского Союза М. М. Громова Жуков разыскал в глубоком тылу врага — близ белорусской деревни Гарькаво — партизанский отряд Гурко, причем по сведениям двухнедельной давности. Вывез оттуда двух раненых летчиков-истребителей и доставил письменную просьбу партизан о боеприпасах, медикаментах, газетах, табаке — на листе бумаги, скрепленном самодельной партизанской печатью: в полушубке, с автоматом стоит под елкой партизан, а вокруг идет надпись: «Партизанский отряд Гурко».

За командиром эскадрильи Жуковым к партизанам Гурко слетали Николай Воронцов, Иван Каширин, Закхарий Нохов, Василий Ползунов, Василий Белойван, Георгий Лысенко, Иван Тарасов, Александр Федотов — установилась постоянная, на все время войны, связь с партизанами.

Теперь уже не были они оторванными от Большой земли, снабжались всем необходимым — и оружием, и мылом, и газетами, радиопередатчиками и питанием к ним.

В делах встретились комиссару письма от командиров партизан-

ских бригад с благодарностью за самоотверженность «крылатых партизан» — так быстро окрестили летчиков, летающих в тыл врага. «Наши бойцы и командиры чувствуют теперь, что они не одни, что за линией фронта помнят о нас и помогают делом»,— писали партизанский комбриг Захаров и комиссар Шкредо.

Кроме партизанской эскадрильи в полку действовали санитарная — В. Косяка и связи — В. Назаренко. Основная машина полка — «У-2» да несколько переоборудованных «Р-5» (на борт берет 12 человек). На «разведчике» летают Алексей Татаренко и Сергей Полоневский: выискивают площадки под аэродромы, возят посменно почту, листовки, газеты. Благодаря им на передовую пресса поступает в день выхода. Это будет его, комиссарский самолет, пропагандистский.

В эскадрилье связи летают и женщины: Мария Клуссон — жена командира полка, Мария Пашкевич — жена летчика Сергея Пашкевича. Марию Пашкевич он помнит по совместной комсомольской работе до войны. Хрупкая, белокурая «комсомольская богиня» теперь — обстрелянный пилот! Сколько раз с ранеными на борту или секретным донесением проносилась над передовой, искусно уходя от вражеских истребителей.

И в который раз за этот день комиссар тяжело вздохнул. Вряд ли ему доведется часто летать самому: в летчики не прошел по здоровью, а пассажиром в глубокий тыл летать пока не позволяют...

Невеселые мысли одолели Абрамова.

Как же нелегко будет тебе комиссарить, необстрелянному, нелетающему. Чему ты можешь научить этих орлов? Что за твоей спиной?

Работа на авиазаводе, где ты, мальчишка-слесарь, а потом электросварщик, делал самолеты? Еще за тобой — полеты на воздушных шарах и дирижаблях, когда ты, уже помощник по комсомолу, проводил предвыборные кампании и, по воле ветра занесенный в глухомань, кричал из поднебесья: «Товарищи! Какая это деревня?» Прыжки с парашютом? Этого у тебя не отнять. Прыгал много раз еще в аэроклубе, там же и летал на планерах. Был на финской войне, куда сам напросился, считая, что комсомольский вожак Аэрофлота должен быть в самом опасном месте. Там введен в партийно-комсомольскую группу Аэрофлота, которая провела несколько экспериментальных сбросов продовольствия и боеприпасов частям и доложила командованию: участие гражданской авиации в военных действиях необходимо. Хорошо обученные ночным и слепым полетам гражданские летчики в любую непогоду найдут нужную воинскую часть, приземлятся на любой площадке, завезут боеприпасы, медикаменты, продовольствие, вывезут раненых. Когда началась Великая Отечественная война, с первых дней были призваны на фронт мирные машины Аэрофлота.

Сюда, в действующую армию, тоже никто не отправлял; три его заявления в ЦК ВЛКСМ остались без ответа. Начальник Главного управления ГВФ, прославленный Герой Советского Союза Василий Сергеевич Молоков так и сказал:

— На фронт просишься, а кто комсомолом будет руководить?

— Помоложе найдутся. А мне уже под тридцать. И потом у меня сын.

— Ну и что же? — не понял Молоков, но внимательней взглянул на заявление: «У меня растет сын, что я отвечу ему, когда он вырастет и спросит: где ты был, отец, в годы войны? Прошу отправить меня на фронт в любой должности».

Отправили на Калининский фронт, во 2-й отдельный авиаполк батальонным комиссаром. Жена плакала, но не отговаривала — знала его характер. Только две красные лычки на новенькой гимнастерке подшивала необычно медленно и положила в нагрудный карман свою и сына фотографию — помни, мы всегда с тобой...

Ничего этого при первой встрече не расскажешь. Тогда — что же?

— Входить не буду, комиссар! Рост не позволяет,— прервал его думы зычный бас командира полка, тоже недавно назначенного из Курганской учебной эскадрильи, Евгения Томасовича Клуссона.

...Командир ждет его у выхода из землянки. Высокий, сухощавый, в новеньком обмундировании, он шагает метровым шагом к самолетам, с которых техники снимают маскировку — мохнатые елки — и где выстроился полк для знакомства с начальством.

В защитной военной форме, в коей так непривычно видеть гражданских летчиков, с орденами и медалями, что блистают под синими аэрофлотовскими куртками на меху, будто невзначай расстегнутыми, с пистолетами и ножами за голенищами сапог... Бывалые, обстрелянные воины. Но эта родная развалочка в позах даже при команде «смирно!» и всякое отсутствие офицерской выправки! Аэрофлотовскую вольницу не так-то просто вымуштровать. Смешливые глаза на молодых лицах — в основном всем по 20—23. Оттого и усы у многих «под Петровича», для важности, а кое у кого пышные бакенбарды.

— Товарищи! — заканчивая краткую речь, провозгласил командир полка.— Представляю вам нашего комиссара Евгения Григорьевича Абрамова. Многие его знают — это наш аэрофлотовский комсомольский вожак. Честь для полка иметь такого комиссара. Тебе слово, комиссар.

И в этом гражданском представлении командира, вчера еще гражданского летчика,— тоже мирные аэрофлотовские привычки.

— Товарищи, друзья! Я привез вам замечательные новости,— начал Абрамов и понял, что́ именно он расскажет этим бесстраш-

ным молодым хлопцам. Не о трудном положении на фронтах, не о занятых врагом городах и селах и даже не об успехах Красной Армии после победы под Москвой — об этом сообщили уже командир и сводки Информбюро. Он расскажет о том, как знамениты они, пилоты 2-го отдельного, в тылу, как гордятся ими их товарищи и семьи. И еще он расскажет о таких же бесстрашных летчиках из других авиаполков. Пусть запомнят: да, мы сейчас пока кое-где отступаем, да, у нас тяжелое время, но везде и всюду — и здесь, на Калининском фронте, и на соседнем, и на далеких от нас — советские воины сражаются героически, а это значит — победа придет.

— Мы там, в тылу, много наслышаны о ваших подвигах. Все подразделения Аэрофлота получают бюллетени с рассказами о каждом вашем героическом полете, читают их вслух на собраниях, куда приглашаются ваши семьи. Ваша воинская доблесть помогает людям в тылу самоотверженно трудиться и стойко переносить лишения. Гражданский флот показал себя за первый год войны нужным, жизненно необходимым всем фронтам...

И он перечислил цифры: доставленные в армию боеприпасы, медикаменты, вывезенные раненые. А закончил так:

— На борту «У-2», пилотируемого гражданским летчиком Энской части Шипиловым, возник пожар от зенитного снаряда. Авиатехник Крысов, несмотря на ожоги, выбрался на плоскость самолета, сорвал с себя комбинезон и сбил огонь. Сели благополучно, награждены орденами Красного Знамени.

Комиссар посмотрел в сторону техников в синих комбинезонах, в лихо заломленных пилотках. Они слушали рассказ о Крысове, подавшись вперед, будто сами вместе с ним выбирались на плоскость в ревущий поток ветра, грозившего смести человека.

Как много в авиации зависит от наземных помощников и прежде всего техников — это комиссар знал. Помнил заповедь: хваля летчика, не забудь о технике, в каждом удачном полете — большая часть его труда.

На прощанье спросил:

— А гармошки в полку есть?

— Есть,— ответили вразнобой.

— А голоса найдутся?

— А как же, все поем!

— А плясуны?

— Есть.

— Значит, будем устраивать свои концерты. Каждую неделю. Сколотим бригаду художественной самодеятельности. И еще — кто хорошо рисует? Нужно помочь в издании постоянного «Бюллетеня», «Боевого листка», «Крокодила». Завтра, после отдыха, прошу всех желающих в артисты и журналисты — ко мне.

И он улыбнулся, их новый комиссар, и все увидели, какой он еще молодой и какой аэрофлотовский, свой.

— Контакт! — кричали то у одного, то у другого самолета.

— Есть контакт!

— От винта!

— Есть от винта!

Отбегали от раскрутившегося пропеллера техники и мотористы, колыхалась пожелтевшая сентябрьская травка, взмывали в сумеречное серое небо друг за другом «У-2», и только комиссар стоял на старом месте, непроизвольно подняв руку и помахивая улетающим, таким знакомым, домашним «кукурузникам», еще недавно возившим почту, опылявшим поля. Теперь они уходили на запад, туда, где мерцало от немецких прожекторов-мигалок небо, где без устали взметали ввысь огонь и свои зенитки, и вражеские, а низколетящему тихоходу «У-2» был опасен даже меткий выстрел из автомата и винтовки. Клином, как перелетные птицы, уходили они из тьмы к тому опасному громыхающему мерцанью, и каждый трижды качнул крылом, словно успокаивая оставшихся на земле: не тревожьтесь, вернемся...

Сколько таких провожаний будет у комиссара за войну, но того, первого, не забыть, потому что казалось ему тогда, что качали ребята крыльями — для него.

Он скоро понял: комиссар должен знать все. Не только, кто какое боевое задание получил и где находится в этот час, не только, в каком состоянии каждая машина полка и, если подбита, когда встанет в строй, не только, чем кормила сегодня в столовой повариха Дина Григорьевна и что будет на ужин,— всем этим занимаются и командир полка, и командиры эскадрилий, и начштаба, и инженеры... Он же должен знать, спокойно ли у каждого на душе, не случилось ли чего в семье далеко в тылу? Потому что не только из положения на фронтах, но и из житейских мелочей складывается боевой дух воинов, а за него в ответе он, комиссар.

Абрамов писал письма родным пилотов. Сколько их было за войну — безмарочных треугольничков из листков в клетку, полоску, косую, красиво написанных синими, красными, зелеными чернилами (их добывали, заливая воду в трофейные сигнальные ракеты). В день получения кем-либо в полку награды он в землянке при свете горящей в гильзе солярки или в сельском доме при керосиновой лампе писал письма родителям и женам орденоносца, ища самые душевные, самые теплые слова. Как много их, оказывается, в нашем языке! И вскоре из тыла стали приходить ответные треугольнички, адресованные комиссару Абрамову лично: «Спасибо за добрые слова о сыне, только что же он сам-то так редко пишет? Ведь переживаем мы».

А большинство ребят в ту зиму сорок второго — сорок третьего

года находились далеко от штаба полка — на аэродромах «подскока», то есть всего в 10—15 километрах от передовой. Так экономились и горючее, и время полета в тыл и обратно. Не 3—4, а 5, а то и 8 вылетов можно было совершить за длинную зимнюю четырнадцатичасовую ночь. А летали крылатые партизаны к калининским, брянским, смоленским, белорусским народным мстителям с оружием и боеприпасами, со свежими газетами и листовками, даже с письмами от родных!

Летчиков долго качали на руках, забрасывали вопросами. Из дальних деревень, где видели летящий «кукурузник», прибегали уставшие люди, чтоб только глянуть на «живых», «настоящих» советских летчиков, прилетевших «аж из самой Москвы!». Тут же происходил митинг, и летчики, выступая, непроизвольно подражали комиссару, начиная речь его обычными словами: «Товарищи, друзья! Я привез вам замечательные новости!» А в конце — традиционное: «Прошу сообщить, в чем нуждаетесь, все просьбы будут выполнены».

Партизаны, одетые во что придется, от телогреек до немецких шинелей с оторванными знаками различия, не всегда сытые, просили одно и то же — патронов, гранат, взрывчатки, питание для радиопередатчиков и — газеты! За два месяца той зимы 105-й полк (так был переименован 2-й особый авиаотряд в сентябре 1942 года) перебросил 36 тонн боеприпасов — груз, который раньше командование планировало доставить партизанам конным обозом через коридор в линии фронта, что было опаснее.

Крылатых партизан стало больше — прибывшее пополнение обучали бывалые летчики, и теперь бесстрашно летали в глубокий тыл Мамкин, Денисов, Тезиков, Панов, Жога, Осокин, Блох, Зеленов, Рындин, Нечаев, Чеканихин, Иванищев, Васильев, Тарелкин...

Самая крепкая связь установилась с бригадой батьки Миная — так звали своего командира витебские партизаны. Вся страна знала из газет, какую трагедию пережил Минай Филиппович Шмырев. Фашисты, озлобленные смелыми действиями бригады, взяли в заложники его детей — Лизу, Сережу, Зину и Мишу. Объявили: если придет с повинной отец, детей выпустят. Отцовское сердце не выдержало — решил идти к фашистам Минай. И тут партизанская почта доставила из тюрьмы записку от Лизы, пионерки: «Папа, за нас не волнуйся. Никого не слушай. К немцам не иди. Если тебя убьют, мы здесь бессильны и за тебя не отомстим. А если нас убьют, ты за нас отомстишь».

14 февраля 1942 года гитлеровские изуверы расстреляли детей Миная...

С рассказа об этой трагедии начинал беседу с кандидатами в партизанскую эскадрилью комиссар. Он понимал: каждый полет в глубокий тыл — подвиг, и на него человек должен идти сознатель-

но, отважно, зная, ради чего рискует. И хотел, чтоб новичок это тоже понял.

— Я ничего не боюсь! — гордо сказал как-то молодой летчик.

— А ты поговори с нашими «старичками». Знаешь, как они объясняют свою готовность к любому опасному заданию? «Если что действительно и страшно, так это не выполнить задание,— ведь хлопцы засмеют!»

Такое неожиданное и простое объяснение подвига только поначалу удивляло новичков, а вскоре, поняв и восприняв боевой дух полка, они и сами говорили вновь прибывшим: «Если что и страшно, так это не выполнить задания. У нас ведь как? Засмеют! Куда тогда денешься?»

Из полетов возвращались с рассветом. Их ждал «усиленный», калорийный завтрак с популярным больше, чем положенные сто граммов спирта, компотом. Потом до 15.00 — сон. Но долго еще не смолкали в землянках гармошка, гитара, пение, и комиссар, собираясь на аэродромы «подскока», старался прибыть туда не раньше 15.00 — пусть выспятся. После подъема — зарядка, личная гигиена, потом — обед, получение боевого задания, уточнение маршрута по карте и с сумерками — снова в небо, на запад.

...Рядом передовая, ухает артиллерия, проносятся свои и чужие истребители и бомбардировщики, а налетавшиеся за ночь пилоты спят, как сурки, и комиссар не решается их будить. Мороз щиплет щеки, не чувствуют его только техники и мотористы, деловито снующие у замаскированных под елочные колки́ машин. Слесарное и электросварочное рукомесло, знакомое с юности, быстро помогает комиссару найти с ними общий язык. Он подходит к технику Лысковцеву, что уже не раз сам бывал у партизан — ремонтировал подбитые самолеты. Помогает нашлепать заплатку на рваную пробоину в крыле самолета и сокрушенно качает головой, видя, сколько уже таких латок здесь.

— Чудом в бак не попал! — показывает комиссар дыру на фюзеляже.

— Заговоренный, видно,— шутит Лысковцев.— Но ведь что обидно: наш «кукурузник» в ночном небе сам себя выдает — пламенем выхлопов из патрубков. Большое искусство летчику нужно, чтоб при этом уцелеть.

— А можно что-то вам, техникам, придумать, чтобы сделать выхлопы незаметнее? — пытливо спрашивает комиссар.

— Все можно, если заняться. Только тут инженерные головы нужны, а мы, техники, поможем.

В записной книжке комиссара появилась запись: «Поговорить с Волхонцевым о патрубках».

Из землянки выбежали ребята — без гимнастерок, растираются снегом, кидаются снежками, хохочут. Признанный острослов Алек-

сандр Блох, видно, репетирует сценку для очередного концерта, распевая то дребезжащим тенором, то басом: «Ямщик!» — «Чаво?» — «Не гони...» — «Каво?» — «Лошадей».— «А чо?» — «Мне некуда больше спешить!» — «Слезай тогда к чертовой матери!»

Взрыв смеха, и кто-то поет:

Кто сказал, что надо бросить песни на войне?
После бо-о-я сердце просит музыки вдвойне!

Судя по легкому акценту, поет, конечно, «Салават Юлаев» — так прозвали в полку смельчака-башкира Закхария Нохова.

Когда умру, похороните на летном поле вы меня
И на могилу положите и лонжероны, и пропеллеры «У-2»,—

перебивает Нохова песней, залихватской по мелодии вразрез содержанию, Иван Каширин.

Они-то, голубчики, комиссару и нужны. Один матери давно не писал, другой жене — только что получил Абрамов от них тревожные письма.

Подойдя к Каширину, комиссар начинает с тонким намеком:

— Тут я, братцы, от своей жены письмо получил, жалуется, что редко пишу. Так я, чтобы она не подозревала в измене, ответил: ношусь, как челнок, по аэродромам «подскока», где единственные существа женского рода — елки да березы!

Все отдают должное шутке комиссара, смеются, а он будто невзначай спрашивает:

— А вы, орлы, давно домой писали? А то могу письма сам на базу отвезти — быстрей дойдут.

Треугольники писем скоро ложатся в комиссарский планшет, в записной книжке после разговора появляются новые записи: «Сказать в БАО, чтоб чаще меняли постельное белье», «Вызвать на базу — заскучали».

Он рассказывает о положении на фронтах, о трудовых подвигах тыла: все эвакуированные на Урал и в Сибирь заводы дают военную продукцию, и гораздо больше, чем до войны, хотя у станков и мартенов стоят женщины и ребята 14—16 лет.

— Ничего, скоро мы всем немцам — секир башка! — делает энергичный жест Нохов.

— Всем фашистам,— поправляет комиссар.— С мирным населением Красная Армия не воюет. А потом, в Германии есть и антифашисты, и обманутые Гитлером люди.

...Вечером комиссар поспешил к Волхонцеву:

— Знаешь, Александр, как звали инженеров на Руси? Розмыслы! Берешься поразмыслить, как ликвидировать след от самолетов и умерить шум моторов?

— Сам давно над этим думаю. Поразмыслю!

И он придумал, как это сделать, инженер Волхонцев: удлинить патрубки, отвести их дальше от фюзеляжа, установить пламегасители.

...Часто подводили моторы, а выход мотора из строя — конец для машины. Комиссар слетал в Москву, нашел завод, выпускавший тогда авиадвигатели, договорился с директором Н. Ф. Казаковым (кстати сказать, будущим творцом диффузионной сварки) о шефской помощи. Выступил на митинге: «Моторы нужны нам отличные и в большом количестве — от этого зависит жизнь наших летчиков-героев и связь с партизанами. Сейчас мы возим взрывчатку в отряды, которые ведут рельсовую войну, не дают фашистам доставлять боеприпасы и живую силу на фронт. Моторы — это ваш вклад в скорую победу...»

Рабочие, а среди них большинство — мальчишки-допризывники, не подвели. За моторами стали прилетать летчики полка, получавшие на эти день-два возможность взглянуть на Москву, побродить по ее улицам и площадям, заглянуть к своим родным или, если таковых в столице нет, к родным однополчан. Все рады фронтовикам, незнакомые люди на улицах останавливают, расспрашивают, не встречал ли такого-то на фронте? Зазывают в гости.

Знал комиссар, как окрыляет поездка в Москву, просил командира полка посылать туда всех по очереди, только себе разрешал это редко, хотя жена и сын жили вблизи завода-шефа. Не выбрался даже тогда, когда родилась дочь.

— Ну что, в Москву за песнями летишь? — шутливо спрашивал Абрамов у отбывающих — чисто выбритых, со свежими подворотничками, с надраенными орденами и медалями.

— Так точно,— бодро отвечали те, отлично зная, что новые песни с них комиссар обязательно спросит — для концерта. Любили самодеятельные концерты в полку, а если еще и шефы с завода самодеятельность привезут, прилетали на базу все экипажи.

Без песен, без шутки на войне нельзя, особенно когда есть повод для торжества: 24 августа 1943 года 105-му авиаполку ГВФ присвоили звание гвардейского, и каждый привинтил к своей гимнастерке новенький блестящий гвардейский значок и нарисовал его на фюзеляже.

Закончился 1943 год — год коренного перелома в Великой Отечественной войне, когда советская авиация завоевала господство в воздухе. В полк прибывало пополнение — Валентин Макеев, Дмитрий Лавров...— всего 23 летчика. Было создано тренировочное звено, где готовили пилотов к ночным полетам в тыл врага.

Выступая перед новичками, замполит говорил: «Наши летчики

показали себя так, что теперь никто не решится повторить хвастливые слова бесноватого фюрера: «Славяне ничего никогда не поймут в воздушной войне. Это оружие могущественных людей, германская форма боя». Нет, славянская! Нет, советская! Наши пилоты это доказали, верю, и вы, молодые, не отстанете от них».

Евгений Григорьевич любил присутствовать на учебно-тренировочных полетах молодых и разборах, которые проводили опытные летчики полка: Валентин Денисов, Николай Воронцов, Василий Ползунов, Борис Кубышкин и другие. Особенно интересно на занятиях у Дмитрия Петровича Кузнецова. Тот проводил их как Чапаев из знаменитого фильма.

— У тебя по маршруту — зенитки бьют. Что будешь делать? — вопрошал он Валентина Макеева.

— Пробиваться! — бодро отвечает тот.

— Эх ты, пробиваться! — беззлобно передразнивает Петрович.— Менять курс надо! Искать, где тихо, спокойно. А чтоб не сбиться с курса, что надо делать?

— Считать! — уже помня прошлый урок, отвечает Макеев.

— Правильно, считать! Постоянно считать в уме по известной формуле: расстояние равно скорости, умноженной на время. И вот ушел от зениток, тишина. О чем нельзя забывать при этом?

Отвечают хором: «О ветре и угле сноса!»

— Молодцы! — доволен Петрович.

— А как точно выйти на заданную точку? К врагу не попасть? — вопрошает он дальше и сам отвечает: — Надо так заучить карту района, чтоб перед глазами стояла! И помнить все характерные ориентиры. Ищи их сам. Какой формы озеро по маршруту? Например, рыбьего пузыря или головы быка. А лесной массив? Скажем, в виде подковы. Глазами сфотографируй излучины реки, изгибы дорог. Теперь запомни, что от того озера, например, формы рыбьего пузыря — 5 минут до того леса подковой. А до третьей излучины реки — 7 минут. По карте эти расстояния вымеряй, высчитай. Теперь тебе сам черт не брат. Выход с курсом на цель, к примеру, от характерного ориентира — леса подковой — 290 градусов. Раз самолет делает 2 километра в минуту, то ты, без учета ветра, при штиле, должен через 2 минуты подойти к заданной точке.

Экзамен продолжается.

— Но вот нашел партизан. Костры внизу по условному сигналу — буквой «Т», например. Будешь садиться? — спрашивает Петрович летчика Лаврова.

— А как же?

— А ты лучше повремени! Фашисты давно за нами гоняются, хитрости наши изучают и костры «под партизан» зажигают! Ты поутюжь над ними воздух и сделай вид, что уходишь. Если чу-

жие — начнут стрелять. А свои высыпят к кострам, закричат, замашут руками — узнаешь. А то заглуши мотор и крикни. Услышат, ответят. Я голосам больше доверяю.

В разговор вступает замполит:

— Тут главное, товарищи, никогда не терять головы. Самообладание, сметка — ваше оружие. Был у нас случай, когда Николай Жуков искал партизан, под натиском карателей сменивших расположение. Заметил условный сигнал — костры буквой «Т». Сел, поскольку знал, что отряд окружен карателями и шум поднимать нельзя. Рулит, но — заметьте! — мотора не выключил. Вдруг в свете фары — самолет со свастикой. Немцы! Коля пулей из кабины, поворачивает «У-2» за хвост на 180 градусов и полный газ — взмыл! Вслед стреляют, а он был таков. Ему-то особенно к фашистам попадать нельзя — они листовки по партизанскому району разбросали: «За голову летчика Жукова — 50 тысяч марок, поместье с наделом земли и крестьянами и Железный крест!» Высокую свою награду — и готовы за предательство дать! Вот как насолил им на безоружном «У-2» мастер ночных и слепых полетов Коля Жуков. Думаю, и вы добавите фрицам, а?

Новички попытались развернуть «кукурузник» поодиночке, но не удавалось. Кто-то бросил: «Он что, богатырь, что ли, Жуков?»

— Нет, такой же, как вы,— среднего роста. Просто при опасности силы человека удесятеряются — это тоже запомните.

В сорок третьем году Абрамову стало легче работать — в эскадрильи пришли замполиты, помощники ему и товарищи: Константин Кособоков, Григорий Синиченкин, Анатолий Раевский, Павел Глущенко, Евгений Шершов. В конце войны, когда подсчитали, сколько было проведено собраний, оказалось — 260. Политинформаций — 2100, докладов — 140, лекций — 385, бесед — 630, офицерских собраний — 70, комсомольских — 215, партактивов — 13. А сколько выпущено «Боевых листков», «Бюллетеней»! В четырех экземплярах на старенькой машинке отпечатывал первые «Бюллетени» сам комиссар, развозил по эскадрильям, и люди узнавали, как воюют их товарищи, кто принят в партию, кто какую награду получил. А в эскадрильях издавались свои газеты — «Ястребок» и даже журнал «Крокодил», только нарисованный крокодил на обложке держал в лапах не вилы, а автомат.

(В московской школе № 227, с которой дружат летчики бывшего 105-го полка, в музее боевой славы хранится одно такое издание — со смешными рисунками и карикатурами, с рассказами о подвигах.)

...Улетают новички к партизанам. Вначале — в паре с мастерами ночных и слепых полетов, потом самостоятельно. Командиры проработали с ними боевое задание, начштаба Лазеба и штурманы помогли изучить маршрут, а комиссар подходит с напутственным

словом: «Вы там, в тылу, представители не только нашего гвардейского полка, советской авиации, но и всей Большой земли, Советской власти. Хочу, чтоб вы помнили: выпил, выругался, обидел кого — всем нам позор».

Евгений Григорьевич не уставал это повторять, хотя был единственный случай, когда один из молодых летчиков прилетел от партизан с бутылкой самогона. Пришлось замполиту провести специальное собрание о таких возможных «подарках», попросить выступить опытных летчиков на тему: «Что такое алкоголь для пилота?»

— Для выполнения наших, как всем известно, особо опасных заданий нужна и особо ясная голова — иначе не вернешься на базу. Так что всем должно быть понятно, можно ли позволять себе такое штатское удовольствие, как водка, вино,— говорил Николай Воронцов.— В полку все построено на доверии к нам, пилотам. Даже врачи не проверяют перед вылетом.

— Мы до войны не знали вкуса водки! К друзьям на чай ходили, а когда это ты успел самогон полюбить? — укорял новичка замполит эскадрильи Синиченкин.

— Да никогда я его не любил! Упросили же от чистого сердца — подарить им нечего! А я сам и 100 граммов положенных после задания не пью!

И хоть это была правда — не пил новичок, даже менял спирт на компот, проработали его на совесть — в назидание другим. Продержали три дня под арестом.

Абрамов слетал к партизанам. Провел беседу с командованием бригады, объяснил, какой бедой может обернуться «подарок». Разыскали доброхота, что вручил его летчику, пропесочили.

С приходом молодых помолодел и весь полк, появились новые привычки. Для форсу многие обзавелись кисетами, тем более что их слали в посылках из тыла, а по примеру командующего авиацией дальнего действия Голованова многие закурили самосад и скручивали огромные козьи ножки.

Концерты проходили где-нибудь на полянке. Жога, признанный баянист, наигрывал «Землянку» или «Синий платочек» с текстами на полковые темы, острослов Блох травил байки из летной жизни, замполит Синиченкин читал свои стихи, а флагштурман Шибаев и диспетчер Клава Смирнова плясали.

Тут в самый раз замполиту заметить: а кто, несмотря на общее веселье, невесел? Что его гложет? Оробел на задании? Обидел кто или плохие вести из дома? Он и только он, комиссар, отвечает за боевой дух полка! Унылого, расстроенного в полет выпускать нельзя. И Евгений Григорьевич присаживался рядом с таким пилотом...

Но был случай, когда подавленными, расстроенными были все летчики полка. Вывозя двух раненых на «Р-5», на котором пола-

галось иметь парашют и по инструкции в случае пожара можно было спрыгнуть, летчик так и поступил.

В полку пошли горячие дебаты: имел или не имел он моральное право спасать жизнь себе одному? Замполит собрал срочно партсобрание: одно для тех, кто был в этот час на земле, другое — на следующее утро, когда вернулись с задания крылатые партизаны. Он ни слова не сказал о поступке летчика. Просто говорил о текущем моменте, о положении на фронтах и о задаче полка на ближайший месяц — доставить столько-то боеприпасов, забросить группу московских кинооператоров в партизанский район для съемки хроники. А потом, к слову, рассказал о подвиге Овсянникова, тоже летчика одного из полков ГВФ. Вывозя женщин и детей из Ленинграда, он довел горящий самолет до своих, посадив машину обгоревшими руками.

— Нам же предстоит скоро выполнять операцию «Звездочка» — вывезти от полоцких партизан воспитанников детского дома: 186 детей от 3 до 14 лет. Фашисты хотели брать у них кровь для своих раненых. Партизаны провели смелую акцию и отбили детей. Теперь они в отряде, но долго там находиться не могут. Вывозить детей будем с партизанской площадки Вечелье.

В ночь на 11 апреля 1944 года звено «У-2» и «Р-5» вылетело для выполнения нового боевого задания.

Бородатые партизаны подводили детей, закутанных в платки и тряпье,— морозы стояли в те апрельские дни еще сильные, озера и реки не вскрывались.

Они даже не смеялись, эти малыши, не радовались пилотскому НЗ — шоколаду и галетам, не удивлялись людям с кинокамерами. Обычно спокойный, добродушный Александр Мамкин, загрузив в свой «Р-5» десятерых ребятишек с воспитательницей и двух тяжелораненых партизан, только махнул рукой, прося отойти от винта,— говорить не мог, сдавило горло.

Он, уже сделавший 70 успешных вылетов с посадкой в тылу врага, на этот раз так спешил скорей довезти бесценный груз до врачей, что не сразу заметил вражеский истребитель. От пулеметной очереди загорелся самолет Саши. Дым скоро заполнил пилотскую кабину. Хорошо, что она плотной перегородкой отделялась от пассажирской. Оставшиеся до своей земли 10 минут Мамкин летел в огне. Он даже успел посадить самолет на лед озера, но обожженные глаза ничего не видели и, когда он на ощупь вылезал из кабины, ударился о стабилизатор.

Самый старший мальчик Володя с воспитательницей Валентиной Лотко открыли люк и вытащили остальных из чада. Последние слова Мамкина знал весь полк: «Дети живы?»

О гибели летчика рассказал «Бюллетень», выпущенный замполитом. Заканчивался он словами: «Нет с нами нашего Саши. Он

погиб, отдав свою жизнь за жизни десяти детишек, которые вырастут взрослыми, станут учеными, рабочими, учителями, летчиками, много доброго сделают для нашей Родины и всегда будут помнить светлого человека Александра Мамкина, и мы верим, будут такими же, как он, замечательными людьми».

(Замполит, как всегда, оказался прав — по белорусскому телевидению много раз выступали те десять, которые стали учеными, рабочими, педагогами, летчиками... А кадры о Саше Мамкине и его маленьких пассажирах, снятые Марией Суховой, вскоре погибшей в бою с карателями, вошли в фильм «Народные мстители» и снова были повторены в известной ленте «Великая Отечественная» Романа Кармена. Весь мир узнал о подвиге советского летчика.)

В полку тяжело переживали гибель Саши, непривычно тихо было в землянках, подавленно молчали записные остряки. Посоветовавшись с командиром полка, Абрамов провел общее партсобрание.

— Товарищи, друзья! Не решаюсь вот уже три дня отправить письмо матери Саши Мамкина. Думаю, лучше это сделать не письмом. Давайте советоваться...— начал комиссар.

Все всколыхнулись, посыпались предложения — собрать деньги, продуктовую посылку, откомандировать со всем этим кого-нибудь, чтоб он и митинг в колхозе провел, рассказав людям о подвиге земляка, и хату матери подремонтировал, потому что вспомнил кто-то, что сокрушался Саша: не успел ремонт сделать сам.

На родину Саши, в село Крестьянское Воронежской области, выехал с наказом полка и подарками заместитель начальника политотдела Александр Тарасов. Никто и ничто не заменит матери сына, но участие, забота друзей-товарищей, их любовь и уважение к сыну помогут перенести горе.

Красная Армия наступала — от Балтийского до Черного морей. Ей всячески помогали партизаны. Для этого нужно было много боеприпасов и оружия. А командованию Прибалтийского фронта, готовящему наступательные операции, требовались свежие разведданные. И крылатые партизаны доставляли разведчиков, сбрасывали десант, возили боеприпасы, медикаменты, консервированную кровь, проводили аэрофотосъемку укреплений врага. Но все трудней было выполнять им задания — вражеский истребитель, подбивший самолет Мамкина, не случайно встретился у линии фронта: пленные фашистские асы показали, что 50 их истребителей дежурят в районе пролетов партизанских самолетов. Пришлось искать новые маршруты — в обход, открывать новые посадочные площадки в тылу.

И вот осенью 1944 года войска 1, 2, 3-го Прибалтийских и Ленинградского фронтов разгромили крупные группировки противника

и перешли в наступление, освободив Прибалтику. На Курляндском полуострове было блокировано 30 немецких дивизий. 105-й гвардейский авиаполк ГВФ за участие в освобождении Прибалтики, и в частности литовского города Паневежис, получил наименование Паневежеского, а чуть позже — орден Александра Невского. Заслуги полка были налицо: его летчики совершили 2597 полетов в глубокий тыл врага, из них 2239 с посадкой, вывезли 21 398 раненых, доставили 495,8 тонн боеприпасов для партизан, 17 тысяч 688 тонн газет, листовок, почты...

Налет полка во фронтовом небе — 70 491 час. Потери за 4 года войны — 11 человек и 12 самолетов. Отмечая высокий боевой дух полка, командование 3-й воздушной армии высоко оценило работу и командира, и комиссара, наградив их полководческими орденами Александра Невского.

Партизанская эпопея закончилась, 105-й гвардейский вел теперь разведку и бомбометание. Опять Волхонцев и его «розмыслы» колдовали возле машин — пристраивали бомбодержатели к «У-2», вернее, «По-2» — так был переименован в 1944 году, после смерти конструктора Поликарпова, этот беспримерный в мировой авиации самолет.

Выходили звеньями на разведку, искали цель: скопления техники, железнодорожные эшелоны, корабли. Летали теперь вдвоем — летчик и штурман, он же бомбардир.

Политработники полка проводили в эскадрильях партийные собрания об освободительной миссии Красной Армии, беседовали с уходящими на бомбометание пилотами. Надо было, чтобы все уяснили: под крыльями наших самолетов — Земля. Да, здесь, в Пруссии, окопался враг, и надо уничтожить его боевую технику. Но нам, советским воинам, предстоит выполнить высокую задачу: спасти от разрушения достояние этой Земли, ее архитектурные памятники, ее леса и животный мир.

— Если не нашел цель, ищи запасную или сбрасывай в пустынное море,— строго, без знакомой всем улыбки, говорил комиссар.

— Беречь фашистскую землю? А они нашу берегли? — возмущался кто-то.

— Земля — она дом для всех и всем кормилица. Этого не понимали фашисты, а мы, советские люди, коммунисты, должны понимать,— объяснил замполит.— А потом, вы же в школе должны были учить, что Пруссия — исконная земля балтийского племени пруссов, в XIII веке уничтоженных или изгнанных тевтонскими рыцарями. Вот так! А война кончается, братцы, слышали: открыта воздушная линия Москва — Минск! Жители освобожденной Могилевской области собрали на восстановление советского гражданско-

го флота полмиллиона рублей! Вот как народ ждет нас, гражданских летчиков!

...Летный состав полка за годы войны вырос с 29 человек до 100, но уже зимой сорок четвертого — сорок пятого года приходили указания о переводе многих боевых летчиков в гражданский флот.

105-й гвардейский передавал на гражданские линии кроме самолетов и моторов грузовые и легковые автомашины, автобусы, бензо- и маслозаправщики. Такой богатый автопарк образовался в полку из трофейных машин. Каждый летчик считал своим долгом доложить, где видел скопление брошенной врагом техники. Замполит вылетал на поиски вдвоем с Волхонцевым. В Пилау обнаружили целую улицу, запруженную немецкой техникой. На одном из домов — крупная надпись на стене: «Пилау взят, Берлин окружен!» — автограф наших пехотинцев. Туда, в Пилау, тут же выехали авиатехники полка.

Комиссар провел сбор средств на постройку гражданского самолета. Отдавали все, что было в карманах,— все вдруг остро почувствовали, что война действительно идет к концу, хотелось еще и еще приблизить этот конец. И песни теперь все чаще пели о доме, о матери, о березах — о Родине.

Они еще не знали, что в Главном управлении ГВФ уже готовилось решение о создании на базе 105-го полка Белорусского управления ГВФ, об отзыве начальника политотдела Абрамова Е. Г. в Москву на ответственную работу. А где-то в мастерских Ивановской области уже шили костюмы цвета вечернего неба и готовили блистающие золотом нашивки...

Евгению Григорьевичу Абрамову сейчас за семьдесят. Но права пословица: веселые люди не старятся. Он по-прежнему работает в гражданской авиации — старшим инженером по кадрам в Авиастрое. В июне 1983 года награжден орденом Трудового Красного Знамени. Это уже девятнадцатая награда Родины.

Александр
БУРТЫНСКИЙ

КОРОТКИЙ СЕВЕРНЫЙ ДЕНЬ

В печурке тлели уголья, заполняя отсек штабной землянки тонким запахом перегоревшей лиственницы. Тусклый рассвет Заполярья изредка озарялся дальним просверком ракеты. Гвардейский смешанный полк жил своей боевой жизнью. Комполка все еще не было: задержался на главной базе ВВС Северного флота, где обсуждали вопрос о взаимодействии всех родов войск. «Да, это вам не сорок первый год,— подумал комиссар о немцах.— Шиш вам...»

Проняков усмехнулся. Вот, вырвалось вслух, точно у мальчишки. Хотя ему уже тридцать два — на войне это немало.

С самого начала войны застряли отборные егерские части на Западной Лице. И нет уже массированных налетов, по 50—60 штук в армаде. Выдохлись. А наше наступление, видно, не за горами. Рванем на Петсамо... Выстояли, выдержали — теперь пойдем. Не зря пополнились людьми, техникой. Да и нынешнее совещание в штабе ВВС, которое уж по счету за два месяца, тоже о чем-то говорит.

Шла весна сорок третьего, и заместитель командира полка по политической части Филипп Петрович Проняков отмечал эти радующие душу признаки. Но он уловил и малейшие, едва ощутимые перебои, внушавшие тревогу: в сводках участились случаи небоевых потерь...

В темноте он нащупал на тумбочке тетрадь, «спутницу комиссара», как ее шутливо называли в полку. Не хотелось зажигать коптилку. На ощупь перелистнув страницу, чтобы не наезжать на предыдущую запись, черкнул карандашом. Что надо сделать завтра? Первое — открытое партийное, с непременным участием ветеранов, опытных летчиков. Ветеранам этим от силы по двадцать пять.

Собрание необходимо. Одно дело индивидуальный подход, другое — коллективное решение. Именно этому учил его погибший Сафонов: жестко требовать и самому во всем быть примером.

Самому... Ах, беда, с тех пор, как его контузило, он стал нелетающим. В минуты расстройства начинала дрожать левая рука. Ну и что?! Летать-то он мог не хуже других. Был бы жив Сафонов — он бы похлопотал за своего комиссара. С ним считались. Проняков не

чаял в нем души. Многому научился у Сафонова. Они понимали друг друга с полуслова, и ничего ценнее не было их дружбы. С новым комполка, Петром Георгиевичем Сгибневым, тоже вроде бы шло на лад. Вступая в должность, тот спросил Пронякова:

— Вас не смущает разница в годах?

Сгибневу едва стукнуло двадцать два. В эти годы только талантливый офицер мог удостоиться такой должности.

На вопрос комполка Проняков лишь пожал плечами:

— Где же я вам возьму молодого комиссара?

— А я вам Сафонова.

Шутка была занозистой, но замполит серьезно кивнул.

— Каждый из нас должен быть достоин этого имени.

И еще комполка спросил его, правда ли, что летчики, и даже сам командир образцового звена старший лейтенант Бокий, вызывали на дуэль аса, якобы сбившего Сафонова.

Комиссар ответил не сразу, поморщась и сдвинув брови. Он не терпел этого словосочетания — «сбит Сафонов». Оно казалось противоестественным. Сафонов летал на американских истребителях, которых прозвали «безмоторной авиацией», потому что у них вечно заклинивало двигатель. В том бою над морем он угрохал на нем три «юнкерса». Последним его словом по радио было «мотор», что означало: иду на вынужденную. Ходили слухи, что неуправляемую машину Сафонова подловил на мушку немецкий ас с драконами на фюзеляже. Он давно уже досаждал нашим летчикам, нападал из засады под прикрытием звена истребителей, и теперь они искали с ним встречи, не раз сбрасывали на вражеский аэродром вымпел с вызовом. Надо же, рыцари... Он, Проняков, продраил их как следует.

— Правда,— ответил он Сгибневу,— отчаянные головы. Но существует воинская дисциплина. Пусть ищут его в небе и бьют без предупреждения.

— Тоже верно.

...Шелестнула у порога плащ-накидка. Хотя Сгибнев вошел тихо, стараясь не потревожить Пронякова, тот шевельнулся на скрипнувшей койке.

— Не спишь, отец? — командир частенько называл так замполита, как все в полку, только не за глаза, а впрямую. Откуда все-таки шло это простецки-уважительное «отец»? От комиссарского звания или врожденной степенности? — Завтра распишем занятия. Четко. И возьмемся за дело. Особенное внимание — взаимосвязи.

Ага, значит, он не ошибся насчет предстоящих боев.

— По предварительным сведениям, на подходе караван союзников,— продолжал Сгибнев.— По моим расчетам, где-то за полдень

10 Заказ 4702

надо ждать. Думаю, пошлем вторую, дополним новичками. А то ведь немцы случая не упустят, не дураки, на самолеты не поскупятся.

«Эх, самому бы слетать!» И вдруг замполиту пришла мысль — позвонить начальству, просить разрешения...

Утром Проняков связался по телефону с начальником Политуправления ВВС Северного флота Ториком и, услышав его добродушно-глуховатый басок, смешался, забыл о своей просьбе, с непривычной торопливостью поблагодарил генерала за кожаные куртки и брюки для полка. Неделю назад он добрался со своей докладной до самого командующего флотом Головко: без спецодежды зарез! Головко, человек редкой обязательности, зная, что на базе такой одежды сейчас нет, все же пообещал, и наверняка не без помощи Николая Антоновича Торика она была добыта где-то на тыловых складах и доставлена в полк.

В трубке повисла пытливая тишина, показалось даже — связь прервалась, но нет: Торик слушал, возможно, удивляясь звонку. Доставили и ладно, к чему благодарности, да и не похоже на сдержанного Пронякова. А тот уже пожалел о звонке — просьба, выношенная в ночной темноте, казалась неуместной.

— Насчет каравана извещен?

— Так точно,— облегченно выпалил Проняков.

— Отвечаешь головой,— все так же глухо, уже без оттенка добродушия, прозвучало в трубке. И снова, после ощутимой паузы: — И пора подтянуться с боевой подготовкой, главное сейчас — обмен опытом, повышение мастерства.

— Ясно, Николай Антонович. Так и намечал.

— А теперь скажи, зачем звонил?

— Но ведь я...

— Без «но». Куртки-шмутки, а еще что? Я же чувствую.

Да, черта с два его проведешь. Уж кто-кто, а Торик своих людей знал. Вот и попал ты, Филипп Петрович, в мальчишки.

— Хотел просить разрешения на вылеты... Хоть изредка. Чувствую себя лучше.

— Сколько раз тебя в госпиталь клали и не разрешали?

— Ну, два.

— А без «ну» — три. Еще раз дернешь меня попусту, получишь выговор. Все ясно? — И, смягчившись, добавил: — Удачи полку, Петрович.

...Проняков нащупал в кармане тетрадку и вышел из полутьмы КП на волю. День стоял ветреный, лед в лужах хрустел под каблуками. Над бурым склоном сопки, пятнистой от мха и березовых ер-

ников, густо стлались облака. Немцы в такую погоду не летали, но в небе стоял отдаленный гул барражирующих патрулей из новичков, выполнявших заодно утренний тренаж. Вчера только вынесли решение на партбюро, комполка согласился, а сегодня уже начали — молодец все-таки Сгибнев, оперативен! И капониры замаскировали по-новому, притрусив палой листвой, даже вблизи не различишь. Проняков, бывший строитель, помогал их оборудовать.

Он заглядывал в капониры; такое у него было правило — обходить их с утра, всматриваясь в знакомые, словно бы вопрошающие лица «сыночков»: что сегодня отец, в каком настроении? Он чувствовал в каждом из них свое продолжение, они обязаны были довершить то, что утратил сам в начале пути. Какие они, в сущности, разные... Старший лейтенант Бокий, задиристый, отчаянной хватки боец, которого не сваливали, бывало, пятикратные вылеты. Капитан Николай Мамушкин, пропагандист полка, он и по земле-то не ходил, а летал, успевая с «Боевыми листками» после каждого боя. Новичок Василий Горишный, худенький, с застенчивой улыбкой. Пекут их в училище, а настоящая учеба начинается здесь, часто в первом бою...

Проняков спешил к четвертому капониру, к лейтенанту Бойченко, фамилия которого помечена в его тетради красным карандашом — тревожным цветом. Как всегда в таких случаях, чтобы отвлечься от неприятных мыслей, решил сперва заглянуть к Горишному, к которому питал особую приязнь,— старателен, вдумчив, славный парень. Да к тому же земляк, из Белоруссии, где до войны служил Проняков и где он, как лучший командир звена, был избран депутатом в Верховный Совет республики. А ведь скоро освободят Минск... первая мирная сессия. И его, Пронякова, пригласят.

Эта мысль захлестнула неожиданной радостью, растревожила душу.

С улыбкой выслушав доклад и глядя в синие, добрые глаза Горишного, он начал с короткой проверки самого важного, чему учил его в прошлый раз. Знание района действий, ориентировка, навигация. Спрашивал мягко, поощряюще, давал сосредоточиться.

— Ну что ж, молодцом.

По бледноватому лицу Горишного словно бы скользнула тень. Слегка замявшись, вздохнул прерывисто.

— Вчера на бреющем чуть не зарылся в волну.

— Бывает. С непривычки скрадывается расстояние.

И мельком пометил в тетради: «Оморячиванье — под началом опытных ведущих. С предварительным инструктажем». А вслух сказал:

— Не стесняйся спрашивать командира звена. Ложный стыд ни к чему. Упустишь мелочь — обернется бедой. Понял? Дотош-

ность в нашем деле только на пользу. Это приказ тебе. И просьба.

— Ясно!

Во втором и третьем капонирах также был порядок. Оставался четвертый — Бойченко. Круглолицый, с затаенной усмешкой, в шлеме набекрень, Бойченко держался независимо. Не раз нарушал правила боя, желая во что бы то ни стало показать себя. Вырваться один на один — и победить. Этакий самонадеянный солист. Сейчас он сделал вид, будто ему невдомек, зачем пожаловал замполит.

— Отставить,— чуть резче обычного прервал рапорт Проняков. Он не терпел зазнаек, небрежная улыбочка Бойченко выводила его из себя, и, как назло, стала подрагивать рука. Он спрятал ее в карман, спросил сухо, глядя в упор:

— Комэска предупреждал вас дважды за лихачество. Третьего раза не будет. Вам ясно?

Летчик кивнул, отводя глаза.

— Славы ищете?

— Все ищут.

— Все — вместе. А вы — всех подведете.— Рывком открыл кабину — проверить боезапас. В коробках с пулеметными лентами был непорядок, в одной явный недобор, в другой уложено наспех. В бою нажмешь гашетку — не исключен перекос.

— Технарь у меня отличный,— пробормотал Бойченко,— случая не было...

— У Сафонова был первейший мастер-техник — Борис Соболевский, доверял он ему как самому себе, а боезапас проверял. Лично!

Летчик пожал плечами. И это неопределенное движение окончательно взорвало Пронякова.

— Недостойно гвардейца,— сказал он тихо и сам удивился спокойствию в голосе.— Буду ставить вопрос о вашем пребывании в гвардейском полку.

Бойченко побледнел. Лицо его стало жалким, пухлые губы чуть вздрагивали. И Проняков, глянув на него, подумал: то лихач, то слабак, именно таким и свойственна импульсивность — взять и рвануть из строя. Надолго ли его хватит с такими порывами?.. И как это вообще возможно — бросить ведущего? В бою! А здесь, над аэродромом? Мысль, внезапно поразившая его, еще не совсем оформилась, но он уже зацепился за нее. А не лучше ли им барражировать парами? Не облегчится ли управление боем, да и быстрота маневра. Непременно посоветоваться со Сгибневым, обсудить.

Не попрощавшись, Проняков вышел из капонира.

Уже на самом краю аэродрома его догнал комсорг Вася Жабин. Комсорг воспринимал каждый успех полка как свой собственный.

Он запыхался и еще издали закричал, что вернулись с задания торпедоносцы.

— Все?

— Да, живы-здоровы, утопили два транспорта. Может, завернете на минутку, им приятно будет...

Пронякову нужно было в мастерские, но слишком уж взволнован комсорг, да и с «торпедниками» на прошлой неделе серьезно поговорили о тактике. Что-то у них не клеилось — броски с дальнего расстояния не давали должного эффекта. И вот тебе на — сразу два транспорта.

— Пошли.

В землянке эскадрильи было шумно, летчики сгрудились вокруг «именинников», один из которых — плечистый крепыш Иван Гарбуз рассказывал взахлеб, с трудом натискивая на могучие плечи чистую рубашку. С появлением замполита все притихли.

— Давайте, продолжайте,— отмахнулся он от доклада комэска Поповича,— и я послушаю.

Было удивительно смотреть на Гарбуза, этого молчуна, которого точно подменили после горячего боя. Почерневшее лицо его сияло, под глазами круги: не так-то просто свободному охотнику петлять по нескольку часов над штормовым морем.

— ...Ну вот, заметил их почти впритык, туман же с водой пополам, развернуться бы, а у них конвой — десять «мессеров». Ну и залез под огонь, взмок аж, глаза залило. Как сообразил, сам не пойму, взял мористей и — в облака, вроде наутек, нет меня! Вижу, справа мелькнуло, отрезают путь к берегу, а мне того и надо, я на прежний курс — и прямо к заднему транспорту, утюг тысяч на пять... С сотни метров бахнул в него, едва в трубу не врезался — и тикать. Шел между сопок, почти вприжим проскочил. Но Славке досталось...

Все обернулись к Вячеславу Балашову, вытянувшемуся на койке. Светлая челка опалена, красные, будто ошпаренные скулы в белых заплатках пластыря. В отличие от Гарбуза, всегдашний «травила» и весельчак Балашов был молчалив и мрачен.

— Слав, скажи слово,— подначил кто-то из дружков,— ты что, язык потерял?

— Давай, Слава, комиссар-то ради вас пришел.

— А что рассказывать,— поморщился от боли Балашов.— Говорили же — кидать надо вблизи, да я сам давно понял. Ну, встретили, гады, в лоб, отвернешь — все одно каюк: плоскость горит... Ну и решил — на таран. Да бог миловал, сбил пламя уже над самой кормой и заодно кинул торпедку. Еле дотянул, горючее на нуле.

Филипп Петрович кивнул ему понимающе, потом обернулся к комсоргу и командиру эскадрильи.

— Вернувшимся отдых — позаботьтесь. На летучке разобрать детально, с мелком в руках все их действия. Обеспечьте стопроцентное присутствие. И широкую гласность в масштабе полка.— Подумал и добавил: — С дивизионкой сам свяжусь, пусть пришлют корреспондента. Это очень важно, очень.

Пока гостил у «торпедников», прошел снежный заряд, и уже снова, обтаивая белый покров поля, порывисто дул из-за сопки по-весеннему влажный ветер — Проняков вдохнул его полной грудью. Ветер победы, так назвал его на недавнем партсобрании все тот же жизнерадостный комсорг Жабин. И это чувствовалось по сокращающимся, хотя и остервенелым, налетам немцев, окопавшихся у Петсамо. Служба оповещения была на высоте, врага отбивали на всех участках, исподволь накапливая силы для решительного удара. И конечно, важнейшим звеном в этой подготовке была материальная база.

Помнится, словно это было вчера, с каким отчаянным упорством старались они с Сафоновым пережать «мессеров» в воздухе на «харрикейнах», которые уступали немецким машинам в скорости. Мотор слабоват. А каково с таким мотором летчикам, кидавшимся, бывало, в одиночку против целой эскадрильи,— лучше не вспоминать. Вот и мудрили, как могли, с командиром полка. Однажды провели эксперимент: сняв с «мессера» бронеспинку, Сафонов приказал стрелять по ней с разных ракурсов, чтобы определить, как лучше достать врага в бою. А затем, с учетом слабых мест противника, переоборудовали и сами «харрикейны». Половину пулеметов убрали, заменив одной пушкой. Получилась машина — более или менее.

«Подковали английскую блоху»,— шутили техники после бессонных ночных авралов.

Теперь в самолетах не было острого недостатка. Прибыли новые «Яки», «МиГи», «Лавочкины», отличные машины, о каких еще недавно можно было лишь мечтать. «Як-3» свободно маневрировал по вертикалям, забираясь до десяти тысяч метров, за облака. А где высота и скорость, там и победа. Особенно если учесть, что и вооруженность стала не в пример прежней — мощные пушки и пулеметы... Сейчас, в преддверии решающих событий, технику надо было срочно привести в порядок, поврежденные машины вернуть в строй — создать резерв. К ремонтникам, этим труженикам войны, и направлялся замполит Проняков.

...Работа шла под маскировочным навесом, в густом кустарнике. Проняков пробирался по вязкому грунту, когда тревожно завыла сирена, и буквально через минуту с гулким свистом в небо рванулись два дежурных звена. Почти одновременно у самого основания

сопки грохнули разрывы вражеских бомб. Проняков спрыгнул в воронку за колким можжевельником. Взрывы прошли по самому краю летного поля, на мгновенье оглушив его, обдали воздушной волной. Ухо успело уловить отдаленно стрекочущие за облаками очереди. В последнее время немцы бомбили с больших высот — страховались. Глаз поймал дымный след «юнкерса» наискось за сопки, потом поплыло в глазах, подступила тошнота. Подумал с горечью: «Слабак, а еще летать просился»,— рука опять дрожала...

Мир постепенно обретал четкость. Вдалеке промелькнула санитарная машина. С ревом шли на посадку «ястребки». Проняков отряхнулся и пошел, превозмогая боль в висках, с единственной тревожно-сверлящей мыслью: цела ли мастерская?

И вздохнул облегченно: навес был не тронут. Навстречу замполиту устремился инженер полка по вооружению Борис Львович Соболевский, как всегда озабоченный, деловой, совсем по-штатски взмахнул рукой у козырька.

— Доброе утро, Львович.

— Похоже, одного срубили,— счастливо выдохнул инженер,— так что в этом смысле — доброе.

— Ну как, успеваешь?

— Так сроки все равно неизвестны,— ухмыльнулся Соболевский,— когда еще будет наступление.

— Сроки вам поставили, хитрец.

— Тогда постараемся уложиться.

От стеллажа с разобранными пулеметами на него глянули запавшие глаза техника-лейтенанта Макова, одного из сафоновских питомцев. Проняков коснулся ствола на стеллаже. Оглядев патронник, вставил отвертку в прорезь шурупа, машинально крутнул, ощутив чуть приметный доворот. Так и есть, не почудилось: проморгал техник. И словно царапнуло по сердцу.

Техник уже понял, сквозь копоть на щеках проступил румянец, и одновременно замполит ощутил легкий запашок спиртного. Он все еще не верил, глядя на Макова.

— В чем дело?!

Техник молчал. И в этом упрямом молчании, во внезапно повисшей тишине, перебиваемой звуками рашпилей, таилось нечто, всколыхнувшее в нем гнев и досаду.

— Виноват,— обронил наконец Маков, накрепко прилаживая деталь. Губы его были сжаты, на скулах вспухли желваки.

Краем глаза комиссар заметил приглашающий робкий кивок Соболевского — отойти в сторонку. Вслед за ним Проняков вышел из-под навеса.

— Разрешил я,— неожиданно твердо вымолвил Соболевский,— третьи сутки без сна, с ног валятся. Выдал ночью фронтовую норму.

— С риском допустить брак при сборке боевого оружия?

— Мелкий брак, но я его предвидел. С утра одного выделил вроде ОТК *. Сами понимаете, свыше сил...

— Докладывать надо вовремя. И ОТК не выход. Не в таком уж мы аврале, чтоб так выкладываться. Лучше подумай о скользящем графике, с максимально возможным отдыхом.

— Я уже думал.

— Долго думал. Санчасть привлеки, там пять выздоравливающих, рапорты шлют. А ты навалился на своих. Какой толк? А соображения свои представь сегодня же, к пятнадцати ноль-ноль.

Замполит попрощался и пошел было дальше по намеченному маршруту, но что-то заставило его завернуть в столовую, хотя и так почти не было дня, чтобы он не побывал там. Чем кормят людей: вкус, калорийность? Еще при Сафонове участилась цинга, и тогда они с врачом Усковым стали запаривать хвою и ставить графины с напитком на обеденные столы. Летчики вначале морщились, но потом привыкли. И стали называть настой «елочным бальзамом». Он многих спас, этот бальзам... На этот раз все было в порядке. Графины стояли на столиках, отливая каким-то сложным зеленовато-розовым цветом.

Пора было возвращаться в штаб — обещал командиру полка быть к двенадцати, оставалось полчаса. И тут увидел за крайним столиком комсорга Жабина. Видимо, за беготней тот опоздал к завтраку и теперь в ожидании каши исподлобья зыркал в его сторону. Проняков сразу вспомнил о вчерашней просьбе комсорга, раскрыл вытащенную из кармана тетрадку, пробежал последнюю страничку: «Провел две беседы: «Успехи сталинградцев и наши задачи», «О воинской чести офицера-летчика»... Ага, вот оно: «Лейтенант Глушков. Суеверие. Воздействовать авторитетом».

Ох уж этот неугомонный комсорг с его наивной верой, что замполит может все. Славный парнишка, инициативный. Воспитательная работа сроднила их, новые формы ее радовали обоих. Взять хотя бы торжество вручения наград и партбилетов перед строем с развернутым знаменем. А помощь молодым летчикам в устройстве подчас очень сложных, запутанных личных дел, поддержка семей через связь с военкоматами.

Случай с Глушковым вначале показался забавным — новичок лейтенант, если верить комсоргу, по тринадцатым числам отлынивал от полетов, норовил подежурить. Он хотел было возразить Жабину: «Сам действуй, привыкай», но ситуация действительно глупейшая — о чем тут говорить? Да, любопытно взглянуть на Глушкова, что за человек... А может, комсорг ошибся?

---

* Отдел технического контроля.

В землянке 2-й эскадрильи его встретил звонкий голос дежурного. Так и есть — Глушков. Он нарочно дал выпалить рапорт до конца, хотя помещение было пусто. Спросил спокойно:

— Что, лейтенант, говорят, сегодня тринадцатое?

По-девичьи белое лицо Глушкова залилось краской. Еще не бреется, что ли, подумал комиссар, а душой старичок, в приметы верит.

— Откуда это у вас?

— От бабки... наверное,— сглотнул Глушков и открыто улыбнулся, стараясь все обратить в шутку.

— Ну что же, вечером на собрании расскажете про свою бабку всем.— На миг сделалось не по себе, такой у Глушкова стал жалкий вид.— И пусть там решат — суеверие это или, может быть, трусость.

— Есть,— прошептал летчик одними губами,— ерунда же...

Проняков вернулся на КП вовремя: Сгибнев ставил задачу на сопровождение каравана. Важность ее понимал каждый, лица комэсков были сосредоточенны. Комэска-2, капитан Покровский, задумчиво смотрел перед собой, прикидывая возможный бой с «мессерами». Непоседа Бокий — чуб торчком, весь точно взведенная пружина — порывался что-то сказать, но всякий раз под взглядом комполка сдерживал себя и только черкал в блокноте. Командир звена Климов, собранный, не по годам суровый, слушал, как всегда, спокойно, подперев щеку кулаком.

Пропагандист полка Мамушкин, смуглый торопыга, и степенный Федоров, замполит 2-й эскадрильи, такие внешне разные, сейчас чем-то были схожи, внимая рубленым фразам комполка. Поодаль сидел знакомый инспектор ВВС флота, очевидно, прилетевший еще утром.

— Караван входит в нашу оперативную зону,— четко выговаривал Сгибнев,— примерно в пятнадцать ноль-ноль, дополнительно сообщат. Для выполнения операции назначаю группу под командованием комэска Покровского. Ему придается два звена Алагурова. Бокий со своим звеном выходит на разведку за час. Обратите внимание на точное местоположение судов. Могут появиться истребители противника и торпедоносцы. Бокий, вам не сидится, есть предложения?

— Если разрешите.

Человек редкой храбрости, но всегда остро переживавший малейшую потерю, Бокий вместо предложения задал вопрос: не мало ли «девятки» и алагуровцев? Мы сейчас не бедные.

— Важно начать, потом слетятся соседи, связь установлена.

— И все же,— вклинился замполит,— надо держать наготове хотя бы пару звеньев.

— Выделим. И пару новичков тоже прихватим — для боевого крещения. Пошли дальше.

Начальник штаба Иван Федорович Антонов, отличный тактик, подробно, не спеша, как бы снимая общую напряженность, сообщил разведданные по транспорту, направление движения, код береговых батарей, которые завяжут дуэль с немецкой артиллерией, отвлекая ее от транспортов...

— Метеосводка — на руку.

Комполка заметил нетерпеливый жест Пронякова, спросил, есть ли дополнения по существу дела. Филипп Петрович кивнул и объявил присутствующим — к вечеру намечается открытое партсобрание с повесткой дня: повышение боеготовности. Эта же тема должна стать основой усиленной командирской учебы. А пока...

— Прошу комэсков в ближайшие два часа провести тщательный инструктаж. Проиграть возможные варианты боя, особое внимание уделить осмотрительности и взаимовыручке. Помните завет Сафонова: расчет и натиск.

Летчики покидали КП, тихо переговариваясь.

От Пронякова не укрылось, как шутливо столкнулись плечами два комэска — высокий Покровский и низенький Алагуров, переходивший на сегодня к нему в подчинение. Оба суровые, замкнутые, вдруг разулыбались, и Филипп Петрович порадовался за людей, чья неброская дружба скреплена в бою. Месяц назад Покровский без единого патрона пошел в лоб на «мессера», который строчил по прыгнувшему из подбитой машины Алагурову. Фашист не выдержал, отвернул...

Комполка и начштаба собрались с инспектором в столовую. С полпути командир вернулся, и Проняков понял, что Сгибневу надо перемолвиться наедине.

— С Бойченко мы поторопились. Я ведь тоже поддал ему жару. После тебя, с инспектором...

Вид у командира был какой-то виноватый. Беспокойное, нервное лицо старила складка у переносицы. Комполка решил вступиться за Бойченко, это было на него не похоже, не терпел он жалобщиков.

— Двойная накачка во время дежурства свое дала. Человек ранен. В бою... Ты что, не в курсе?

Так вот оно что! Вспомнился утренний налет, бой за сопкой, промчавшаяся мимо санитарная машина. Бойченко... Он, замполит, начал, комполка добавил, не откладывая до вечернего разбора, на спокойную голову. И ринулся лихач, теряя всякую осторожность,— искупать вину. Проняков ощутил под сердцем давящую боль. Ладно, командир молод. Но он-то, старый дурень...

Филипп Петрович стоял сгорбясь, казня себя и не поднимая глаз.

— Тяжело ранен?

— В руку. Я с ним говорил, когда привезли. Уцелел чудом, тридцать пробоин. А немца сбил.

— Когда к нему можно зайти?

— Завтра с утра. А теперь пошли — инспектор, неудобно.

— Ступай, что-то аппетит пропал.— Проняков покачал головой.— А я загляну на инструктаж.

Ровно в 14.45 в штаб 2-й эскадрильи, где шел инструктаж, позвонили с КП: «Всем в воздух!» Филипп Петрович ощутил на себе горячий, умоляющий взгляд Глушкова. Он понимал, что значит для того разрешение на вылет: спасение от собрания, где новичку придется туго. Только сейчас вдруг ощутил замполит, каково человеку стоять перед сотней глаз с таким обвинением. Чего доброго, приклеится прозвище, что-нибудь вроде «суеверной бабушки»,— век не отмоешь...

— Вторым — Глушков.— Будто кто-то за него произнес вызывающе звонко и весело.

Покровский, застегивая на ходу куртку, уже командовал: «По машинам!»

Летчики сыпанули к дверям, на миг образовав пробку, замполит вышел последним, ощутил в озябших пальцах тетрадь, сложил ее пополам и сунул в карман.

...К этой-то пожелтевшей тетради, в которой кроме деловых будничных пометок были обстоятельные описания важнейших событий, я и обращаюсь много лет спустя, вместе с Проняковым заново переживаю тот обычный боевой день. Все так живо, будто произошло лишь вчера и мы с Филиппом Петровичем не седовласые люди, а совсем еще молодые вояки.

Итак, запись о том памятном бое.

«Первым заметил вошедший в Кольский залив караван капитан Алагуров, доложил Покровскому. Караван — все пятнадцать судов в целости — удачный рейс. Значит, вся ответственность теперь легла на прикрытие... Два огромных транспорта, остальные поменьше. Три сторожевика.

Неожиданно со стороны Киркенеса из облаков вынырнула пятерка «юнкерсов» под защитой трех истребителей. То, что их оказалось мало, насторожило Покровского. Он приказал Алагурову отойти северней, следить за небом, а сам атаковал «юнкерсы». Две машины противника были сбиты, остальные повернули назад, и вскоре Алагуров доложил: «Володя! Вижу группу «юнкерсов», идут четко на залив. Без прикрытия».

Немцы своей первой «пятеркой», очевидно, решили с ходу отбомбиться по каравану, внеся панику, и заодно связать руки нашему прикрытию, а тем временем в обход, основной силой, ударить по кораблям. Покровский разгадал их замысел и, сообщив в штаб обстановку, запросил резерв. Алагурову приказал атаковать истре-

бители во фланг, а сам с двумя звеньями тоже в обход, с набором высоты решил встретить «юнкерсы»... Минут через десять обрушился на врага, расстроив его порядок. Немцы были сбиты с толку внезапным натиском. В тесноте боя не сразу сообразили, что наших — всего два звена. Некоторые отвернули, не дойдя до цели. Тех, что прорвались к каравану, встретил подоспевший комполка с Алагуровым, да с ними два новичка из резерва...

Должен сказать, отлично дрался и сам комэска — невозмутимый Володя Покровский со своим ведомым Юдиным. Рискуя подставиться зашедшему в хвост «мессеру», атаковал пикирующий на транспорты бомбардировщик и тем спас от гибели корабль. Затем, прикрытый Юдиным, ловко развернулся, сбил вражеский истребитель. На редкость скромный мужик Покровский. Подробности я буквально вытягивал у него по словцу. Похвалишь — отворачивается, будто красна девица».

Пропустив несколько строк, я продолжаю читать проняковские записи. Итак, сражение над заливом разгорается.

«По приказу комполка, который взял на себя руководство боем, Бокий со своим звеном пошел домой — на заправку.

В это время из облаков вышла новая волна «юнкерсов», около тридцати машин. Комполка не растерялся, повторил знаменитый маневр Сафонова — врезался противнику в лоб как нож в масло. Сбил ведущего, нарушив строй. На обратном курсе сбито еще два «юнкерса». Строй окончательно распался. Прибыла в подмогу эскадрилья соседнего авиаполка, дело пошло веселей. Сбито уже шесть «юнкерсов» и пять «мессеров». Некоторые машины попали под огонь корабельных зениток.

Вражеская артиллерия била редко и невпопад. Оно и понятно. За полчаса до появления каравана наши корабли и береговики прочесали их приличным артналетом. Прямо душа радуется, в сорок первом о таком и не мечталось. Жил бы Сафонов — какой бы для него был праздник!

...Еще полчаса боя. Потери каравана невелики. Два пожара: один, локальный, быстро потушен. Сбиты в упор два торпедоносца. Научились англичане маневру. Еще бы, при таком прикрытии можно жить.

...Причина успеха — хорошая слаженность. Особая тема на разборе! Ведомые, как правило, не просто отстреливались, атаковали, ни на миг не упуская ведущих. Особенно В. Юдин, фактически спасший командира во время маневра с «юнкерсом».

Отметить лейтенанта Климова — действовал по-сафоновски. Расстреляв боезапас, преследуемый тремя «мессерами», взял курс прямо на спрятанную у берега нашу зенитную батарею, хотя мог сгоряча получить заряд в брюхо. Но командир зенитчиков разгадал его замысел. Пропустив «харрикейн», выждал и в упор ударил по

«мессерам». Два врага, один за другим, врезались в сопку. Третий набрал было высоту, но не вытянул и грохнулся в море.

Караван в сопровождении прибышего Бокия ушел к Мурманску. Бокий вернулся час назад — именинником. Сбит «барин с драконами». Наконец-то его достали!

Отметить особо отличившихся. Представить к награде. Сегодня же. Поговорить с начштаба, чтоб не затягивал».

Теперь, слегка отступая от тетради, хотелось бы пересказать заново одно из главных событий дня, виновником которого был старший лейтенант Николай Бокий.

...Летчики один за другим возвращались на родной аэродром, и замполит, ежась под метельным ветром, который дул с севера, считал машины, отмечал в памяти имена. Он знал каждого, и теперь тревожно вглядывался в заволоченное небо. Бокия все не было. Двое из его звена приземлились, машины — с ободранным дюралем. Он понимал, что это значит, и почувствовал неладное. Метель стихла так же внезапно, как и началась. Прилетевшие, увидев Пронякова, застыли.

— Где Бокий?

— Товарищ замполит,— хмуро ответил ведомый Бокия лейтенант Титов,— нарвались на засаду. Командир ввязался в драку с этим самым асом и его свитой. Я прикрыл, потом развернулся отбить атаку слева, на перевороте потерял его. Пурга пошла... Облазил все вокруг — нет, и горючее на нуле. Эфир молчит.

Проняков представил обстановку боя, внезапный заряд. Кажется, лейтенант сделал все возможное... Вдруг от КП донесся радостный голос радиста: «Товарищ замполит! Бокий летит». Проняков бросился к штабу. Командир полка Сгибнев, возвращавшийся вместе с Бокием, передал радиограмму: «Срочно готовьте самолет на вылет в квадрат двенадцать», сообщив и точные координаты сбитого аса — того самого, что с драконами.

Вскоре Бокий, живой, целехонький, уже докладывал замполиту и начальнику штаба подробности боя. Скованный мертвой усталостью, он говорил непривычно медленно, с расстановками: «Гнал немца до прибрежных озер. Дважды фашист пытался вырваться, но без успеха, в последний момент, в перевороте, снова взял верх, рубанул по мотору... Тут же сообразил, что густая полоса дыма — имитация, дымовая шашка. И добавил очередь почти впритык. Еще увидел, как немец плюхнулся на брюхо...»

Аса — обер-фельдфебеля — сумели взять живым уже далеко от самолета; он убегал на лыжах. В кабине его машины летчики с удивлением обнаружили кучу барахла — женские платки, крестики, иконки...

В штабе он сперва наглухо молчал. И лишь когда Проняков назвал его по фамилии, которую перед тем прочел на лямке парашю-

та, сухое ястребиное лицо фашиста дрогнуло и слеза поползла по костистой щеке.

— Мне оставят жизнь? — спросил он вызывающе зло, и это как-то не вязалось с его горестно сморщенной физиономией.

— У нас пленных не расстреливают. Вас допросят в другом месте. Мне лично одно любопытно: зачем возите с собой тряпки?

Немец понес что-то путаное, из чего комиссар только и мог понять, что обер-фельдфебель не мародер, он «почти офицер», а тряпки ему якобы сунули друзья на случай вынужденной посадки — откупиться от местных аборигенов. Он так и сказал — «аборигены».

Его увезли в штаб дивизии, а замполит долго еще смотрел в темное вечернее оконце, с каким-то странным облегчением и брезгливостью вспоминая перепуганного аса. И этот дикарь в нашивках и такие, как он, вздумали покорить Россию, завоевать мир?!

Юрий
МЕШКОВ

И ТЕХНИК, И СТРЕЛОК

«Нет, эти ребята не похожи на рыбаков. Да и сетей у них не видно — только акваланги. Уж не подводной ли охотой решили заняться здесь, на Псковщине? Вот чудаки!» — так недоумевал бы прохожий, заметив на озере моторную лодку с аквалангистами на борту. Те упорно, метр за метром исследовали илистое дно. Под самый вечер, основательно избороздив намеченный на сегодня квадрат, решили сделать еще один заход — «на удачу», и трос, на конце которого был привязан острый крюк, вдруг резко натянулся: есть зацеп!

Привычным движением перевалившись через борт лодки, ушел под воду аквалангист. Медленно, словно нехотя, разматывался сигнальный конец... Густая взвесь ила и песка заставляла передвигаться с особой осторожностью, буквально на ощупь. Оставшимся в лодке — группе студентов Московского авиационного института — минуты каждого нового погружения казались вечностью: что за предмет на дне?

...«10.10.43 г. Командир звена лейтенант Юрьев Николай Васильевич и старшина Кузнецов Леонид Федорович уничтожали живую силу противника в пункте Захарки. В воздушном бою сбит «Ме-109». «Ил-2» получил повреждение и упал в озеро Сенница. Экипаж погиб».

Именно эти скупые строчки из военного архива и легли в основу задания Советского комитета ветеранов войны студентам-аквалангистам из авиационного вуза. Где-то здесь затонул «Ил-2», принадлежавший 766-му штурмовому полку 211-й Невельской авиадивизии. Десятки погружений, многие часы, проведенные под водой, и... На поверхность подняты отдельные части штурмовика, и среди них пулемет. Хорошо сохранившийся — хоть сейчас в бой.

1943 год врезался в память замполита полка Алексея Спиридоновича Петровского событием, которого нетерпеливо ждали все: полк получил новые двухместные самолеты «Ил-2». К тому времени

о штурмовике уже ходили легенды. В тревожных письмах домой вражеские солдаты называли эти машины «черной смертью». Ни одна из сражавшихся во вторую мировую войну стран не имела подобного штурмовика, и ни один самолет не выпускался в таком количестве, как «Ил-2».

(Немецкие авиаконструкторы предприняли было попытку создать штурмовик. Самолет — «истребитель танков» — «Хш-129» проектировала фирма «Хеншель». Но конструкторов постигла неудача.)

Вообще-то перевооружение наших авиационных частей полным ходом шло уже с конца 1942 года. Многие советские машины превосходили теперь германские в летно-тактических характеристиках. Ни Петровский, ни его однополчане, конечно, не представляли в полной мере масштабов титанической работы, проводимой авиационными КБ и заводами страны. Однако ясно видели, как заколебалась чаша весов: наши «летающие танки» со стрелком, охраняющим заднюю полусферу от «мессеров», «дали прикурить» фашистским танкам, ползущим к Волге, еще в сорок втором. Преимущества двухместного штурмовика красочно расписывали летчики, уже работавшие на нем по наземным целям, а теперь прибывшие для пополнения в 766-й штурмовой авиаполк.

С апреля 1943 года полк базировался под Москвой,— перевооружался. Замполит Петровский, возбужденный, радостный, ходил от одной самолетной стоянки к другой, выслушивал мнения о новом самолете. Механики к тому времени уже успели как следует оценить особенности «Ил-2», поскольку впервые одноместные штурмовики Ильюшина полк получил еще в начале 1942 года. Наземным специалистам сразу понравилось, что машина надежна в эксплуатации. Летчикам пришлась по душе закованная в броню кабина. И теперь они чувствовали себя настоящими именинниками. Еще бы! В воздушном бою у них появлялась защита от нападения сзади. Теперь в их руках был качественно новый штурмовик.

Для прибывающих в полк новичков Петровский организовал специальные занятия, где рассказывал о живучести и других боевых свойствах «Ил-2», зачитывал выдержки из газет. «Наши штурмовики «Ильюшин-2» с крупнокалиберными пушками могут поражать все основные типы танков противника,— это из «Красной Звезды»,— пояснял замполит и продолжал:— Они способны вести активный бой против истребителей, бомбардировщиков и транспортных самолетов противника».

«Красной Звезде» летчики верили. А вскоре, когда полк включился в боевые действия на Калининском фронте, представилась возможность проверить выводы газеты на головах фашистов.

Еще на финской Петровскому довелось совершить 16 боевых вылетов как раз в качестве воздушного стрелка. Был он тогда секретарем партийной организации бомбардировочного полка. Воздушных стрелков не хватало, летали добровольцы. И среди них — парторг Петровский. Алексей Спиридонович был воздушным стрелком-самоучкой. Уже на фронте он познакомился с теорией воздушной стрельбы, сам изучил пулемет, набрался дельных советов у бывалых бойцов — не летать же, в самом деле, голой мишенью! Правда, сейчас ходить в бой ему не полагалось, да и неизвестно еще, как на то посмотрит командир полка. С получением новых «Илов» у замполита зародилась одна идея, но о ней Алексей Спиридонович до поры до времени умалчивал. Лишь когда новая машина была полком освоена, он приступил к осуществлению задуманного.

Первый вылет Петровский совершил нелегально: высадил стрелка перед самым взлетом. Нет, он ничего не приказывал. Встал на плоскость, будто хотел сделать перед стартом напутствие, и вдруг бросил по-мальчишески озорно:

— Ну-ка, дай я слетаю!

Возразить замполиту у молодого бойца не хватило духа.

С тех пор Алексея Спиридоновича можно было частенько увидеть среди экипажей, готовящихся вылететь на задание. Теперь он предупреждал командира полка о предстоящем вылете. Тот, хоть и старался сдержать Петровского, но категорически не запрещал. Командир видел, как после каждого боя замполит в окружении летчиков и стрелков делится наблюдениями о ходе сражения, предлагает какие-то свои варианты решения тактических задач. Алексей Спиридонович делал это спокойно, со свойственной белорусам обстоятельностью. И на официальных разборах полетов, где замполит часто выступал, и в товарищеской беседе он был с воздушными бойцами на равных. Петровский не стремился обязательно летать с командиром или другим опытным летчиком. Наоборот, выбирал новичка, чуть ли не впервые идущего в бой. И парень старался не ударить в грязь лицом, зная, что за спиной — замполит. Даже когда один из таких вылетов едва не стоил ему жизни, Алексей Спиридонович не изменил своему принципу — летать с новичками. А дело было так.

«Ил-2», пилотируемый стажером военно-воздушной академии, недавно прибывшим в полк, делал разворот для нового захода на танковую колонну противника. Еще мгновение — и штурмовик со снижением пойдет по прямой, угощая гитлеровцев свинцом из всех своих огневых точек. Вдруг машину сильно тряхнуло. Стало тихо. Только свист ветра указывал на большую скорость. Петровский поначалу не понял, что произошло. «Мотор! — мелькнуло в голове.— Прямое попадание в двигатель!»

11 Заказ 4702

Самолет начал быстро терять высоту. Алексей Спиридонович попытался подбодрить летчика: «Спокойно! Идем правильно, в сторону своих». Надо перевалить через линию фронта... А земля под крылом все ближе и ближе. «Ну, еще чуть-чуть, родимый!» — твердил Петровский, стиснув зубы.

Впереди крутым обрывом уходил вниз берег реки. Случается же такое: еще несколько минут назад единственным желанием экипажа было как можно дальше продвинуться вперед, чтоб избежать плена, а теперь это спасительное движение самолета приближало их к неминуемой катастрофе... У самого края обрыва, когда скорость оставалась еще достаточной, чтобы сорваться вниз, уже катящаяся по земле машина зацепилась крылом за какую-то землянку, круто развернулась и замерла. Из-за кустов показались человеческие фигуры.

— Стреляй! — крикнул стажер, выхватывая из кобуры пистолет.

— Погоди-ка, это наши. Дотянули...— Замполит даже удивился спокойствию своего голоса. И вдруг почувствовал, что нижняя губа кровоточит, а в горле от напряжения пересохло.

Неподалеку оказалась деревушка Захарки. И то, что они здесь увидели, на всю жизнь тяжкой ношей легло на душу Алексея Спиридоновича.

По обе стороны развороченной танками дороги зловеще чернели печные трубы. На обочине сидели и полулежали совершенно обессиленные люди: в лохмотьях, с изможденными лицами и отрешенным взглядом глубоко запавших глаз. Вокруг лежали трупы — немцев, наших солдат... Резко пахло гарью и порохом. Здесь только что отгремел бой. Всю эту гнетущую картину усугубляла серая осенняя погода. С трудом верилось в реальность происходящего: такого летчики еще не видели.

В конце деревенской улицы, если ее можно было еще назвать улицей, им повстречался офицер связи, который показал дорогу в штаб армии. Оттуда сообщили в полк, что экипаж жив. Вечером того же дня они добрались до своего аэродрома.

Всю дорогу Алексей Спиридонович молчал. Не хотелось ни о чем говорить. Как рассказать всему полку о том, что они пережили в деревне? Как отомстить фашистам за все? Эти мысли долго еще не давали покоя замполиту...

В каждом новом полете на собственном опыте Петровский убеждался, какое это непростое дело — современный воздушный бой, штурмовка вражеских позиций. Потому не пропускал ни одного случая, чтобы как-то отметить отличившихся, увлечь их героизмом других. И становился еще строже ко всякого рода разгильдяйству, неоправданному риску, случаям неуважения к товарищам. «Чтобы

впредь вели себя достойно»,— обычно подводил итог беседе Алексей Спиридонович. Иногда поступал с нарушителем и жестче.

Был в полку летчик Леня Назаров. Здоровенный детина. Даже кабина самолета — летали тогда на переоборудованных «И-5» — была ему тесноватой, и, чтобы чувствовать себя в ней попросторней, Леня снимал перед вылетом верхнюю одежду, оставаясь в одном свитере. Однажды самолеты эскадрильи возвращались с задания поодиночке. Домой прибыли все, кроме Назарова. Кто-то из летчиков сказал, что видел, как Леня благополучно отштурмовался и лег на обратный курс. «Тогда почему его до сих пор нет? Что могло случиться?» — недоумевали на командном пункте. Полк напряженно ждал...

Уже начали сгущаться сумерки, как вдруг на фоне вечернего неба показался силуэт низко летящего самолета. Казалось, до посадочной полосы ему не дотянуть. Но вот машина тяжело плюхнулась на землю. Сел! Когда самолет подрулил к стоянке, из кабины вылез живой и невредимый Леня Назаров с... огромным арбузом в руках. С возгласами «Живой!» летчики бросились качать товарища.

— Арбуз разобьете, черти! — широко улыбаясь, кричал Леня и крепко прижимал к груди трофей.

Когда страсти поулеглись, виновник всеобщего беспокойства принялся рассказывать.

— Иду домой, вижу: чуть правее — бахча. Сел. Смотрю — такие красавцы зреют... Ну и до того нагрузился, что не могу взлететь. Два раза разбегался — не тянет. Хоть плачь! Пришлось несколько штук выкладывать обратно.

Тут «герой» заметил, как на него стали коситься однополчане. Петровский молча стоял поодаль.

— Да смотрите, красавцы-то какие! — Теперь уже оправдываясь, Леня Назаров снова полез в кабину.

Арбузы действительно были хороши.

А утром следующего дня вся эскадрилья дружно покатывалась от хохота.

— Лихо же тебя пропесочили, арбузный ас! — подначивали Леню товарищи, разглядывая карикатуру на стенде. И такое всеобщее порицание действовало куда сильнее, чем вчерашняя нахлобучка у командира.

Информационные стенды замполит полка оборудовал на стоянке каждой эскадрильи. Здесь вывешивались сводки Совинформбюро, «Боевые листки». Постоянно отмечались лучшие экипажи. Появлялись молнии: «Бейте врага, как летчик Петров!» И так день за днем.

Летчики били, крепко били. Не только Петров, но Ермилов, Зайцев, Помукчинский...

Шли бои за освобождение Белоруссии. Летом 1944 года полк сражался в составе 1-го Прибалтийского фронта. Однажды на полевом аэродроме появился мальчик на вид лет тринадцати-четырнадцати — исхудавший, в разодранной одежде.

— Ты откуда? Как зовут? — обступили парнишку авиаторы.

— Из соседней деревни. Спалили ее фашисты. Всех спалили...

— Как зовут тебя?

— Ваня... Дроздов.

Отвели Ваню к замполиту. Можно понять, с каким чувством встретил маленького погорельца-земляка Петровский.

— Хочешь остаться в полку?

С этой минуты к многочисленным обязанностям замполита прибавилась еще одна — забота о сыне полка.

Ваню определили помощником к мотористам на связной «У-2». Когда впервые подвели к самолету и сказали, что это и есть его боевая машина, которую отныне он должен любить и заботиться о ней, парень расстроился. И было отчего: рядом с видавшим виды «У-2» стояли, поблескивая свежей краской, новенькие «Илы» с надписью на борту: «Герои Краснодона». Их только что пригнали с авиационного завода.

— А почему на этот? — робко возразил Ваня.— Можно мне к «Героям Краснодона»?

— Москва — она, браток, тоже не сразу строилась. Слыхал небось? — с улыбкой, взяв подростка за плечи, принялся объяснять усатый механик.— Авиация — это ж целая наука. И начинать надо с малого, простого. Научись сперва с этой этажеркой управляться.

По тому, как Ваня внимательно приглядывался к работе механиков, скоро поняли: толк из парнишки будет!

Позже рассказали механики сыну полка о том, с чего они начинали войну, как в сорок первом в Крыму переоборудовали старенькие истребители «И-5». Рассказали и об известном всем эпизоде, связанном с появлением Петровского в полку, упирая на то, что «замполит наш — тоже техник».

...Дождливым сентябрьским утром 1941 года на аэродроме Качинской школы военных летчиков приземлился «У-2». Из кабины вылез невысокого роста военный — сутуловатый, в черном потертом реглане. Спросив о чем-то у летчика, быстро зашагал к штабу. На аэродроме догадались: он!

2-й штурмовой авиаполк 51-й отдельной армии ВВС Крыма — так в ту пору именовался 766-й полк — ждал комиссара. Полк только формировался, и весь личный состав был занят подготовкой к полетам.

В ангаре, куда Алексей Спиридонович зашел сразу же после штаба, выстроились списанные с вооружения «И-5», которые предстояло своими силами в кратчайший срок переоборудовать в штурмовики. На некоторых еще не было моторов: они лежали рядом далеко не в идеальном состоянии. Унылое зрелище... Но приказы не обсуждаются, а выполняются.

— Старший политрук Петровский,— поздоровавшись, представился Алексей Спиридонович. И попросил рассказать о ведущихся работах, о трудностях.

Вперед вышел молодой сержант. По всему было видно, что ему не доставляет особого удовольствия докладывать новому начальству. С первых же слов рапорта Петровский убедился: трудностей хватает.

— Вот хотя бы этот штуцер,— сержант взял со стола деталь.— Кто его знает, как он крепится. Второй день ковыряемся, а все равно бензин подтекает! Э-э, да что там...— техник безнадежно махнул рукой.— Знать бы, почему эта чертовина не хочет вставать на место.— Потом с опаской посмотрел на нового комиссара. Начнет вот сейчас воспитывать: фронту нужны самолеты! Как будто мы сами не понимаем. Воспитывать все охотники, а вот дело делать...

— Что ж, попробуем разобраться. Металлический стержень найдется? — Алексей Спиридонович подошел к сборочному столу, выбрал стержень нужного диаметра и, вставив его внутрь трубки, слегка постучал молотком. Механики переглянулись.

— Теперь не должно подтекать,— спокойно, будто мастер, всю жизнь только и занимавшийся бензосистемой, произнес Петровский.— Надо немного развальцевать конец.

— И всего-то? — с плохо скрываемой иронией спросил раздосадованный сержант, сдвигая пилотку на лоб. Но потом обрадовался: комиссар по специальности тоже техник!

Алексей Спиридонович действительно окончил 1-ю военную школу авиационных техников имени К. Е. Ворошилова. И разговор сразу повел профессионально, помогая молодым, еще неопытным механикам разобраться в устаревшей технике.

Ваня Дроздов с интересом слушал от ветеранов никем еще не написанную историю полка, расспрашивал: что да как? Мальчишеская любознательность соединялась в нем со взрослым стремлением как можно быстрее стать для механиков полезным человеком.

— Все правильно! Молодцом! — подбадривал Алексей Спиридонович Ванюшу, когда тот вновь и вновь просил проэкзаменовать его по какому-нибудь узлу самолета.— Учись, сынок. После войны знание самолета в мирных делах пригодится. И вообще, техника — дело мужское.

Втайне Ваня очень гордился каждой похвалой Алексея Спиридоновича, старался что есть сил. В свободную минуту Петровский рассказывал ему об авиации, о воздушных боях, в которых участвовал сам, и о том, какой это замечательный самолет — «Ильюшин-2». Разрешал и посидеть в кабине грозной машины. Вскоре Ваня настолько хорошо изучил устройство штурмовика, что был зачислен штатным мотористом «Ил-2». Ему было присвоено воинское звание «младший сержант». В полку Ивана Дроздова торжественно приняли в комсомол. Сбылась и другая его мечта — летать! Настал день, когда он сел в кабину штурмовика уже воздушным стрелком. Уроки Петровского и здесь не прошли даром. Но это случилось позже. А первым боевым испытанием для Ивана стала битва за родную Белоруссию.

В составе 3-й воздушной армии полку довелось действовать во время Белорусской операции на правом участке фронта, где были сосредоточены главные группировки наших ВВС.

Ранним утром 22 июня 1944 года над полевым аэродромом взвилась сигнальная ракета. Тревога! В воздух поднялись штурмовики и один за другим ушли на запад. Через короткие промежутки времени летчики наших авиасоединений наносили удары на участках прорыва 1-го Прибалтийского, 2-го и 3-го Белорусских фронтов.

— Это мы фашистам про июнь сорок первого напомнили,— говорили летчики.

Тогда они еще не знали, что их штурмовки — всего лишь разведка боем перед крупным наступлением наших войск. К участию в операции «Багратион» было привлечено около 6 тысяч самолетов пяти воздушных армий, в том числе 2 тысячи штурмовиков. Такого размаха боевых действий советские ВВС еще не знали ни в одной из предыдущих операций.

В ночь на 23 июня массированные удары авиации повторились. Теперь уже никто не сомневался: начались события особой важности. В короткие минуты отдыха между вылетами летчики возбужденно обсуждали результаты штурмовок.

— Цистерны с горючим так полыхнули, думал — сам поджарюсь! — рассказывал известный в полку ас старший лейтенант Панов.

Петровский, наблюдавший атаку с борта своего штурмовика, шутливо ободрял:

— Ничего, Толя, это огонь праведный. Поделом фашистам досталось!

Господство нашей авиации в воздухе было полным. Летчики хорошо видели, как частые налеты буквально ошеломили врага. Всего за 3—4 дня его оборона в Белоруссии была прорвана, и советские войска под надежным прикрытием с воздуха устремились вперед.

Роль штурмовой авиации в этом наступлении в полной мере Петровский осознал уже после войны, прочитав в одной документальной книге показания взятых в плен в те дни офицеров генерального штаба 260-й немецкой дивизии: «С 26 июня по 4 июля 1944 г. на всем пути действия до Минска колонны, с которыми мы следовали, подвергались частым налетам авиации, от этого очень страдали двигавшиеся войска и транспорт. При появлении авиации солдаты разбегались в стороны от дорог, в лес и поле, колонны путались, возникала сильная паника, что еще больше усугубляло наше положение и облегчало действия авиации. Непрерывные налеты повторялись через каждые $^{1}/_{2}$—1 час, задерживали действие войск...»

29 августа 1944 года операция «Багратион» блестяще завершилась. Советские войска, продвинувшись на запад на 550—600 километров, освободили Белорусскую ССР, большую часть Литовской ССР, часть Латвийской ССР и восточную часть Польши.

Фронт катился на запад... И полк шел с фронтом.

За годы войны однополчане А. С. Петровского совершили 4960 боевых вылетов, уничтожив около 20 тысяч вражеских солдат и офицеров, 233 танка, 3400 автомашин и много другой техники. С первого и до последнего дня войны Петровский оставался бессменным комиссаром полка. Его слово, его личный пример вложены в каждую из этих боевых побед.

...Когда в музее МАИ участники поисковой группы показали свою находку бывшему замполиту 766-го штурмового авиаполка подполковнику в отставке Алексею Спиридоновичу Петровскому, он долго молча держал в руках старый пулемет.

— Да, Захарки... деревня Захарки...— произнес задумчиво, словно что-то припоминая.— Спасибо, ребята! Спасибо за память.— И рассказал своим молодым друзьям эти боевые истории.

КРЫЛЬЯ СВОБОДЫ

Сводка Совинформбюро
за 21 января 1945 г.

„...Юго-восточнее
Кракова наши войска
с боями заняли на территории
Польши более 60 населенных
пунктов...
В Будапеште
продолжались бои по
уничтожению гарнизона
противника, окруженного
в западной части города...
За 20 января наши
войска на всех фронтах
подбили и уничтожили
177 немецких танков.
В воздушных боях и огнем
зенитной артиллерии сбит
71 самолет противника".

25

Дмитрий
ТКАЧУК

СОРОК МИНУТ ИЗ ЖИЗНИ НИКОНОВА

В феврале 1945 года 26-летний летчик-истребитель лейтенант Николай Никонов получил назначение на 2-й Прибалтийский фронт. Едва приехав в часть, Никонов «вступил во владение» новой машиной — истребителем «Ла-7». Этот самолет был только что получен на вооружение эскадрильи, и Николаю, раньше сражавшемуся на «Ла-5», доверили опробовать его в деле.

В те завершающие месяцы войны время было будто спрессовано. За две недели боевых действий в составе эскадрильи Никонов не только показал себя настоящим воздушным асом, но и умелым организатором, завоевал авторитет у новых друзей-однополчан. В конце февраля он стал парторгом эскадрильи. И судьба распорядилась так, что самое трудное свое испытание Николай прошел, будучи парторгом, в последние месяцы Великой Отечественной. Все предыдущие воздушные сражения, конечно, тоже были испытанием, но эти утренние минуты 28 февраля в холодном небе за линией фронта, над заснеженной равниной и свинцовым морем, навсегда остались «звездными минутами» его жизни, высшей проверкой духовных сил.

Полевой аэродром эскадрильи был расположен на опушке влажного прибалтийского леса, на той земле, которая в сводках врага именовалась Лифляндией. Поляна была покрыта серыми клочьями тающего снега, а по ее краю набухла, вышла из берегов неширокая речка, затопила засохшие прошлогодние камыши.

На рассвете 28 февраля в штабе сухопутных войск было получено сообщение, что на одном из маленьких, неприметных островов близ побережья Балтийского моря обнаружено укрепленное сооружение гитлеровцев неопределенного назначения. Эскадрилье надлежало немедленно выслать в этот район два самолета-разведчика.

Наша авиация давно и прочно господствовала в воздухе. Канули в прошлое времена, когда вражеские самолеты делали в небе все, что хотели. На вооружении советских авиаполков и эскадрилий находилась замечательная техника, намного превосходившая немецкую. Обладали мы подавляющим преимуществом и в коли-

чественном отношении. И враг уже не мог пользоваться своей подлой тактикой первых лет войны: вдесятером нападать на одну-две краснозвездные машины. Однако время от времени такое еще случалось над особо важными объектами, на воздушную оборону которых немецкое командование не жалело сил и средств. Поэтому для выполнения приказа выбрали двух наиболее опытных летчиков: старшего лейтенанта Морозова и лейтенанта Никонова. Парторг летел ведомым.

Стартовали сразу же, даже не успев позавтракать в землянке полевой кухни. В рассветном небе, с которого нудно сыпался мелкий холодный дождь, две темно-зеленые машины прочертили тающий туманный след и скрылись за облаками. Из облачности обе машины вышли почти одновременно, и в стеклянную кабину Николая ударили лучи солнца. Истребители продолжали набирать высоту. И вот уже на горизонте показалась серая полоска моря.

В шлемофоне Никонов услышал спокойный голос старшего лейтенанта:

— Проходим линию фронта. Гляди в оба.

Вот и береговая кромка, окаймленная белой линией прибоя. Откуда-то издалека «заговорила» зенитная артиллерия противника; по курсу движения наших самолетов, но значительно ниже вспыхнули облачка разрывов. Оба истребителя продолжали уверенно набирать высоту. Радуясь неукротимой мощи новой машины, Николай вспомнил время, когда противник стоял под Москвой и фашисты летали бомбить наши города порой со специально зажженными аэронавигационными огнями на крыльях и хвосте. Подчеркивали, что не боятся, что некого бояться...

Воевать Николай начал недавно — с августа сорок четвертого, хотя призвали его в армию еще в марте сорокового. Тогда он был зачислен курсантом военно-авиационной школы. Закончил ее в сентябре сорок первого, когда бронированные фашистские армады рвались к Москве. Думал, пошлют на фронт, но жизнь распорядилась по-иному. В те месяцы, непосредственно в боевой обстановке, полным ходом шла перестройка нашей авиации. Новые, более совершенные машины непрерывно поставлялись фронту. Для новой техники, созданной в конструкторских бюро Микояна, Яковлева, Петлякова и Ильюшина, нужны были летчики. Летчики новой формации. Николая направили в Высшее авиационное тактическое училище, и до сорок четвертого года он учился, овладевая мастерством вождения новых истребителей.

Потом действующая армия — Белорусский, Ленинградский, Прибалтийский фронты. Он быстро освоил боевую работу, особенно в ночных сражениях, был награжден за умелые действия орденами Красной Звезды и Красного Знамени. И уже на собственном опыте знал тактику фашистов.

«Попритихли теперь»,— усмехнулся Николай и тут же одернул себя. Не время сейчас сопоставлять, надо думать только о выполнении задания. Да и дело не выиграет, если пренебрежительно относиться к противнику, нужно — всегда всерьез.

Как бы в подтверждение его мыслей впереди, однако уже значительно ближе, разорвался зенитный снаряд. Взрывной волной «Ла-7» слегка тряхнуло, и Николай вдруг почувствовал, именно почувствовал — потому что внешне все было безупречно,— что с мотором что-то произошло. Словно сбилось дыхание у человека.

Потом двигатель несколько раз «чихнул». Из выхлопных труб под кожухом вырвалось облачко дыма. Едва ощутимо упала скорость. Николай не видел дыма, но уже твердо знал: с мотором что-то произошло. И даже не что-то, а совершенно ясно что: осколок, скорее всего мелкий, нанес двигателю «рану», небольшую, но все-таки чувствительную.

— Командир,— проговорил Никонов в шлемофон,— у меня задело двигатель.

— Понял,— ответил Морозов.— Приказываю возвращаться. Полечу один.

— Так вроде тянет!

— Нет, выполняйте приказ.

Отвалив от ведущего, Никонов развернулся над морем и взял курс на свой аэродром. Из кабины он видел, как Морозов продолжает набирать высоту, с каждой секундой становясь все более неуязвимым для зениток противника. «Вот обида,— подумал парторг, глянув искоса на гашетку 23-миллиметровой пушки.— Хоть бы ее в дело пустить». Он снова включил переговорное устройство, связался с аэродромом, коротко доложил о случившемся и передал свои координаты и курс.

Летел он теперь несколько ниже. Хорошо просматривалась территория противника: изрытые гусеницами танков остатки снега на побережье, черный причал у сожженного поселка. Небольшое транспортное судно возле него...

Недалеко от линии фронта станция наведения передала Никонову, уже шедшему над облаками, что правее его в нескольких сотнях метров находится вражеский аэростат.

— К боевым действиям способны? — спросил офицер связи.

— Так точно,— передал Никонов и дал резкий крен вправо.

Аэростат нельзя недооценивать. С него враг ведет наблюдение за нашими войсками, за движением артиллерийской и танковой техники, пехоты, за действиями авиации. Появление аэростата всегда предшествует прицельному артиллерийскому залпу. Не потому ли заговорили зенитки на трассе движения советских истребителей, не потому ли ранен мотор, что здесь, неподалеку висит этот аэростат?

Николаю и раньше приходилось уничтожать аэростаты. Он знал, что главная задача — поджечь оболочку, а не расстрелять гондолу, в которой работают наблюдатели. Так вернее. По гондоле можно промахнуться и попасть под ответный огонь.

Приближаясь к аэростату сверху, с таким расчетом, чтобы оболочка закрывала гитлеровцам зону видимости, и раньше времени не обнаруживая себя, Никонов дал длинную очередь. Получив пробоины, аэростат стал терять газ, а истребитель взмыл вверх. Но тут его мотор захлебнулся, потом заработал с сильными перебоями...

Аэростатная команда на земле, увидев советский самолет, попробовала стремительно оттянуть аэростат вниз. И ей бы удалось это, если бы Николай, выйдя из разворота, не дал новую очередь. Она попала в подъемный механизм лебедки. Немцы внизу начали разбегаться. Один наблюдатель в спускающейся гондоле бил по Никонову из «шмайсера», второй — успел заметить Николай — что-то кричал в телефон. «Самолеты вызывает»,— решил Никонов и дал третью длинную очередь. Аэростат вспыхнул.

Лейтенант не ошибся. Когда он выходил из атаки, с фашистского аэродрома уже поднялись и устремились ему наперерез четыре «Фокке-Вульфа-190». До схватки остались считанные мгновения. И в этот новый, неожиданный бой самолет парторга шел с неисправным мотором.

«Ну, Коля, держись»,— сказал Никонов сам себе по старой привычке...

Поговорка эта появилась у него давно и закрепилась после того, как мама, еще в начале тридцатых годов, провожая его на Перовский вагоноремонтный завод, сказала так же:

— Ну, Коля, держись...

Было ему тогда пятнадцать лет. Два года осваивал вагоноремонтное дело, в семнадцать стал электромонтером в Перовском управлении электросети. Когда сравнялось двадцать, по путевке комсомола направили на стройки столицы. В девятнадцать лет увлекся авиацией, занимался в Раменском аэроклубе. И везде, на земле и в небе, высокий светловолосый паренек, всегда молчаливый и выдержанный, подбадривал себя в трудные минуты этими материнскими словами.

Четыре «ФВ-190» веером разошлись в воздухе, охватывая советский истребитель со всех сторон. Ближний самолет дал крен, чтобы атаковать снизу. Схватка обещала быть скоротечной, во всяком случае на это рассчитывал противник. Пленные немецкие летчики не раз показывали на допросах: они имели приказ вступать в бой лишь при явном превосходстве сил. Сейчас такое

превосходство было налицо! И фашисты предполагали атаковать наш самолет спокойно и обстоятельно.

Резко дав газ и отжав штурвал вперед, Николай бросил машину в пике, наперерез заходившему снизу «фокке-вульфу». Немец, прикинув заранее на глазок скорость неисправной машины, не рассчитывал, видимо, на такой стремительный маневр. Теперь он был под прицелом Никонова, и лейтенант не промедлил. Он нажал на гашетку, но не ощутил после этого ответной мелкой дрожи самолета: левая пушка молчала. Конечно! Кончилась лента после атаки аэростата. Николай дал очередь из правой пушки — и снаряды достигли цели. Выбросив столб черного дыма, «фокке-вульф» пошел к земле.

Выйдя из пике, Николай увидел, что к нему приближается второй самолет. Он ввел свою машину в крутой разворот, избежав тем самым лобовой атаки и, прицелившись, дал очередь. Она была короткой: боеприпасы на исходе. Николай заметил, что к месту боя устремились еще четыре «ФВ-190». Он оказался один против семи.

Пушки молчали. Похоже, фашисты решили взять его живым, обложили полукругом, снизу и сверху, и, не давая возможности маневрировать, повели на свой аэродром.

Выбора теперь не было. Нужно во что бы то ни стало выходить из боя.

Страха Николай не ощущал. Наоборот, подхлестывала какая-то удаль, уверенность в своей силе. Прикидывая предстоящий маневр, он шел в неприятельском окружении к земле, к аэродрому. Внизу показались замаскированные еловыми ветками и заснеженными сетями бомбардировщики и истребители с черно-белыми крестами на фюзеляжах. Ну что ж, остается продать жизнь подороже! Фашисты, по всей вероятности, полагали, что он уже расстрелял весь боекомплект и теперь смирился с предстоящим пленом.

Над самым аэродромом вся группа с нашим истребителем в центре пошла на разворот, и тут Николай добавил газ. С полупереворота, едва не задев нижний самолет, устремился он к земле. Этого от него никто не ждал! Из правой пушки «Ла-7» ударили струи снарядов, поджигая строй машин у взлетной дорожки!

Сгоряча зенитчики открыли огонь. «Фокке-вульфы», опасаясь своей же артиллерии, шарахнулись в сторону. Но паника в воздухе продолжалась недолго. Самолеты перегруппировались, закрывая истребителю пути отступления к линии фронта.

А Николай и не думал отступать. Выйдя из пике, он пронесся через весь аэродром на бреющем и устремился к морю. Погоня была обманута. «Держись, Коля»,— шептал парторг эскадрильи...

Пролетев несколько десятков километров над туманным морем, он убедился, что остался в одиночестве. Фашисты его окончательно потеряли. Развернулся и взял курс домой.

Но домой еще нужно добраться, а мотор «чихал» почти без перерывов. Под крылом море, а дальше — захваченная врагом земля.

Оставляя шлейф дыма, истребитель Никонова километр за километром преодолевал расстояние. Где-то справа остался обстрелянный им фашистский аэродром, потянулась пятнистая израненная земля. Когда впереди обозначилась хорошо знакомая линия фронта, двигатель остановился.

А Николай все медлил, не прыгал. Самолет неумолимо терял высоту, но снова и снова ложился на воздушный поток и скользил, скользил к линии фронта...

Показалось озерцо в обрамлении мохнатых елок. Одна половина водоема отражала хмурые облака, другая еще не освободилась ото льда. Если посадить машину на кромку льда у самого берега, решил Николай, там, где вода наверняка промерзла до самого дна, то есть шанс спастись. Другой надежды при полном отсутствии маневренности — нет...

«Ла-7» беззвучно снижался к затерянному лесному озеру. Впрочем, никакое оно не затерянное, боковым зрением Никонов отмечал черепичные крыши хутора и фигурки нескольких бегущих к озеру людей — они уже заметили терпящий бедствие истребитель.

У самого льда, используя остатки скорости, Николай выровнял до возможных пределов своего «Лавочкина» и почти по касательной лег на заснеженное скользкое поле.

Когда хуторские мальчишки подбежали к завалившемуся на крыло самолету, они увидели за треснувшим стеклом кабины лицо пилота. Улыбаясь, он отстегивал лямки парашюта.

Из-за кромки леса, в разрыве облаков показалось холодное солнце. С момента старта прошло сорок минут...

Руслан
АРМЕЕВ

КРЫЛЬЯ СВОБОДЫ

Василия Тимофеевича Лозичного лично мне знать не довелось. Не судьба была встретиться. А теперь и захочешь — не дозвонишься до него, не достучишься — нет его с нами. Но он жив. В доброй памяти однополчан, на начавших желтеть фотоснимках. Штришок к штришку, один мозаичный камешек к другому, слово за словом — так постепенно сложился у меня портрет этого требовательного командира и душевного человека. О многом поведали записки, которые сделал для себя после войны Феофан Феофанович Бахирев, служивший под началом Лозичного...

Он был вдвое старше своих двадцати-двадцатидвухлетних сослуживцев, и часто приходилось заменять им отца. С первого дня на фронте, Лозичный прошел все дороги войны и знал, как быстро — не по дням, а по часам — мужают здесь такие ребята. Он рад был помочь им, поддержать строгим и добрым отеческим словом, заглянуть в глаза, если надо — утешить, вселить веру в себя.

Сам Лозичный не летал, поскольку был по профессии механиком. И вдвойне, значит, его заслуга в том, что сумел найти дорожки к сердцам даже самых отчаянных полковых асов. Каждому новичку, если заходила речь о замполите, сначала непременно рассказывали историю о соседнем горе-комиссаре, который вызвал однажды летчика «По-2» и устроил ему разнос за то, что тот не подготовил машину вовремя к полету. «Да радиатор потек»,— ответил летчик. «В чем же дело? Запаяйте!» — сказал комиссар, и в ту же секунду подписал себе приговор. Ведь у «По-2» и радиатора-то нет, нечего запаивать! А Лозичный подойдет к «Илу», техник которого уже собирается докладывать о готовности, да при всех и скажет: «Ты что же, Никола? Разве не слышишь? В пятом цилиндре свеча барахлит!» Начнет Никола внимательно выслушивать мотор и — точно, есть такой грех, свечу в пятом цилиндре надо менять.

Слух у замполита был абсолютный и на технику, и на людей. В человеке он слышал самую крохотную фальшь.

Рассказать о фронтовой комиссарской жизни — задача заманчивая, но ведь для этого надо затевать многостраничный роман. Приведу всего несколько эпизодов из 1944 года, когда уже обозна-

чились очертания победы, но еще никто точно не мог сказать, когда она, желанная, придет и при каких обстоятельствах. Последнюю фашистскую нечисть готовилась Красная Армия согнать с нашей земли, фронт вот-вот должен был перевалить через границу, через Карпаты — в сопредельные страны. Советского солдата рисовали в газетах с огромной метлой в руках, которой он вышвыривал за порог своего дома остатки коричневого фашистского мусора.

В середине мая в жизни 131-го штурмового авиаполка наступил необычный и важный этап: нужно было перебазироваться на новый полевой аэродром на чужой — румынской — территории. Конечно, этих дней ждали, к ним готовились. И больше всех, наверное, подполковник Лозичный — заместитель командира полка по политчасти. За три года войны у каждого появился личный счет к гитлеровцам и к их румынским, венгерским, австрийским и прочим прихвостням. Счет за сожженные родные города и села, за убитых и угнанных в фашистское рабство близких. У иного человека к тому времени сердце уже превратилось в комок боли и ненависти... И вот теперь приближался момент вступления на чужую землю, а значит, встреча с другими людьми, с незнакомым укладом жизни. Лозичный представлял себе всю сложность этой ситуации и будто чувствовал через границу тревожные и любопытные взгляды тех женщин, стариков, подростков, их немой вопрос — что за армия пришла?

Самое важное — удержать своих людей от проявления слепой ненависти. Красная Армия идет не сводить счеты с мирным населением, а освободить его от фашистской чумы, не жечь, грабить и разбойничать, как это делали гитлеровцы, а вернуть людям возможность мирно трудиться, улыбаться, строить свое счастье. Но издавна известно — гостей по одежке встречают. Поэтому, считал комиссар, надо начать с себя, со своего внешнего вида. Никакой небрежности, неопрятности, расхлябанности — воротнички чистые, пуговицы застегнуты, сапоги блестят... В полку прошли лекции, беседы о роли советского воина-освободителя, о гуманизме и интернационализме советского человека. Командиры и политработники успевали поговорить с каждым — по-товарищески, по-человечески. Не забывали и важный принцип, которого придерживались всегда и везде: «И в бою, и в быту делай, как я». Живой повседневный пример командиров воспитывал лучше всего.

Первые полеты над румынской территорией будто вернули в давно забытое прошлое. Сверху хорошо просматривались узкие, крошечные полоски частных полей и согбенные фигурки на них. Люди работали вручную, не было никакой механизации, и трудились, чувствовалось, до седьмого пота.

...Полевой аэродром у румынского села Салча. Посадочная площадка — недавний выгон для помещичьего стада. Небольшой уклон к поросшей лесом долине, к речке Сучаве, что течет там,

поблескивая на солнце. А за ней к югу — отроги Карпат, сплошь покрытые густым лесом.

Небольшая роща с особняком помещика и надворными постройками стала базой полка, временным домом. Пришлось привыкать к опасной близости вражеских позиций — они виднелись за рекой,— надо было стараться не попасть после взлета под огонь противника.

Лето вступало в свои права. Буйная зелень легко завоевывала себе место под солнцем. Даже капониры самолетов быстро обросли побегами молодого гороха, потому как сооружали их на скорую руку, из земли пополам с гороховой ботвой. Случайно оставшиеся горошины проросли, стебли потянулись вверх, образовав хорошее прикрытие. Поверх самолетов, как всегда, были наброшены маскировочные сети.

За границей поначалу все интересно. Ухоженные, ладные домики крестьян издали радовали взор, но когда подходили к ним поближе или более того — заглядывали внутрь,— ощущение безмятежности и благополучия пропадало. Дом-то оказывался без трубы, за трубу полагалось платить особый налог. И у тех, кто победнее, дым очага уходил в щели между крышей и стенами. Снаружи посмотришь — горит дом, пожар! Очаг выложен на земляном полу из булыжников, над ним — тренога с казаном, в котором варится мамалыга — каша из кукурузной муки, основная крестьянская пища. Количество окон тоже ограниченно. Если превысил установленное число, плати еще один налог. Желанное угощение хозяину дома — щепотка табака. Выращивать табак в поле запрещено — монополия. Кусок земли у дома используется на все четыреста — пятьсот процентов. Посажена кукуруза, а между ее стеблями — конопля, тут же фасоль, горох, бобы пробиваются к свету, а внизу, в междурядьях, растут свекла, тыква. Одеты крестьяне во все самодельное. А на лицах выражение какой-то забитости, приниженности.

Кое-кого из летчиков устроили в общежитии, в помещичьем доме, других разместили по крестьянским хатам. Такая хата досталась и Феофану Феофановичу Бахиреву, командиру одной из эскадрилий.

Глава семьи — на фронте, в доме лишь его жена с дочкой лет шести-семи да девочка-подросток, сестра хозяйки. Дом делился на две половины — повседневную, где ютилась семья, и чистую, неотапливаемую — там было собрано все богатство хозяйки — ее приданое, кровать с горой подушек, рукоделие, разные безделушки. Сюда и провела хозяйка советского летчика. Ни слова при этом не сказала, лишь взглянула довольно сумрачно. А он и не обиделся, понимал — кому же по душе чужой, непонятный постоялец? Бахирев попросил старшину эскадрильи принести в дом казенную ме-

таллическую кровать, так что к хозяйкиным подушкам и не прикоснулся, в комнате не курил, ничего не трогал, старался быть незаметным, ненавязчивым — приходил только ночевать. Правда, по утрам, чтобы побыстрей согнать сон, доставал из колодца холодной воды и мылся по пояс во дворе, под огромным ореховым деревом. Помогала ему дочурка хозяйки — поливала из кувшина на руки, на спину. Так и шли день за днем.

Бахиреву хватало этого теплого, утреннего лучика — веселого девчоночьего лица, ее непонятного домашнего щебетанья. Но однажды девочка не вышла во двор. Вечером летчик зашел проведать ее на хозяйкину половину. Девочку лихорадило, лицо ее пылало, черные глазки безучастно смотрели в потолок. Привел Бахирев фельдшера из батальона аэродромного обеспечения, и тот быстро определил: сильнейшая простуда с угрозой воспаления легких. Дал нужных таблеток, назначил лечение. Постепенно ожила девочка, запела свои песенки, а потом снова стала помогать квартиранту умываться. С тех пор каждый вечер он находил на столе свежие цветы — из тех, что росли в палисаднике. А когда пришла пора перебазироваться и летчик, уходя, остановился на минутку у калитки, почувствовал вдруг, как сзади кто-то положил руку на плечо, обернулся — хозяйка. Она быстрым движением сняла с шеи образок на шнурке и, смущенно улыбаясь, протянула ему. Внутри образка через слюдяное оконце можно было рассмотреть крохотную фигурку мадонны с младенцем на руках. Летчик понял: женщина дарила ему амулет на счастье, понял и принял этот дар, знак благодарной души.

Бахиревская история стала известна Лозичному, и он, конечно, воспользовался ею в своей воспитательной работе, так же как и многими другими, похожими и непохожими. Румынские крестьяне, настороженные поначалу, почувствовали в советских солдатах и офицерах простоту, человечность, распознали в них братьев по классу — рабочих и крестьян, стали общительными, помогали чем могли. Они увидели, что к ним пришли защитники. Поняли, что Красная Армия несет мир и свободу всем людям труда. Сколько было потом теплых встреч, разговоров на немыслимом интернациональном языке жестов и мимики!

Вечерами летчики звали крестьян к себе — посмотреть фильм или концерт самодеятельности. Расхрабрившись, выходили на импровизированную сцену и местные парни и девчата. Веселые мелодии сводили в танцевальный круг всех желающих.

Постепенно, по словечку летчики стали осваивать румынский язык, понимать простые фразы. Однажды, уже на закате лета, очередной полевой аэродром оказался среди виноградников. Пошли два офицера вдоль виноградных лоз — прогуляться перед боевым вылетом, а навстречу — пожилой крестьянин. На лице — добро-

душная улыбка, показывает рукой в сторону сладких лоз, предлагает угощаться, приговаривает «бун, бун» — хороший, мол. Попробовали — и впрямь хороший, просто замечательный: вкусный, ароматный, гроздья крупные, красивые! А крестьянин уже не виноград хвалит, а их, летчиков: «Бун, совьет, карош...» Руки жмет.

Лето тогда было жарким, знойным. Боевой работы было много. летали на железнодорожные узлы, штурмовали скопления живой силы противника, позиции артиллерии, участвовали в совместных операциях с наземными войсками, производили разведку. Полк прославился своими асами-разведчиками. Зубова, Зенина, Зинченко и других знали и в дивизии, и в армии. Небольшое, но очень работоспособное фотоотделение полка оперативно и искусно расшифровывало данные фоторазведок, снабжая необходимыми сведениями все штабы.

В боевых буднях нет мелочей. Прилетел с задания — гимнастерка прилипла к спине, язык от жары не ворочается, во рту все пересохло,— где умыться, где выпить стакан прохладной воды? Как где?! А вот он — водовоз! Нестроевой солдат Макаров, выполняя задание Лозичного, регулярно возит к летному полю бочки с живительной влагой. Запряжет лошаденку и — в путь. День ли, ночь ли — не иссякает бочка.

А уж если разузнает замполит, что в соседнем городке или селе есть баня, все сделает, чтобы летчики ее навестили. Надолго запомнилась им прекрасная баня в местечке Фэгэраш — просторная, чистая, с душевыми, парными — не баня, наслажденье! Вот уж воистину: «День, в который паришься, в этот день не старишься». Сам Лозичный в банных делах знал толк. Редко кто мог пересидеть его на жарком полке.

Когда часть стояла около небольшого уютного городка Брашова, удивлялись штурмовики — словно и не было здесь войны. На улицах много нарядных женщин в легких туфельках с изящными каблучками, в красивых платьях. И тут досада взяла: а наши-то оружейницы чем хуже? Уже какой год ходят в кирзовых сапогах да форменной одежде. Не сговариваясь, обратились к Лозичному: нельзя ли, мол, в полку пустить «шапку по кругу» и часть выданных румынских левов вручить девчатам, пусть купят здесь что захотят, устроят себе праздник. Замполит поддержал идею и в тот же день доставил и оружейниц, и укладчиц парашютов в Брашов. Разошлись они кто в магазин, кто к портному, кто в парикмахерскую. А вскоре на вечере танцев у столовой появились в новых платьицах, легких туфельках, с красивыми прическами — с сияющими от радости глазами. Неузнаваемо прекрасные Золушки предстали перед полковыми кавалерами — их боевые соратницы. Но радость почему-то быстро сменилась грустью, вспомнились мирные дни, счастливая довоенная жизнь, давние праздники, домашние вечера... И так потянуло на родину!

Выдумке, инициативе замполита границ не было. Кто предложил устраивать торжественные вечера в столовой в честь асов, сделавших свой сотый боевой вылет? Василий Тимофеевич Лозичный. Кто вовремя заметил отличную боевую работу и встретил приземлившегося летчика броским плакатом-молнией «Летайте так, как Александр Зенин — семь боевых вылетов в день!»? Тоже он. А то устроит беседу-семинар и не обойдет острых углов, заставит каждого высказаться и незаметно подведет разговор к вещам важным и сложным.

Если дело касалось приема в партию — а тогда многие стали ее членами,— замполит умело выбирал для такого торжественного случая особые, запоминающиеся моменты. Например, перед вылетом будущего коммуниста соберет партбюро прямо в поле, у крыла его самолета. Тогда и слова звучат особенно убедительно. Партийные билеты, врученные перед боем, как бы давали человеку еще одни крылья.

Бывшие однополчане Лозичного показали мне давний снимок: весь полк построен по случаю какого-то торжества, а перед строем, чуть в стороне, мальчишка лет семи бегает, катает впереди себя колесо. «Кто это?» — «Да это же Вадик, сын нашего полка». И тут без Лозичного не решилось. Узнал он, что у машинистки в соседнем полку погиб муж и она никак не может прийти в себя, все ей там напоминает горькую потерю. Тогда и пригласил ее перейти в свой полк. Но и тут не смогла женщина оправиться от горя, заболела и вскоре умерла. Остался сын ее — Вадик. 131-й авиаполк усыновил его. А когда кончилась война, направили Вадика в Киевское суворовское училище.

Особая страница полковой жизни за рубежом — встречи с румынскими летчиками, теми самыми, которые еще недавно воевали в составе фашистской армии, а потом стали нашими союзниками. Сначала не знали, как к ним подойти, о чем говорить. Помогла техника. Румыны летали на немецких «мессерах», «юнкерсах», которых советские летчики привыкли видеть в прицелах своих пулеметов. А тут на крупном аэродроме встретились как-то крыло о крыло. Подошли наши парни к «Ю-88», с разрешения румын осмотрели его, внутрь забрались. Интересовало все: особенности техники пилотирования, устройство кабины, наиболее уязвимые места. А потом уже начались расспросы о жизни, о порядках в румынских частях, об условиях боевой работы, о настроениях. Не обошлось без личных знакомств, без симпатий.

Молодой румынский летчик на аэродроме в Фэгэраше раздарил нашим парням свои фотографии, поставив на обороте каждой число, слова «дата дружеских встреч» и автограф. Его звали Енакие. Зна-

комство началось с обмена сигаретами, с простых слов, русских и румынских. И за версту, как говорится, было видно, что Енакие — парень свойский, простой, искренний. Он рад встрече, в его глазах — неподдельный интерес, доброе любопытство. Енакие заметно погрустнел, когда его спросили о житье-бытье. Он — из трудовой семьи. До войны работал пилотом-инструктором в авиашколе, жил скудно, на небольшое жалованье, помогал родителям, продвижения по службе не ждал. Ведь он не ровня сынкам богачей, которые быстро делают карьеру. Но теперь, кажется, будут перемены к лучшему. «Появилась надежда,— сказал он.— Либертате!» И на прощание пожал всем руки.

Ну а в полетах добавилась еще одна забота: теперь приходилось различать, какие «мессеры» и «юнкерсы» румынские, с их опознавательными знаками, какие — фашистские, с черными крестами. Что касается дополнительных трудностей, их за границей возникло немало: непривычный горный рельеф, а кроме того, быстрое изменение боевой обстановки. Штурмовики летали низко над землей на скорости около четырехсот километров в час, и нужно было четко представлять, где свои войска, а где — противника. Порой самые свежие данные разведки через пару часов безнадежно устаревали. Преследующие врага части были весьма мобильны, и требовалась предельная внимательность, чтобы исключить удар по своим.

Боевая летопись штурмовиков пополнялась новыми страницами. Были эпизоды героические, были и веселые, на грани анекдота, из числа тех, что рассказывают снова и снова, если выдастся располагающая к улыбке минутка. Долго говорили, например, о капитане Джабарове из соседнего 130-го авиаполка. Во время Ясско-Кишиневской операции, когда в полосе прорыва хорошо поработали наши артиллерия и авиация, когда пыль от взрывов, дым от пожаров, пороховая гарь поднялись на высоту выше километра, когда гитлеровцев охватил ужас и началось их паническое бегство, самолет капитана был поврежден каким-то шальным зенитным снарядом и стал неуправляем. Летчику пришлось прыгать с парашютом в районе неприятельских позиций. И вот приближается он к земле и видит — кругом враги. Они уже подняли руки, чтобы схватить парашютиста. Когда же Джабаров огляделся после падения, то понял, что немецкие солдаты, бросив оружие, сдаются ему в плен и кричат: «Аллес, аллес, Гитлер капут!» Ничего не оставалось капитану, как построить пленных в колонну и постараться вывести в наш тыл. Вывел...

Такой случай с пометкой «знай наших!» шел прямо в «копилку» Лозичного. И уж умел замполит вовремя о нем вспомнить, повеселить однополчан.

Чего только не бывало! Базировались однажды на аэродроме близ местечка Чаба-Чюд. И вдруг — тревога! На дороге, идущей

почти по краю летного поля,— шум, паника. Дорога вмиг оказалась запружена техникой, солдатами. Это отступали румыны. Выяснилось, что их оборону на Тиссе прорвала фашистская часть. Немцы форсировали реку и, захватив небольшой плацдарм на румынском берегу, пустили вперед танки, которые и наделали паники. Из штаба дивизии в авиаполк передали приказ: занять круговую оборону. Авиаторы превратились в наземные войска, аэродром — в опорный пункт обороны. Самолеты стали огневыми точками. Бортовое оружие пристреляли по участкам вероятного появления врага. Воздушные стрелки неотлучно находились в кабинах за пулеметами. Зенитки стали противотанковыми пушками. Перед самолетами окопались бойцы с противотанковыми гранатами. Выставили боевое охранение. Начала действовать наземная разведка... За ночь, правда, ничего существенного не произошло, а немецкие танки были остановлены нашей минометной бригадой, оказавшейся неподалеку.

Летчики, служившие в 131-м полку, вспоминают своего замполита с баяном в руках. Владел он инструментом, как заправский баянист. Частенько после ужина собирались вокруг него певуны, весельчаки, а таковых было предостаточно.

Лозичный каждому ставил условие: «Пой сам. Если сам не поешь, помоги организовать полковую самодеятельность». И все — хочешь не хочешь — были выведены на эту песенно-музыкальную орбиту. Блестели, конечно, на полковом небосклоне и свои звезды. Главный заводила — механик по вооружению Смальев, баянист, аккордеонист. Ему помогал Вася Гайдаш, скрипач. Начальник штаба Виктор Сазонов отлично пел и, отбросив ложную скромность, считал себя дивизионным Шаляпиным. В Румынии в полку сложился целый вокально-инструментальный ансамбль. Коронными номерами были «Вася-Василек», «Смуглянка» и другие популярные песни. Когда в Констанце провели армейский смотр художественной самодеятельности, 131-й полк занял там первое место! Лозичный ходил довольный и счастливый, будто крупное сражение выиграл.

Поздней осенью 1944 года полк находился около небольшого румынского города Арада. Как-то вечером командир, замполит и еще несколько офицеров решили осмотреть местные достопримечательности и заодно где-нибудь поужинать. Проехали по тихим улочкам и вскоре нашли полупустой ресторанчик. Сели за столики и, пока ждали официанта, один из них, Сидоров, прошел к роялю, что возвышался среди пустых пюпитров. Открыл крышку, взял несколько аккордов. Разговоры в зале сразу же утихли, публика повернулась в его сторону. Чувствовалась опытная рука. А Сидоров действительно был музыкантом и не забыл свою мирную профес-

сию. Концерт он начал с известных всем вальсов Штрауса, перешел на романсы русских композиторов. Потом в зале ресторанчика зазвучали Кальман, Гуно, Бах, Бетховен.

Ресторан стал заполняться людьми, на лицах — оживление, улыбки. Лед отчуждения сломан! Кто-то из румын во всеуслышание заметил, что ничего подобного от советского офицера не ожидал, думал, у русских один инструмент — балалайка. Сидоров на миг прекратил игру. «Конечно,— сказал,— балалайка — наш инструмент, народный. Но у нас есть и вот это». И заиграл Чайковского.

Потом Сидорова сменил румын. Он тоже играл вдохновенно и тоже вполне профессионально. В антракте начались танцы под рояль... Тот теплый, дружеский музыкальный вечер в маленьком Араде запомнился надолго.

А война продолжалась. Еще немало полевых аэродромов пришлось сменить штурмовому авиаполку. За активное участие в освобождении от фашистов столицы Венгрии он получил наименование Будапештского. Еще раньше стал гвардейским... Впереди были Австрия, сотни боевых вылетов, множество незабываемых встреч, цветы и улыбки освобожденной от фашистского ига Европы.

Александр
ПОЗДНЕЕВ

ВОЗВЫШЕННАЯ ДУША

Смотрю на его фотографию. Вероятно, точно такая же хранится и в «личном деле». Спокойное, добродушно-приветливое лицо, высокий лоб, умные, доверчивые глаза, густые волосы, гладко зачесанные к затылку, без единой складочки гимнастерка, ордена...

Когда это было? Накануне великого перелома? Или раньше? Не знаю. Во всяком случае, таким он запомнился в военные годы.

А лет десять тому назад, когда в Центральном Доме Советской Армии имени М. В. Фрунзе проходила встреча ветеранов 1-й воздушной армии, мне впервые за послевоенные годы довелось снова увидеть Андрея Степановича Данилова, и многое, очень многое из того, что было связано с его именем, вспомнилось тогда.

Совсем уже седой, немного сутуловатый, но по-прежнему добрый и веселый, он сидел в президиуме среди заслуженных воинов-авиаторов, чьи имена часто упоминались в приказах Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР.

«Совсем, совсем седой,— повторял я про себя, всматриваясь в его лицо.— Он ли? Он... он!»

Да, время неумолимо: уходят годы, тускнеют, стираются в памяти события Великой Отечественной, и если уж говорить о боевом комиссаре Андрее Степановиче Данилове и его удивительной привязанности к людям, доходившей иногда до подвижничества, то лучше всего, думается, заглянуть в день минувший, в свои фронтовые записки, газетные корреспонденции.

Впервые я увидел Данилова и познакомился с ним зимой 1943 года, когда он уже был замполитом 18-го гвардейского истребительного авиационного полка, дислоцировавшегося в ту пору на прифронтовом аэродроме, куда я, корреспондент ежедневной красноармейской газеты, прибыл по заданию редакции.

Несколько дней кряду меня одолевало сомнение: сумею ли понять и выделить главное в жизни полка? Сразу же встретился с командиром — Анатолием Емельяновичем Голубовым.

Плотный, рослый, крепкого сложения, он, пожалуй, не выделялся среди летчиков. На нем желтая кожаная куртка, подбитая цигейкой, такие же брюки, заправленные в лохматые унты из рыже-

чалого собачьего меха, и повязанный вокруг шеи снежно-белый шарф.

Анатолий Емельянович терпеливо выслушал меня и, чуть помедлив, сказал:

— Что ж, пошагали ко мне в землянку. Туда и комиссар скоро подойдет. Он в штабе дивизии.

У Голубова был громкий, но приятный голос, внимательные, с веселым прищуром глаза. Держался он просто и скромно. Его значительная физическая сила чувствовалась даже в том, как он шел, ступая твердо, с легкой раскачкой.

Тропинка, которая вела нас к землянке, петляла между зализанными ветром сугробами, и по ним уже растекались в сумерках синевато-фиолетовые тени деревьев. Был февраль — пора метелей в средней полосе России.

— А вот и мои апартаменты,— весело сказал Голубов, спускаясь по ступенькам в землянку, где он жил вместе с замполитом полка подполковником Андреем Степановичем Даниловым.— Прошу покорно.

Землянка была сравнительно небольшая, с одним крохотным оконцем. Посредине стоял на толстой ножке дощатый стол, накрытый старой газетой. На нем — котелок с водой и алюминиевая кружка. С бревенчатого потолка свешивалась миниатюрная лампочка, к ней от аккумулятора тянулся провод. В нише — полевой телефон и коптилка.

У самого оконца заскрипел снег, послышались чьи-то торопливые шаги.

— Вот и комиссар,— сказал Голубов.— Дождались.

Действительно, в землянку вошел Андрей Степанович Данилов. «Кадровый военный,— подумал я.— Сразу можно определить по выправке». Лицо его, бледное, удлиненное, имело выражение ласковой простосердечности, душевного спокойствия. Глаза, серо-голубые и чрезвычайно живые, смотрели немного задумчиво и грустно. Узкая полоска подворотничка, плотно облегавшая тонкую белую шею, почти не выделялась на ней.

— Нет отбоя от корреспондентов,— пошутил он, протягивая мне руку.— Надолго к нам?

— На несколько дней. Поговаривают, скоро операция начнется. Я слышал.

Данилов переглянулся с Голубовым.

— Корреспондентам все известно,— подтвердил Анатолий Емельянович, сразу повеселев.

— Читали ваши стихи о Заморине,— сказал Андрей Степанович, собираясь, вероятно, порадовать меня.— Выходит, и заочное знакомство с героем приносит пользу?

— Выходит,— согласился я, понимая, что он имеет в виду мое

стихотворение «Атакующий сокол», напечатанное некоторое время тому назад и посвященное летчику-истребителю гвардии лейтенанту Ивану Александровичу Заморину, сбившему в 25 воздушных боях лично и вместе с товарищами 13 вражеских самолетов.

— Армейскую газету читаем регулярно,— улыбнулся Данилов, разглядывая меня.— И стихи...

Не утерпев, я спросил:

— И... как?

— Что «как»?

— Стихи... понравились? — выдавил я, краснея.

— Начало понравилось,— ответил с улыбкой Андрей Степанович и решив, должно быть, окончательно вогнать меня в краску, довольно выразительно начал декламировать:

Ас не подставит под пули мотор...

Такого доброжелательного отношения к моим стихам я, признаюсь, давно не встречал и, смутившись, потерял дар речи.

О летчиках полка Данилов говорил в тот вечер с увлечением и гордостью, называя тех, кто отличился в недавних боях и заслужил правительственные награды. Изредка в рассказ замполита вставлял замечания Голубов, как бы дополняя его. В моем блокноте появились имена Сибирина и Запаскина, Пинчука и Баландина...

Было уже поздно, когда я стал прощаться. Андрей Степанович вышел из землянки, чтобы проводить меня и, кстати, подышать перед сном свежим морозным воздухом.

Лунная светлынь наполняла зимний лес, оголенный и гулкий. Подле самолетов, стоянки которых были расположены по опушке, двигались, перебегая с места на место, одинокие резвые огоньки. Это, несмотря на ночное время, работали с переносными электрическими лампочками мотористы и оружейники.

Временами сюда доносился отдаленный гул канонады, и тогда земля под ногами тревожно вздрагивала, точно ее кто-то сильный вдруг толкал изнутри. А огоньки между тем все двигались и двигались...

Эта первая встреча с Голубовым и Даниловым стала началом не только моего знакомства, но и дружбы с летчиками 303-й истребительной авиационной дивизии, прославленные полки которой (18, 168, 20-й и 523-й) в тот памятный год коренного перелома дислоцировались поблизости от Козельска — старинного русского города в Калужской области,— неподалеку друг от друга, на одном из прифронтовых аэродромных узлов.

Имея возможность почти ежедневно бывать в том или ином полку, я вскоре встретился с командиром дивизии генерал-майором авиации Георгием Нефедовичем Захаровым и начальником полит-

отдела полковником Дмитрием Максимовичем Богдановым. Люди твердые и последовательные, они возбуждали к себе прямодушную привязанность, и мне не однажды приходилось обращаться к ним обоим за советом и помощью.

У замполита Данилова были другие достоинства, крайне необходимые партийному работнику. Андрей Степанович, как мне казалось, умел прислушиваться к жизни, улавливать ее стремительный ритм, звучание. Его природный ум и чуткость, постоянное заботливое внимание к людям заставляли и меня все чаще задумываться о себе самом, взыскательнее смотреть на свою работу военного корреспондента.

И чем ближе сходился я с подчиненными Андрея Степановича, тем больше узнавал о нем, тем интереснее было мне встречаться с ним.

В один из весенних дней сорок третьего, когда в лощинках и овражках Козельского аэродромного узла еще дотаивал совсем уже почерневший, ноздреватый снег, в жизни дивизии произошло весьма примечательное событие: командованием 1-й воздушной армии в ее оперативное подчинение была передана французская авиационная эскадрилья «Нормандия», прежде находившаяся в составе 204-й бомбардировочной дивизии. И появление в скором времени на аэродроме элегантных, разрисованных французами «Яков», вполне естественно, не могло не вызвать веселого и праздничного оживления среди летчиков 18-го гвардейского истребительного авиационного полка.

Несмотря на то что «нормандцы» почти совершенно не знали русского языка, а их коллеги-россияне — французского, первая встреча была радушной, темпераментной, шумной. Объясняясь друг с другом, ее участники прибегали к таким уморительно-комичным восклицаниям и жестам, что сами же, не в силах сдержаться, тряслись от смеха.

Про «нормандцев» кое-что уже слышали: добровольцы, имеют некоторый боевой опыт, сбитые гитлеровские самолеты, сопровождали бомбардировщики. Ну а дружба с ними — дело святое, справедливое, в небе проверенное и каждому понятное: два горя вместе, третье пополам!

После первых совместных воздушных боев многое стало ясно, и Андрей Степанович все чаще с беспокойством думал о том, что одержанные французскими летчиками победы достались слишком дорогой ценой. На это, как и следовало ожидать, сразу же обратил внимание и Голубов, уже успевший побывать вместе с французами в деле. Встретив Данилова в пятом часу утра на одной из самолетных стоянок, он спросил:

— Чего нынче такой мрачный, комиссар? О чем думаешь?

— Да все о том же. С «нормандцами» у нас не ладится, почти каждый день потери. Пилотаж у них ювелирный, позавидовать можно. А вот при встрече с противником настолько увлекаются атакой, что...

— Знаю, знаю,— Анатолий Емельянович досадливо вздохнул.— Ничего не поделаешь, привыкли действовать в одиночку. А немцы, видишь ли, только этого и ждут! У меня вчера был разговор с генералом. Он тоже заметил...

— Я понимаю,— продолжал Данилов,— многое зависит от того, в какой семье человек вырос, ведь социальная среда Франции далеко не однородна. Вот, командир, нам с тобой и приходится сталкиваться...

— С чем? — спросил Голубов.

— С индивидуалистическим подходом французов к тактике группового боя,— Андрей Степанович сочувственно посмотрел на командира, понимая, что и он тоже ищет выход из создавшегося положения.— Эти обстоятельства учитывают и наши комэски, и рядовые летчики. Но с ними все-таки необходимо еще раз поговорить, напомнить кое-кому о практической боевой работе в этом направлении...

— Вот-вот, ты и поговори, напомни. У тебя, я заметил, такие разговоры лучше получаются. Будем, комиссар, вместе доучивать французов.

И Данилов, следуя совету командира, за какие-нибудь две-три недели создал своего рода университет по изучению тактики группового боя, где летчики-асы, как только выпадала свободная минутка, вместе с «нормандцами» детально анализировали последние встречи с противником, чертили ивовыми прутиками на земле схемы воздушных боев, а то и просто при помощи собственных рук показывали подопечным наиболее выгодные заходы и варианты атак...

Андрей Степанович был уверен, что французы в конце концов поймут преимущество группового воздушного боя. Основа тому — совместные боевые действия. Окруженные дружеским вниманием и ободряющей доброжелательностью, «нормандцы» не теряли времени даром. За весенние и летние месяцы они сумели не только войти в строй, но и показали образцы самоотверженности, мужества и взаимной выручки. 18-й гвардейский истребительный авиационный полк был лучшим в соединении. Им гордилось командование 1-й воздушной армии. И это тоже способствовало скорейшему постижению фронтовой науки, суть которой стала вскоре понятна многим французам.

Однако наряду с успехами — в них теперь уже никто не сомневался — были и ошибки, досадные, а порой трагически-непоправимые.

Генерал-майор авиации в отставке Георгий Нефедович Захаров, Герой Советского Союза, впоследствии вице-президент общества дружбы «СССР — Франция», вспоминал после войны:

«Узнав о гибели командира эскадрильи, храбрейшего летчика майора Жан Луи Тюляна, я немедленно прибыл в «Нормандию» и на разборе полетов убедительно показал, что гибель эта неоправданна. Опять был нарушен основной принцип современного боя — его коллективность. После разбора беру веник, валявшийся на полу, выдергиваю из него прутик, легко переламываю его. Затем подаю веник одному наиболее крепкому из французов и знаками предлагаю сломать. Летчик после безуспешных попыток разводит руками: «Нет, мой генерал...»

Ничего не скажешь — предметный урок!

К самолетам «нормандцы» относились со всей истовостью профессионалов, которые вправе судить о степени их пригодности к боевым действиям, и Андрей Степанович, вобравший в душу все горести и утраты французских друзей, не раз бывал участником темпераментных споров о достоинствах таких, например, самолетов, как «Як-9Д», вооруженных 37-миллиметровыми авиационными пушками, и о том, что всеми уважаемому конструктору удалось снизить вес машины и добиться заметного увеличения ее максимальной скорости. Шли разговоры о последних модификациях «Яков» — с большим запасом горючего, обеспечивающим дальность и продолжительность полета.

Про английские «харрикейны» и американские «аэрокобры» французы даже не вспоминали. Облетав их по приезде в СССР, они твердо решили, что будут воевать только на советских «Яках», обладавших (по сравнению с «мессершмиттами» и «фоккерами») большей скороподъемностью и более мощным стрелково-пушечным вооружением.

У «нормандцев» часто бывал командир дивизии генерал-майор Захаров. Обычно он прилетал на аэродром, где базировались французы, на своем «Ла-5», и тогда начиналась импровизированная пресс-конференция о боевых качествах «Ла-5» и «Як-3».

— Значительной разницы между этими машинами я, по правде сказать, не вижу,— говорил генерал обступившим его французам.— Но, между прочим, истребитель первоклассный. Мотор у него, как вы, очевидно, уже догадались, воздушного охлаждения. Если говорить о технике пилотирования, то «Яки» в этом отношении гораздо проще. Думаю, перевооружаться пока нет никакой необходимости.

Подобного рода «пресс-конференции» заканчивались, по обыкновению, посещением голубовской землянки. И кого только я не заставал в ней! Однажды в середине лета мне посчастливилось встретить там Александра Твардовского и Петра Лидова. Посмуглевшие от фронтового солнца, в выгоревших и пропыленных гимнастер-

ках, они сидели за сколоченным из досок столом и вели с Голубовым и Даниловым неторопливый, степенно-деловой разговор. Здороваясь, я взглянул на погоны: Твардовский — подполковник, Лидов — майор. Андрей Степанович, удобно устроившись на топчане, рассказывал им о «нормандцах», о том, как они несколько дней тому назад сбили воздушного разведчика «Фокке-Вульф-189», появившегося над расположением наших войск, о совместных боевых действиях с летчиками-гвардейцами, штурмовавшими Сещенский аэродром противника.

— А ты почему не пишешь в «Правду» о «нормандцах»? — спросил у меня Лидов.— Они же у тебя под боком. И воюют хорошо.

— Не решаюсь как-то.

— Зря! Пиши, будем печатать. Адресуй так: Москва, «Правда», полковнику Лазареву Ивану Григорьевичу. Ну, можешь еще добавить: «по поручению майора Лидова».

И через некоторое время «по поручению майора Лидова» в «Правде» появилась моя первая корреспонденция — «Летчики «Нормандии» в боях»...

Но до конца войны было еще далеко. Ожесточенные жаркие бои на исходе лета, охватившие едва ли не всю линию фронта, требовали невероятной нравственной стойкости.

3-й Белорусский, в состав которого входила 1-я воздушная армия, все дальше и дальше продвигался на запад, и 18-й гвардейский истребительный авиационный полк обживал уже новые аэродромы. Литивля, Монастырщина, Дубровка, Слобода... Эскадрильи поднимались в воздух, чтобы вступить в схватку и уничтожить противника.

...Утро у замполита полка ушло на штабные дела: подписывал донесения, беседовал с адъютантами эскадрилий об оформлении документов, просматривал летные книжки. И все это время Андрея Степановича неудержимо тянуло на аэродром, к своей машине, которая, как ему доложили, была уже полностью заправлена и проверена. Но освободился он только в одиннадцатом часу и, прихватив с собой шлемофон, торопливо зашагал на стоянку, находившуюся от штаба в километре с небольшим.

Он уселся в кабину истребителя, когда солнце уже поднялось на полуденную высоту. Чтобы потом, в воздухе, лучше сосредоточиться, Андрей Степанович привык перед вылетом минуту-другую повспоминать... Допустим, о том, каким был тот первый день, расколовший тишину летней ночи. Он мог быть и днем последним в его жизни. Но на войне, как известно, нет правил на все случаи, и Андрей Степанович выжил. Помогло войсковое товарищество, вера в правое дело и крепкие нервы.

...Он стал терять сознание уже на исходе боя. Глаза время от времени застилала мутно-лиловая завеса, исполосованная красными молниями. Трудно дышалось из-за дыма, наполнявшего кабину. Небосвод, едва различимый и бесконечно далекий, опрокидывался, уходил куда-то в сторону солнца, и совсем не было видно линии горизонта. Создавалось впечатление, что его «чайку» затянуло в водоворот и крутит, крутит... На несколько секунд к нему возвратилось сознание, и тогда он увидел, будто в тумане, остроконечные вершины сосен, похожие на деревянные крепостные башенки, увенчанные шатровыми крышами и смотровыми вышками. И — снова тьма, зигзагообразные красные молнии.

Не помнил Андрей Степанович и того, как двое пехотинцев (поблизости от места посадки стояла воинская часть) перенесли его из кабины на землю. Он чуть слышно простонал, оттого что кто-то осторожно разжал его крепко-накрепко обхватившие ручку управления пальцы, длинные и тонкие, с посиневшими от натуги ногтями.

Толпясь у самолета, пехотинцы переговаривались:

— Насмерть, видать, бился с гадами.

— Иначе в их летном деле нельзя, мил человек. Авиация!

— Второго фашиста угробил.

— Это того, что в лесу взорвался?

— Того самого...

— Целая орава налетела, а наших трое. Легко ли?!

Все принимавшие участие в этом разговоре только что были свидетелями воздушного боя. Продолжая окапываться, они запрокидывали головы, обтирали рукавами гимнастерок вспотевшие лица и не спускали глаз с серебристо-белой «чайки». Вот она вывалилась из седенького облачка вместе с вражеским истребителем и, отцепившись от него, стала падать. Почти у самой земли, словно из последних сил, рванулась в сторону, ослепительно блеснула плоскостями и села на картофельное поле, оставив за собой глубокую, прорытую фюзеляжем борозду.

Подле летчика, беспомощно вытянувшегося на разостланной плащ-палатке, уже хлопотала, делая ему перевязку, румянощекая девушка-санинструктор.

— Тебе бы, дочка, в школу бегать,— сказал, разглядывая ее, пожилой усач-пехотинец в неуклюже сдвинутой на затылок новенькой пилотке,— а ты тут с нами...

— Не говорите глупостей,— возмутилась она, краснея.— Лучше помогите разрезать рукав. Вот ножницы. Как медленно вы поворачиваетесь!

Подъехала, попыхивая голубоватым дымком, санитарная машина. Из нее вышел военврач, сутулый старик в белом помятом халате и очках в простой железной оправе.

— Жив? — спросил он девушку-санинструктора.

— Да, большая потеря крови, пульс едва-едва...

Не дослушав ее, военврач кратко бросил санитарам:

— Носилки!

Когда раненого увезли, усач-пехотинец подошел вплотную к «чайке», зачем-то потрогал погнутый винт, одна из лопастей которого ушла в землю, и задумчиво сказал:

— Остыл мотор-то. А недавно совсем горячий был. Остыл...

Изнурительная жара стояла в тот июньский день на всей Русской равнине. Дышала зноем и взлетно-посадочная полоса. Горяч и неподвижен был раскаленный солнцем воздух.

Андрей Степанович не торопясь застегнул ремни, проверил работу рулей. Все было в полном порядке. Ему нисколько не мешало и то, что он чувствовал себя возбужденным, как это, по обыкновению, бывало от ощущения опасности.

Сидя в давно обжитой кабине, где знакома даже едва заметная царапинка где-нибудь на приборной доске, он испытывал приятное, согревающее сердце чувство уютности.

Данилов давно уже привык искать подтверждение своим мыслям и рассуждениям в каждом боевом вылете и часто находил то главное, что помогало ему не только совершенствовать технику пилотирования, но и управлять самим собой. Он никогда не приписывал «чайке» собственных ошибок, отлично понимая ее полную непричастность к ним. Неудачная, опрометчивая, лишенная точного расчета атака всегда вызывала у него ощущение разлада, а иногда — что, правда, случалось довольно редко — и враждебное чувство упрека, которое долго потом не давало покоя.

Выруливая на старт в составе звена, Данилов уже мысленно подготовил себя к встрече с противником, и это было для него своего рода необходимостью, потому что помогало в течение всего боя сохранять ясность мысли и уверенность в своем превосходстве.

После взлета, когда звено уже построилось, Андрей Степанович взглянул мельком на карту в планшете и, не напрягая зрения, осмотрелся. В синевато-мутном небе плавилось далекое солнце. На западе, у самого горизонта, валунами громоздились облака. Там, где проходила линия фронта, горели деревни, и дым пожарищ расстилался по всей округе. Кое-где виднелись багрово-рыжие языки пламени, яркие вспышки разрывов, воронки от бомб, окопы, ходы сообщения... Там, на земле, шла война, умирали люди, горел хлеб.

«Теперь, старший политрук, как говорится, гляди в оба да не разбей лоба!» — пошутил про себя Данилов, оборачиваясь и окидывая взглядом всю заднюю полусферу, откуда вероятнее всего

12 Заказ 4702

можно было ожидать появления вражеских истребителей. «Чайка» была удивительно послушна, легко повиновалась каждому его движению. И это вызывало в нем чувство слитности с ней, наполняло душу спокойной уверенностью. Заданный район был уже совсем близко.

Продолжая непрерывно осматриваться, Андрей Степанович в жарком потоке солнечных лучей, косо падавших в кабину, заметил несколько горизонтальных черточек, образующих на фоне неба едва заметную пунктирную линию. Быстро приближаясь, черточки становились все толще и толще. Через две-три секунды Данилов уже безошибочно мог определить, что это бомбардировщики «Дорнье-217», идущие плотным строем. И как только он увидел их темно-серые силуэты, его охватила ненависть. Он предчувствовал уже всю жестокость этого поединка и по выработанной ранее привычке старался успокоить себя мыслью, что сумеет первым навязать фашистским летчикам свою тактическую инициативу, свою волю...

От больших перегрузок, навалившихся на Андрея Степановича после относительно спокойного горизонтального полета,— яростные атаки следовали одна за другой,— у него темнело в глазах, голову вдавливало в плечи, сильно ломило спину. Однако он не фиксировал на этом внимания.

Длинные пулеметные очереди из всех четырех стволов, заглушая гул мотора, сотрясали «чайку». Данилов не отрывал глаз от прицела, палец — от гашетки...

И вот сломан строй противника. Один самолет горит на земле, потонув в дымном облаке. Другие, сбросив бомбы куда попало, ложатся на обратный курс, спешат восвояси.

«Драпают,— подумал Андрей Степанович, начиная преследование.— Драпают, тварюги!»

Погоня за вражескими бомбардировщиками так захватила и увлекла его, что он не только забыл о скоротечности времени, но израсходовал добрую половину боекомплекта и — такого с ним никогда еще не случалось! — умудрился оторваться от группы, потерять ее из виду. А когда, спохватившись, понял всю сложность и неприглядность создавшегося положения, было уже поздно что-либо предпринимать. Однако Андрей Степанович вовсе не собирался огорчаться и унывать. Он верил в себя и в свою машину. Восстанавливая потерянную ориентировку, Данилов ни на минуту не прекращал поиск вражеских самолетов.

Аэродром был уже близко, когда Андрей Степанович, взглянув в сторону солнца, где вытянулись реденькие облачка, увидел группу двухмоторных истребителей «Ме-110».

«Я один, а их... три... пять... Нет, больше! Пикируют, сволочи! Нашли подходящую добычу! Что ж, потягаемся!»

Опознать краснозвездную «чайку» не стоило большого труда, и два «мессершмитта», отделившись от группы, предвкушая легкую победу, устремились в атаку. И тогда к Андрею Степановичу пришла мысль: «Иду в лобовую!»

Пальцы его словно приросли к ручке управления. Сближаясь с вражеским истребителем, Данилов совершенно сознательно рисковал, отлично понимая, что малейшая, самая ничтожная слабость, потеря внимания, ориентировки, и... всему конец!

Одна предельно короткая очередь — и Андрей Степанович уже поджег самолет противника, пропустил его «под себя», стремительно набрал высоту и завершил головокружительный маневр энергичным боевым разворотом.

«Горит «мессер», горит!»

Обрадованный удачной атакой, Данилов окинул быстрым и цепким взглядом зону боя. Нет, он не мог, не имел права ошибиться...

Сблизившись с вражеским истребителем, Андрей Степанович выбирал момент, чтобы прошить его пулеметной очередью, но «чайку» сильно тряхнуло, будто под фюзеляжем разорвался зенитный снаряд. Потом ее потянуло влево, и машина потеряла скорость.

А земля, с синевато-фиолетовыми дымами над линией фронта, с зеленеющим лесным массивом, с оловянно блестевшей речкой, как-то косо, покачиваясь, пошла навстречу.

Данилов старался вывести «чайку» из штопора, в который она сорвалась после внезапной потери скорости. «Нас голыми руками не возьмешь!»

Огненная трасса пулеметной очереди на мгновение ослепила Андрея Степановича, и он почувствовал, что ранен. По его вспотевшему лицу текла кровь, режущая боль в руке не давала управлять самолетом. Но «мотор тянет, управление в порядке», Данилов не сдавался.

Тем временем вражеские истребители, отойдя в сторону, как бы решали, кому из них достанется столь легкая добыча. Однако «чайка» уже набирала высоту. Она почти вертикально взмыла вверх, будто ища защиты у солнца. В этот момент к ней стал подбираться отделившийся от группы «мессер». Андрей Степанович уже ясно различал черные, окаймленные белым кресты и чувствовал приближение решительной минуты. Разгоряченный боем, старший политрук принял вызов. Какая-то совершенно новая сила была теперь союзницей Данилова, и он шел на противника в лоб, не заботясь уже о том, выдержит ли «чайка» неимоверные перегрузки. От предельной скорости нарастала вибрация.

В несколько секунд он настиг вражеский истребитель и, поймав его в прицел, нажал на гашетку. Но пулеметы безмолвствовали. Все четыре ствола. Ни единого звука, ни знакомой, веселящей душу

пилота тряски. Мучительно и горько было сознавать свою беспомощность. Но он уже знал, на что решиться... Он все еще инстинктивно давил на гашетку, словно отказываясь верить в то, что оружие бездействует.

«Таранить!»

И Данилов стал подравнивать скорость своей «чайки» со скоростью «мессершмитта», только теперь вполне понимая всю сложность и рискованность предстоящего маневра.

«Лишь бы хватило скорости,— думал он, увеличивая подачу газа.— Лишь бы хватило...»

Острый толчок вывел Андрея Степановича из нервного оцепенения. Собрав последние силы, он поднял голову — и его охватило восторженное, ни с чем не сравнимое чувство победы: к земле падали обломки хвостового оперения «мессершмитта», и сам он, со своими крестами и свастикой, стал проваливаться, кренясь...

Весь тот первый день войны прошел вновь перед мысленным взором замполита полка.

В открытый фонарь кабины залетел ветерок, принес солнечное тепло, настоенное на аромате луговых трав и смешанное с терпким запахом «горючки».

«Да, было,— подумал Андрей Степанович,— побеждали и на «чайках». В свое время, разумеется, не теперь... А теперь,— он улыбнулся, просияв,— иной раз не решается вступать в бой с нашими «Яками» даже хваленая эскадра «Мельдерс». Паникуют гитлеровцы».

Данилов запустил мотор и стал вслушиваться в его знакомый, успокаивающий рокот. Словно напрягаясь перед взлетом, самолет мелко-мелко подрагивал. Ожили на темных циферблатах зеленовато-фосфорические стрелки приборов. В наушниках шлемофона тонко пискнула морзянка. Глаза Андрея Степановича настолько привыкли к яркому свету, что он даже не прищурился, когда полыхнули слепящие солнечные отсветы на кабинах двух приземлившихся истребителей. И пока они катились по взлетно-посадочной полосе, чуть покачиваясь на неровностях, Данилов провожал их взглядом. Он знал, что это возвратились с задания «латышские стрелки» * — гвардии капитан Сибирин и его ведомый, вылетавшие на поиск вражеских самолетов-разведчиков.

«Ладненько, ладненько притерли,— мысленно отметил Андрей Степанович.— Что ж, каковы мастера, такова и работа».

Не первый раз «Яки» под его командованием сопровождали

---

* Самолеты эскадрильи «Латышский стрелок» были построены на средства трудящихся Латвийской ССР.

штурмовиков, и те всегда оставались довольны слаженными действиями истребителей прикрытия. Случалось даже, что одно их появление над полем боя обращало в бегство «фоккеры» и «мессершмитты». Данилов хорошо помнил то недавнее время, когда эти разрекламированные гитлеровской прессой «шедевры авиационной техники» еще могли, как говорится, делать погоду. Но после первых же боев, в которых участвовали «Яки» последних модификаций, положение изменилось.

Штурмовики «Ил-2» шли плотным строем, крыло к крылу, и Андрей Степанович, оглянувшись, совсем близко увидел их. Здесь, на высоте, небо казалось натертым ртутью. Оно блестело и слегка мутилось от зноя. Внизу, под самолетами, тянулись на запад вереницы облаков, и, глядя на них, можно было подумать, что кто-то отчаянный только-только прокатил по небу на лихой тачанке и поднял клубы белой известковой пыли.

Не упуская из виду шестерку «Ильюшиных», летевших штурмовать скопление вражеской пехоты, Данилов обратил внимание на эти до странности густые и туго скрученные облака. И то, что они почти совсем не просматривались, вызвало у него чувство досады и заставило насторожиться. Нет, он не заметил ничего подозрительного. Напротив, небо было чистым на много километров кругом. Лишь эта молочно-белая облачная гряда, готовая каждую минуту заклубиться, вскипеть... В ней угадывалось что-то потаенное, до поры не проявлявшееся.

«Что это за тень промелькнула? — Андрей Степанович снова напряженно всматривался в облака.— И... и тень ли?»

Стремясь рассеять возникшее сомнение, он накренил самолет. Нет, зрение не могло обмануть его: среди облаков на мгновение обозначились нечеткие силуэты самолетов. Начав уже делать боевой разворот, Данилов сразу взвесил все — и возможность приблизиться к противнику на дистанцию действенного огня, и вероятность самому быть атакованным, и наличие горючего в баках, и скорость...

«Сумели-таки мы их заметить,— подумал он, сильнее сжимая ручку управления.— Су-ме-ли!»

Когда, наконец, вражеские самолеты, решив больше не маскироваться, вынырнули из облачного покрова и Андрей Степанович увидел кресты на ступленных плоскостях и вытянутых фюзеляжах, он ощутил в своем теле не знающую жалости твердость, которая всегда предшествовала атаке.

Данилов смотрел в прицел, где скрещивались тончайшие нити, чуть подернутые серовато-дымчатой пеленой. Наступал решающий момент. Две-три секунды удержать в прицеле силуэт — и... нажать на гашетку. Собранность, точность и абсолютное хладнокровие. И в то же мгновение он надавил на гашетку, надавил плавно, точно опасаясь, что от этого движения «Як» изменит свое положение в

пространстве и цель ускользнет. Глаз у Данилова был верный. Пушка и пулеметы действовали безотказно. Из мотора вражеского истребителя вырвалось красно-бурое пламя и, лизнув фюзеляж, затрепетало, заметалось... Одевшись дымом, самолет противника соскользнул на левую плоскость, перевернулся своим тощим «брюхом» кверху и нырнул в облака. Данилов ввел машину в вираж, осмотрелся. Небо повсюду, насколько хватало глаз, было чистым, опалово-сизым. Облака, напоминавшие Андрею Степановичу клубы известковой пыли, теперь растворялись, улетучивались.

Потеряв ведущего, вражеские истребители уклонились от встречи с нашими летчиками. А те, вдохновленные примером замполита, ни на секунду не прекращали преследования. Одна атака сменяла другую. И каждый, кто был с Андреем Степановичем в этом бою, чувствовал его мужественную близость, выжимал из машины буквально все. На земле уже чадили два сбитых вражеских самолета, разнося по речной пойме едкую удушливую гарь.

Штурмовики, довольные надежным прикрытием, не нарушая строя, второй раз заходили на цель.

...И вот через много лет я перелистываю подшивку армейской газеты. Ее пожелтевшие от времени страницы уже давно не пахнут типографской краской. Сентябрь сорок третьего... Адрес редакции: полевая почта 29756-М. В глаза бросаются знакомые строки: «Двенадцать «Яковлевых» под командованием тов. Данилова сопровождали штурмовиков. На пути к цели...» Корреспонденция заканчивалась скромно и по-военному четко: «Данилов сбил один самолет противника лично и два — в группе со своими летчиками».

— Да, это был тот самый вылет,— говорю я себе,— тот самый...

Не одного меня, военного корреспондента, поражало богатство личности Данилова, щедрость его возвышенной души, постоянная жажда деятельности и поиска, это ценили и другие, кто хорошо знал или был только немного знаком с Андреем Степановичем.

Помню, летом 1954 года я встретил в издательстве «Молодая гвардия» Твардовского. Александр Трифонович спросил:

— А где сейчас Данилов?

— Право не знаю. Кажется... Но я не уверен...

— Досадно, досадно,— сухо заметил он.

Потом положил на ладонь недавно вышедшую из печати подаренную ему книгу моих рассказов «Восходящий поток» и, словно взвешивая ее, поинтересовался:

— Здесь есть что-нибудь о Данилове?

— Не в прямом смысле,— ответил я.— Есть, конечно.

— О Данилове — человеке и комиссаре,— убежденно сказал он,— можно говорить в самом высоком смысле слова.

Николай
ЦЫМБАЛ

ВОСПОМИНАНИЯ ПО ДОРОГЕ В БЕРЛИН

«...Майор Буянов являет собой блестящий пример личного героизма как заместитель командира 146-го истребительного авиаполка по политической части.

...Летает на всех приданных полку самолетах «У-2», «И-5», «И-153», «МиГ-3», «Як-1», «Як-7б», материальную часть которых знает хорошо и грамотно ее эксплуатирует. Налет — 805 часов, боевых вылетов — 265, с налетом 215 часов. При всех условиях, в равных и неравных боях вел себя как истинный патриот. Мужественный боец, не теряется ни в какой обстановке. Штурмуя в районе Христиновки колонны танков и мотополков врага, был подбит и сел на вынужденную посадку на территории противника. Сумел сжечь самолет и уйти вместе с советской войсковой частью. Лично сам водил и летал в составе групп на штурмовые действия аэродромов противника: Буззу, Янка, Бирлаз.

В отсутствие командира самостоятельно руководит боевой и учебно-боевой работой полка.

При его участии и руководстве за время военных действий уничтожено: самолетов противника — 359, много машин и повозок с грузами и живой силой и зенитно-пулеметных точек. Произведено 4560 боевых самолето-вылетов с налетом 3909 часов. Сбито лично майором Буяновым — 17 самолетов.

Волевой, инициативный командир. Дисциплинирован. К подчиненным требователен. Подготовлен как единоначальник».

*Из характеристики
на Героя Советского Союза В. Н. Буянова.*

Желание увидеть поверженный Берлин давно жило в душе каждого солдата, каждого летчика, дошедшего, долетевшего до логова врага. Письменные и устные рапорты на имя подполковника Виктора Николаевича Буянова с просьбой о поездке хлынули лавиной. Замполит дивизии понимал, что каждый имеет право на эту первую мирную экскурсию после 1416 дней войны. Но взятие рейхстага — еще не конец сражения. Еще звучали среди развалин выст-

релы, разбитые дороги переполнены беженцами, и в этой обстановке трудно быть уверенным, что все обойдется благополучно и можно обернуться за час-другой. До рейхстага и обратно. Но, чуял он, нет выше желания у гвардейцев, его боевых друзей-однополчан, чем ступить на мостовые Кайзерплац или расписаться на рейхстаге. Большинство летчиков дивизии уже видели его с высоты. И все равно — не имеет он права отказать всем им, шедшим на смерть ради этого часа.

Доложив по инстанции о всеобщем желании участвовать в «мирном штурме Берлина» и получив в ответ «на ваше усмотрение», Буянов дал добро на экскурсию.

В ожидании машин летчики, техники и штабные работники толпились у здания штаба. Виктор Николаевич постоял с минуту с ними и отошел к березкам, что приютились на краю летного поля. Аэродром был небольшой и захламленный. Рота аэродромного обслуживания который день растаскивала с него исковерканные фюзеляжи так и не взлетевших «юнкерсов», «мессершмиттов», «фоккеров» и первых немецких реактивных самолетов, удивлявших всех отсутствием винта. Среди кустов шиповника, расцветающих яблонь и вишен виднелись брошенные в спешке, распахнутые или туго набитые чемоданы, ящики, полные папок с документами, разная другая военная и цивильная рухлядь. «Не успели...» — в который раз подумал замполит о недавних хозяевах одного из геринговских аэродромов. А так бодро начинали когда-то. Мечтали о параде у Кремлевских башен. Где-то марширует сейчас, господа арийцы? Нет, все правильно,— вернулся он к своим думам о предстоящей поездке. Пока стоим рядом с Берлином, надо съездить. Кто знает, где будем завтра! А тут, можно сказать, рукой подать.

Еле различимые, выглядывали из зарослей истребители, готовые в любую минуту снова подняться в воздух. Буянов отметил мысленно, что среди аэродромного хаоса — обгорелых фюзеляжей, сейфов, исковерканных легковых автомашин, мотоциклов — только они, предназначенные для самой жестокой работы машины, теперь зачехленные, да весенняя зелень напоминали о порядке, о пробуждении жизни на земле.

В непривычно влажном от частых майских дождей воздухе, перебивая запах гари, витал почти забытый аромат цветущих яблонь и сирени. Виктор Николаевич поднял лицо навстречу дождинкам и прикрыл глаза. С густой темной шевелюрой, с фуражкой в руках, издали он походил на крестьянина-пахаря, завершившего трудное дело и прислушивающегося к тишине. Он так долго шел к ней, к этой тишине...

Виктор Буянов родился в 1912 году на Саратовщине, в семье рабочего-железнодорожника. Отец, Николай Осипович, воспитывал сына настоящим мужчиной, учил любить труд и жизнь. Быть доб-

рым к людям учила мать, Устинья Евдокимовна. Рос Виктор в шумные революционные годы, мужал в эпоху Стахановых, челюскинцев, Чкаловых. Мечтал о небе, как многие мальчишки.

Дорога к небу началась с Воронежского авиационного техникума. Потом будущий самолетостроитель был призван по специальному набору в 14-ю военную школу летчиков в городе Энгельсе. Он упрямо шел к своей заветной мечте, к небу. Его молодые годы были наполнены трудом, учебой и спортом. Его окружали такие же целеустремленные ребята, которые любили «своего Чкалова», видели в нем не только «Витьку-заводилу», но и надежного, настоящего друга «на все года». Его неукротимое желание летать, завидные сила и здоровье, умение находить с людьми общий язык определили будущего молодого пилота: адъютанту эскадрильи Буянову предложили стать политработником — военкомом в эскадрилье 146-го истребительного полка и вскоре вызвали на беседу к полковому комиссару А. Г. Рытову. В мире было уже неспокойно. Война катилась по дорогам Польши, Чехословакии, Франции...

Хриплый автомобильный гудок прервал воспоминания Виктора Николаевича. Дождь словно поджидал, когда машины тронутся. Крупные капли звонко ударили по кабине, по натянутому тенту. В кузове тесно, шумно. Всегда аккуратные, собранные, офицеры сегодня выглядели особенно празднично: по-парадному сияли начищенные пуговицы, ордена, медали. И не было в оживленных разговорах привычных «А я его...», «Заходит в хвост...».

В глубине кузова, ближе к кабине, с летчиками о чем-то беседовали Макар Васильевич — офицер политуправления, прекрасный лектор и «эрудит дивизии», в прошлом детдомовец, студент пединститута, и работник политотдела майор Ворогдин — незаменимый помощник в комиссарских буднях Буянова. Рядом улыбался Павел Фомич Бураков — заместитель Буянова. Чуть поодаль, у борта, сидел молодой замполит из первого полка Коля Сивцов. Со свойственной ему горячностью он доказывал что-то соседу слева, аж щеки раскраснелись. «Нет, я, пожалуй, казался постарше этого юноши в первый год своего военкомства»,— Буянов прикрыл глаза, высчитывая года...

Разговор у полкового комиссара Рытова был недолгим. Старший лейтенант Буянов понял, что вопрос о его назначении предрешен, и попытался отшутиться:

— Несерьезный я человек, товарищ комиссар. Чего одна фамилия стоит!

Рытов улыбнулся. Полковой комиссар знал о неуемности характера Буянова. Он привык к тому, что фамилии в народе даются «не от печки»: если ты Огородников — предки твои, считай, первыми огородничать начали. Ну а ежели твоего деда Буяном прозвали — было за что. Но буйство буйству — рознь. Кто

мать-Россию от ворогов заслонял? Миколы Селяниновичи да Буяновичи. «В тебе, старшой, силе да талантам некуда деться,— подумал Рытов,— так вот и поделись ими с народом. Все крепче будем».

— Фамилия, говорите? — комиссар поднялся из-за стола и подошел к окну, за которым открывалось летное поле.

— Конечно, военком — это же!.. Оскандалюсь, что буду делать? — продолжал отговариваться Буянов.

«Оскандалюсь» Рытов пропустил мимо ушей и ответил только на вопрос старшего лейтенанта: что буду делать?

— Служить. Точно так же, как служили до этого: безупречно. Любите жизнь, как и любили, радуйтесь, как радовались, в часы веселья будьте таким, как были: неистощимым на выдумки, азартным на пляску и песню. Будьте самим собой, но только летайте еще лучше, если можно. И учите летать других.

Рытов повернулся к Буянову, в глазах — строгость, несоответствующая ни содержанию его наставления, ни задушевности голоса:

— Да, именно так: летать еще лучше и других воспитывать в таком же духе.

Полковой не любил долгих разговоров. Подводя черту, он так же тихо добавил:

— Могу сказать, как коммунист коммунисту. У вас есть главное: чистота, любовь к людям, цельность и партийная принципиальность. Это те самые качества, которые дают нам право распорядиться вашей судьбой, а вам — стать во главе своих товарищей. Люди идут за вами. По земле. Сделайте так, чтобы они уверовали в вас и в небе. Я надеюсь, вы понимаете всю сложность международной обстановки? И что придется готовить людей не для воздушных парадов?

Буянов понимал это и с переходом на новую должность сразу как-то остепенился. Он понял и то, что юношеские игры в «пятый океан», в его героев — позади и что он, этот океан, становится трудовым, а может быть, и боевым полем. Надо было учиться воевать, учиться самому у тех, кто успел пройти Халхин-Гол и финскую кампанию. Теперь он был в ответе за всю эскадрилью, за ее боеготовность и высокий моральный дух.

...Машину тряхнуло. Дорога из Колохау — небольшого городка, что южнее Берлина и прозванного летчиками коротко «Кола»,— шла через Лукенвальд, Ловенбрук и Тельтов. Стоило выехать на трассу, как машина сразу же влилась в непрерывный поток беженцев. Они двигались в обоих направлениях, ехали на велосипедах, тянули за собой и подталкивали тележки со скарбом — совсем так, как это было на разбитых дорогах России в начале войны. Толь-

ко у наших беженцев не было тележек на резиновом ходу. Буянов смотрел на вереницы людей, на строгие шеренги деревьев вдоль дороги. На глаза попалась беременная женщина с малышом на руках. Жизнь... Она и тут торжествовала — среди развалин, сброшенной с крыш красной черепицы, обломков труб, среди закопченных стен со слепыми окнами.

Развалины — они всюду одинаковы. Только от русских изб оставались несгоревшими одни печи. Вдруг Буянов ясно увидел тот, первый день, положивший начало всем этим пожарам...

Шел первый год их совместной жизни с женой. Фаина ждала сына. В ту ночь долго не могли заснуть, а утром до восхода солнца она с матерью ушла на рынок, закрыв двери на ключ. Они, конечно, думали о войне, но она была, казалось, еще «за горами». Только что часть перебазировалась в Молдавию, на новый аэродром. Тогда верилось: нет сильнее нашей армии и никто не решится начать войну с могучим Советским Союзом. Хотя бы в тот год.

Тревога была неожиданной. Посыльный чуть не выбил дверь. Буянов вмиг оделся, на листке из блокнота черкнул жене: «Скоро буду» — и выпрыгнул на улицу через окно. А в шесть утра уже поднялся в воздух, ведя эскадрилью наперерез армаде «юнкерсов». Они летели плотным, прямо-таки парадным строем. В сторону Одессы...

— Виктор Николаевич,— обратился к Буянову лейтенант Сивцов.— А правда, что вы в первом бою были сбиты? 22 июня?

«Странно,— промелькнула мысль.— Почему вдруг Сивцову пришел на ум этот вопрос. И именно в эти минуты? — Замполит взглянул на розовощекого лейтенанта.— Говорят, что мать связана с ребенком невидимыми нитями чувств. Не так ли и между нами? Или просто победа, конец всему совершенно случайно навели его на этот вопрос?»

— Правда, Коля.

Это была такая правда, которую знали немногие и не всю. И половины никто не знал. Он скрывал ее даже от самого себя. Все эти годы. Стыдился тех чувств — растерянности, отчаяния. Ему было больно, как Витьке-заводиле, который вдруг оказался бессильным перед обстоятельствами. А в него люди верили больше, чем в себя.

...Увлеченные погоней за «юнкерсами», они прозевали группу «мессеров», зашедшую со стороны солнца. Вклинившись в строй истребителей, «мессеры» разрушили все планы. Пришлось оставить «юнкерсы» и обороняться. Первым запылал самолет лейтенанта Василия Лаптева. Василий выпрыгнул из машины. И когда над ним раскрылся парашют, один из фашистов ринулся к беззащитному летчику. Буянов словно забыл, что он ведущий и должен руководить боем, бросился на выручку Лаптеву, но в тот же миг ощутил, как

«ястребок» под ним содрогнулся от удара и начал крениться. Он удержал его и увидел, что «мессеры» навалились со всех сторон и трассы от пуль прошли перед носом подраненного «ишачка» — это конец.

«Ястребок» круто рванулся вверх, едва не врезавшись в хвостовое оперение противника и успев выпустить остатки своего боезапаса. Камнем вниз... вверх, влево... Земля, небо, земля... Все смешалось, как будто не он, а все вокруг покинуло свое обычное место и закружилось в бешеной карусели.

Виктор продолжал бросать самолет из стороны в сторону до тех пор, пока неясное, томительное ожидание не превратилось в догадку: они не хотят стрелять в него! Что-то оборвалось внутри. Это было совсем необычное, еще не испытанное чувство, так похожее на пустоту, о которой много читал и не мог понять.

Трассирующие очереди пересекали направление его полета лишь тогда, когда он хотел отвернуть в сторону. Фашисты прижались почти вплотную, едва не касаясь крыльями. Они улыбались, приветливо помахивая руками и указывая путь следования. Буянов оглянулся. В пылу погони он оторвался от своих. К тому же машина слушалась плохо. Чтобы разобраться в чувствах, в обстановке, он приказал себе: «Не колыхаться! Успеешь погибнуть». И сразу же отпала мысль о таране — слишком малая плата будет с их стороны. Он выровнял машину, улыбнулся «соседу» слева и, качнув крыльями, полетел за ведущим. В кабине пахло смесью бензина и гари — совсем так, как пахнет невидимый след автомобиля с плохо работающим двигателем. Он скинул шлем. Слишком мучительно было слышать голос руководителя полетов и не иметь возможности ответить ему: рация тоже вышла из строя. «Ястребок» вздрагивал, стрелки приборов играли в какую-то чехарду. Стало душно.

Только потом, через месяцы, он уяснил, что на войне, как на тяжелой работе, люди забывают о холоде и жаре. И что эти два слова приобретают, в зависимости от обстоятельств, новый, ощутимый смысл. Минуту назад мороз пробежал по спине от сознания безвыходности, сейчас — жарко от усилий сдержать самолет...

Да, то был первый бой, и каждый раз, мысленно возвращаясь к нему, Буянов благодарил ту вдруг нагрянувшую грозу за неожиданное спасение.

На другой день техники прибуксировали самолет на стоянку. В нем оказалось 149 пробоин, но первый воздушный бой окончился для летчиков 146-го истребительного полка со счетом 5:1. Погиб только Вася Лаптев. А мог не вернуться и он, Буянов. Потом еще долго обмозговывая, разбирая бой «по косточкам», по деталям, понял: побеждает в небе тот, кто видит все вокруг, кто умеет в воздухе вертеть головой.

— Буянов, Витя! Перестань вертеться,— вспомнил он тихий,

умоляющий голос преподавательницы литературы и улыбнулся: парадокс!

...Экскурсантов качнуло: грузовик резко сбавил ход. Слева и справа показались утопающие в садах абсолютно целые особняки. Из-за плотного потока беженцев дорога сузилась. Потом машина остановилась, пропуская колонну пленных. Многие из офицеров были при всех орденах. Так, говорят, выглядели перед последним боем самые фанатичные из фашистов. Так же нарядились они в первый день нападения на Советский Союз.

Буянов ясно видел перед собой немецкого капитана, сбитого им на второй день, 23 июня. Они снова поднялись в воздух по тревоге в шесть утра. Быстро набрали высоту в три тысячи метров, на которой летели «хейнкели». Теперь он знал, что надо делать. Истребители ушли в сторону солнца и чуть выше. Горизонт был чист, сопровождение вражеских бомбардировщиков где-то отстало.

— Иду на ведущего, прикрой,— приказал он ведомому и бросил самолет резко вперед и вниз.

Первой очередью был уничтожен стрелок, и, добавив обороты двигателю, Буянов почти сравнялся с кабиной «хейнкеля». Летчик почувствовал взгляд, обернулся. Виктор увидел белоснежный воротничок, галстук, черный мундир и ордена. От неожиданности фашист приоткрыл рот, отбросил штурвал от себя, но было поздно. Виктор довернул уже свой самолет и нажал на гашетку. «Хейнкель» загорелся. На развороте Буянов увидел, как из него выпали две фигуры, распахнулись парашюты.

Вечером его вызвали в штаб. Допрашивали того самого летчика. Он сидел нахмуренный. На тужурке виднелись отличительные знаки и среди них — одна из высших наград рейха.

— Так вот, товарищ старший лейтенант,— обратился к Буянову майор из штаба.— Этот ас, летавший над Францией, Грецией, Польшей и Югославией, заявляет, что его сбили по неосторожности их же зенитки. Хвастает, что Железный крест с дубовыми листьями ему вручен Герингом.

— Сбил его я, товарищ майор.

В комнате воцарилась тишина.

— Вы, похоже, смелый человек, капитан, а вот признаться, что на второй день войны сбиты молодым летчиком, у вас не хватает сил.

Немец опустил голову, потом поднял глаза на Буянова.

— Да, я видел его в кабине истребителя. Как говорят у вас, ваша взяла. Это — он,— и зло добавил: — Но все равно Германия разобьет большевиков и коммунистов!

— Что ж, цыплят по осени считают, как говорят у нас, у русских. А с политграмотой, капитан, у вас не все в порядке: большевики и коммунисты — это одно и то же.

Да, капитан тот выглядел тогда как будто собрался не на бомбежку Одессы, а на вечеринку в один из ее ресторанов.

Вечером того же дня поздравить замполита эскадрильи, летчиков Василия Сизова, Виталия Королева, Ивана Кобыщана, Павла Леонтьева в полк прибыли командир дивизии полковник Галунов, полковой комиссар Горбунов и герой Испании генерал-майор авиации Герой Советского Союза Гусев. Это была первая победа, которая вселила в души однополчан уверенность в боеспособности нашей техники.

За горячие часы, проведенные в воздухе 22—23 июня, Буянов ощутил на себе, что теоретический бой в классах значительно отличается от настоящего сражения, где в полной мере выявляется твое преимущество, если ты внезапен, смел, решителен, расчетлив и жесток. Да, жесток: если не собьешь ты, собьют тебя. А ты должен жить, чтобы сражаться, уничтожить тех, кто пришел в твой дом с мечом.

В промежутках между полетами комиссар эскадрильи изучал с летчиками фашистскую боевую технику, анализировал каждый боевой вылет, учил выживать, уничтожая. Это был адский труд: после посадки порою летчики не находили сил выбраться из кабин. Несмотря на усталость, учебу не считали лишним делом. Комиссара в эскадрилье уважали, прислушивались к нему. Смело применяли эшелонирование по высоте, вертикальный маневр, стрельбу с коротких дистанций, другие приемы воздушного боя. Был взят курс на изучение мастерства лучших.

В боях за Одессу летчики 146-го полка уничтожили до сотни фашистских самолетов. Все — командиры и политработники — по крупицам собирали боевой опыт первых недель и месяцев войны, изучали то, что прошло проверку боем, решительно отказывались от устаревших тактических разработок довоенной поры. С каждым днем рос в глазах товарищей по оружию авторитет командиров и комиссаров-новаторов.

В начале сентября 1941 года Виктор Николаевич Буянов был назначен военкомом 146-го истребительного авиационного полка, а 9 сентября его наградили орденом Ленина. Вступив в должность, комиссар с удвоенной энергией принялся за работу. Он изыскивал малейшие возможности, чтобы полностью раскрыть мощь истребителя. И само собой, много времени уделял воспитанию у людей мужества, изо дня в день совершенствовал собственное мастерство — крылатого бойца-комиссара. В качестве ведущего группы Буянов совершал по 3—4 вылета в день.

...Колонна пленных кончилась, двинулись дальше. В кузове установилась тишина. Каждый думал свою думу, и от дождя, хле-

щущего по тенту, от разом наступившего молчания стало грустно. За воспоминаниями о прошлом Виктор Николаевич поздно уловил перемену настроения, но тут же под тентом взвился голос молодого политработника Сивцова:

Пропеллер, громче песню пой,
Неся распластанные крылья!
За вечный мир в последний бой
Летит стальная эскадрилья!

Песню подхватили. Люди ожили. Они снова были вместе. «Хорош замполит,— тепло подумал о Сивцове Буянов.— Крепок, азартен, внимателен, воюет и словом, и песней, и делом. Как магнит притягивает к себе остальных. И это удача, если есть среди людей подобные Сивцову, в ком открываешь эти качества и потом вместе с подопечными «дорабатываешь» их. Как с Мишей Фарафонтовым».

Миша Фарафонтов был скромен, незаметен в эскадрилье. Но Виктор увидел в молодом летчике желание делать все так, как командир. А его самостоятельные решения в бою порой опережали мысль Буянова. Вот тогда-то и пришла идея попробовать Фарафонтова «на оселок». В один из дней он объявил перед строем, что ведомым на задании у него будет лейтенант Фарафонтов. Неожиданное сообщение обескуражило многих, все уже отлично знали, что значит быть ведомым у замполита полка.

Это было на «огненной дуге». Однополчане вспоминают: «Он прибыл в штаб дивизии перед Орловско-Курской битвой на своем боевом «ястребке». Гимнастерку украшал орден Ленина. «Вот это комиссар! — завидовали мы, тогда молодые летчики...» И вдруг какой-то новичок, ничем не проявивший себя в предыдущих боях, идет ведомым у самого Буянова!

Случай попробовать Фарафонтова не замедлил представиться.

Служба наземного наблюдения обнаружила эшелон из сорока «юнкерсов», двадцати «мессершмиттов» и «фоккеров». Эскадрилья взлетела на перехват. Выстраиваясь «этажеркой», резко отвернули в сторону, к солнцу, и взяли курс на линию фронта.

— Вижу четыре «мессера». Справа двадцать! — доложил Фарафонтов.

— Вижу,— ответил Буянов.— Не отвлекаться. Уходим за линию фронта.

И только когда армада самолетов противника оказалась позади и ниже по высоте, они легли на обратный курс.

— Атакую ведущего! Зри в оба!

— Есть!

Истребители свалились на строй фашистских самолетов как снег на голову. Расстрелянный в упор, загорелся один «юнкерс», другой. Самолеты закружились в карусели схватки, поливая друг друга из пушек и пулеметов. Бомбардировщики, бесцельно опорож-

няя свои бомболюки, поворачивали обратно. В разноголосице эфира трудно было разобраться. В тоне голосов, в коротких выразительных выкриках и командах угадывалось дыхание нелегкого боя. Перед глазами мелькали то кресты, то красные звезды на фюзеляжах. Буянов заметил, как ведомый, разгадав маневр «мессера», пытавшегося зайти в хвост его самолету, взмыл вверх, перевернулся и с ходу ударил по опрометчивому «охотнику». Разваливаясь от взрыва, тот рухнул на землю. Но теперь уже ведомый оказался на прицеле мстящего «фоккера». «Повиснув» на хвосте у «ястребка», фашист старался догнать его и расстрелять. Миша ушел в крутой вираж.

Теперь все зависело от трех элементов: от техники пилотирования, от того, выдержит ли нагрузку мотор, который после вчерашнего боя техсостав восстанавливал ночью, и от его, буяновского, маневра — сумеет ли замполит в считанные секунды сблизиться с «фоккером».

— Подтяни! — крикнул он Фарафонтову и представил, как молодой летчик осязаемо чувствует собственной спиной беззащитность: «фоккер» настигал.

— Ребята! Прикройте меня!

Замполит, и не оглядываясь, знал, что просьба будет выполнена немедленно. Он бросился наперерез «фоккеру» и метнул из стволов, кажется, весь огонь. «Фоккер» вспыхнул и, оставляя шлейф дыма, начал падать.

В тот день лейтенант Михаил Фарафонтов сбил три вражеских машины. Прибавилась победная звезда и на кабине Виталия Королева. Когда приземлились, подсчитали, что фюзеляж самолета капитана Филатова, где красовался древний воин, догоняющий дьявола, пробит в семи местах. Киль оборван снарядом, левая консоль обрублена пулеметной очередью, бензобак продырявлен. Старший инженер Григорий Фоменко сетовал: «Совсем не бережете технику...»

После того боя в полку был праздник. Долго звучали песни, не было конца разговорам. Кажется, и эту пели: «...За вечный мир, в последний бой!»,— да только до мира было еще далеко.

Ишь как заливается, улыбнулся Буянов, глядя на Сивцова. И в песне — мастак, и в небе — мастер. Только с такими и можно было дойти, долететь от Одессы до Берлина.

Как-то в июне 1943-го майор Буянов вел шестерку на задание. Его прикрывал в полете уже парторг эскадрильи, его воспитанник старший лейтенант Фарафонтов. Подлетая к реке, Михаил увидел большую группу вражеских самолетов, шедших с востока. Несколько девяток бомбардировщиков «Ю-87» в сопровождении «мессеров» и «фоккеров» направлялись к танковой переправе. От неожиданной встречи с многочисленной армадой молодой

летчик стушевался, однако тотчас доложил ведущему обстановку. Буянов занял исходное положение для атаки со стороны солнца. Ведомый не отставал. Командир решил расчленить девятку бомбардировщиков. Вместе с Фарафонтовым стремительно бросился в атаку. Стрелки «юнкерсов» открыли сильный огонь из пулеметов. Отважная пара, пренебрегая опасностью, ворвалась в середину девятки, ударила по «юнкерсам», и в следующие минуты, объятые пламенем, упали в лес два стервятника. Рассеяв боевой строй вражеской группы, наши летчики вышли из боя. Фашисты, не дойдя до переправы, стали беспорядочно сбрасывать бомбы.

Не успев отдышаться от предыдущей атаки, Буянов заметил, что к переправе следует второй эшелон бомбардировщиков. Он отдал приказ патрулирующей в это время группе наших истребителей — связать немецкое прикрытие — и принял решение атаковать «юнкерсы». Его ведомый держал нужную дистанцию, умело прикрывал. И тут же увидел: замполит длинной очередью уничтожил еще один, третий в этом бою, вражеский бомбардировщик. Следуя примеру ведущего, Фарафонтов тоже метким огнем поджег «юнкерс». Но справа показались два «фоккера», которые ринулись на самолет Буянова. Набрав высоту, используя внезапность, Фарафонтов из пулеметов и пушки срезал один «фокке-вульф», после чего второй прекратил преследование командира и отвернул в сторону. Наша пара вновь заняла исходное положение для встречи следующих истребителей, но и те уклонились от схватки.

В том бою отважные соколы истребили одиннадцать фашистских самолетов. И все увидели плоды буяновской работы, поняли, что такое взаимовыручка, слитность, безупречная слетанность каждой пары.

Перед заданием замполит полка предупреждал: в небе побеждает тот, кто увидел первым. И еще учил летчиков строго и точно выполнять только ту задачу, какая на тебя возложена.

Буянов хотел, чтобы каждый летчик не только хорошо дрался в воздухе, но и умел оставаться живым. И он учил пилотов — и лично, и через политработников в эскадрильях. Те внимали ему как наиболее опытному и в свою очередь «брали в работу» каждого летчика. Вместе с командиром проводили детальный разбор. Занимались вопросами боевого порядка патруля — по высотам и в плоскости, по маршруту полета и скорости патрулирования. Во главе групп ставили наиболее опытных — коммунистов В. Холуда, П. Филатова и других асов. Уточнялись действия каждого летчика при встрече с противником, возвращении групп на базу, очередность посадки. Предугадывалось даже коварство фашистов: нередко они подкарауливали неосторожных одиночек над нашими аэродромами и уничтожали самолеты, считавшие себя уже в безопасности, дома.

По мнению одного из гитлеровских генералов, воевавшего

под Орлом, единственной неиспользованной возможностью сорвать сосредоточение советских сил перед наступлением или существенно помешать этому было бы применение авиации. Генерал объяснил этот промах «ограниченностью и твердолобостью Геринга». Однако в действительности дело обстояло иначе: от фашистской авиации уже ускользало стратегическое господство. Перелом начался с ноября 1942 года, и теперь в небе Орловщины накал борьбы за господство в воздухе дошел до предела. Приведем такой общеизвестный теперь факт: еще в оборонительный период великой этой битвы наши летчики совершили более 28 тысяч самолето-вылетов. Около полутора тысяч схваток произошло в небе, из них 517 — на Орловско-Курском и 899 — на Белгородско-Курском направлениях...

Но вернемся к однополчанам Виктора Николаевича Буянова.

Середина июля 1943 года была, пожалуй, самой напряженной для 146-го гвардейского истребительного полка. Каждый делал по 3—4 боевых вылета ежедневно. Ходили восьмерками на разных высотах, «этажерками», которые летчики мастерски строили. За день сбили 22 фашистских самолета. Потеряли — два. Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян напишет потом в воспоминаниях именно об одном из этих июльских боев: «Гитлеровское командование направляло к нашим позициям десятки, сотни бомбардировщиков в надежде, что хоть часть из них сумеет прорваться. Нашим истребителям и артиллеристам-зенитчикам работы хватало, тем более что линия фронта у нас растянулась, всю ее надежно не прикрыть, да и от своих аэродромов мы изрядно удалились. И у нас бы неминуемо были серьезные потери от вражеских бомбардировщиков, если бы не героизм советских летчиков.

14 июля мы затаив дыхание следили за воздушным боем над поселком Дудоровским, северо-западнее Болхова. 40 «юнкерсов» приближались к нашим позициям. Тревожные возгласы «Воздух!» заставили бойцов искать укрытия. И тут навстречу вражеской армаде устремилась шестерка краснозвездных «яков»...

С истошным воем падали на землю объятые пламенем «юнкерсы» — один, второй, третий... шестой... Пехота забыла об укрытиях. Все смотрели в небо и ликующим «ура!» встречали каждый сбитый «юнкерс»...

На КП армии не смолкали телефоны. Командиры стрелковых и танковых соединений просили наградить отважных летчиков... Связался с генералом М. М. Громовым.

— Кто у вас сейчас дрался над Дудоровским?

Генерал ответил, что шестерку истребителей возглавлял майор В. Н. Буянов.

— Передайте им благодарность Военного совета армии и примите сердечную просьбу пехоты достойно наградить героев!»

Однако не всегда воздушные бои заканчивались победой для однополчан Виктора Николаевича. Были тяжелые, невосполнимые потери, когда на глазах у летчиков гибли их боевые друзья. Тогда Буянов делал все, чтобы подвиг остался в сердцах однополчан и земляков героев, отдавших свою жизнь за Родину.

Да, победа досталась дорого. И самому замполиту пришлось трижды добираться на аэродром после боя совсем не по воздуху. В очередном бою он даже попрощался с жизнью, когда крупнокалиберный зенитный снаряд обрубил консоль стабилизатора. Машина круто и стремительно рванулась к земле, ввинчиваясь в предсмертный штопор. Что помогло ему удержать ее на третьем витке, Буянов не знает. Сила? Умение? Ненависть? Или желание дойти вот сюда, до этих развалин столицы рейха?

Грузовик притормозил, и разговоры и пение в кузове сразу стихли:

— Приехали, что ли?

Лейтенант Сивцов, как самый молодой из прибывшей мирной экскурсии в Берлин, протиснулся среди сидящих:

— Братцы! Не пойму: что же смотреть-то будем?

На временном КПП со шлагбаумом на куске фанеры крупными черными буквами было выведено — «Берлин». Вокруг лежали горы кирпича, торчали остовы разрушенных зданий, повсюду стлался дым, вырываясь из подвалов. Казалось, что еще горит сама земля.

Пока проверяли документы, все высыпали из машины и с удивлением смотрели на город.

— Вот мы и дошли до тебя.— Начальник политотдела дивизии смотрел на торчащий из подвального окна ствол огнемета. Буянов припомнил, как уже в бытность начальником политотдела дивизии, изыскивая вместе с подчиненными новые средства логического и эмоционального воздействия на сознание и чувства авиаторов, он провел анкетирование. Для повышения боевой активности летчиков. Анкета, распространенная среди личного состава одного из истребительных полков, содержала один вопрос: какой у тебя личный счет к врагу? Когда ответы были суммированы, то получилась потрясающая картина фашистских зверств, издевательств, грабежа... 62 воина, как оказалось, потеряли близких родственников, в 74 семьях летчиков и техников были раненые и искалеченные войной, у 22 человек родных угнали в неволю, а 31 семья лишилась крова... Только в одном полку!

После сбора и обобщения анкет провели партийное и комсомольское собрания. Слова каждого из выступающих дышали гневом, возмущением. Летчики клялись мстить, призывали боевых товарищей ускорить час победы над врагом, писали клятвенные письма жертвам фашизма, пострадавшим в период оккупации...

Они снова тряслись в машине. Старенький «ЗИС» подпрыгивал на колдобинах изрытой снарядами и бомбами дороги, объезжая глубокие воронки или завалы. Город еще выглядел, как передовая линия фронта. Буянову вдруг стало больно и обидно за людей всего мира: строят, чтобы потом разрушить...

За тентом послышались голоса. Шофер расспрашивал о дороге к рейхстагу.

— Налево. Через Тиргартен. Только осторожно! Там соловьи поют,— пошутил дежурный контрольно-пропускного пункта.

...Тиргартен-парк, Вильгельмштрассе, Сарландштрассе и рейхстаг. Войска медленно продвигались к центру Берлина. Враг сопротивлялся, стоял насмерть. Каждый дом был превращен в крепость. На узких улицах нельзя маневрировать танкам. Бомбить? Кого? Своих? Нейтральная полоса порой составляла всего несколько метров. И попробуй высунуть голову!

У летчиков, конечно, было страстное желание помочь наземным войскам выкурить фашистов из подвалов и полуразрушенных зданий. Военный совет фронта, зная настроение авиаторов, как и всех участников битвы за Берлин, принял решение сбросить на почти поверженное фашистское логово в день 1 Мая не бомбы, а алые знамена. Это было всего несколько дней назад и потому свежо в памяти. Волнение летчиков на митинге, где он выступал перед строем, подготовка к полету и взлет истребителей, ведомых самыми отчаянными храбрецами — дважды Героем Советского Союза А. Ворожейкиным, Героями Советского Союза И. Лавейкиным, П. Песковым, А. Ткаченко, П. Полозом, К. Трещевым, А. Коссом — он шел первым в прикрытии двух истребителей: майора И. Малиновского и капитана К. Новоселова. Под взлетными щитками самолета Косса было уложено знамя, на котором штурман полка Степан Федорович Тихонов нарисовал четко и крупно «ПОБЕДА». Это было неожиданным зрелищем. Для всех. Около двенадцати над рейхстагом повисло огромное, горящее на солнце полотнище с таким знакомым и долгожданным для советских солдат словом. А рядом — другое: «Слава советским войскам, водрузившим Знамя Победы над Берлином!»

— Знамена на парашютах спустились точно в заданном районе,— объявил по радио генерал-полковник авиации С. А. Красовский.

Прилив сил у штурмующих был необыкновенным...

— Тиргартен! Тиргартен! — закричали сразу несколько экскурсантов. Машина встала, и сразу все стихло. Откуда-то из кустов и в самом деле донеслась соловьиная трель.

Александр
ЛАДОЖЦЕВ

ПРИБЛИЖАЛИ КАК МОГЛИ

Уже время шло к отбою, когда в казарме раздался зычный голос дежурного:

— Краснофлотца Маслина — к замполиту!

Иван Маслин еще не успел раздеться:

— Иду!

Комнатушка замполита была в том же самом «линкоре о двадцати четырех трубах» — так именовали казарму летчики 3-го запасного авиаполка. Майор Маловичко, исполнявший обязанности начальника политотдела полка, показал на стул:

— Садитесь, Иван Изосимович! И давайте поговорим как партиец с партийцем! Как вы отнесетесь к тому, если предложим вам исполнять обязанности парторга летной группы? Ваши товарищи вам верят, более того, несмотря на разницу в званиях, вы для них авторитет.

В самом деле, люди в летной группе были разные — их собрали со всех концов страны, командиров-летчиков и штурманов запаса. От младшего лейтенанта до капитана.

— Не знаю, что сказать... Вдруг не справлюсь?

— Справитесь! Если что, обращайтесь за помощью в любое время! Уже завтра вам нужно взяться за партийную работу — дело в высшей степени ответственное. Имейте в виду: первое — чтобы все летчики и штурманы запаса побыстрее вошли в строй; и второе — все они рвутся на передовую, на фронт, а наш фронт сейчас под боком: в любой момент могут напасть японцы!

— Понял, товарищ майор!

Легкая краска залила лицо краснофлотца. Он сам уже написал рапорт с просьбой направить его на любой из действующих фронтов. Так уж получилось, что незадолго до войны Иван закончил летное училище по штурманской специальности, да вот неумолимые медики нашли какую-то болезнь в легких — пришлось уйти из авиации. В запасном полку в строй вошел быстро: летал и бомбил лучше всех. Кстати, Маслин считал, что именно это и поможет его переводу в действующую армию.

Майор Маловичко, завершая разговор, сказал:

— Штурманским ремеслом вы владеете отлично, надеюсь, что и остальные штурманы в летной группе скоро будут так же хорошо ориентироваться и бомбить!

...Так совершенно неожиданно для себя краснофлотец Иван Маслин в начале войны стал парторгом. Впрочем, это назначение было следствием активной общественной работы в летном училище. Начальник политотдела в характеристике Маслина сделал такой вывод: «Может быть использован на партийной и комсомольской руководящей работе».

Лейтенант Иван Кириенко, чья койка стояла рядом с койкой Маслина, в один из вечеров, уже после отбоя, поделился:

— Дам-ка я отсюда ходу на Черное море или на Балтику! Пока мы тут тренируемся и зря бензин жжем, там без нас война кончится. Ну поругают, ну накажут, так ведь я хочу попасть на фронт!

— Намерения благие, да только, по-моему, рановато — с бомбометанием у тебя неважно. Научись бомбить, там видно будет...

Летать на учебное бомбометание приходилось на почтенном «ТБ-3», на который цепляли по тридцать шесть бомб. Тридцать шесть заходов, каждому из девяти штурманов — по четыре бомбы, по одной на заход. При первой же тренировке после того ночного откровенного разговора Маслин доказал Кириенко, что тому нужно учиться и учиться.

Потом еще два товарища, Ростислав Алиев и Анатолий Генералов, обратились с просьбой отправить на фронт. Здесь Маслин нашел другой ход:

— Вы знаете, на прошлой неделе из ночного полета не вернулся экипаж скоростного бомбардировщика.

— Слышали, а что?

— Машину нашли в сопках...

— Наверное, потеряли ориентировку и «влезли» в сопку!

— Там другое — в стволах пулеметов обнаружили нагар. Экипаж от кого-то отстреливался. Да и сами видите, что японские самолеты все время нарушают границу, держат нас в напряжении. Наше место сейчас здесь. Надо лучше знать будущий театр военных действий.

— Кстати, насчет театра. Есть одна свежая идейка! — высказался Генералов.— Что, если сделать большую карту нашей оперативной зоны, чтобы на ней детально маршруты проигрывать, пока всё назубок не выучим!

— Это дело! — поддержал товарища Алиев.— От этого всем польза будет!

Через неделю в полку появилась карта, сработанная руками двух штурманов, размером полтора на полтора метра, которая намного облегчала учебу. Карта эта, сделанная в масштабе, была не простой, а стилизованной: каждый остров на ней или береговая

черта напоминали какой-либо знакомый предмет. Так, Сахалин был искусно вычерчен в виде рыбы, головой обращенной к северу.

Народ в летной группе все время менялся. И рапорта с просьбами отправить на фронт следовали по команде один за другим. Парторг пригласил на партсобрание представителя из штаба Тихоокеанского флота. Капитан 2-го ранга говорил ровным голосом, не повышая тона:

— Товарищи! Война идет не только на западе страны, она готова вот-вот разразиться и здесь. Напоминаю, что вскоре после начала фашистской агрессии численность Квантунской армии резко возросла. Если в июле 1941 года она насчитывала 480 тысяч солдат и офицеров, то в сентябре — уже около миллиона... Японские войска находятся в полной боевой готовности и ждут только одного — сигнала к началу боевых действий. Против нас Япония создала несколько крупных авиационных группировок: к 10 сентября она только в Маньчжурии имела полторы тысячи боевых машин...

Слово взял парторг:

— Товарищи, после выступления представителя штаба флота вам должно быть ясно, что Родине сейчас мы, военные, нужны здесь.

Парторга поддержал лейтенант Кириенко:

— Что же, здесь — так здесь! И нужно постараться максимально использовать время для подготовки к боевым действиям.

На следующий день на аэродроме закипела работа. Строились капониры для самолетов, добротные землянки для летчиков, штурманов, техников. Где только можно, всеми правдами и неправдами доставались строительные материалы — лес, кирпич, доски. Перелопатили сотни кубометров грунта. Люди трудились до кровавых мозолей...

На Дальний Восток приходили известия о бандитских налетах гитлеровской авиации на советские города и села, о потерях наших войск от бомбовых ударов. Тихоокеанцы из этих сообщений сделали выводы: замаскировали боевую технику, боеприпасы, горючее, командные пункты.

Следя за боевыми действиями, летчики понимали, что сражаться им, возможно, придется не только в воздухе, но и на земле. Поэтому и пришлось запасному авиаполку знакомиться со стрелковым оружием, учиться метать по танкам бутылки с горючей смесью. В гарнизоне начала работать школа снайперской стрельбы. Кроме того, война предъявила и еще одно требование: каждый специалист должен уметь заменить другого, чтобы не снижалась боеготовность воинской части или экипажа в целом.

Сводки Совинформбюро принимались близко к сердцу. Там, далеко на западе, идет невиданное по своим масштабам сражение. Чем можно — помочь фронту!

Комсомольцы Приморья решили на свои средства построить

корабль «Приморский комсомолец» и авиаэскадрилью «Советское Приморье». И 3-й ЗАП* этот почин подхватил — в полку было собрано несколько тысяч рублей. В декабре начали сбор средств в фонд обороны.

Прошло время, отведенное штурману Маслину для переподготовки. Все зачеты, кроме метеорологии, он сдал на «отлично». Офицеры летной группы возмутились: как же так? Маслин нас всему научил, а ему поставили четверку?! Капитан, принимавший зачеты по метеорологии, на повторной беседе с Маслиным убедился в отличном знании им предмета.

Так закончилось обучение в запасном полку. Иван уже строил планы на будущее, думал, что назначат его в строевую часть и он приступит к полетам на боевой машине. Мечтал, загадывал, да не тут-то было: пришлось остаться в ЗАП. Этому предшествовал разговор с начальником политотдела:

— Иван Изосимович! С работой парторга вы справились. Да и в передаче товарищам своих знаний поднаторели изрядно... О переводе пока и не мечтайте. Сейчас вы нужны здесь.

И снова тренировочные полеты с вновь прибывшими штурманами и многомесячная, кропотливая подготовка людей.

Через некоторое время Ивану Маслину удалось-таки перейти в боевой полк.

В 1942 году японцы вели себя особенно нагло: без конца нарушали границу, часто задерживали советские пароходы, а некоторые даже топили. Многие летчики запомнили крейсер «Юбари», который до осени патрулировал около трехмильной границы советских вод, от Владивостока до бухты Де-Кастри, и даже вставал на якорь на рейде Александровска-на-Сахалине, контролируя деятельность этого порта. Не один экипаж вылетал с бомбами, чтобы нанести удар по крейсеру, если он сунется в советские территориальные воды.

Подготовка кадров для фронта, хотя ей отводилось значительное время, все же не была главной задачей авиаторов Тихоокеанского флота. Главным по-прежнему оставалась высокая боеготовность авиационных частей, поддержание ее на таком уровне, который позволил бы отбить нападение японских империалистов, если бы они на то отважились. Поэтому, несмотря на нужды фронта, авиацию ТОФ в 1943 году начали усиливать. Приступили к формированию новых соединений и частей. Таким образом, пришло время и Ивану Маслину служить в боевой части — в 34-м полку скоростных бомбардировщиков, где ему и присвоили первое офицерское звание. Командование полка уже знало о способностях Маслина к политработе, и его назначили агитатором.

---

* Запасной авиационный полк.

Война-войной, но у людей неистребима тяга к литературе, к истории, к самым разнообразным областям знаний. Вот здесь и пригодились годы учебы в институте. Каждый вечер однополчане зазывали Маслина в свои землянки. Шли беседы на самые разные темы. Ивана любили не только за то, что он сам мог увлекательно говорить, но и за то, что умел выслушивать собеседников.

Вскоре его перевели в 48-й полк морских разведчиков. Пришлось вновь переучиваться. И, конечно же, заниматься партийной работой — на этот раз уже парторгом эскадрильи.

Летать Маслину приходилось наравне со всеми, и даже больше. А после полетов — беседы с людьми. Летчики эскадрильи интересовались опытом Великой Отечественной войны, подробностями тех или иных боевых операций и особенно участием морских сил в военных действиях. Пришлось завести специальные папки, в которые Иван складывал заметки, вырезки из газет с необходимыми для бесед и докладов материалами. Время, занятое полетами и партийной работой, бежало быстро.

И вот пришла долгожданная весть о разгроме фашистской Германии. В эскадрилье ее встретили взрывом ликования. Принялись качать парторга, первым сообщившего эту новость.

Начался митинг.

После командира эскадрильи выступал Маслин:

— Дорогие товарищи! Кровь миллионов защитников Родины, дорогих и близких нам людей пролилась не напрасно! Они отстояли свободу и независимость нашей страны. Фашистское зверье уничтожено в собственном логове! Но если в Европе война прекратилась, то в Азии она продолжается. На огромных просторах еще идет битва. Японские милитаристы с фанатичным упорством продолжают сопротивляться объединенным силам США и Англии. Мир на земле невозможен без разгрома японского империализма...

Парторг не говорил о том, что предстоит схватка с японцами, однако летчики это знали. Уже весной в ВВС ТОФ начался новый этап боевой подготовки — на первый план ставилась отработка задач наступательного характера. Большое внимание уделялось организации взаимодействия авиации и кораблей флота при высадке морских десантов, а также действиям против конвоев. Да и летно-тактические учения проводились все чаще и чаще.

Однополчане интересовались: что собой представляет Япония? Иван подбирал необходимую литературу. Постепенно сложилась лекция «О японской нации и японском империализме», читать которую пришлось не раз. Доходчивый рассказ парторга о самобытной истории Японии находил живой отклик у слушателей.

Говорил парторг и о японском милитаризме. В августе 1945

года военная машина Японии, нацеленная на агрессию, была весьма внушительной: 7 миллионов 200 тысяч человек под ружьем, 109 боевых кораблей, в том числе 58 подводных лодок. Плюс к этому более трех тысяч сверхмалых подводных лодок и управляемых человеко-торпед. В японских военно-воздушных силах каждый второй экипаж комплектовался летчиками-смертниками. Милитаристская верхушка Японии трубила о своем намерении «любыми средствами выиграть войну».

Конечно, Иван Изосимович Маслин не располагал такими детальными данными — многое стало известно по завершении второй мировой войны,— но он умело анализировал то, что накопил в своих папках, и готов был ответить на вопросы слушателей.

...Утром 9 августа в ангаре 48-го Отдельного морского авиационного полка был собран митинг. Его открыл замполит майор Карпов. Он сообщил, что вчера в 17 часов по московскому времени посол Японии был приглашен в МИД СССР и ему было сделано заявление для передачи японскому правительству. Майор зачитал текст этого заявления, где говорилось, что «после разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны». Майор сообщил, что с 9 августа 1945 года СССР находится в состоянии войны с Японией, и закончил выступление словами:

— Советский Союз преследует только одну цель — разгромить военную мощь противника — и не собирается обрушивать тяготы военных действий на японский народ.

Затем взял слово секретарь партийной организации эскадрильи Маслин:

— Товарищи, наступил день, когда японские империалисты должны платить по историческому счету. Нужно их раз и навсегда отучить от привычки зариться на чужое. Наш первый удар по японской военщине должен показать, что мы в полной мере постигли искусство воевать!

В тот день погода стояла ненастная, поэтому авиация, базирующаяся на грунтовых аэродромах, действовать не могла. 48-му ОМРАП * было дано задание тремя одиночными экипажами бомбить японский порт Эсуторо. Друзья вышли провожать счастливцев. Им откровенно завидовали — еще бы: первыми вступят в схватку с неприятелем!

Когда три летающие лодки одна за другой ушли в ночную мглу, все остались ждать возвращения товарищей с первого боевого вылета. Экипажи благополучно вернулись и сразу стали готовиться к повторному вылету... И побежали горячие денечки.

---

* Отдельный морской разведывательный авиационный полк.

Первый раз на задание парторг вылетел ночью 10 августа — для воздушной разведки береговой черты Южного Сахалина, где располагались японцы. Все прошло благополучно. У японцев было тихо. В одном месте, правда, гидросамолет попал в перекрестье мертвенно-белых лучей прожекторов. Но летчики сумели вырвать машину из их цепких объятий.

После семи вылетов лейтенанту Маслину пришлось осваивать новую материальную часть: сложное хозяйство гидросамолета-амфибии. И вот на этом новом самолете ему суждено было встретиться с противником в довольно необычной обстановке.

27 августа эскадрилья получила очередное задание: высадить десантников на остров Итуруп, захватить там японский аэродром и удерживать. Однако погода — низкая облачность — не позволила пробиться ни одному из трех посланных экипажей. Тогда командир эскадрильи обратился к парторгу Маслину:

— Иван Изосимович! Среди наших штурманов ты один из опытных — слетай с экипажем Дворянского, может, удастся пробиться! По возможности в драку с японцами не лезьте, если представится случай — предложите им капитуляцию.

Самолет-амфибия стоял на гидроспуске с прогретыми моторами, когда к нему на «газике» командира полка подъехал Маслин. Место себе выбрал в кабине бомбардира, благо, она была просторной.

Облачность, нижний край которой держался на высотах от двухсот до четырехсот метров, не давала нашему самолету сразу выйти к аэродрому. Только с третьего захода машина, пробив облака, оказалась точно над узкой частью — перешейком острова, прямо над аэродромом. Лейтенант успел заметить, что под ними две полосы, пересекающиеся в виде буквы Х. Одна полностью забита техникой, другая лишь отчасти. Дворянский посадил самолет с ювелирной точностью, едва не задев колесами автомашину, стоявшую в начале полосы. Десантники-автоматчики мигом покинули самолет и заняли японские траншеи и землянку, к счастью, оказавшиеся пустыми. Командир сумел развернуться, чтобы иметь возможность в случае чего взлететь.

Члены экипажа сидели в машине, прильнув к пулеметам: они знали, что на острове несколько тысяч японцев. Кто угадает, что взбредет им на ум? О коварстве противника все были достаточно наслышаны. Когда Дворянский выключил моторы, в самолете воцарилась зловещая тишина. Казалось, на машину наведены жерла орудий и пулеметные стволы, которые вот-вот заговорят.

Прошел час, другой. Никого не видно. Успели произвести разведку. Оказалось, неподалеку закрепились моряки-десантники, высаженные одним из наших кораблей, чтобы подготовить плацдарм для большого десанта.

Вдруг на полосе показался грузовой автомобиль, над ним развевалось большое белое полотнище.

Маслин предупредил пилота:

— Командир! Возможна провокация. Нужна выдержка.

— Хорошо! — Дворянский передал по переговорному устройству: — Экипаж! Без команды огня не открывать!

— Ясно, командир! — ответили пулеметчики.

В десяти шагах от самолета грузовик остановился. Из кабины вышел офицер, из кузова ему протянули белый флаг. Следом на землю спрыгнули два сержанта и встали позади.

На хорошем английском языке японец произнес:

— Кто вы такие и зачем сюда прибыли?

Вел он себя довольно высокомерно.

— Мы представители советского командования и уполномочены принять капитуляцию гарнизона острова. Всем сдавшимся гарантируем жизнь, питание и медицинскую помощь. Советское командование не желает кровопролития...

Японец не выслушал лейтенанта до конца:

— Мы сдадимся только тогда, когда нам прикажет император!

Маслин возразил:

— По токийскому радио выступил император и объявил, что Япония принимает Потсдамскую декларацию. Таким образом, война для Японии уже закончилась.

— У нас нет приказа о капитуляции! Но если он будет, мы хотели бы узнать ее условия!

— Вы должны капитулировать без каких бы то ни было условий. Могу добавить, что с этого острова не уйдет ни один ваш солдат. Все морские коммуникации перерезаны, а в воздухе только советские самолеты.

— Без приказа мы капитулировать не будем! — решительно произнес офицер и повернулся к грузовику.

Через минуту машина, выпустив облачко синего дыма, умчалась по взлетной полосе.

— Неспроста все это! По всей вероятности, приезжал для разведки. Давай, командир, сообщим на Большую землю об этом «дипломатическом» визите.

«Земля» ответила незамедлительно: «Переговоры продолжайте, как только позволит погода, пришлем подкрепление. Аэродром удерживайте».

Томительно тянулись минуты, очень и очень медленно складываясь в часы. Снова убийственная тишина, готовая в любой момент расколоться грохотом орудийных залпов и треском пулеметных очередей. Закусили «неприкосновенным запасом» раз, другой. Пошли вторые сутки ожидания. Как назло, все небо затянуто серой ватой облаков — на помощь рассчитывать было нечего.

Очень хотелось спать, но расслабляться нельзя — японцы могут в любой момент напасть на самолет. Измученный экипаж ждал дальнейших событий. Снова на полосе показался грузовичок под белым флагом. Приехал тот же самый офицер. Вид у него уже был не такой заносчивый, как при первом визите.

Ничего нового парламентер не сказал, вероятно, хотел выведать планы советского командования. Перебросившись с Маслиным по-английски несколькими ничего не значащими фразами, японец укатил восвояси.

И опять томительно потянулось время. Экипаж не покидал самолета, готовый в любую минуту открыть огонь. Парторг постоянно напоминал, что необходимо сохранять выдержку и не дать японцам повода для провокации. Наверняка среди них найдутся фанатики, которые могут ценой собственной гибели попытаться предотвратить капитуляцию.

На третьи сутки, измотанные бессонницей, летчики стали испытывать еще и муки голода. Проблема водоснабжения разрешилась проще: метрах в двухстах от аэродрома десантники обнаружили источник...

На четвертые сутки утром парторг принял решение:

— Командир, давай вылезать из машины и делать вид, что мы настолько уверены в капитуляции, что не опасаемся возможного нападения. Благо, воды у нас хватает, давай ополоснемся по пояс.

Так и сделали. Первым выскочил Маслин, за ним стрелок-радист Степан Исаенко с бачком воды в руках. Спокойно, не торопясь лейтенант снял флотский китель с золотыми погонами, стянул с себя тельняшку. Холодная вода, казалось, вливала силу, снимая нервное напряжение.

По очереди ополоснулись холодной водицей все члены экипажа.

Минут через десять на полосе снова показался знакомый грузовик.

Японец взял, как говорится, «быка за рога»:

— У нас много больных, нужна медицинская помощь. Мы хотели бы уточнить условия капитуляции.

— Условия капитуляции прежние — никаких условий! — твердо ответил Маслин.

У него с собой была вырезка из газеты за 16 августа с разъяснением Генерального штаба Красной Армии: «1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции.

Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление... 2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить бое-

вые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет выполняться.

Ввиду изложенного Вооруженные Силы Советского Союза будут на Дальнем Востоке продолжать свои наступательные операции против Японии».

Напомнив об этом разъяснении Генштаба, Маслин сказал парламентеру:

— Советское командование надеется, что японские военачальники трезво оценят сложившуюся обстановку и примут решение о капитуляции, не дожидаясь приказа. Если кто-либо пожелает сдаться в плен, так хотя бы им не препятствуйте. Это будет учтено советским командованием.

— Хорошо! Я передам это своим командирам.

Обращение возымело действие. На следующий день в дальнем конце аэродрома сложили оружие первые четыре тысячи японцев, однако остальные тринадцать тысяч пока не собирались сдаваться. Между противными сторонами установилось нечто вроде вооруженного нейтралитета. Никто не стрелял и не пытался проникнуть в чужое расположение. Так прошло еще трое суток, пока не прибыл основной десант, и японцы окончательно капитулировали.

Уже в полку каждому из членов экипажа была вручена красочная листовка, выпущенная политотделом Северной Тихоокеанской флотилии под заголовком «Слава летчикам 48-го ордена Красного Знамени полка!», посвященная их подвигу. В течение недели летчики во главе с парторгом находились в окружении превосходящих сил неприятеля и с честью выполнили поставленную перед ними задачу.

А полк за время их «вынужденного сидения» на Итурупе стал Краснознаменным — за боевые дела. За этот подвиг Маслина наградили орденом Красной Звезды.

3 сентября 1945 года Президиум Верховного Совета СССР объявил днем всенародного торжества — праздником Победы над милитаристской Японией. В ознаменование этого события Москва салютовала 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

Этот радостный день Маслин встречал с боевыми товарищами.

На душе у парторга было радостно — он чувствовал, что в этом всенародном торжестве есть частичка его труда и что свой долг коммуниста он выполнил с честью, приближал Победу как мог.

СОДЕРЖАНИЕ

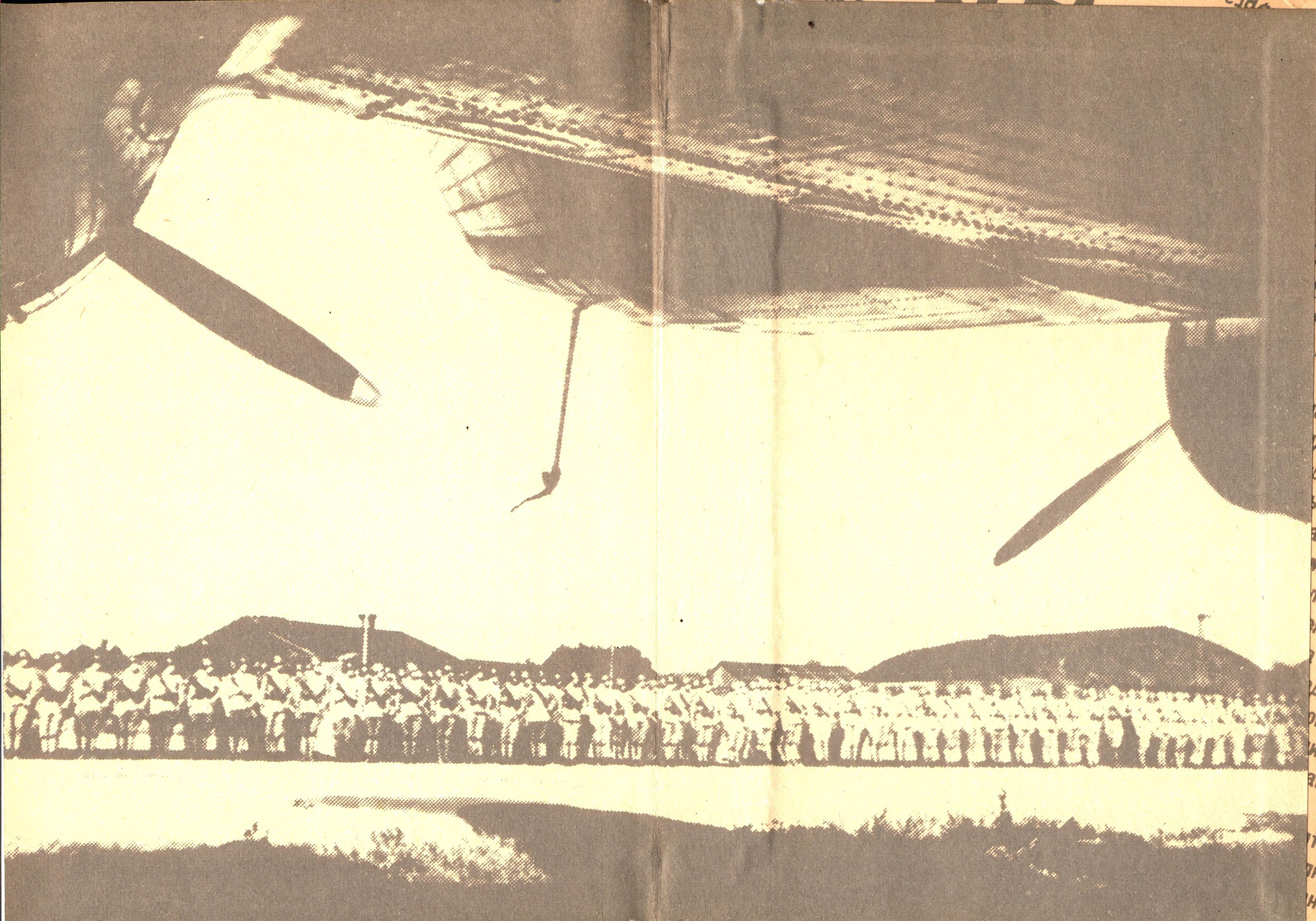
КОМИССАРЫ
НА ЛИНИИ ОГНЯ.
1941 — 1945.
В небе.

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редактор *Н. Б. Чунакова*
Младший редактор *А. В. Горенков*
Художник *Ю. Н. Маркаров*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технические редакторы *Е. В. Васильевская, О. В. Лукоянова*

ИБ № 4542
Сдано в набор 16.07.84. Подписано в печать 20.12.84. А 00233.
Формат $60 \times 84^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,46. Усл. кр.-отт. 22,79. Уч. изд. л. 23,66. Тираж 200 тыс. экз.
Заказ № 4702. Цена 1 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

1 р. 10 к.

№ 110 (9881)
...нтрального Комитета и МК ВКП(б).
Среда, 9 мая 1945 г.
ЦЕНА 20 КОП.

Ве...
наро...
побе...
Да зд...
ПРАЗ...

Подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил

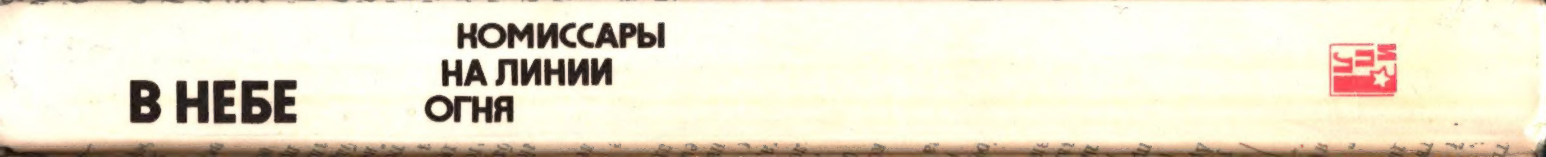
Акт о военной капитуляции

...ы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Коман-
...оглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил
...море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под
...мандованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и од-
...рховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

...кое Верховное Командование немедленно издаст приказы всем не-
...ющим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам,
...германским командованием, прекратить военные действия в 23-01
...европейскому времени 8-го мая 1945 года, остаться на своих
...дятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их
...щество местным союзным командующим или офицерам, выде-
...и Союзного Верховного Командования, не разрушать и не при-
...ений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпу-
...акже машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще
...вам ведения войны.

...е Командование немедленно выделит соответствую-
...выполнение всех дальнейших приказов, изданных
...м Красной Армии и Верховным Командованием
...я препятствием к замене его
...енным об'единенным
...им вооружен...

дол...
боёв...
крупн...
УЦ—
немцев...
В боя...
отличил...
РОЧКИН...
КО, генер...
лейтенанта...
ГОНЧАРОВ...
ЕВА, генерал...
майора БРИЛ...
ДЕЕВА, генерал...
майора ТЕРТЫ...
ОЗИМИНА, ген...
нерал-лейтенанта...
рал-лейтенанта Б...
ора БУШЕВА, ген...
генерал-майора ШМ...
генерал-майора ЖУ...
та МЕДВЕДЕВ...
ДОВА, бл...
нера...

В НЕБЕ
КОМИССАРЫ НА ЛИНИИ ОГНЯ
ИПЛ